

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025 Том 29 № 3

Специальная тема номера: «МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО»

DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-3

<http://journals.rudn.ru/law>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ No ФС 77-61218 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Ястребов Олег Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
РУДН, г. Москва, Российская Федерация.
Руководство производством журнала,
техническое и организационное
обеспечение, формирование редакционной
политики, взаимодействие и контакты
с партнерами и официальными структурами.
E-mail: yastreb-ov-ol@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Власенко Николай Александрович,
доктор юридических наук,
профессор, РУДН, г. Москва,
Российская Федерация.
Научная политика, организация
отбора статей, качество
публикуемых материалов,
формирование выпусков.
E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Ответственный секретарь

Никитина Валентина Сергеевна,
кандидат юридических наук, РУДН,
г. Москва, Российская Федерация.
Переписка с авторами,
документооборот журнала,
информационная инфраструктура
журнала, организация
рецензирования материалов.
E-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Абашидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Андреева Полина Николаевна, кандидат юридических наук, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Байдельдинов Даулет Лаикович, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Бекбаев Ерзат Зейнуллаевич, доктор юридических наук, профессор, Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан

Варламова Наталья Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Васильева Татьяна Андреевна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский университет, г. Ереван, Армения

Джансараева Рима Еренатовна, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Еремян Виталий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Клишас Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Либенберг Сандра, доктор права, профессор, Стелленбосский университет, г. Стелленбос, Южно-Африканская Республика

Нематов Акмал Рауфджонович, доктор юридических наук, доцент, Национальная академия наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Немытина Марина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Панагиотопулос Димитриос, доктор права, профессор, Афинский университет, г. Афины, Греция

Почкаев Роман Олегович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Петробоно Алессандра, доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, г. Падуя, Италия

Робинсон Николас, доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки

Тимошина Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online)

Периодичность: ежеквартально

Языки публикаций: русский, английский.

Журнал индексируется в РИНЦ, *Russian Science Citation Index (RSCI)*, *Единый государственный перечень научных изданий (Белый список)*, *перечень ВАК*, *Google Scholar*, *Ulrich's Periodicals Directory*, *WorldCat*, *Cyberleninka*, *DOAJ*, *Dimensions*, *ResearchBib*, *Lens*, *Research4Life*, *JournalTOCs*

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» – периодическое научное издание, посвященное фундаментальным и отраслевым исследованиям в области права.

В журнале публикуются материалы, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности – научные статьи, рецензии на монографии и учебные издания, обзоры научных мероприятий и законодательства, анонсы новой научной литературы и другое.

Цели и задачи журнала:

- публиковать результаты оригинальных научных исследований по проблемам развития государства и права в современном мире;
- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными учеными-правоведами, специалистами, включая представителей смежных областей;
- знакомить читателей с новейшими направлениями исследований в области правовой науки как в России, так и за рубежом, их практической реализацией;
- публиковать результаты научных исследований по проблемам междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие права, экономики, политики, культуры, коммуникаций и др.;
- содействовать изучению особенностей правовых систем различными социокультурными общностями, включая студенческую молодежь.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем, в том числе по тематикам, соответствующим специальностям ВАК РФ: 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки).

Материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании. Политика журнала базируется на соблюдении норм научной этики.

Материалы для опубликования принимаются через онлайн-систему: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/law>

Редакторы *К.П. Перегудова, К.В. Зенкин*

Редактор-переводчик *В.В. Степанова*

Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*

Адрес редакции:

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +(495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Подписано в печать 20.09.2025. Выход в свет 30.09.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,08. Тираж 500 экз. Заказ 1265. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LAW

2025 VOLUME 29 No. 3

Special Theme of the Issue: "INTERNATIONAL LAW. FOREIGN LAW"

DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-3

<http://journals.rudn.ru/law>

Founded in 1997

**Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA**

Editor-in-Chief

Oleg A. Yastrebov,

Doctor of Legal Sciences, Professor;
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal production management,
technical and organisational support,
formation of editorial policy,
engagement and communication with
partners and official structures.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay A. Vlasenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Scientific policy, organisation
of articles selection,
quality of published materials,
formation of issues.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Executive Secretary

Valentina S. Nikitina,

Candidate of Legal Sciences,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal records management,
document circulation, information
infrastructure of the journal,
organization of reviewing materials.

E-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Editorial Board

Aslan Kh. Abashidze, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Polina N. Andreeva, Candidate of Legal Sciences, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Daulet L. Baideldinov, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Erzat Z. Bekbaev, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Eurasian Law Academy named after D.A. Kunayev, Almaty, Republic of Kazakhstan

Natalia V. Varlamova, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey V. Gabov, Doctor of Legal Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Artur S. Gambaryan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

Rima Y. Dzhanarayeva, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Andrey A. Klishas, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Sandra Liebenberg, LL.D. (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa

Akmal R. Nematov, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

Marina V. Nemytina, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Athens, Greece

Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Alessandra Pietrobbon, PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Padova, Italy

Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, New York, USA

Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online)

Frequency: Quarterly

Publication languages: Russian, English

The Journal is indexed: *Russian Index of Science Citation, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life, JournalTOCs*

Aims and Scope

RUDN Journal of Law is a scientific periodical devoted to fundamental and sectoral studies in the field of law.

RUDN Journal of Law publishes materials that meet the requirements of scientific novelty and relevance – scientific articles, reviews on monographs and educational publications, reviews on scientific events and legislation, announcements of new scientific literature, and others.

The goals and objectives of the journal are as follows:

- to publish the results of original scientific research on the development of state and law in the modern world,
- to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign legal scholars and specialists, including representatives of related fields,
- to acquaint readers with the latest areas of research in the field of legal science, including their practical implementation, both in Russia and abroad,
- to publish the results of scientific research on interdisciplinary issues that reveal the interaction of law, economics, politics, culture, communications, etc.,
- to promote the study of legal systems peculiarities by various socio-cultural communities, including student youth.

The materials shall be based on modern methodology of legal science, contain doctrinal approaches, reflect the latest trends in legislation and law enforcement practice in Russia and foreign countries, as well as international legal regulation. The policy of the journal is built upon compliance with the norms of scientific ethics.

The submission of the manuscripts is operated through an online system: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/law>.

Editors K.P. Peregodova, K.V. Zenkin

Editor-translator V.V. Stepanova

Computer design N.A. Yasko

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +(495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@pfur.ru

Printing run 500 copies. Non-fixed price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Власенко Н.А.** Отклоняющееся государство: отечественная и зарубежная практика 601
- Цзя Шаосюе.** Путь мирного развития Китая и перспектив развития международного права в условиях изменившегося международного ландшафта 622
- Каприна С.О.** Зарубежный опыт стран-участниц БРИКС по правовому регулированию функционирования публичной власти в сфере здравоохранения: на примере Федеративной Республики Бразилия 637
- Трикоз Е.Н., Гуляева Е.Е., Бразил Д.** Регламентация прав животных и концепция «многовидовой семьи» в странах Латинской Америки 651

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- Клишас А.А.** Отраслевое ампаро в конституционном процессе: на примере Испании и Латинской Америки 668
- Василевич С.Г.** Экстраординарные и иные юридические меры по разрешению конфликта между высшими органами государственной власти Республики Беларусь 677
- Комлев Е.Ю., Руиз О.А.** Правовое регулирование межмуниципального сотрудничества в Аргентине в контексте муниципальной политической автономии 693

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- Ду Тао, Чжао Чэньтин.** Арбитраж ad hoc в Китае: эволюция, правовые дилеммы и перспективы развития 713
- Ekaterina P. Rusakova, Tatyana A. Chernysheva.** Virtual arbitration and mediation in Rwanda and Republic of South Africa: Challenges, opportunities, and implications for African jurisdictions and international cooperation 733

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- Белкин Д.С.** Совместимость международных и национальных стандартов строительных контрактов: опыт внедрения и правовые перспективы 747
- Байрашев В.Р.** Международно-правовые и национально-правовые аспекты регулирования стандартизации в государственных закупках 769

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

- Сырых В.М.** Профессору Николаю Александровичу Власенко – 70 лет. Поздравляем с юбилеем! 787
- Абашидзе А.Х., Черных И.А.** Обзор XXI Международного конгресса «Блищенковские чтения» 797
- Никитина В.С., Мгеладзе В.З.** Право на пути к устойчивому развитию: обзор Международной научной конференции студентов и молодых ученых, 19 апреля 2025 г. 805

CONTENTS

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD

Nikolai A. Vlasenko. Deviant State: Domestic and Foreign Practices 601

Jia Shaoxue. The path of China’s peaceful development and its implications for international law in a shifting international landscape 622

Sophia O. Kaprina. BRICS legal practices in regulating public authorities in healthcare: Insights from Brazil 637

Elena N. Trikoz, Deilton R. Brasil, Elena E. Gulyaeva. Animal Rights Regulation and the Concept of the “Multispecies Family” in Latin American Countries 651

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

Andrey A. Klishas. Sectoral amparo in the constitutional process: Insights from Spain and Latin America 668

Sergey G. Vasilevich. Extraordinary and legal measures to address conflicts among the highest state authorities of the Republic of Belarus 677

Evgeny Y. Komlev, Omar A. Ruiz. Inter-municipal cooperation and municipal political autonomy in Argentina: Legal framework and practice 693

CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

Du Tao, Zhao Chenting. Ad hoc arbitration in China: Development, legal issues, and future perspectives 713

Ekaterina P. Rusakova, Tatyana A. Chernysheva. Virtual arbitration and mediation in Rwanda and Republic of South Africa: Challenges, opportunities, and implications for African jurisdictions and international cooperation 733

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Dmitry S. Belkin. Integration of International and National Standards in construction contracts: Implementation challenges and legal perspectives 747

Vitaly R. Bayrashev. International and national legal aspects of standardization in public procurement 769

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

Vladimir M. Syrykh. Professor Nikolai A. Vlasenko turns 70: Congratulations on the Jubilee! 787

Aslan Kh. Abashidze, Irina A. Chernykh. Review of the 21st International Congress “Blischenko Readings” 797

Valentina S. Nikitina, Valeriia Z. Mgeladze. The right to Sustainable development: Review of the International Scientific Conference for Students and Young Scientists, April 19, 2025 805

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-601-621>

EDN: АЕНКBF

Научная статья / Research Article

Отклоняющееся государство: отечественная и зарубежная практика

Н.А. Власенко

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

 nikolai_vlasenko@mail.ru

Аннотация. Поставлена задача исследовать оптимальную, здоровую государственность для общества, всех слоев населения. Речь идет об уровне жизни людей, обеспечении гарантий прав и свобод граждан, а также перспективы их развития. Автор отмечает, что правоведение очень слабо, где-то фрагментарно изучает так называемые промахи государства, неэффективную политику, провалы отдельных реформ и программ и др. Аристотель в своей книге «Политика» назвал эти явления отклонением в общественном развитии и ввел в научный оборот понятие «отклоняющееся государство». Вслед за Аристотелем проводится идея о том, что оптимальное государство – это ситуация, когда население, все его составляющие относительно довольны своей жизнью, ее условиями. В противном случае государство нужно считать слабым, малоэффективным или вообще неэффективным. По мнению Аристотеля, отклонение – это наихудший вред для общества. Государственная власть должна стремиться к добродетели и счастью, что требует немалых усилий со стороны структур государства и самого общества. К «вечным» болезням общества относятся непроизводительная экономика, низкий уровень рождаемости, алкоголизм, отсутствие достойного пенсионного обеспечения, отсутствие жилищных условий, плохая экология. Принимаемые государством меры для решения этих проблем либо недостаточны (часто в силу затратности), либо неэффективны по причине отсутствия достойных программ, надлежащей организации, заинтересованности должностных лиц и чиновников. Решению создания здорового и эффективного государства часто противостоят деформация в разделении государственной власти, кризис парламентаризма, утрата самостоятельности судебной власти, международные конфликты, отсутствие качественного местного самоуправления. Номинальная федерация в федеративных государствах также не способствует борьбе за качество жизни населения и отклонениями в механизме государства. Попирание религиозных конфессий со стороны государства, его структур – немаловажная составляющая в деле оценки уровня отклонения государства. Результатом неэффективных решений государства относительно противостояния или лечения «вечных» болезней общества, а также

© Власенко Н.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

внутренних разрушений государственного механизма являются формирование отчужденного государства, деформации в социальной и политической системах, расцвет коррупции. Отчужденное государство представлено как социальное и политическое образование, существующее само по себе и для себя. Однако констатируется, что государство – продукт общества, создано для общества, его структур и всецело ему обязано. Отклоняющееся государство само способствует росту отчуждения населения от государственной и муниципальной власти. Общесоциальное, политическое, юридическое отчуждение наиболее опасно для перспектив общества. Ставится проблема разумного устройства государства, о которой писал еще Гегель. Разумное устройство государственности создает определенное политическое уменстроение, благодаря которому «разумное» становится внутренним, субъективным содержанием индивидуумов. На таком обществе должно покоиться государство.

Ключевые слова: отклонения, аномия, государство, государственная власть, отчужденное государство, Аристотель, Политика Аристотеля, коррупция

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 27 мая 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2025 г.

Для цитирования:

Власенко Н.А. Отклоняющееся государство: отечественная и зарубежная практика // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 3. С. 601–621. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-601-621>

Deviant State: Domestic and Foreign Practices

Nikolai A. Vlasenko

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 nikolai_vlasenko@mail.ru

Abstract. The task is to explore the optimal, healthy statehood for society and all its social strata. The focus lies on people's standard of living, the protection of citizens' rights and freedoms, and the prospects for their development. The author notes that legal science studies the so-called failures of the state – such as ineffective policies and shortcomings of individual reforms and programs – only weakly and in fragments. Aristotle, in his book *Politics*, referred to these phenomena as deviations in social development and introduced the concept of the “deviant state” into scientific discourse. Following Aristotle, the idea is advanced that the optimal state is one in which the population – all its components – is relatively satisfied with their lives and conditions. Otherwise, the state should be considered weak, effective, or even entirely dysfunctional. According to Aristotle, deviation is the greatest harm to society. State power should strive for virtue and happiness, which requires significant effort from both government structures and society itself. The “eternal” ailments of society include an unproductive economy, low birth rates, alcoholism, inadequate pension provision, insufficient housing, and poor environmental conditions. State measures to address these problems are often insufficient – frequently due to their cost – or ineffective because of the absence of proper programs, poor organization, and the lack of interest among officials and bureaucrats. Efforts to create a healthy and effective state are often hindered by distortions in the separation of government powers, a crisis of parliamentarism, loss of judicial independence, international conflicts, and the absence of quality local self-government. In federal states, nominal federalism also fails to improve the population's quality of life or address deviations in the state mechanism. The suppression of religious denominations by the state and its structures is another significant factor in assessing the level of state deviation. The result of ineffective state decisions in confronting society's “eternal” ailments, along with internal breakdowns within the state mechanism, is

the emergence of an alienated state and destorshions in social and political systems, accompanied by the flourishing of corruption. The alienated state is depicted as a social and political entity that exists by itself rather than for society. However, it is recognized that the state is a product of society, created for society and its structures, and is wholly accountable to it. A deviant state contributes to the growing alienation of the population from state and municipal authorities. Social, political, and legal alienation pose the greatest danger to society's prospects. The problem of rational state organization, as addressed by Hegel, is raised. A rational structure of statehood forms a political mindset whereby the "rational" becomes the inner, subjective content of individuals. The state should be founded upon such a society.

Key words: deviations, anomie, state, state power, alienated state, Aristotle, Politic by Aristotle, corruption

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 27th May 2025

Accepted: 15th July 2025

For citation:

Vlasenko, N.A. (2025) Deviant State: Domestic and Foreign Practices. *RUDN Journal of Law*. 29 (3), 601–621. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-601-621>

Благоразумие состоит в том, чтобы не разрушать расположение других и сохранять его ради него самого.

Гегель

Вместо введения, или О здоровой государственности

Эффективное государство – это ситуация, когда население относительно довольно своей жизнью, ее условиями. Здесь на первый план выходят оценка уровня жизни, гарантии прав граждан и возможность их развития. В этой ситуации следует обратиться к учению Аристотеля о государстве, который поставил знак равенства между государством и общением, полагая, что государственность – *добродетель* для человека, некий феномен, обслуживающий все слои населения. Основываясь на сказанном, приходим к выводу, что реальное государство ученому виделось как эффективный организм, гармоничный и надежный помощник людям. Обратим внимание и на качество добродетели в общественных делах, на которую указывает Аристотель: «... где добродетель не ценится выше всего, там не может быть прочного аристократического государственного устройства» (Aristotle, 1984:439).

Сильное государство предполагает отсутствие отчужденности и закрытости государства, минимум военных конфликтов и наличие сильной армии, реальность полномочий и функций всех механизмов государственности и недопустимость абсолютизации и доминирования какой-либо из ветвей власти, реальность экологизации производства и жизни граждан. Как видно, это важнейшие составляющие здоровой государственности. Однако их перечень может быть продолжен.

Идея Аристотеля об отклоняющейся государственности

Прежде чем характеризовать неэффективное государство, где-то кризисное, его слабые стороны, в том числе провалы в деле лечения «вечных болезней», следует обратиться к учению Аристотеля, гениальному методологу. Его видение существа государства (понимание какое оно должно быть и чем опасны *отклонения*;

последствия несовершенства его элементов и коррупция; и др.) – всегда были актуальны. Принципиально важно: отношение Аристотеля к случаям, выражаясь современным языком, не оптимального устройства государственной власти, неэффективного управления и злоупотребления властью. Философ такие ситуации предвидел и называл это *отклонением* и *наихудшим вредом*.

Обратим внимание, что через всю книгу «Политика» проходит мысль об «отклонениях» в реализации государством власти.

Аристотель подчеркивает значение в государственном механизме законосовещательной власти; в этой связи узурпация ее функций (при отклонении) – наихудший вред для государства.

Великий мыслитель анализирует такие формы государственного устройства, как олигархия, тирания и демократия, указывает на разные примеры отклонения, скажем, при распределении судебных дел, избрании правителей, формирующейся корыстолюбивости государства, а также отсутствие у государства такой цели как добродетель. К отклонению в государственности, устройстве законосовещательной власти Аристотель относит и тот факт, когда «один и тот же человек и на флейте играл, и сапоги тачал» (Vlasenko, 2021:479–505).

В связи со сказанным, как не задаться вопросом об оптимальности государства по Аристотелю? И каков критерий эффективности государственности, ее механизмов? Этот вопрос беспокоил Аристотеля, и он отвечал на него. Речь идет о его суждениях устроенности государственной жизни у карфагенян. «Доказательством слаженности государственного устройства, – указывает мыслитель, – служит уже то, что сам народ добровольно поддерживает существующие порядки, и что там не было ни заслуживающих упоминания смут, ни тирании» (Aristotle, 1984:437).

Подытожим. Великий Аристотель, заложивший основы учения о государстве, предложил следующий подход: рассматривать государство с позиции *целостной общности, образованной общением*. В этой связи Аристотель красной нитью проводит мысль о связи *добродетели* и *государства*, *счастья* и *государства* (Aristotle, 1984:439). Однако он не утопист; он прекрасно понимает, что это цели, достижение которых требует немалых усилий общества, самого государства, его структур. И здесь появляется идея отклоняющихся государств (Vlasenko, 2021:482–486; Vlasenko, 2024: 63–66).

«Вечные болезни» общества и промахи государства

Экономика. Социальный сектор

Качество государственности – это, по существу, качество жизни его граждан. Прежде, по мере возможности, охарактеризуем общее состояние экономики, а также связанную с ней социальную ситуацию. Кроме того, попытаемся выделить сферы, где государство не решило проблемы, осталось бессильным, какие болезни для государства и общества, образно говоря, «вечные»¹. По свидетельствам СМИ, современная российская экономика в целом, несмотря на все трудности, подошла более-менее подготовленной и к 2022 и к 2023 гг. Об итогах 2024 г. в полной мере можно судить по данным, приведенным в Российской газете. Речь идет о статистических

¹ Выделяются «ключевые проблемы», необходимые для решения государством (Doinikov, 2024:4–15); далее исследователи более конкретны и обосновывают «фундаментальные угрозы» для России (аномия, деградация культуры, деградация системы власти и управления и др.) (Doinikov, 2024:34–38).

данных «Основные показатели социально-экономического положения субъектов РФ в 2024 году»². Динамика такая: в 2022 г. показатели российской экономики упали на 2,1 %, а в 2023 г. показатели были существенно улучшены на 3,5 %, и это в условиях беспрецедентных санкций³; 2024 г. свидетельствует о стабильности основных отраслей хозяйства.

Однако тревожит пример планового сокращения расходов (на 10 %) в 2023 г., но оно, как оговаривает Минфин, не затронет соцобязательств; кроме того, было запланировано перераспределение внутри бюджета в рамках 450 млрд руб. Статистические данные, доклад Минфина РФ в Совете Федерации, как считают эксперты, не вселяют надежду не только на процветание граждан России, но элементарное благополучие⁴.

Счетная палата РФ опубликовала результаты проверки воздушного, наземного и водного транспорта в России. С начала прошлого года транспортные услуги в стране заметно подорожали. А цены на внутренние авиаперелеты поднялись почти на 30 %⁵. Но причины такого аномального подорожания Счетная палата не анализирует, поскольку это напрямую не связано с исполнением бюджетных расходов, отмечает «Независимая газета».

Росстат зафиксировал в конце июня 2024 г. самый высокий недельный темп роста потребительских цен. Но этот инфляционный рекорд будет побит уже в ближайшие дни после увеличения тарифов на электроэнергию, газ, транспорт, водоснабжение и другие монопольные услуги⁶.

Между тем, необходимо учитывать мировые экономические показатели в 2024 г. Эксперты ООН, данные Всемирного экономического форума (ВЭФ) в Давосе говорят о надвигающемся замедлении экономического роста в мире. Об этом заявил ЦБ РФ летом 2023 г.⁷ М. Сергеев проанализировал мировую экономику и опубликовал свои данные под названием «Рост мировой экономики превращается в спад»⁸.

Но это краткий обзор экономического развития в целом, а какова же социальная ситуация? Так вот, по официальным данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 39 % респондентов готовы урезать расходы на отдых и развлечения; перераспределяют бюджет в пользу покупки еды 36 % респондентов, а 16 % сокращают расходы на продукты. От дорогостоящих услуг, в том числе на лечение и образование, отказываются 21 % респондентов; 9 % – продают или готовы продать недвижимость, которой не пользуются, для решения бытовых и иных проблем⁹. Здесь важно отметить и такой факт: долги потребителей коммунальных услуг составляют примерно триллион рублей¹⁰.

² См.: Российская газета. 2025. 3 апреля. № 9613.

³ Свинова Е. Ручное управление // Российская газета. 2023. 27 декабря. № 294 (9239).

⁴ Башкатова А. В Минфине считают, что попали в «безнадежную ситуацию» // Независимая газета. 2023. 19 июля.

⁵ Сергеев М. Цена авиаперелета внутри страны выросла более чем на 30% с начала прошлого года // Независимая газета. 2024. 25 июля.

⁶ Подробнее см.: Сергеев М. Рост цен ускоряется накануне резкого повышения тарифов // Независимая газета. 2024. 28 июля.

⁷ Сергеев М. «Черный лебедь» для банковских расчетов прилетел из Турции // Независимая газета. 2024. 17 января.

⁸ Независимая газета. 2025. 4 апр.

⁹ Россияне все глубже погружаются в режим экономии. Редакционная статья // Независимая газета. 2023. 20 июля.

¹⁰ Долги потребителей коммунальных услуг приближаются к триллиону рублей // Независимая газета. 2023. 20 июля.

Ю.А. Тихомиров в этой связи отмечает, что все это формирует мощнейший антагонизм, связанный с колоссальным имущественным неравенством, социальным расслоением и несправедливостью, тотальной коррупцией и всеобщей криминализацией экономических институтов (Tikhomirov, 2021:116–117).

Экономисты РАН опубликовали программную статью о перспективах России к 2035 г. и предложили ряд рецептов роста экономики не ниже 3,5 % в год. Что, по мнению ученых, необходимо для решения этой проблемы – уровень покрытия сетью автомобильных дорог и уровень подвижности населения, уровень жилищной обеспеченности населения, уровень обеспеченности россиян легковыми автомобилями, деньги и «государственная мудрость», эффективная налоговая система, прямые инвестиции и др.

В социальной сфере, а точнее в нашей повседневной жизни немало нерешенных бытовых проблем, которые, быть может, покажутся мелкими, непринципиальными, но из них и состоят не только комфорт существования, но вообще условие бытия. Приведем пример. Зима 2023–2024 гг., в отличие от зимы 2024–2025 гг., была на редкость холодной и снежной. СМИ пестрели сводками – без тепла микрорайоны, объекты соцкультбыта, больницы в Подольске, Климовске, Химках, Солнечногорске, Саратове, Мурманской области, Забайкальском крае (Борзе) и др. Во всех случаях удар на себя принимают не только соответствующие коммунальные службы, но и прокуратура, однако, угрозы юридической ответственностью руководителям разных уровней ситуацию существенно не меняют. Специалисты отмечают: в стране отсутствует планово-предупредительный ремонт, а также контроль проводимых работ по подготовке сетей и коммуникаций к зиме¹¹.

В заключение отметим: исследования Института госуправления ВШЭ свидетельствуют о том, что современные работники с учетом инфляции и «долгого периода стагнации доходов населения» хотели бы получать зарплату в два раза больше, а также видеть прозрачность и справедливость системы вознаграждения¹².

Рождаемость

Отвечает ли государство за рождаемость? Несомненно, да. Недаром специалисты сбережения населения, его увеличение рассматривают как основу государственного и правового суверенитета (Zhukov, 2023). Между тем Россия многие десятилетия только утрачивает население, все меры, принятые с целью хоть как-то поправить ситуацию (снижение процентов по ипотеке, земельные льготы и др.), малоэффективны, а порой просто тщетны. Эксперты отмечают, что если еще недавно официальные лица говорили об «эхе войны», «эхе 90-х», т.е. о причинах провала демографической политики, то теперь акценты сместились в проблему доходов молодых семей и в целом уровня жизни населения. Демографы убыль населения называют «фундаментальной проблемой»¹³. В 2022 г., как свидетельствует официальная статистика (Росстат), рождаемость упала на 2 %. В 2023 г. рождаемость, несмотря на индексацию материнского капитала и детских пособий, упала на 3 % по сравнению с показателями 2022 г. Вряд ли улучшилась ситуация в 2024 г. Российские власти

¹¹ Подробнее см.: Куликов С. Отключительные обстоятельства. Почему аварии на коммунальных сетях стали зимней традицией // Аргументы и факты. 2024. № 1–2.

¹² Башкатова А. Российские работники хотят получать в два раза больше // Независимая газета. 2024. 16 декабря.

¹³ Подробнее см.: Рязанов С. На демографическом фронте // Аргументы недели. 2024. 28 августа.

легко могли бы полностью компенсировать все расходы на детей, потратив из бюджета менее одного триллиона рублей в год. Дело в том, что правительство выплачивает российским госбанкам в разы большие суммы за так называемое «обслуживание государственного долга»¹⁴. Одна из причин неэффективной демографической политики, указывают специалисты, – сокращение женщин репродуктивного возраста. Одни стремятся работать, чтобы жить в достатке, другие увлечены карьерой и т.д.¹⁵

Одновременно российские источники сообщают следующее: «В рейтинге ограничений промышленного роста РФ первое место, по версии предприятий, занял дефицит работников». И далее: «На протяжении 2023 года кадровый дефицит был одной из главных тем при обсуждении ситуации на рынке труда»¹⁶. Опубликованы данные Института народохозяйственного прогнозирования (ИНП), согласно которым в конце 2023 г. на нехватку трудовых ресурсов пожаловались около 61 % из 127 опрошенных предприятий реального сектора¹⁷.

Ежедневная деловая газета (РБК) поместила объемный аналитического характера материал, в основе которого прогноз Росстата о динамике населения РФ до 2045 г. Обращают на себя внимание выводы, посвященные естественной убыли населения в ближайшие два десятилетия в Москве и Московской области¹⁸.

Алкоголизм

Историю борьбы государственности с чрезмерным употреблением алкоголя можно с уверенностью назвать вечной. Современная Россия также не в стороне. Минздрав РФ время от времени комментирует или просто ссылается на принятую Правительством России Концепцию сокращения потребления алкоголя на период до 2030 г., где сказано, что главным итогом этой работы должно стать фактическое сокращение потребления алкоголя на душу населения. Чиновники напоминают, что в 2009 г. употребление алкоголя на душу населения составляло 18 литров, к 2021 г. оно снизилось до 8,8 л чистого спирта на душу населения. В этой связи снизились связанные с алкоголем заболеваемости и смертность. Успех России, как отмечает Минздрав РФ, был и замечен, и отмечен на международном уровне¹⁹.

Однако сокращение на 4,7 % водочной продукции и на 3,9 % коньячных за последние годы далеко не свидетельствует о том, что употребление алкоголя уменьшилось. Данные Института социологии РАН говорят в пользу того, что потребление самогона на 15 % стало больше по сравнению с 2012–2013 гг., и оно выросло от 5–10 % в зависимости от региона. «Главная причина, – отмечают эксперты, – увеличения производства самогона – его относительная дешевизна по сравнению

¹⁴ Сергеев М. Затраты на одного ребенка сравнялись со средней зарплатой // Независимая газета. 2023. 23 декабря.

¹⁵ Подробнее см.: Башкатова А. Число рождений в России приблизится к многолетнему минимуму // Независимая газета. 2023. 17 июля.

¹⁶ Экономика столкнулась с особым кадровым дефицитом. Редакционная статья // Независимая газета. 2023. 26 декабря.

¹⁷ Башкатова А. Праздник для работников на рынке труда завершился // Независимая газета. 2024. 18 января.

¹⁸ Виноградова Е. Естественная убыль ударит по столичному региону // РБК. 2024. 31 января.

¹⁹ См.: Сергеев М. В России стали пить больше самогона и меньше водки // Независимая газета. 2024. 15 января.

с ценами алкоголя на полках магазинов». Заметим также, что за последние годы значительно вырос спрос на самогонные аппараты (примерно в 13 раз)²⁰.

Понятно, что силовые меры борьбы с употреблением алкоголя могут угрожать социальной и политической стабильности, о чем свидетельствует опыт СССР. По большому счету государством пока не найден инструмент эффективной борьбы с употреблением алкоголя и с алкоголизмом. Да и вряд ли такие меры можно представить в виде отдельных мероприятий. Алкоголизм – это и образ жизни, и бедность, и многое другое. Здесь отдельными, тем более разовыми мерами проблемы не решить.

Пенсионная нищета. Жилье

Российское государство приняло в 2024 г. целый ряд социальноподдерживающих законов. В первую очередь речь идет о пенсионном законодательстве, в соответствии с которым пенсии проиндексируют на 7,5 %, планируется также снизить уровень инфляции. Какой в целом будет инфляция по итогам 2025 г., пока неизвестно. Следует иметь в виду, что в ближайшее время запланировано повышение коммунальных тарифов примерно на 10 %. К позитиву можно отнести и освобождение пенсионеров от банковских комиссий за коммунальные платежи. Средний размер страховой пенсии по старости должен составить 23 405 руб. Можно поприветствовать повышение МРОТ на 18,5 %, до 19 242 руб. Его устанавливают выше уровня бедности, за чертой которой около 16 млн чел. Повышение МРОТ на несколько тысяч сразу выведет за черту бедности 1,2 млн чел.

Мерам, предусмотренным государством и уже реализованным, можно только порадоваться. Между тем бросается в глаза крохотность сумм социальных выплат и компенсаций, как видно, экономия на всем. Мне уже приходилось писать о богатствах нашей страны и в общем-то нищенском проживании, в первую очередь, неработающего населения. Обижал также и все углубляющийся принцип деления пенсионеров на неработающих и работающих. Соотношение такое: около 32 млн неработающих и свыше 10 млн работающих. В сопоставлении цифра работающих пенсионеров не такая уж большая, чтобы на них экономить. Здесь, как я полагал до недавнего времени, есть над чем поразмышлять ученым юристам, специализирующимся на исследовании Конституции России, пенсионного права и др. Надо понять и другое – многие пенсионеры работают не потому, что не могут расстаться с делом, а потому что не на что будет жить, платить налоги, покупать все дорожающие лекарства и т.д.

Эксперты достаточно сдержанно оценивают итоги пенсионной реформы. За период 2019–2022 гг. пенсионный возраст был повышен с 55 до 57 лет для женщин и с 60 до 62 лет для мужчин; эффект, который ожидало государство – это сбалансирование доходов и расходов пенсионной системы, сохранение уровня пенсий без наращивания объема межбюджетных трансфертов. Сокращение численности пенсионеров, действительно, произошло, однако вероятно это последствие не только пенсионной реформы, но и пандемии коронавируса. Одновременно специалисты отмечают трудовую активность возрастных групп. При этом обращается внимание на сокращение сотен тысяч работающих пенсионеров. С моей точки зрения, подчеркнем, их трудовая активность в большинстве вызвана экономической ситуацией данных групп населения.

²⁰ Сергеев М. Указ. соч.

На фоне нищеты неработающего населения, прежде всего пенсионеров, еще более контрастно встает проблема дисбаланса заработной платы работающих. Прежде чем об этом говорить, заметим следующее. Показатель инвестиций россиян на Кипре в недалеком еще 2021 г. поставил рекорд – 46 млрд дол.²¹ Эксперты сомневаются, что это средства, что называется, честно заработанные бизнесменами, высокооплачиваемыми работниками государственного аппарата и др. СМИ привели немало примеров уровня заработной платы работников прокуратуры, МВД, парламентариев, прежде всего сенаторов. Разрыв громаден²². Именно здесь начинаешь еще и еще осмысливать положения Аристотеля, его призывы не скатываться государственности к тимократии.

Подытоживая, отметим. По мнению экспертов, пенсионная реформа в России успеха не имеет, альтернативная пенсионная система не заработала; честная пенсия должна составлять 45 300 руб., ниже «административный произвол»²³.

Одна из «вечных» проблем, по крайней мере для России – это обеспечение граждан *жильем*. В последние годы, что называется, появился шанс самообеспечения, особенно молодежи, квартирами. Речь идет об ипотеке. Однако этот период продлился недолго. Сокращение программы льготной ипотеки в РФ и недоступность жилищных кредитов по ставке выше 20 % годовых вызвали общий спад в строительстве и даже угрозу оттока специалистов из критически важных отраслей, отмечает «Независимая газета»²⁴. Необходимость льготной ипотеки возникла, как очевидно, из-за недоступности многим работникам жилищного кредитования даже при ипотечных ставках ниже 10 %. Однако повышение Центробанком своей ключевой ставки до 18 %, затем до 21 % сделало ипотеку недоступной в принципе. Эксперты отмечают, что льготная ипотека под 8 % была чрезвычайно популярна и выступала главным фактором жилищного строительства последние четыре года²⁵. Причина повышения ключевой ставки не скрывается – инфляция, и как ей не быть в условиях санкций, неотлаженности многих производств, военных действий, огромного бюрократического аппарата и т.д. Между тем эксперты отмечают – рост цен на жилье – от 12,5 до 22,5 % в разных регионах России. Речь идет о периоде с 2021 по 2024 гг.²⁶

Итак, идеальная будущность в России, предполагающая высокий или хотя бы достаточный уровень жизни, а также отсутствие социально-экономических дисбалансов, ее гражданам ясной и комфортной пока не видится. При этом эксперты отмечают желание, часто появляющееся особенно у молодежи, а где-то поиск особенно новой объединяющей идеологии, некой универсальной идеи, способной вселить надежду и веру в счастливое будущее. Изменения в Конституцию РФ в 2020 г. на эти

²¹ См.: Романова Л. Кипр смыло оттоком // Ведомости. 2022. 26 мая.

²² Цвирова Т., Серков Д. Зарплатный рапорт // РБК. 2022. 5 мая; Кузнецова Е., Цвирова Т. Парламентарии обошли Правительство и Кремль // РБК. 2022. 18 апреля. Самыми богатыми, отмечают авторы, из представителей федеральной власти стали парламентарии, занимающиеся рыбным бизнесом.

²³ Соловьева О. В России так и не заработала альтернативная пенсионная система // Независимая газета. 2024. 30 июля; Делягин М. Честная пенсия – 45 300 рублей. Ниже административный произвол // Аргументы недели. 2024. 25 сентября.

²⁴ Сергеев М. К недоступности жилья Центробанк прибавил недоступность ипотеки // Независимая газета. 2024. 1 октября.

²⁵ Антонов Ю. Ипотека на слом // Аргументы недели. 2024. 24 июля.

²⁶ Подробнее см.: Соловьева О. Жилье в РФ дорожает, но с замедлением // Независимая газета. 2025. 20 января.

вопросы не ответили. Тем не менее, государство должно обеспечить устойчивость экономики и внутренней ситуации. Молодежь с полной уверенностью считает, что страну возможностей должно создавать государство²⁷. Далее будут рассмотрены *тенденции отклонений*.

Деформации в разделении государственной власти. Кризис парламентаризма

В своих рассуждениях я, главным образом, основываюсь на государственно-правовой доктрине Аристотеля, говоря современным языком, его идее отклоняющейся государственности и правовой надстройки. Аристотель опирался на принцип распределения власти, в этом нет сомнения. Прежде всего, как отмечалось, философ обосновывает важность законодательной (иногда он называет ее совещательной) власти. Анализируя парламенты самых различных полисов, ученый восторгается одними и недоумевает по поводу неэффективности других. Это самые общие положения, но мысль Аристотеля, создателя учения о государстве, ясна – осуществление государственной власти не должно быть имитационным, ибо это неизбежно ведет к отклонениям в государственном механизме.

Термин «имитация» означает подражание, подделку, копирование, притворство и т.д. Нет сомнения, что «имитационное государство» есть метафорическое выражение. Зададимся вопросом – свойственна ли имитация современной постсоветской государственности, ее структурам в осуществлении полномочий, выполнении обязательных функций? Уточним, имитация в сфере реализации государственной власти, осуществлении государственного управления означает, что орган имитирует (изображает) реальную деятельность, достижение цели, часто желание общего благополучия, самостоятельно, по существу, не решая и не выполняя собственных функций и задач (Vlasenko, 2023:265–266).

Интересны и суждения казахских экспертов относительно прошедших выборов в Сенат (верхнюю палату парламента) Законодательного Собрания Казахстана. Директор Группы оценки рисков Досым Сатанаев считает, что «выборы в Сенат особого интереса никогда не представляли, прежде всего потому, что это искусственно созданная структура и была создана для подстраховки Назарбаева от импичмента. Без согласия Сената объявленный, например, импичмент президенту депутатами нижней палаты провести невозможно»²⁸. Другой эксперт, политолог, его фамилия не приводится, считает, что сам по себе Сенат как политический институт особой роли не играет, хотя спикер верхней палаты парламента, по Конституции, второй во власти²⁹.

Утрата самостоятельности судебной власти

Реформирование судебной системы с начала 90-х гг. прошлого века происходит, можно сказать, постоянно, бесконечно. В.В. Момотов поставил задачу проанализировать судебную реформу с исторических позиций и пришел к выводу, что реализуемая в настоящее время в Российской Федерации судебная реформа – это третья

²⁷ Башкатова А. Несоответствие между ростом цен, зарплат и пенсий чревато социальным взрывом // Независимая газета. 2023. 31 января.

²⁸ Панфилова В. Казахстан готовится к выборам в парламент с отмены закона о первом президенте // Независимая газета. 2023. 13 января.

²⁹ Там же.

полномасштабная реформа системы правосудия за историю нашего государства. Первая реформа была начата в 1864 г. и заключалась в попытке создать в России самостоятельную ветвь судебной власти. Вторая судебная реформа проходила в 1990-е гг. и имела сходные цели – создание подлинно независимого суда... С 2014 г. в Российской Федерации последовательно реализуется третья судебная реформа..., задача которой обеспечить дальнейшее развитие правосудия, его модернизацию, его качество и эффективность, обеспечить высокий уровень правовой защищенности граждан и организаций, доверия гражданского общества к суду (Momotov, 2018:136–137).

О качестве судебной системы, хотя и косвенно, свидетельствует следующий факт. В Конституционный Суд РФ в среднем поступает 11,5 тыс. обращений в год; В.Д. Зорькин отмечает, что несмотря на внесенные когда-то изменения, количество жалоб не снижается. При этом эксперты констатируют, что В.Д. Зорькин не сделал соответствующего вывода, а фактический рост обращений говорит о претензиях граждан к правовой и судебной системе³⁰.

Нельзя с уверенностью сказать, что граждане России удовлетворены деятельностью Конституционного Суда. Так, в последнее время акценты сместились на то, чтобы вернуть Конституционному Суду активную роль в правосудии, восстановив полномочия оценивать конституционность конкретных судебных приговоров, а не только нормативных актов, примененных в тех или иных делах. Предлагается также вернуть КС к прежней конфигурации его полномочий, которые с 1991 г. только урезались в контексте полноценной возможности граждан защищать там свои права, зато расширялись в той сфере, которая связана с отстаиванием интересов и позиций власти.

Государственная селективность

Селективность (в переводе с англ. означает избирательность; возможность из множества отбирать что-то конкретное)³¹. В государствоведении, политологии это явление следует толковать как особую форму принуждения со стороны государства. Само же принуждение есть неотъемлемая черта любой государственности; без этого феномена она существовать не может. Принуждение – принцип государственного (политического) режима в обществе, господствующих идей, существа доминирующей элиты, качествах характера государственного лидера.

Селективность как признак отклоняющейся государственности может иметь и имеет разные формы, можно сказать объемы. Речь идет о преследовании одного человека либо группы граждан и т.д. Приведем примеры.

К селективным мерам можно отнести предложение некоторых политиков и депутатов лишать материнского капитала и льгот женщин, родивших детей и выезжавших с этой целью в Аргентину, Бразилию, США и другие страны. В 2022 г. таких женщин насчитывалось свыше 22 тысяч³². Многие эксперты это связывают с гражданством, недоработкой отечественного закона о гражданстве в РФ,

³⁰ Родин И. Путин и Зорькин обменялись удивлениями // Независимая газета. 2022. 19 декабря; см. также: Герейханова А. Дела особой важности // Российская газета. 2022. 13 декабря; об игнорировании судебных решений, в том числе вынесенных иностранными судами см., например, Корня А., Лейба Г. Иностранную судимость к делу не пришьешь // Коммерсант. 2023. 24 июля.

³¹ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1976. С. 526.

³² Гармоненко Д., Родин И. Конституция не помешает надавить на релокантов // Независимая газета. 2023. 15 февраля.

специальной операцией и мобилизацией и др. Возникает вопрос – насколько адекватна такая мера, нет ли тут нарушений прав ребенка?

Селективность можно рассматривать не только как какие-то негативные меры в отношении конкретного лица, но и как систему государственных мер, например, в отношении нации, национальности, компактно проживающего населения и т.д. В.М. Сырых пишет: «В 1940 и первой половине 1941 года (предвоенный период) террор обрел новые, ранее не практикуемые формы. Это, во-первых, выселение бывших имущих кланов и иных антисоветских элементов с территории Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, Литвы, Латвии, Эстонии в районы Сибири, Казахстана и другие регионы СССР» (Syrykh, 2020:84). Как видно, здесь признак селективности приобрел невиданные масштабы.

Выход из международных и правозащитных организаций

Законом РФ от 16 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении РФ международных договоров совета Европы» сказано, что в связи с прекращением членства РФ в Совете Европы считать с 16 марта 2022 г. прекращенными действие в отношении РФ 21 международного документа, в том числе Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., Устава Совета Европы от 5 мая 1949 г., Европейской конвенции о пресечении терроризма от 27 января 1977 г., Европейской хартии местного самоуправления от 15 октября 1985 г. и др.³³ Отдельный закон РФ провозгласил Денонсацию РФ Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (28 февраля 2023 № 42-ФЗ)³⁴.

Активизирует выход из международных организаций и Молдавия. Правительство Молдавии приняло решение отозвать своего представителя в исполнительных органах Содружества независимых Государств (СНГ). Кроме того, в начале февраля 2023 г. парламент Молдавии отозвал своего представителя в Секретариате Совета Межпарламентской ассамблеи (МПА) государств-членов СНГ. Руководство Молдавии заявило, что все цели внешней политики теперь будут подчинены европейской интеграции³⁵.

Надо отдать должное председателю КС РФ В.Д. Зорькину, который отметил: «Перевернув ту страницу правовой истории, когда Россия находилась под юрисдикцией ЕСПЧ, не хотел бы вспоминать только о плохом (а оно, как известно, было). Участие России в Конвенции оказало определенное положительное влияние на развитие отечественной системы защиты прав человека. Этот опыт не должен быть забыт: его следует анализировать и рационально использовать. Но вот с чем точно не нужно спешить, так это с созданием (как сейчас иногда предлагается) некоего нового межгосударственного суда по правам человека в качестве институциональной замены ЕСПЧ»³⁶. В дополнении к сказанному отметим, по мнению специалистов, именно с решениями ЕСПЧ связано развитие в России института компенсации за нарушение разумного срока судопроизводства (дело «Бурдов против России»), института содержания в следственных изоляторах в достойных условиях (дело «Ананьев и др. против России») и др.

³³ Российская газета. 2023. 2 марта.

³⁴ Российская газета. 2023. 2 марта.

³⁵ См.: Коротко. Информация Интерфакса // Независимая газета. 2023. 23 марта.

³⁶ Зорькин В.Д. От судейского корпуса требуется поддержка позиции нашей страны и максимальная самоотдача. X Всероссийский съезд судей. РИА Новости. М. Метцель.

Огосударствление местного самоуправления

Местное самоуправление, образно говоря, для государственных структур «вещь в себе». Реалия местной жизни полна разных оценок и характеристик, особенно, когда речь идет о России. Есть территории, жизненные пространства, проживающие там люди. Они о местном самоуправлении не говорят и вообще плохо представляют или вообще не представляют, что это такое. При этом обязательства, которые на граждан возлагают органы местного самоуправления, в большинстве случаев, что называется, молча выполняются. Есть поселения, где местное самоуправление активно, появляются лидеры, способные объяснить местному населению их интересы, не соглашаться с политикой федеральных и региональных органов государственной власти и т.д. Последнее часто не «по вкусу» государственным и «провластным» политическим лидерам. Однако, надо сказать больше, активность местного самоуправления всегда мешала структурам государства, где-то препятствовала манипуляции налогами и сборами в интересах государства, в том числе его регионального уровня и т.д.

Теперь еще об одной детали, определяющей судьбу местного самоуправления в Российской Федерации. Госдумой 16 февраля 2023 г. принят Федеральный закон «О прекращении действия в РФ международных договоров Совета Европы» в числе достаточно большого пакета, о чем уже отмечалось, 21 документ, в том числе Европейская хартия местного самоуправления от 15 октября 1985 г. Хартия местного самоуправления являлась основой отечественного законодательства о местном самоуправлении. Европейская хартия местного самоуправления, что крайне важно, требует от государств соблюдать самостоятельность данного уровня публичной власти. Речь идет о правотворчестве субъектов Федерации (если это федеративное государство) и, конечно, нормотворчестве самого местного самоуправления; не менее важна самостоятельность в политической сфере, финансовой, культурной и др. Непонятным, по мнению экспертов, явилась ситуация с отказом от административных основ поселения и с одновременным сохранением условий для жизни людей без каких-либо властных структур³⁷. Однако принятый недавно ФЗ РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления единой системы публичной власти»³⁸ внес ясность в решение этих вопросов.

Номинальность федерализма

Мне уже приходилось писать о федерализме в СССР, Российской Федерации, о ее номинальном характере (Vlasenko, 2022:130–135; Vlasenko, 2003:121–123; Vlasenko, 2009:160–164).

В истории России было лишь два сравнительно небольших периода, можно сказать момента, когда новая власть достаточно бурно обсуждала, какой быть федерации в России, на каких принципах ее строить. Речь идет о создании Федеративного государства вместо Российской империи. Спорили на эту тему в большинстве политические оппозиционеры. Завершились дебаты в декабре 1922 г., когда был подписан «Договор об образовании Союза Советских Социалистических республик» и одновременно провозглашена «Декларация об образовании Союза Советских

³⁷ Подробнее см.: Родин И. У властей РФ будет право на любые муниципальные реформы // Независимая газета. 2023. 1 февраля.

³⁸ Российская газета. 2025. 26 марта.

Социалистических Республик», которая вошла в текст Основного Закона (Smiryukov & Bogolyubov, 1978:212–226). Это были документы I съезда Советов Союза Советских Социалистических республик. Вскоре они войдут в качестве первого и второго разделов в текст первой Конституции (Основного Закона) СССР от 31 января 1924 г. Полагаю, на этом политическая, юридическая и экономическая свобода вошедших в состав Союза ССР государств стала сворачиваться. Руководством СССР, Сталиным был взят жесткий курс на централизацию управления. Сталин очень быстро сосредоточил в своих руках всю власть, чего боялся даже основатель советской государственности Ленин В.И. (Lenin, 1970:345) Поэтому говорить об СССР как федерации, да еще уникальной, я бы не спешил. Тем не менее, В.В. Еремян в фундаментальной статье «Советский Союз как сложносоставное государственное устройство: образование, тенденции развития и причины распада» оценивает Советский Союз как федеративное государство нестандартным и уникальным, опыт народовластия, по его мнению, завершили институциональным выражением новой исторической общности – советский народ (Eremyan, 2022:749; Biyushkina, Kodan & Sosenkov, 2022:219–244; Vlasenko, 2022:61–65). Такая точка зрения может иметь место. Вот только ошибочно полагать, что советская федерация способствовала победе над фашизмом, скорее наоборот, по факту именно советское централизованное государство во главе со Сталиным смогло быстро превратить страну в единую машину, оказавшуюся не по зубам немецкой силе. И советский федерализм здесь ни при чем. Если все так было хорошо, как пишет В.В. Еремян, так почему же СССР не стало? Автор отвечает следующим образом, не вдаваясь в детали: «Тридцать лет, прошедших с момента ликвидации (а именно таким образом, вероятнее всего, следует оценивать то, как прекратил свое существование Советский Союз, очень короткий срок, чтобы объективно и беспристрастно оценить данный феномен...)» (Eremyan, 2022:752). Как видно, ученый от ответа на этот вопрос ушел. Кроме того, автор не учитывает террористический характер сталинской государственности. «Террор самым негативным образом сказался на процессах строительства основ социализма и «аукнулся» в исторической перспективе, выступая в качестве одной из ведущих причин критики политики Советского государства, приведшей к развалу Советского Союза» (Sytykh, 2020:8).

Таким образом, констатирую, и СССР, и другие страны, социалистические в прошлом, являются *отклоняющимися государствами*. Нынешние так называемые социалистические государства также есть отклоняющиеся государства. Исключение Китай, но вот вопрос – можно ли его считать социалистической страной?

Вторую историческую дискуссию и попытку построить реальную федерацию можно связать с периодом властвования страной Б.Н. Ельцина. Многим известна его знаменитая фраза о том, что берите (регионы) полномочий сколько сможете, сколько «проглотите». Об этом историческом периоде я уже писал (Vlasenko, 2022:130–132). Испытав на себе, что называется, все прелести советского тоталитарного общества, мы, юристы, особенно те, кто занимался законотворчеством, в том числе региональным, надеялись, что в субъектах Федерации будет полноправное собственное законодательство, конституционные (уставные суды) и т.д. Но вскоре наступила эпоха «собирания земель», что само по себе хорошо и правильно. Но «собирание» пошло сверху – ушли в небытие договоры и соглашения регионов с центром.

Итак, полномочия субъектов РФ, без какого-либо влияния и согласования с федеральным центром сокращаются, о чем свидетельствуют эксперты, например,

в деле назначения региональных руководителей в сферах образования, здравоохранения, финансов, жилищного строительного надзора и др.³⁹

В заключении отметим. Доминирующее в настоящее время мнение среди политиков, лидеров публичной власти, специалистов и ученых – это мнение о том, что тему современной федерации не следует трогать, она слишком политизирована. Это, несомненно, так. Но есть и другая сторона медали. Дотируемых регионов становится все больше, количество региональных государственных служащих выросло в разы, муниципальная власть самостоятельность и авторитет во многом утратила, о чем шла речь выше. Словом, нужна новая концепция федерализма в России, позволявшая разработать и принять пакеты эффективных законов. В развитие этого комплекса законов должны принять региональные и муниципальные нормативные правовые акты.

Результаты отклонений. Отчужденное государство

Идеологические смещения

В философской литературе идеология определяется как система теории, идей и представлений, выражающих интересы социальных групп, классов, всего общества, объясняющих социальную реальность и содержащая директивы (программы) практических действий⁴⁰.

В Российской Федерации ситуация с официальным статусом идеологии однозначна. Конституция РФ провозгласила идеологическое многообразие и запрет на господство какой-либо идеологии (ст. 13 Конституции РФ). Между тем среди ученых, публицистов, общественных деятелей существуют разные мнения. Так, А.Ф. Черданцев отмечает, что в любом случае политически господствующий класс вырабатывает собственные идеологические установки (Cherdantsev, 2016:14). С этим можно согласиться, также и с тем, что «деидеологизированная» юриспруденция на самом деле оказывается одним из вариантов оправдания существующего положения вещей (Vlasenko, 2022:130–132).

Подводя черту, отметим следующее. Нарастающая централизация общественной и государственной жизни требует единства взглядов, убеждений, одинакового толкования ценностей, в том числе исторических фактов. Конституция РФ – существенное препятствие в деле такого политического решения. И еще надо отметить следующее. В современной идеологической «массе», если так позволительно выразиться, намечилось, пока еще в самых общих контурах разделение идеологии на две противоположные части – либеральную (неолиберальную) и консервативную. С либеральной идеологией, ее ценностями как-то понятно, а вот с консервативной сложнее. Пестрота ее идей, многообразие, порой взаимоисключающих друг друга, затрудняет их оценку. Однако, с нашей точки зрения, ясно одно, единая идеология укрепляет господство единовластия, фашизацию общества, ведет к репрессиям.

Заметим, что российская политическая система в современной юридической науке, политологии характеризуется по-разному: неототалитарной, неосталинистской, несоветской и т.п. Устоявшегося понимания нет. Но то, что ее связывают с криминализацией общества и власти – это факт. При этом указывается на растущие тенденции ее централизации, доминировании фактической однопартийности

³⁹ Иванов М. Регионы прошли предварительное чтение // Ведомости. 2021. 28 октября.

⁴⁰ Социологическая энциклопедия: в 2 томах. Т. 1 / под ред. Г.Ю. Семигина. М., 2003. С. 340.

и номинальности отдельных компонентов, например, профсоюзов. Печально, но это видно, как видно и состояние партий, образующих так называемую официальную оппозицию. Подчеркну, это где-то уже традиция.

Политизированное законодательство

Государство, право, законодательство – явления взаимосвязанные. Понятно, что государство – феномен в политической системе общества доминирующий и способный «выталкивать» другие элементы. Такое происходит и может происходить, скажем, с профсоюзами, которые чаще всего становятся государственнозависимыми («государствопредполагаемыми»). Речь не идет о профсоюзах независимых, не связанных с государством или даже производством. Такие профсоюзы в ряде стран Европы имеются и представляют собой политическую силу (Франция, Бельгия, Греция и др.). В России профсоюзы какую-либо заметную роль в общественных процессах не играют.

Право – элемент политической системы более самостоятельный, но эта самостоятельность и независимость в большей мере сводятся к правосознанию. Конечно, если мыслить существо права на уровне прав и ограничивать на этом его понимание, то дальше концепции естественного права мы не уйдем. И тогда действующие правовые нормы, особенно те, которые носят исключительно характер государствообразующих, провисают и не очень ясно как определять их природу. Однако здесь мы подходим к понятию законодательство; его понимание часто и связывают с нормами, систематизированными государством. Иногда этот блок юридических норм называют «писанным» правом, правом публичным. Есть и мнение, что в настоящее время активно развивающееся «право законодателя», «политическое право», «властно-командное право», «предписательное», «идеологическое» и т.д.

В.М. Баранов выступил с идеей деструктивной роли права, в связи с национальными интересами. Автор верно отмечает, что цельная картина деструктивного воздействия права на функционирование национальных интересов в юридической науке отсутствует... не очерчены основные формы деструктивности, причины, не предложены меры ограничения деструктивных начал (Baranov, 2005:84–85). С этим нельзя не согласиться, однако речь нужно вести не о праве, а о законодательстве. Право вещь более сложная и не сводится к системе норм, здесь немало естественно-правовых составляющих и др. Законодательство – вещь мобильная, подвижная, этим и пользуются властвующие структуры.

В.М. Сырых проводит мысль о том, что с помощью общесоюзных законов в 1930–1950-е гг. в СССР был легализован сталинский террор. Глава 13 его книги «Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву» звучит следующим образом: «Общесоюзные законы, легализовавшие сталинский террор» (Syrykh, 2020:167). Так называемое политическое (идеологическое) законодательство, как видно, может быть доведено до крайнего уровня, т.е. легализовать террор и беспредел в отношении населения.

Коррупционированность

О коррупции и ее опасности для общества и здоровой государственности мне также приходилось писать. Подчеркну лишь в дополнении к написанному в прошлом следующее. Коррупция, несомненно, всеядающая и напорч поражающая

болезнь и общества, и государственной практики. Однако мною было предложено расширить диапазон видения природы коррупции только как системы правонарушений, желания обогащения. Коррупция – это еще и элемент жизнедеятельности, культуры и управления. Такой подход позволит глубже и более обстоятельно видеть природу и истоки коррумпированных отношений (Vlasenko, 2023:99–105).

Глава Следственного комитета А. Бастрыкин систематически проводит совещания о расследовании преступлений, как выразилась «Российская газета», коррупционной направленности. Прозвучало, что в 2023 г. расследовано более 11 тыс. коррупционных преступлений; 9,5 тыс. дел направлены в суды. Возмещен причиненный коррупционными преступлениями ущерб на сумму 4,7 млрд руб. и наложен арест на имущество обвиняемых стоимостью около 10 млрд руб.⁴¹ В 2024 г., отмечает А. Бастрыкин, «за 11 месяцев 2024 года в суд направлено 10 660 дел, что на 15 % больше, чем годом ранее. К уголовной ответственности за коррупцию привлечены 11,9 тыс.»⁴²

Коррупция, несомненно, спутник отклонений от здоровой государственности, победить ее, не перестроив управление, не оживив работу государственных механизмов, не заставив их выйти из тени имитации, невозможно⁴³.

Отчужденное государство

«Отчужденное государство» – что понимать под этой достаточно образной метафорой, которая все чаще встречается в политической публицистике, да и научной литературе (Guliyev, 1998). Ответ несложный, где-то заложен в самом вопросе. Это такое государство, как отмечалось, существующее само по себе и для себя. Государство – продукт общества, оно создано для общества и всецело ему обязано. Аристотель неоднократно говорил о государственно-организованном обществе. Между тем истории известна и другая тенденция – обособление государства от общества, обязанностей по отношению к нему, игнорирование кадрового обновления⁴⁴, обложение граждан и структур общества обременительными налогами и др.

Итак, ответ на главный вопрос – есть ли связь между отклоняющейся государственностью и отчуждением общества. Несомненно, эти явления взаимосвязаны. По существу, отклоняющееся государство уходит от дел общества, не заинтересовано в выполнении общих функций. Общество, его структура этого не замечать не могут, а происходит, как пишет В.Е. Гулиев, взаимоотталкивание рождающегося гражданского общества и протодемократического государства (Guliyev, 2001:6). Уровень отклонения государственных начал прямо пропорционален отчуждению и его качеству.

Теперь следующая проблема. Отклоняющееся государство, нарастающее отчуждение населения от государственной власти, ее идеологии и часто навязанных ценностей (например, социалистическое общество и система его ценностей). Власть отклоняющейся государственности прежде всего думает о своем самосохранении, стабильности своей собственности и благополучии в целом. Своеобразный

⁴¹ Козлова Н. Вор анфас и в профиль // Российская газета. 2023. 20 июля.

⁴² Козлова Н. Ордер на арест // Российская газета. 2025. 15 января. См. также: Сухаренко А. Как защищена российская экономика // Независимая газета. 2024. 8 октября.

⁴³ Интересна в этом плане лекция «Коррупция – угроза цивилизации права» Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, прозвучавшая на Петербургском международном форуме. Российская газета. 21 мая, 2025.

⁴⁴ В одной из предыдущих работ была рассмотрена проблема так называемой кадровой несменяемости (Vlasenko, 2022:72–74).

«господствующий класс» сегодня и, похоже, на перспективу – это обогащающаяся фракция чиновничества (гражданского и военного), возглавляемая бюрократившими «государственными», то есть властвующими или окол властными политиками. Понятно, что в ход идут такие инструменты, как законодательство, а далее – охранительная и силовая системы. Здесь и репрессии оправдывать легко, кивая на то, что мол делать – такие у нас законы.

Можно ли сегодня ставить вопрос о формах отчуждения, уровнях и характеризуют ли они качество отклоняющейся государственности? Думается, да. Во-первых, это общесоциальное отчуждение; во-вторых, политическое и, в-третьих, юридическое. Это минимум форм отчуждения, и каждая из них нуждается в исследовании.

Общесоциальное отчуждение наиболее опасно для перспектив общества и его развития. Речь идет о полном контроле государственной власти над обществом, его структурными компонентами. Отклоняющаяся государственность концентрируется и отчуждает человека от власти, институтов защиты его прав и свобод. Дозирование свободы, дозирование лидерства в искусстве, шоу-бизнесе и т.д. становится нормой. При этом отрицается естественное право, его требования. Индивид становится ничем, его сопровождает страх репрессий, он начинает жить историческими сравнениями, задаваться вопросом – а не 38 ли год мы переживаем и не идем ли мы к нему. Здесь можно остановиться в силу очевидности дальнейших суждений.

Политическое отчуждение не менее грозно и не менее опасно, ибо адекватная политика, ее институты есть гарантия социальной стабильности. «Покладистая» политика, по существу, предательство интересов населения, а когда одна из лидирующих фракций в Госдуме заявляет, что она не будет участвовать в выборах Президента – это по существу ложный самодостаточный интерес к спокойной жизни, теплу и уюта кабинетов.

Юридическое отчуждение так или иначе сводится к попиранию принципов естественного права, активного использования позитивных юридических механизмов, обеспечивающих жизнеспособность отклоняющейся государственности.

Итак, несомненно, понятия «отклоняющееся государство» и «отчуждение населения от государства» связаны между собой. Более того, отчуждение населения от государства есть индикатор, характеристика отклоняющейся государственности. Здесь, видимо, с долей условности можно говорить, что степень отчуждения равна степени отклонения. И здесь важно вспомнить идеи классиков о разумном устройстве государства. О важности, первоначальности «разумного» в устройстве государства писал Гегель. Вот как это интерпретирует А.А. Пионтковский. «Государственные учреждения, отмечает ученый, в которых выражается «разумное», по учению Гегеля, воспитывают граждан, создают у них определенное политическое умонастроение, благодаря которому это «разумное» становится внутренним, субъективным содержанием отдельных индивидуумов. Отдельное лицо действует благодаря этому сообразно разумному содержанию этих учреждений, т.е. по учению Гегеля, подлинно свободно. Это умонастроение Гегель считает важной силой, на которой покоится государство» (Piontkovsky, 1993:390).

Заключение

Автор в комплексе статей⁴⁵, пожалуй, впервые в юридической науке предпринял попытку исследовать слабую, неэффективную, кризисную государственность.

⁴⁵ Этой публикацией автор завершает цикл публикаций об отклоняющейся государственности. См.: Власенко Н.А. Современное российское государство. Очерки. М. : Норма, 2022. 152 с.; Власенко Н.А.

Для характеристики такой государственности был выбран термин, предложенный еще Аристотелем, – «отклоняющееся государство». Великий философ в своей книге «Политика» многократно обращается к термину «отклоняющееся государства» при характеристике промахов государства, говоря современным языком, в решении социальных задач, игнорировании интересов населения и др. В своих публикациях и по мере своих сил автор пытался показать, что современное отечественное государственное управление данной проблеме внимания уделяют немного, если не сказать большего. Между тем разрушительные тенденции и в обществе, и самой государственности нарастают, не в стороне и правовое регулирование. Речь не идет только о России, но и в целом о странах Европы, прежде всего постсоветских государствах. В этих странах слабая экономическая составляющая, отсюда ничтожные социальные гарантии, коррупция. Эти проблемы не могут эффективно решаться, потому что сама современная государственность, ее механизм дает сбой, авторитарные тенденции порождают свойство имитационности функционирования представительной и судебной власти. Отсюда рост государственной селективной принудительной силы.

Малоисследованной остается тема «воспитания» государств посредством санкций. Россия, пожалуй, как никакая другая страна в полной мере испытала и испытывает это на себе. Полагаю, что эту тенденцию также можно отнести к отклонениям в функционировании межгосударственных отношений. Изоляция государств от международных, прежде всего экономических отношений, культурных и др. сказывается на качестве условий жизни населения.

Отдельная тема – военные конфликты, поведение государств, помощь какой-либо стороне, прежде всего денежная и материальная. Такие ситуации делают государства и воюющие, и их поддерживающие сильными только и исключительно в военном блоке. Социальная сфера страдает, развивается слабо либо вообще стоит на месте. Потребительские цены растут.

Вопросы, поставленные в данной и других статьях, лишь часть, край существующих в сфере неэффективной государственности проблем, требующих пристального внимания юридической науки.

References / Список литературы

- Aristotle (1984) *Politics. Collected Works*: in four vols. Vol. 4. Moscow, Thought Publ. (in Russian). *Аристотель. Сочинения: в 4 томах. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. 830 с.*
- Baranov, V.M. (2005) The Destructive Influence of Law and National Interests. *Journal of Russian Law*. (12), 84–86. (in Russian). EDN: OPCVEX.
Баранов В.М. Деструктивное воздействие права и национальные интересы // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 84–86. EDN: OPCVEX.
- Biyushkina, N.I., Kodan, S.V. & Sosonkov, F.S. (2022) Soviet Federalism as a Result of Political and Legal Bifurcation: Ideological and Organizational Formation. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian). EDN: QUQIDE.
Биошуккина Н.И., Кодан С.В., Сосонков Ф.С. Советский федерализм как результат политико-правовой бифуркации: идеологическое и организационное оформление. М. : Юрлитинформ, 2022. 256 с. EDN: QUQIDE.

Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность // *RUDN Journal of Law*. 2021. Т. 25. № 3. С. 479–505; Власенко Н.А. Отклоняющееся государство: методология исследования и основы теории // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 2. С. 257–272; Власенко Н.А. Аналитика в исследовании отклоняющейся государственности и юридической надстройки // *Юридическая техника*. 2024. № 18. С. 63–66.

- Cherdantsev, A.F. (2016) Integrative Misunderstanding of Law. *Journal of Russian Law*. (10 (238)), 5–15. (in Russian). <https://doi.org/10.12737/21518> EDN: WLUSWL.
Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10 (238). С. 5–15. https://doi.org/10.12737/21518 EDN: WLUSWL.
- Doinikov, I.V. (ed.) (2024) *Contemporary Russian Statehood. Problems of State and Law in the Context of the New Geopolitical Situation*. Moscow, UNITY Publ. (in Russian).
Современная российская государственность. Проблемы государства и права в условиях новой геополитической ситуации / под ред. И.В. Дойникова. М. : ЮНИТИ, 2024. 191 с.
- Eremyan, V.V. (2022) The Soviet Union as a composite state structure: education, development trends and causes of disintegration. *RUDN Journal of Law*. 26 (4), 747–807. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-4-747-807> EDN: BPPNPD.
Еремян В.В. Советский Союз как сложносоставное государственное устройство: образование, тенденции развития и причины распада // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 4. С. 747–807. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-4-747-807 EDN: BPPNPD.
- Guliyev, V.E. & Kolesnikov, A.V. (1998) *The Alienated State*. Moscow, Manuscript Publ. (In Russian).
Гулиев В.Е., Колесников А.В. Отчужденное государство. М. : Манускрипт, 1998. 213 с.
- Guliyev, V.E. (2001) Proto-democratic Statehood: Axiological Phenomenology of Alienation. *Law and Politics*. (5), 4–13 (in Russian).
Гулиев В.Е. Протодемократическая государственность: аксиологическая феноменология отчуждения // Право и политика. 2001. № 5. С. 4–13.
- Kokotov, A.N. (2020) *Trust. Distrust. Law*. Moscow, Norma : INFRA-M Publ. (In Russian).
Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право : монография / А. Н. Кокотов. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 190 с.
- Lenin, V.I. (1970) Letter to the Congress. *Complete Works*. Moscow, Publishing House of Political Literature, pp. 343–344. (in Russian).
Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Изд-во политической литературы, 1970. Т. 45. 343–344 с.
- Momotov, V.V. (2018) The Russian Judicial Reform in 2018: Concept, Objectives, Content (Part 1). *Journal of Russian Law*. 10 (262), 134–146. (in Russian). https://doi.org/10.12737/art_2018_10_13 EDN: YLVMCD.
Момотов В.В. Судебная реформа 2018 в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть 1) // Журнал российского права. 2018. № 10 (262). С. 134–146. https://doi.org/10.12737/art_2018_10_13 EDN: YLVMCD.
- Nudnenko L.A., Vlasenko N.A., Nikitin S.V. & Mad'yarova A.V. (2004) “Is there a regional law in Russia?” Reflections on the book *Constitutional Law of the Constituent entities of the Russian Federation*. M., GORODETS Publ. 2002. 864 p. Ed. by V.A. Kryazhkov. *Journal of Russian Law*. (4 (88)), 160–164. (in Russian). EDN: VNIMIH.
Нудненко Л.А., Власенко Н.А., Никитин С.В., Мадьярова А.В. «Существует ли региональное право в России» – Размышления о книге «Конституционное право субъектов Российской Федерации». М. : ГОРОДЕЦ. 2002. 864 с. отв. ред. В.А. Кряжков // Журнал российского права. 2004. № 4 (88). С. 160–164. EDN: VNIMIH.
- Piontkovsky, A.A. (1993) *Hegel's Theory of Law and the State*. Moscow, Publishing house of the Institute of International Cooperation (in Russian).
Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве. М. : Изд-во Пробл. автоном. ин-та междунар. сотрудничества, 1993. 479 с.
- Smiryukov, M.S. & Bogolyubov, K.M. (eds.) (1978) *Constitution of the People's State*. Moscow, Politizdat Publ. (In Russian).
Конституция общенародного государства / под ред. М.С. Смиртюкова и К.М. Боголюбова. Москва : Политиздат, 1978. 247 с.
- Syrykh, V.M. (2020) *The Legal Nature of Stalin Terror: According to Party Directives, but Contrary to Law*. Moscow, Yurlitinform Publ. (in Russian).

- Сырых В.М. Юридическая природа сталинского террора: по директивам партии, но вопреки праву. М. : Юрлитинформ, 2020. 502 с.
- Tikhomirov, Yu.A. (2021) *Law: Traditions and New Occasions*. Moscow, Prospekt Publ. (in Russian).
- Тихомиров Ю.А. Право: традиции и новые повороты. М. : Проспект, 2021. 207 с.
- Vlasenko, N.A. (2003) On Regional Law in the Russian Federation. *Scientific Notes*. (10), 121–123 (in Russian).
- Власенко Н.А. О региональном праве в Российской Федерации // Ученые записки. 2003. № 10. С. 121–123.
- Vlasenko, N.A. (2021) The declining state: Aristotle teachings and post-Soviet reality. *RUDN Journal of Law*. 25 (3), 479–505 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-257-272> EDN: URUEXI.
- Власенко Н.А. Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 3. С. 479–505. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-257-272> EDN: URUEXI.
- Vlasenko, N. A. (2022) *The Modern Russian State Essays*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Власенко Н.А. Современное российское государство. Очерки. М. : Норма, 2022. 152 с.
- Vlasenko, N.A. (2023) Deviated State: Research Methodology. *RUDN Journal of Law*. 27 (2), 257–272. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-257-272> EDN: SQLJLZ.
- Власенко Н.А. Отклоняющееся государство: методология исследования и основы теории // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 2. С. 257–272. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-257-272> EDN: SQLJLZ.
- Vlasenko, N.A. (2024) Analytics in the deviant statehood and legal superstructure study. *Legal Technique*. (18), 63–66. (in Russian). EDN: OJKXQL.
- Власенко Н.А. Аналитика в исследовании отклоняющейся государственности и юридической надстройки // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 63–66. EDN: OJKXQL.
- Zhukov, V.I. (2023) The Preservation of Population in the Paradigm of State Legal Sovereignty: Norms, Deviations, Solutions. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 837–858. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-837-858> EDN: FODKRH.
- Жуков В.И. Сбережение населения в парадигме государственного правового суверенитета: нормы, отклонения, вызовы, решения // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 4. С. 837–858. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-837-858> EDN: FODKRH.

Сведения об авторе:

Власенко Николай Александрович – доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-9548-3396, SPIN-код: 7031-6978

e-mail: nikolai_vlasenko@mail.ru

About the author:

Nikolai A. Vlasenko – Doctor of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Professor of the Theory of Law and State Department, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9548-3396, SPIN-code: 7031-6978

e-mail: nikolai_vlasenko@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-622-636>

EDN: AGIRZT

Научная статья / Research Article

Путь мирного развития Китая и перспектив развития международного права в условиях изменившегося международного ландшафта

Цзя Шаосюе

Шанхайский университет политических наук и права, г. *Шанхай*,
Китайская Народная Республика

 ys02302041@126.com

Аннотация. На фоне трансформации международного ландшафта наметилась тенденция к изменению баланса сил: «Восток поднимается, Запад падает». Рост международного влияния развивающихся стран, в частности Китая, оказывает влияние на традиционный миропорядок, требуя его изменения. Развивающиеся страны становятся все более активными на мировой арене, стремясь к созданию справедливого и разумного международного правопорядка. Учитывая частое возникновение региональных конфликтов, а также сложность и нестабильность глобальной обстановки, путь, выбранный развивающимися странами для содействия развитию международного права, имеет особое значение, и указанное обуславливает актуальность исследования. Цель работы – подчеркнуть, что модернизационный путь Китая в корне отличается от традиционного модернизационного пути западных стран, и его основной принцип – «идти по пути мирного развития». Этот путь полностью отличается от гегемонистской логики Запада, а именно, от пути колониальной экспансии и насильственного грабежа через войну и имеет огромное значение как модель для развивающихся стран. Методологически исследование опирается на комплекс общенаучных и частнонаучных методов, в особенности на исторический и сравнительный методы. Сделан вывод, что конкретные пути содействия развитию международного права по пути мирного развития включают: увеличение предложения международных общественных благ, укрепление национальной мягкой и жесткой силы, стабилизацию существующей многосторонности и т.д., чтобы придать импульс развитию международного права и накопить силы для изменения международного порядка.

Ключевые слова: международное право, страны-гегемоны, развивающиеся страны, мирное развитие, национальная модернизация

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках общего проекта Национального фонда общественных наук КНР под названием «Исследование механизма правового управления безопасностью данных в ШОС» (проект № 22BFX160).

© Цзя Шаосюе, 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 29 марта 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2025 г.

Для цитирования:

Цзя Шаосюе. Путь мирного развития Китая и перспектив развития международного права в условиях изменившегося международного ландшафта // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 3. С. 622–636. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-622-636>

The path of China's peaceful development and its implications for international law in a shifting international landscape

Jia Shaoxue

Shanghai University of Political Science and Law, *Shanghai, People's Republic of China*

ys02302041@126.com

Abstract. Against the backdrop of a changing international landscape, a shift in the global balance of power is emerging, characterized by “the East rising and the West declining”. The increasing international influence of developing countries, such as China, is challenging the traditional international order and calling for its transformation. Developing nations are becoming more active on the global stage striving to establish a fair and equitable international legal order. Given the frequent occurrence of regional conflicts and the complexity and instability of the global situation, the path chosen by developing countries to promote the development of international law is of particular significance, underscoring the relevance of this research. The aim of this work is to emphasize that China's modernization path fundamentally differs from the traditional Western model, with its core principle being the “pursuit of peaceful development”. This approach stands in stark contrast to the hegemonic logic of the West, which has historically relied on colonial expansion and violent plunder through war, and serves as an important model for developing countries. Methodologically, the study employs a combination of general and specialized scientific methods, particularly historical and comparative approaches. The findings conclude that effective ways to promote the development of international law through peaceful development include increasing the provision of international public goods, strengthening national soft and hard power, stabilizing existing multilateral frameworks, and implementing other measures to advance international law and build momentum for transforming the international order.

Key words: international law, hegemonic countries, developing countries, peaceful development, national modernization

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Founding. This article was prepared under the general project of the National Social Science Foundation of the People's Republic of China entitled “Research on the Legal Governance Mechanism of Data Security in the SCO” (project No. 22BFX160).

Received: 29th March 2025

Accepted: 15th July 2025

For citation:

Jia, Shaoxue (2025) The path of China's peaceful development and its implications for international law in a shifting international landscape. *RUDN Journal of Law*. 29 (3), 622–636. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-622-636>

Введение

В современную эпоху развивающиеся страны приобретают все большее влияние, расширяют свое участие в международных делах и при этом сталкиваются с постоянным давлением со стороны государств-гегемонов. Стремясь к справедливому миропорядку, развивающиеся страны, включая Китай, активно продвигают развитие международного права. Их стратегии и выбор пути окажут значительное воздействие на эволюцию правовой системы глобального взаимодействия. В контексте современных исследований международного права вопрос международного порядка остается ключевым, особенно в дискуссиях о роли развивающихся стран в формировании правовых норм и механизмов мироустройства.

Анализ эволюции традиционного международного порядка и права позволяет глубже понять вклад развивающихся стран в формирование современных правовых норм. Современный миропорядок, в котором доминируют Соединенные Штаты, оказывает значительное влияние на международное сообщество. В этом контексте мирное развитие Китая, основанное на уникальной модели модернизации, приобретает особую значимость для развивающихся государств. Китайская модернизация, опирающаяся на принципы построения сообщества единой судьбы человечества, представляет собой альтернативу «западному цивилизационному центризму» и «логике гегемонии». (Xing, 2023:47). С точки зрения модернизации по китайскому образцу, путь мирного развития демонстрирует, в каком направлении развивающиеся страны могут способствовать развитию международного права. Эти государства должны глубоко осмыслить природу меняющегося международного порядка и трансформации правовых норм. Продвижение формирования международного права – непростой процесс, поэтому необходимо твердо придерживаться курса на мирное развитие, ориентированного на адаптацию к изменениям.

**Природа международного порядка,
в котором доминируют государства-гегемоны**

На протяжении последних столетий модель международного порядка претерпела ряд серьезных изменений. Каждый этап трансформации сопровождался легитимацией гегемонии отдельных держав. Фактически, любые действия таких государств направлены на максимизацию собственных интересов на мировой арене, а узаконенное доминирование становится одним из инструментов достижения этой цели. В современном международном сообществе, где ключевую роль играют мощные элитные государства, их превосходство часто воспринимается малыми и средними странами как данность. Это признание, основанное на реальном распределении сил, придает гегемонии нормативную легитимность (Simpson, 2008:78–79).

Некоторые западные ученые отмечают, что западные колониальные державы придумали международное право, чтобы служить своим собственным интересам. Легитимированная гегемония обычно состоит из четырех элементов. Во-первых,

доминирующее положение определенных сильнейших держав имеет организационную структуру или правовую основу, и их превосходство отражается в правовых нормах и организации определенного периода времени, а легитимированная гегемония может возникнуть только на почве конкретного международного общества. Во-вторых, существовали формы суверенного равенства между державами-гегемонами несмотря на то, что между ними имелись фактические материальные различия. В-третьих, совет этих сильнейших держав действует в международном порядке согласованно для достижения определенной цели. Такие державы имеют интересы или привилегии не только в узкоопределенных собственных интересах, но и в международной системе в целом. В-четвертых, легитимированная гегемония принимается как сверху – из-за давления со стороны сильнейших держав, так и снизу – остальными членами системы (Antonio, 2009:41).

Кроме того, «легитимация» гегемонии сильнейших держав проявляется и как «нарушение закона» в юридической практике, хотя в формулировании международных правил доминируют некоторые державы, а выполнение договорных обязательств зависит от контроля данных держав, которые часто нарушают международное право или международную систему для достижения определенных целей под «знаменем легитимности». Например, во время Корейской войны Соединенные Штаты манипулировали Организацией Объединенных Наций, чтобы та приняла ряд резолюций и собрала силы из 16 стран для формирования «Армии Объединенных Наций», которая была брошена на корейский театр военных действий. В процессе реализации международного права сильнейшие державы в полной мере используют свое выгодное положение в формулировании международных правил, руководстве международными институтами и влиянии на реализацию правил, злонамеренно обходя ограничения международного права, оставляя себя в стороне от процесса и проявляя «двусторонность» в применении международных правил (Liu, 2019:36–38).

Дилеммы глобального управления

В процессе модернизации человечества международный порядок и международное право под управлением традиционных сильнейших держав функционируют не идеально; между западными и развивающимися странами образовался модернизационный разрыв; плоды человеческого развития монополизированы Западом, а малые и средние страны страдают от негативных последствий модернизации. В связи с ускоренным развитием беспрецедентных изменений мир вступил в новый период перемен, а традиционный международный порядок столкнулся с беспрецедентными вызовами. Недостатки гегемонистского управления сильнейших держав стали более очевидными, и возникла настоятельная необходимость переходить от монополии нескольких стран к более широкому кругу стран и от доминирования сильнейших держав к участию всех стран в управлении. В настоящее время сильнейшие державы занимают главное место в глобальном управлении, но их эффективность управления низкая, и они не могут реагировать на глобальные проблемы и решать их (Lin & Zheng, 2023:11). Терроризм, распространение ядерного оружия, загрязнение окружающей среды, риски, связанные с искусственным интеллектом, и другие проблемы продолжают существовать, заставляя международное сообщество призывать к созданию честного и справедливого международного порядка. Все больше вопросов глобального масштаба требуют обсуждения и совместного решения всех стран.

Многие проблемы уже не ограничиваются рамками одного государства, а большинство вызовов современности невозможно преодолеть усилиями отдельно взятой страны (Хи, 2018:259–260). В этой связи председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул необходимость решения проблем «дефицита управления», «дефицита доверия», «дефицита мира» и «дефицита развития», с которыми сталкивается международное сообщество¹.

Проблема «дефицита управления». До принятия решения о реформировании МВФ (14-я корректировка квот МВФ) в 2010 г. 20 членов имели 71 % прав голоса, и доминирующее положение США и других крупных стран осталось неизменным после корректировки квот. Простые тарифные уступки и нетарифные барьеры в торговле уже не могут удовлетворить потребности существующего международного экономического порядка, и механизм ВТО «один голос – одно право» приводит к тому, что принятие решений во многих случаях не может быть успешно продвинуто и трудно достичь эффективной программы по продвижению глобализации. В частности, сфера применения «плюрилатеральных соглашений»² не была расширена (Wang, 2019:98–99). Международная система правосудия слишком идеалистична, чтобы быть эффективной (He, 2010:58). Многочисленные проблемы, подобные этим, доказывают серьезный дефицит руководящей роли доминирующих держав и ослабление их авторитета в области глобального управления.

Проблема «дефицита доверия». Доверие является основополагающим вопросом глобального управления. Межгосударственное доверие является краеугольным камнем международного взаимодействия, и только в этом случае можно максимально использовать преимущества разных стран. В связи с глубокими изменениями в структуре международной власти и возрождением концепции «силовой политики» предполагаемый консенсус по поводу общих интересов переживает серьезный кризис. Из-за различий в историческом, экономическом и культурном развитии стран, а также сложностей международных отношений, многочисленных конфликтов и трений между государствами, наложение различных факторов еще больше усиливает колорит геополитических игр. Доверие между странами, и без того невысокое, продолжает ослабевать. В традиционных державах нарастает тревога относительно потенциала и возможностей развивающихся стран.

Проблема «дефицита мира». В настоящее время мир во всем мире остается приоритетом, однако террористические атаки продолжают представлять угрозу. Кроме того, локальные военные конфликты, развязанные развитыми странами в ряде регионов, способствуют дальнейшей дестабилизации международной безопасности. Ускорение процесса глобализации привело к тому, что интернационализация терроризма достигла небывалых высот (Zeng, 2017:138–139). Менталитет холодной войны и мышление «игры с нулевой суммой» все еще существует, что часто подрывает сотрудничество и мир. Плюрализм разных стран не уважается, а феномен культурного разделения между странами в условиях великодержавного порядка усиливается. Во время российско-украинского конфликта не прекращается политическая игра между

¹ China Daily. URL: <http://china.chinadaily.com.cn/a/201903/27/WS5c9ab033a310e7f8b1572ebb.html> (дата обращения: 25.02.2025).

² Программа плюрилатеральных соглашений предполагает, что в рамках ВТО по тем соглашениям, по которым сложно достичь консенсуса среди всех членов, страны, готовые их подписать, могут сделать это в первую очередь. Такие соглашения вступают в силу только для подписавших стран, но остаются открытыми для присоединения остальных участников ВТО в любое время.

Россией и Западом. В этот период Соединенные Штаты также ведут стратегическое соперничество с Китаем, пытаясь сдержать его во многих областях, включая экономику, политику, армию, науку и технологии, а глобальное управление серьезно разделено.

Проблема «дефицита развития». Дефицит развития становится все более серьезным в эпоху быстрой глобализации. Несмотря на постепенное искоренение бедности, около 1 миллиарда человек в мире все еще живут в бедности. В результате потребления невозобновляемых источников энергии и конкуренции за них, вызванной глобальным открытым рынком, развитые страны получают огромные прибыли за счет своих технологических и капитальных преимуществ, что еще больше увеличивает разрыв между богатыми и бедными во всем мире. Эпидемия «новой короны» оказала серьезное влияние на мировую экономику, а в сочетании с ростом «антиглобализации» появилась неуверенность в экономических перспективах. Соединенные Штаты возобновили торговый протекционизм, стремясь «разделить больше пирога», а предложение международных общественных благ является крайне недостаточным.

Растущая роль развивающихся стран

С 1990-х гг. модель международных отношений вступила в важный переходный период, характеризующийся чертами нестабильного миропорядка, в котором сочетаются разрядка и напряженность, мир и турбулентность. Усилилась экономическая интеграция, появились региональные международные организации, а региональные конфликты стали угрозой мировой безопасности. Сегодня международный политический и экономический ландшафт достиг очередного критического этапа изменений, когда развивающиеся страны, наряду с традиционными державами, стали важными участниками, сторонниками и вкладчиками в систему международного управления. Ученые используют понятие «развивающиеся страны» не только применительно к государствам, демонстрирующим рост в экономической сфере, но и в более широком политическом контексте. Оно служит для обозначения повышения международного статуса той или иной страны, а также ее стремления получить большее право голоса в мировых делах. С точки зрения долгосрочной временной и пространственной перспективы, статус развивающихся стран носит относительный и динамичный характер. Это означает, что в их ряды могут входить и малые, и средние государства, чье развитие со временем может изменить их позиции в мировой экономике. После Второй мировой войны многие развивающиеся страны, стартовавшие с относительно низкого уровня, смогли воспользоваться преимуществом позднего старта. Яркими примерами являются Китай и Индия, которые, опираясь на демографические дивиденды, природные ресурсы и другие факторы, добились значительных успехов в процессе индустриализации во второй половине XX в. В условиях многополярного мира самостоятельность и целеустремленность развивающихся стран становятся все более заметными, усиливая их влияние на глобальные процессы.

Группа двадцати (G20). В последние годы Группа семи (G7) перестала быть эффективной в управлении международными финансовыми делами. G20 постепенно вытесняет G7 в качестве новой системы управления в международной финансовой сфере. Главное отличие G20 от G7 заключается в изменении стран-участниц: от монополии исключительно развитых стран в системе международного управления к сотрудничеству Север–Юг в модели международного экономического управления. В 2022–2025 гг. наблюдался первый случай, когда развивающаяся страна принимала

саммит G20 в течение четырех лет подряд, а в 2025 г. впервые саммит G20 пройдет на африканском континенте, что имеет большое историческое значение. Тематика G20 постепенно распространилась с ранних финансово-экономических и торговых областей на вопросы климата, прав человека, борьбы с коррупцией, энергетики и т.д., а развивающиеся страны сыграли свою роль в развитии многосторонних отношений и сотрудничества (Wang & Liu, 2023: 46–51). Однако развивающиеся страны в G20 также подвергаются гегемонии со стороны развитых стран. Например, вопрос о реформе суверенного кредитного рейтинга в рамках G20 неоднократно поднимался на саммитах в Вашингтоне, Лондоне, Питтсбурге и Торонто. Однако учитывая, что принимающей стороной каждый раз выступали США или их союзники, обсуждение проходило в условиях доминирования развитых стран. Они намеренно преуменьшали значение интересов развивающихся государств при реформировании методов и стандартов кредитных рейтингов. В результате прогресс в изменении международной системы оценки суверенных кредитов остается крайне ограниченным (Zhu, 2020:87).

БРИКС. Это неформальное объединение крупных стран с развивающейся экономикой. Изначально в состав БРИКС входили пять стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР – Южно-Африканская Республика. В 2024 г. к ним присоединились еще четыре государства – ОАЭ, Иран, Эфиопия и Египет. В начале 2025 г. к объединению присоединилась Индонезия, и число участников достигло десяти. Поэтому сегодня корректнее называть этот союз БРИКС+. БРИКС вышла на международную арену как международная организация, не только играющая важную роль в экономике, но и вносящая выдающийся вклад в решение глобальных проблем, таких как политика, окружающая среда и энергетика. Сейчас у объединения три ключевых направления работы. Они прописаны в Стратегии экономического партнерства БРИКС: «политика и безопасность», «экономика и финансы» и «культурно-гуманитарные контакты»³. Все страны БРИКС относятся к развивающимся государствам, и их объединяет общая цель – усиление влияния на мировой арене. При этом Соединенные Штаты предпринимают попытки ослабить сплоченность объединения, например, через стратегическое сближение с Индией. Чтобы эффективно участвовать в глобальном управлении, странам БРИКС необходимо укреплять стратегическую синергию и координацию.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Шанхайская организация сотрудничества возникла как механизм «Шанхайской пятерки» для решения исторических проблем, унаследованных от Советского Союза. 26 апреля 1996 г. Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Китай подписали Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. Год спустя, 24 апреля 1997 г., было подписано Соглашение между Республикой Казахстан, Китайской Народной Республикой, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о взаимном сокращении вооруженных сил в районе их общей границы. Оба соглашения заложили правовую основу для последующего урегулирования пограничных вопросов между соответствующими странами. По мере стабилизации обстановки в сфере безопасности стороны расширили сотрудничество на другие области. Китай взаимодействует с Россией и странами Центральной Азии на принципах взаимного доверия и взаимной выгоды, внося значимый вклад в обеспечение

³ Неформальное объединение развивающихся крупных стран. URL: <https://secrets.tbank.ru/glossarij/briks/> (дата обращения: 25.02.2025).

региональной безопасности и стабильности. 15 июня 2021 г. исполняется 20 лет со дня основания ШОС, общий объем внешней торговли которой составляет 6,6 трлн дол. США, что в 100 раз больше, чем 20 лет назад. После Индии и Пакистана в 2023 г. к ШОС присоединится Иран, в результате чего число официальных членов организации достигнет восьми. Следует отметить, что Соединенные Штаты резко скорректировали свою стратегию в Центральной Азии, что ухудшило внешние условия для развития ШОС (Jia & Bi, 2017:41–42).

Приведенные выше примеры показывают, что развивающиеся страны всегда сталкивались с препятствиями, а также с давлением со стороны некоторых крупных держав. В отличие от меняющегося закона традиционного международного порядка продвижение международного порядка развивающимися странами неэквивалентно росту силы и гегемонистской логике некоторых великих держав в истории. Процесс модернизации развивающихся стран – это процесс интеграции в мировую экономику, что означает более глубокое проникновение в систему международной экономической взаимозависимости, имеющей новые черты, отличные от тех, что были в прежние времена. Развивающиеся страны взаимодействуют с традиционными державами на основе их приверженности Уставу Организации Объединенных Наций. Участие развивающихся стран во многих видах деятельности в рамках международного порядка постепенно вывело их на мировую арену и привело к установлению тесного регионального сотрудничества между ними, что усложнило международный порядок, в котором доминируют традиционные крупные державы, как в плане выработки правил многосторонней торговли, так и в плане поддержания существующего порядка (Huang & Gao, 2007:24–29). Существующее международное право постепенно становится «фрагментированным». Поскольку большинство правил Международного валютного фонда и Всемирного банка были сформулированы в конце Второй мировой войны, они больше не адаптированы к глубоким изменениям в мировом экономическом ландшафте. На фоне необходимости выражать интересы развивающихся стран роль БРИКС, ШОС, G20 и других механизмов многостороннего и регионального сотрудничества способствует синергии изменений в правилах международной экономики и торговли.

Путь Китая к непрерывному развитию международного права

Установление какого международного порядка является важной теоретической проблемой, требующей решения. Развитие Китая позволило лучше защитить интересы развивающихся стран; стремительный подъем Китая придал им достаточной уверенности. На самом деле, из-за отсутствия различных соответствующих условий подготовки некоторые концепции и нормы развивающихся стран не были проверены на практике, что также дает основания существующим гегемонистским державам сохранять статус-кво (Chen, 2019:65–90). Китай является наиболее заметной из всех развивающихся стран движущей силой эволюции международного порядка. Для того, чтобы международный порядок развивался в направлении справедливости, крайне важно понять основную позицию Китая (Ху, 2012:186–187). Развивающиеся страны, такие как Китай, должны осознать, что этим странам трудно использовать подход стран-гегемонов, чтобы добиться изменений в международной правовой системе, пока их всеобъемлющая сила не превысит силу стран-гегемонов (Yan, 2011:1-28). В условиях постоянного доминирования традиционных великих держав над мировым порядком и ослабления норм международного права развивающиеся

страны неизбежно сталкиваются с серьезными вызовами, преодоление которых требует внутренней координации и групповой синергии. Исходя из принципов мирного развития, которые отстаивает Китай, необходимо продолжать укреплять единство развивающихся стран и способствовать устойчивому прогрессу международного права следующими путями.

Увеличение предложения международных общественных благ. Международные общественные блага – это продукты, блага которых распространяются на все страны, народы и поколения. Термин «общественные» предполагает, что продукт охватывает широкую международную группу населения, а «международные» – что продукт пересекает границы, регионы и группы, где «блага» могут быть интерпретированы как механизм сотрудничества (Inge & Marc, 1999:4). Порядок безопасности и порядок разрешения международных споров являются крупнейшими общественными благами. На протяжении всего времени предоставление глобальных общественных благ основывалось на наборе правил международного управления, созданных после Второй мировой войны, а Соединенные Штаты, как сверхдержава, играли ключевую роль в поддержании политического баланса в важных глобальных регионах, поддержании международных систем и правил, а также открытого международного экономического и финансового порядка (Zhao, 2020:60). Создание под руководством США Организации Объединенных Наций и Всемирной торговой организации является величайшей защитой международного порядка безопасности и торгового порядка. Однако предоставление страной общественных благ международному сообществу также связано с ее собственной экономической мощью, и с точки зрения теории гегемонистской стабильности державы-гегемоны поддерживают международный экономический порядок на основе «избыточной мощности», и по мере роста затрат на поддержание порядка ослабление держав-гегемонов становится исторической необходимостью (Ху, 2002:17–18). Развивающиеся страны стремятся укрепить свое влияние в мире, добиться признания со стороны других государств и способствовать формированию справедливого международного порядка. В этом контексте предоставление общественных благ становится для них эффективным инструментом, особенно когда страны-гегемоны не способны в полной мере обеспечить эти блага или когда выгоды от их предоставления недостаточны, что снижает мотивацию гегемонов. По мере усиления развивающихся стран их стремление и способность предоставлять общественные блага будут возрастать, поскольку это соответствует их собственным интересам. Кроме того, с точки зрения исторического развития американской гегемонии, когда Соединенные Штаты не обладали достаточной силой, они продолжали накапливать свое влияние и международный престиж в рамках порядка великих держав, возглавляемого Великобританией, и только когда Соединенные Штаты обрели способность и престиж для установления глобального порядка, гегемонистская власть перешла от Великобритании к Соединенным Штатам.

Сегодня развивающиеся страны переживают период экспериментов по предоставлению общественных благ, дополняющих те, что уже предлагаются государствами-гегемонами. Об этом свидетельствует ограниченная сфера действия таких благ: они применимы лишь в отдельных регионах или специфических областях и пока не достигли глобального масштаба. Однако развивающиеся страны, выступая дополнением к общественным благам, предоставляемым странами-гегемонами, несут меньшие издержки и риски.

Влияние Китая было наиболее значительным в создании и совершенствовании ряда международных общественных благ на основе многосторонней системы. Учитывая отсутствие желания США предоставлять международные общественные блага в последние годы, инициатива «Пояс и путь» – это общественное благо, которое Китай предоставил международному сообществу после того, как он принял участие в развитии глобализации и обладал определенной степенью экономической мощи (Shi, 2021:162–165). После реализации инициативы «Пояс и путь» ряд коридоров международного экономического сотрудничества соединил экономическую сферу Азия–Европа, и в основном сформировалась сеть свободной торговли, основанная на ряде соглашений о свободной торговле. Огромная сеть свободной торговли позволила значительно снизить транзакционные издержки и затраты на ведение бизнеса между многими странами вдоль маршрута, а уровень либерализации и упрощения процедур торговли во многих странах значительно повысился. Проходящий через Азию и Европу «Пояс и путь» создал платформу для торговых обменов между странами с разным экономическим уровнем, расположенными вдоль маршрута, и открыл каналы внешней торговли для ряда стран, не имеющих выхода к морю, с закрытым транспортом и неразвитой внешней торговлей. По инициативе Китая ряд африканских и латиноамериканских стран один за другим подписывают документы о сотрудничестве, и торговая цепочка «Пояса и пути» постепенно распространяется на Африку и Латинскую Америку, полностью преодолевая географические ограничения. Согласно теории «эффекта домино» «Пояс и путь» привлечет все больше стран к участию в нем, и в то же время он сыграет важную роль в развитии глобальной многосторонней торговли⁴. В последние годы для решения дилеммы глобальной безопасности, поддержания глобального мира и стабильности, а также содействия глобальному устойчивому развитию Китай вносит в мир китайскую мудрость, последовательно выдвигая Инициативу глобального развития (ИГР) и Инициативу глобальной безопасности (ИГБ), которые также являются относительно важными международными общественными благами. По сути указанные инициативы тесно увязывают вопросы глобального развития и безопасности, обеспечивая руководство и направление действий для всех стран мира, включая развивающиеся страны.

Укрепление национальной «мягкой» и «жесткой» силы. Способность страны предоставлять общественные блага напрямую зависит от ее мощи. В противном случае она рискует утратить возможность поддерживать их производство, что может привести к подрыву соответствующего международного порядка. Экономическая мощь призвана убедить другие государства в способности страны обеспечивать общественные блага, тогда как военная мощь демонстрирует ее возможность поддерживать стабильность международного порядка. Только обладая достаточной экономической и военной силой, страна может добиться признания со стороны других государств и тем самым способствовать формированию устойчивого международного порядка. Нынешние развивающиеся страны смогли укрепить свою экономическую и военную мощь и сократить разрыв с крупными державами, воспользовавшись мирной международной обстановкой и стабильным международным порядком. Рост экономической и военной мощи развивающихся стран – это еще и способ доказать остальным странам, что они способны поддерживать мировой порядок, в определенной степени предоставлять общественные блага, а также оказывать

⁴ Richard, B. (1993) A Domino Theory of Regionalism, National Bureau of Economic Research Working Paper. Режим доступа: <https://www.nber.org/papers/w4465> (дата обращения: 05.02.2025).

свое международное влияние и вносить вклад в трансформацию международного порядка.

Если экономическая и военная мощь – это жесткая сила страны, то сила дискурса относится к мягкой силе и является важным отражением ее международного статуса (Luo & Zhang, 2021:151–156). Могущество – это положительный фактор для дискурса. Сильный политический престиж может произвести достаточное сдерживание других стран в процессе переговоров или участия в выработке международных правил. Опираясь на собственную силу, Соединенные Штаты достигли очень высокой степени дискурса в решении международных вопросов и, таким образом, обладают очень сильной убеждающей силой в формулировании международных стратегических целей, а также в установлении международного порядка. Чтобы добиться признания и поддержки в мире, США используют не только свою мощь и ресурсы. Важную роль играет американская культура, которая стала основой глобального порядка. Она отражает ценности страны: хотя у США не такая долгая история, их идеи о защите прав человека были приняты во всем мире и стали общим правилом. Благодаря культурному экспорту «прав человека» Соединенные Штаты заручились поддержкой других стран мира, а культурная самобытность может способствовать укреплению связей между странами, обеспечивая тем самым реализацию глобального плана Соединенных Штатов. В настоящее время мир вступил в период упадка гегемонии, и политический престиж США подвергся определенному воздействию.

Развивающиеся страны, обладающие определенной силой, также должны уделять внимание построению своего собственного дискурса и культурной продукции, чтобы усилить свое влияние в мире. Развивающиеся страны должны полагаться на международные механизмы, чтобы усилить свой дискурс. Международное сообщество может создать более благоприятную институциональную среду для сотрудничества путем создания эффективных международных механизмов, что также позволит международному сообществу не тратить много ресурсов на создание новых механизмов⁵.

Стабилизация существующей многосторонней системы. В современном мире стабилизация существующей многосторонней системы представляет собой оптимальный путь для решения ключевых проблем глобального управления, укрепления доверия, поддержания мира и обеспечения устойчивого развития международного сообщества. Только дальнейшее углубление глобализации и последовательная реализация подлинно многостороннего подхода способны раскрыть сравнительные преимущества каждой страны. Это позволит всем государствам получить больше политических и экономических выгод в процессе глобальной интеграции. Такой подход не только способствует справедливому распределению благ глобализации, но и укрепляет международное сотрудничество, создавая основу для стабильного и процветающего мирового порядка (Liao, 2023:18–27). Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что «мировые проблемы запутаны и сложны, и выход из них заключается в поддержании и практическом применении многостороннего подхода и содействии построению сообщества человеческой судьбы» (Xi, 2022:461). Китай будет твердо поддерживать международную систему, ядром которой является Орга-

⁵ Robert, K. (1984) After Hegemony Cooperation and Discord in the World Political Economy Princeton Univ Pr. URL: https://www.academia.edu/84097992/Robert_O_Keohane_After_Hegemony_Cooperation_and_Discord_in_the_World_Political_Economy_Princeton_Univ_Pr_1984 (дата обращения: 05.02.2025).

низация Объединенных Наций, международный порядок, основанный на международном праве, и основные нормы международных отношений, основанные на целях и принципах Устава ООН⁶. «Реформа многосторонней системы» не является противоположностью «стабильности». Продвижение целенаправленной реформы ВТО и повышение эффективности роли ВТО в глобальном экономическом управлении являются необходимыми мерами для стабилизации существующей многосторонней системы. Постепенное возвышение некоторых развивающихся стран в лице Китая в полной мере продемонстрировало их совместную силу на многосторонних переговорах и при разрешении споров в ВТО, в то время как доминирующая власть развитых стран ослабевает и их преимущества не так велики, как раньше⁷. Ущемленные интересы заставили некоторые развитые страны действовать быстро, но не для того, чтобы скорректировать существующую многостороннюю систему, сделав ее более благоприятной для своих интересов, а для того, чтобы подорвать многостороннюю систему. Некоторые развитые страны несколько превосходят развивающиеся по политической и экономической мощи, но они далеко не всегда могут достичь уровня построения наиболее благоприятного для них экономического и торгового порядка, поэтому они используют свою власть для подрыва функционирования многосторонней системы, центром которой является ВТО, и препятствуют развивающимся странам, таким как Китай, в укреплении их собственной мощи в существующей многосторонней системе. Разрушение многосторонней системы некоторыми развитыми странами подорвало авторитет этой системы. Если механизм принятия решений на основе консенсуса в рамках существующей многосторонней системы ВТО будет ослаблен, а правилами международной торговли и экономического сотрудничества будут манипулировать отдельные страны, то не только менее развитые страны будут лишены возможностей справедливого развития, но и свобода торговли и справедливость торговли в глобальном масштабе будут серьезно подорваны. Председатель КНР Си Цзиньпин вновь заявил: «Мы должны решительно защищать авторитет и статус Организации Объединенных Наций и совместно практиковать истинную многосторонность» (Xi, 2022:476). Китай выдвинул четыре основных предложения по реформированию ВТО. Во-первых, реформа ВТО должна сохранить статус основного канала многосторонней торговой системы в процессе либерализации и упрощения мировой торговли; во-вторых, выступление за то, чтобы все страны сообща защищали краеугольный камень многосторонней торговой системы и реализовывали принцип недискриминации в международных торговых отношениях; в-третьих, внедрение и совершенствование особого и дифференцированного режима, гарантирование интеграции развивающихся стран-членов в существующую многостороннюю систему и исправление «дефицита развития» в правилах ВТО; и, в-четвертых, следование механизму принятия решений на основе консенсуса, международная экономическая и торговая деятельность должна осуществляться на основе взаимного уважения, равноправного диалога и всеобщего участия (Kong, 2019:53).

⁶ В КНР намерены поддерживать главенствующую роль ООН в международных отношениях. URL: <https://news.rambler.ru/sociology/49651441-v-kr-namereny-podderzhivat-glavenstvuyuschuyu-rol-onn-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah/?ysclid=m8trejz5cw534756128> (дата обращения: 05.02.2025).

⁷ John, I. (2008) *The Rise of China and the Future of the West - Can the Liberal System Survive*. Foreign Affair 23. URL: <https://ciaotest.cc.columbia.edu/journals/fa/v87i1/0000786.pdf> (accessed: 05.02.2025).

Заключение

Потребности развивающихся стран в развитии неизбежно будут влиять на международный порядок, а, поскольку международное право является основой международного порядка, развитию международного права должно уделяться первостепенное внимание. Путь модернизации по китайскому образцу имеет важное значение для дальнейшего развития международного права и задает направление для развивающихся стран. Сможет ли международный порядок в XXI веке достичь мирного перехода, зависит от того, достаточно ли сил и условий для поддержания мира. Занятие позиции мирного развития требует внимания к переменным меняющегося международного порядка, повышения основной конкурентоспособности развивающихся стран и формирования безопасной и стабильной международной среды, что поможет укрепить фундамент развития международного права и даст импульс для изменения международного порядка. Только благодаря консенсусу ценностей, заложенных в общественные блага, правовые системы, национальные культуры и региональное сотрудничество, развивающиеся страны смогут более эффективно оказывать свое международное влияние и способствовать реализации стратегических целей. На этой основе можно создать условия для того, чтобы развивающиеся страны и традиционные сильнейшие державы достигли подлинной многосторонности, чтобы вести диалог и консультации на равных, развивать хорошее международное сотрудничество и постоянно содействовать реализации конечного идеала сообщества человеческой судьбы.

References / Список литературы

- Antonio, C. (2009) *International Law*. Translated by Cai C. et al. Beijing, Law Press Publ. (in Chinese).
安东尼奥·卡塞斯. 国际法. 蔡从燕等译. 北京: 法律出版社2009年版.
- Chen, Zh. (2019) Norm Containment and Its Tactics: Evidences from the Evolution of “The Responsibility to Protect”. *World Economics and Politics*. (6), 65–90. (in Chinese).
陈拯. 规范阻滞及其策略——以中俄等在“保护的责任”演进中的实践为例 // 世界经济与政治. 2019. № 6. С. 65–90.
- He, Zh. (2010) The Judicial Dilemma in the Politics of Great Powers: Reflections and Implications of the International Court of Justice’s “Kosovo Independent Advisory Opinion”. *Studies in Law and Business*. (6), 55–62. (in Chinese).
何志鹏. 大国政治中的司法困境——国际法院“科索沃独立咨询意见”的思考与启示 // 法商研究. 2010. № 6. С. 55–62.
- Huang, H. & Gao, H. (2007) The U.S. and the World Multilateral Trading System – The Dual Role of the U.S. from the Perspective of Structural Power. *Contemporary International Relations*. (7), 24–29. (in Chinese).
黄河, 高辉. 美国与世界多边贸易体制——从结构性权力视角看美国的双重作用 // 现代国际关系. 2007. № 7. С. 24–29.
- Inge, K., Isabelle, G. & Marc, S. (1999) *Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century*. Oxford, Oxford University Press.
- Jia, Sh. & Bi, H. (2017) Evolution and Prospect of Central Asia Policy of the United States of America. *Journal of Shanghai Jiao tong University (Philosophy and Social Sciences)*. (2), 40–46. (in Chinese).
贾少学, 毕洪业. 美国中亚政策的演变及前景 // 上海交通大学学报 (哲学社会科学版). 2017. № 2. С. 40–46.

- Kong, Q. (2019) A Comparison between the US' and EU's Visions on WTO Reform and Those of China. *Chinese Journal of European Studies*. (3), 38–56. (in Chinese).
孔庆江. 美欧对世界贸易组织改革的设想与中国方案比较 // 欧洲研究. 2019. № 3. C. 38–56.
- Liu, H. (2019) U.S.-Initiated Trade War Threatens International Legal Order. *Red Flag Manuscript*. (16), 36–38. (in Chinese).
柳华文. 美国发起的贸易战威胁国际法律秩序 // 红旗文稿. 2019. № 16. C. 36–38.
- Lin, Yu. & Zheng, X. (2023) Research on Enhancing BRICS Countries' Capabilities of Driving Global Governance Reform under Governance Deficit. *Asia-Pacific Economic Review*. (1), 10–20. (in Chinese).
林跃勤, 郑雪平. 治理赤字下金砖国家增强全球治理变革推动力研究 // 亚太经济. 2023. № 1. C. 10–20.
- Luo, H. & Zhang, W. (2021) Changes in the Discourse Power of Global Governance Caused by America's "Withdrawal Doctrine" and Opportunities for China. *Journal of Xiangtan University: Philosophy and Social Sciences*. (1), 151–156. (in Chinese).
罗会钧, 张维超. 美国“退出主义”导致的全球治理话语权变化以及中国的机遇 // 湘潭大学学报(哲学社会科学版). 2021. № 1. C. 151–156.
- Liao, F. (2023) An Interpretation of the Chinese Path to Modernization under International Law. *Wuhan University International Law Review*. (1), 18–30. (in Chinese).
廖凡. 中国式现代化的国际法意涵 // 武大国际法评论. 2023. № 1. C. 18–30.
- Shi, J. (2021) The Belt and Road Initiative and International Law: An Analysis from the Perspective of the Supply of International Public Goods. *Social Sciences in China*. (1), 156–179. (in Chinese).
石静霞. “一带一路”倡议与国际法—基于国际公共产品供给视角的分析 // 中国社会科学. 2021. № 1. C. 156–179.
- Simpson, G. (2008) *Great Powers and Outlaw States: Unequal Sovereigns in the International Legal Order*. Trans. by Zhu, L. Beijing, Peking University Press. (in Chinese).
杰里·辛普森. 大国与法外国家. 朱利江译. 北京: 北京大学出版社2008年版.
- Wang, Zh. (2019) New South-North Contradiction and the Dilemma of Multilateral System. *International Economics and Trade Research*. (4), 93–104. (in Chinese).
王中美. 新南北矛盾与多边体系的困境 // 国际经贸探索. 2019. № 4. C. 93–104.
- Wang, W. & Liu, D. (2023) The Era of Emerging Countries of G20: History, Current Situation and Future. *Academic Exploration*. (2), 46–56. (in Chinese).
王文, 刘迪. G20的新兴国家时代: 历史、现状与未来 // 学术探索. 2023. № 2. C. 46–56.
- Xi, J. (2018) *On Building a Human Community with a Shared Future*. Beijing, Central Party Literature Press. (in Chinese).
习近平. 论坚持推动构建人类命运共同体. 北京: 中央文献出版社2018版.
- Xi, J. (2022) *The Governance of China*. Beijing, Foreign Languages Press. (in Chinese).
习近平. 习近平谈治国理政(第四卷). 北京: 外文出版社2022年版.
- Xing, Yu. (2023) Chinese Path to Modernization from the Perspective of Civilization Model. *People's Tribune · Academic Frontiers*. (4), 42–48. (in Chinese).
邢云文. 文明形态视野下的中国式现代化 // 人民论坛·学术前沿. 2023. № 4. C. 42–48.
- Xu, Ch. (2012) The Rise of New Emerging Countries and the Construction of a New International Economic Order: A Perspective from the Chinese Path. *Social Sciences in China*. (10), 186–204. (in Chinese).
徐崇利. 新兴国家崛起与构建国际经济新秩序—以中国的路径选择为视角 // 中国社会科学. 2012. № 10. C. 186–204.
- Xu, J. (2002) *A Treatise on International Mechanisms*. Beijing, Xinhua Publishing House. (in Chinese).

徐杰. 国际机制论. 北京: 新华出版社2002年版.

Yan, X. (2011) International Leadership and the Evolution of International Norms. *Quarterly Journal of International Politics*. (1), 1–28. (in Chinese).

阎学通. 国际领导与国际规范的演化 // 国际政治科学. 2011. № 1. С. 1–28.

Zhao, Ch. (2020) Who will provide global public goods after the epidemic? *China Development Observation*. (4), 60. (in Chinese).

赵昌文. 疫情后谁来提供全球公共产品? // 中国发展观察. 2020. № 4. С. 60.

Zeng, X. (2017) Globalization, Anti-Globalization and the New Wave of Terrorism. *Foreign Affairs Review*. (3), 130–156. (in Chinese).

曾向红. 全球化、逆全球化与恐怖主义新浪潮 // 外交评论. 2017. № 3. С. 130–156.

Zhu, J. (2020) Rising Power's Path Selection in International Institutional Change. *World Economics and Politics*. (6), 75–105. (in Chinese).

朱杰进. 崛起国改革国际制度的路径选择 // 世界经济与政治. 2020. № 6. С. 75–105.

Сведения об авторе:

Цзя Шаосюе – доктор юридических наук, доцент, Центр Международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС, Шанхайский университет политических наук и права; Китайская Народная Республика, 201701, г. Шанхай, район Ципу, проспект Вэйцисун, 7989

ORCID: 0000-0002-3159-0387, SPIN-код: 7851-1079

e-mail: ys02302041@126.com

About the author:

Jia Shaohue – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor of the Center for International Legal Training and Cooperation for the SCO, Shanghai University of Political Science and Law; 7989, Weiqingsong Ave, Qingpu District, Shanghai, 201701, People's Republic of China

ORCID: 0000-0002-3159-0387, SPIN-код: 7851-1079

e-mail: ys02302041@126.com

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-637-650>

EDN: AHDEOF

Научная статья / Research Article

Зарубежный опыт стран-участниц БРИКС по правовому регулированию функционирования публичной власти в сфере здравоохранения: на примере Федеративной Республики Бразилия

С.О. Каприна

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
 KaprinaSO@yandex.ru

Аннотация. Дан анализ реализации института публичной власти в сфере здравоохранения в странах-участницах БРИКС на примере Федеративной Республики Бразилия. Исследован ряд современных работ отечественных и зарубежных ученых-правоведов, которые посвящали свои труды современному устройству государства и вовлеченности в систему власти – органов, структур и институтов, осуществляющих свою деятельность на разных уровнях. Выявлены сильные и слабые стороны современного состояния реализации публичной власти в сфере здравоохранения Бразилии. Проведен анализ того, как определенные аспекты организации публичной власти в Бразилии могут послужить примером для совершенствования системы публичной власти в Российской Федерации с учетом современной макроэкономической составляющей международной политики и геополитической обстановки.

Ключевые слова: публичная власть, единая система здравоохранения, государственная власть, взаимодействие, структура, иерархия, региональный, муниципальный, федеральный, общественный, правовое поле, современное общество

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

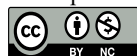
Поступила в редакцию: 10 февраля 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2025 г.

Для цитирования:

Каприна С.О. Зарубежный опыт стран-участниц БРИКС по правовому регулированию функционирования публичной власти в сфере здравоохранения: на примере Федеративной Республики Бразилия // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 3. С. 637–650. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-637-650>

© Каприна С.О., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

BRICS legal practices in regulating public authorities in healthcare: Insights from Brazil

Sophia O. Kaprina

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

KaprinaSO@yandex.ru

Abstract. The article examines the implementation of public authority in the healthcare sector of BRICS member countries, using the Federal Republic of Brazil as a case study. The author reviews a range of contemporary works by domestic and foreign legal scholars focused on the modern structure of the state and its involvement in governance systems – bodies, structures, and institutions operating at various levels. The strengths and weaknesses of the current implementation of public authority in Brazil's healthcare sector have been identified. The article explores how certain aspects of Brazil's public power organization can serve as an example for improving the system of public authority in the Russian Federation, taking into account the current macroeconomic context of international politics and the geopolitical situation.

Key words: public authority, unified healthcare system, state power, interaction, structure, hierarchy, regional, municipal, federal, public, legal field, modern society

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 10th February 2025

Accepted: 15th July 2025

For citation:

Kaprina, S.O. (2025) BRICS legal practices in regulating public authorities in healthcare: Insights from Brazil. *RUDN Journal of Law*. 29 (3), 637–650. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-637-650>

Введение

Современная геополитическая обстановка предъявляет новые вызовы как для стран «третьего мира», так и для развитых стран, менее подверженных процессам глобализации и не входящим в западноориентированные экономические и военно-политические блоки¹.

Особый интерес для изучения различных аспектов формирования современного многополярного мира в современных условиях представляют страны, входящие в трансконтинентальный глобальный форум БРИКС, отражающий экономическое, культурное и социальное взаимодействие четырех континентов – Азии, Африки, Европы и Латинской Америки. Экспертное сообщество позиционирует БРИКС как строящийся вне стереотипов новый алгоритм международных отношений со своим вектором развития (Bevelikova, 2015).

БРИКС (англ. BRICS – сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa) – объединение десяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР, ОАЭ, Ирана, Египта, Эфиопии и Индонезии, основанное в июне 2006 года как БРИК

¹ Sophe N. The Making of an East Asian Community: Strategic Challenges, Strategic Responses. Unpublished speech. Tokyo. 2004. С. 3–4.

(BRIC) в рамках Петербургского экономического форума с участием министров экономики Бразилии, России, Индии, Китая².

В состав БРИКС входит разнородная группа стран, для которых характерны различные политические системы и уровни экономического развития. В совокупности эти государства представляют значительную часть мирового населения, то есть примерно половину человечества.

Исследование опыта дружественных России стран-участниц БРИКС в современных условиях обретает особую актуальность.

В рамках БРИКС существует заметная взаимосвязь между уровнем жизни и состоянием здоровья населения. Быстрый экономический рост в сочетании с ускоряющейся урбанизацией парадоксальным образом привел к росту уровня бедности в городах и ухудшению состояния окружающей среды. В то же время демографические сдвиги, такие как старение населения и снижение рождаемости, способствовали увеличению ожидаемой продолжительности жизни и соответствующему росту распространенности неинфекционных заболеваний. Кроме того, значительное увеличение числа случаев дорожно-транспортного травматизма усугубляет сложную ситуацию в области здравоохранения. В результате страны БРИКС сталкиваются с «двойным бременем» болезней, характеризующимся сочетанием инфекционных заболеваний и состояний, связанных с загрязнением окружающей среды, стрессом и злоупотреблением психоактивными веществами. Приоритеты государств в области здравоохранения значительно совпадают, что отражает ключевые проблемы, с которыми сталкиваются их соответствующие структуры здравоохранения. Со временем страны БРИКС накопили значительный опыт в укреплении систем здравоохранения, а также в распространении и внутреннем производстве доступных фармацевтических препаратов и вакцин, что позиционирует их как потенциальную модель для других развивающихся стран (Konokhova, 2019).

Поскольку имеет смысл рассматривать зарубежный опыт по правовому регулированию функционирования публичной власти в сфере здравоохранения в условиях государственного устройства и правового поля, аналогичного российским, целесообразно ограничиться странами, имеющими федеративное устройство и республиканскую форму правления. При этом необходимо учесть влияние дестабилизирующих процессов на сегодняшнем макроэкономическом уровне (Kaprina, 2024).

Особый интерес в этом плане представляет Бразилия как страна, имеющая не только во многом схожую с Россией систему государственного управления, но также большую территорию (пятое место в мире по площади – 8,5 млн км²), население (7-е место в мире – 212,8 млн чел.)³, причем как и в России, неравномерно распределенное и многонациональное), обширные природные ресурсы и высокий экономический потенциал.

Понятие «публичной власти» в правовом поле Бразилии и России

Федеративная Республика Бразилия (Бразилия) представляет президентскую республику.

² The Strategy for BRICS Economic Partnership 2025. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/3a71260309ef290a0cfa3fe698a55e83/Strategy%20for%20BRICS%202025.pdf> (accessed: 07.02.2025).

³ Портал «World Population Review». URL: <https://worldpopulationreview.com> (дата обращения 10.02.2025).

Основополагающим правовым документом Федеративной Республики Бразилия является Конституция, которая имеет обязательную силу для всех государственных органов и частных лиц в пределах границ страны. Собственную конституцию имеет также и каждый бразильский штат, причем эти субнациональные правовые акты должны соответствовать всеобъемлющим принципам и положениям, закрепленным в Федеральной конституции⁴.

Во главе государства стоит президент, который также выполняет функции главы правительства и верховного главнокомандующего. В соответствии со статьей 76 Конституции Бразилии Президент осуществляет исполнительную власть на федеральном уровне при помощи государственных министров, а также высших консультативных органов – Совета Республики и Совета национальной обороны.

Двухпалатный Национальный конгресс является высшим органом законодательной власти и состоит из Палаты депутатов и Федерального сената.

Президент также имеет право законодательной инициативы, имеет право налагать вето на законы, осуществляет делегированное законодательство, имеет право на издание актов, имеющих силу закона.

В каждом штате Бразилии действует однопалатное законодательное собрание, которое является представительным органом власти штата. В компетенцию законодательного собрания входит принятие законов штата, утверждение бюджета штата, контроль за деятельностью исполнительной власти штата и решение других вопросов, отнесенных к ведению штата. На уровне штата исполнительную власть представляет губернатор штата. Исполнительные, распорядительные, контролирующие органы штата учреждаются в соответствии с Конституцией и законодательством штата и возглавляются государственными секретарями (Minnibaev & Sharifullin, 2014).

В правовом поле Бразилии понятие «публичная власть» существует уже без малого 100 лет. Первое определение этой сущности дал известный бразильский юрист Оскар Жозеф де Пласидо и Силва в своем Юридическом словаре: «Публичная власть – это совокупность органов, уполномоченных осуществлять деятельность государства, состоящая из законодательной власти, исполнительной власти и судебной власти»⁵.

Современная формулировка размещена на официальном портале Палаты депутатов Бразилии: «Совокупность органов, посредством которых государство и другие публичные образования осуществляют свои конкретные функции. Сила государства, посредством которой оно сохраняет свой суверенитет»⁶. Данное определение весьма схоже с тем, которое прописано в российском Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»: «совокупность органов государственной власти федерального уровня и уровня субъектов России, органов местного самоуправления и иных государственных органов, осуществляющих свою деятельность в соответствии с перечисленными принципами и предусмотренными законодательно видами взаимодействия в целях соблюдения и защиты

⁴ Constituição da República Federativa do Brasil. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (accessed: 30.01.2025).

⁵ De Plácido E.S. Vocabulário Jurídico. Rio de Janeiro: Forense. 2014. 1518 p.

⁶ Poder Público. Câmara dos deputados. URL: <https://www2.camara.leg.br/a-camara/estruturaadm/gestao-na-camara-dos-deputados/responsabilidade-social-e-ambiental/acessibilidade/glossarios/dicionario-de-libras/p/poder-publico> (accessed: 25.01.2025).

прав и свобод человека и гражданина, а также создания условий для социально-экономического развития государства»⁷.

Рассмотрим, как в свете данных определений совокупность элементов государственного управления, объединенных понятием «публичная власть», сказывается на структуре и функционировании системы бразильского здравоохранения.

Исполнительную власть в сфере здравоохранения на федеральном уровне входят следующие структуры.

- Министерство здравоохранения.
- Национальный совет здравоохранения (CNS), объединенный комитет, учрежденный законом от 28 декабря 1990 г. № 8.142 «Об участии общественности в управлении Единой системой здравоохранения (SUS) и межправительственных переводах финансовых ресурсов в сфере здравоохранения»⁸, определяет стратегию развития и осуществляет общий контроль за состоянием системы общественного здравоохранения и ее экономическими аспектами, выступая, таким образом, в качестве высшего органа, принимающего решения в SUS.
- Национальное агентство наблюдения за здоровьем Бразилии (ANVISA), созданное в соответствии с законом от 26 января 1999 г. № 9.782 «О Национальной системе надзора за здоровьем»⁹, является основным регулирующим органом здравоохранения в Бразилии, его обязанности охватывают регулирование и надзор за лекарственными средствами, продуктами питания, косметикой, медицинскими приборами, дезинфицирующими средствами и т. д. ANVISA устанавливает правила, проводит испытания и сертификацию, а также контролирует безопасность и эффективность этих продуктов¹⁰.
- VISA – муниципальное агентство, отвечающее за надзор за здоровьем, эпидемиологию и контроль заболеваний в каждом муниципалитете. Оно осуществляет надзор и контроль за санитарными условиями в коммерческих учреждениях, отслеживает вспышки заболеваний, проводит профилактические мероприятия и содействует укреплению здоровья. В Сан-Паулу соответствующее агентство известно как COVISA (Координация надзора за здоровьем)¹¹.
- CRF – Региональный фармацевтический совет: CRF – региональное агентство, регулирующее и контролирующее фармацевтику. В каждом регионе страны есть CRF, отвечающий за обеспечение соответствия законодательству и техническим стандартам, связанным с фармацевтической деятельностью. CRF проводит проверки аптек, аптекарских магазинов, лабораторий и других фармацевтических учреждений, содействуя безопасности при отпуске лекарств.
- Национальное агентство по регулированию частного медицинского страхования (ANS), учрежденное законом от 28 января 2000 г. № 9.961 «О создании

⁷ Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 50 (ч.3), ст. 8039. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/46186> (дата обращения: 25.01.2025).

⁸ Lei № 8.142 de 28 de dezembro de 1990. Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l8142.htm (accessed: 30.01.2025).

⁹ Lei No. 9.782 de 26 de janeiro de 1999. Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l9782.htm (accessed: 30.01.2025).

¹⁰ Agência Nacional de Vigilância Sanitária – Anvisa // Ministério da Saúde. URL: <https://www.gov.br/anvisa/pt-br> (accessed: 30.01.2025).

¹¹ The Different Health Regulatory Agencies in Brazil. URL: <http://www.novatradebrasil.com/en/the-different-health-regulatory-agencies-in-brazil/> (accessed: 30.01.2025).

Национального агентства по регулированию частного медицинского страхования»¹², является учреждением правительства Бразилии при Министерстве здравоохранения, которое осуществляет свою деятельность по всей стране с целью регулирования, стандартизации, контроля и инспектирования сектора частного медицинского страхования и планов. Закон от 12 февраля 2001 г. № 10.185 «О специализации страховых компаний на частных планах медицинского обслуживания»¹³ предусматривает специализацию страховых компаний на частных планах медицинского обслуживания, которые подлежат регулированию и надзору со стороны ANS. Нормативная база для этого сектора содержится в законе от 3 июня 1998 г. № 9.656 «О частных планах медицинского обслуживания и страхования»¹⁴, который содержит положения о частных планах медицинского страхования.

- Агентство по развитию возможностей первичной медицинской помощи (ADAPS) (Massuda et al., 2018).

- Национальный комитет по лекарственным растениям и фитотерапии.

- Федеральный медицинский совет (CFM) – независимое государственное агентство Министерства труда и занятости, отвечающее за профессиональное регулирование в области медицины, медицинское лицензирование и контролирующее соблюдение медицинской этики.

Современная система здравоохранения Бразилии была сформирована в конце 80-х годов прошлого века под влиянием общественности, требовавшей социальных реформ в области медицины и образования. Ее цели, задачи и основные принципы во многом основывались на положениях так называемой Алма-Атинской декларации. Концептуальный документ «Декларация по обеспечению равного доступа к первичной медицинской и санитарной помощи «Здоровье для всех» был принят в 1978 году Международной конференцией под эгидой ООН с учетом опыта создания системы доступного здравоохранения в Советском Союзе.

Принципы и задачи Единой системы здравоохранения (SUS)

Бразильская Единая система здравоохранения (Sistema Único de Saúde – SUS) базируется на следующих принципах, заложенных в Конституции 1988 г.¹⁵:

Ст. 196 гласит: «Здоровье является правом каждого и обязанность государства гарантировать его посредством социальной и экономической политики, направленной на снижение риска заболеваний и других опасностей, а также на обеспечение всеобщего и равного доступа к мероприятиям и услугам по его укреплению, защите и восстановлению».

Ст. 197 подчеркивает общественную ценность здравоохранения как государственного института: «Мероприятия и услуги в области здравоохранения имеют общественное значение, органы государственной власти имеют право издавать

¹² Lei No. 9.961 de 28 de janeiro de 2000. Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/19961.htm (accessed: 30.01.2025).

¹³ Lei No. 10.185, de 12 de fevereiro de 2001. Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/leis_2001/10185.htm (accessed: 30.01.2025).

¹⁴ Lei No. 9.656 de 3 de junho de 1998. Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/19656.htm (accessed: 30.01.2025).

¹⁵ Constituição da República Federativa do Brasil. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (accessed: 02.02.2025).

нормы об их регламентации, надзоре и контроле, они могут осуществляться непосредственно или третьими лицами, а также частными физическими или юридическими лицами».

Ст. 198 определяет структуру системы здравоохранения: «Государственная служба здравоохранения структурирована по региональному принципу и составляет единую систему, организованную в соответствии со следующими принципами:

- децентрализация с единым управлением в каждой сфере государственного управления;
- полный комплекс услуг, с уделением приоритетного внимания профилактическим мероприятиям, без ущерба для услуг по оказанию медицинской помощи;
- участие общественности.

Единая система здравоохранения финансируется за счет средств из Федерального бюджета, бюджета штатов, Федерального округа и муниципий, а также из других источников».

Ст. 199 устанавливает нормы отношений между государственным и частным секторами системы здравоохранения: «Медицинская помощь может предоставляется частными организациями посредством договоров или соглашений публичного права, при этом предпочтение отдается благотворительным и некоммерческим организациям. Выделение государственных средств для оказания помощи или субсидирования частного бизнеса, ориентированного на получение прибыли запрещено. Прямое или косвенное участие иностранных компаний или капитала в оказании медицинской помощи в стране запрещено. Условия и требования, которые облегчают изъятие органов, тканей и субстанций человека с целью трансплантации, исследований и лечения, а также сбор, обработку и переливание крови и ее побочных продуктов, определяются соответствующим законом, при этом все виды получения дохода запрещены».

Ст. 200 определяет «прочие компетенции Единой системы здравоохранения:

- осуществление надзора и контроля за процедурами, продуктами и субстанциями, влияющими на здоровье человека, участие в производстве лекарств, оборудования, иммунобиологических препаратов, препаратов крови и иных материалов;
- осуществление мер санитарно-эпидемиологической безопасности, а также мероприятий по охране здоровья трудящихся;
- организация обучения персонала в области здравоохранения;
- участие в определении политики и в реализации основных санитарно-гигиенических мероприятий;
- содействие, научно-техническому развитию в области медицины;
- осуществление надзора и контроля за продуктами питания, включая их состав, а также за алкогольными напитками и питьевой водой;
- участие в надзоре и контроле за производством, транспортировкой, хранением и использованием психотропных, токсичных и радиоактивных веществ и продуктов;
- сотрудничество с экологическими организациями в охране окружающей среды, в том числе на рабочих местах»¹⁶.

¹⁶ Constituição da República Federativa do Brasil. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (accessed: 04.02.2025).

Таким образом в Бразилии право на здоровье не только продекларировано в Конституции, но на конституционном уровне закреплено существование SUS и определены ее основные компетенции и принципы организации. Расширение механизмов участия общества в процессе законотворчества является основным путем построения подлинной демократии здравоохранения в Бразилии. Юридическое определение здоровья, эффективный объем этого права и объем обязанностей государства выражаются нормативным выбором государства в отношении обеспечения права на здоровье. Такой выбор должен осуществляться в среде демократии здравоохранения, которая допускает участие общества в процессе принятия решений и всеобщий и равноправный доступ к услугам, предоставляемым системой общественного здравоохранения (Aith & Dallari, 2014). Результатом является высокая оценка состояния бразильского здравоохранения мировым медицинским сообществом, в частности С.А. Белоусов и Е.А. Тарасова в своей работе утверждают, что «по мнению экспертов, Бразилия стала одним из немногих государств, в которых интересы здоровья населения ставятся выше, чем экономические интересы» (Belousov & Tarasova, 2023).

Положения статей основного закона страны конкретизированы и дополнительно раскрыты Федеральным законом от 19 сентября 1990 г. № 8.080 «О создании и функционировании Единой системы здравоохранения»¹⁷. Помимо этого бразильское здравоохранение регулируется следующими нормативными правовыми актами.

- Закон от 13 июля 1990 г. № 8.069/90 «О медицинском обслуживании детей и подростков»¹⁸.
- Закон от 1 октября 2001 г. № 10.741/03 «О медицинской помощи пожилым людям, включая уход и содержание»¹⁹.
- Закон от 13 ноября 1996 г. № 9.313/96 «О бесплатных лекарствах для лечения ВИЧ/СПИД»²⁰.
- Закон от 27 сентября 2006 г. № 11.347/06 «О бесплатных лекарствах для лечения диабета»²¹.
- Кодекс медицинской этики, утвержденный резолюцией Федерального медицинского совета Бразилии (CFM) от 24 сентября 2009 г. № 1931/2009²².
- Постановление от 30 октября 1998 г. № 3.916/98 «Об утверждении Национальной политики в области лекарственных средств»²³.

¹⁷ Lei No. 8.080 de 19 de setembro de 1990. Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/18080.htm (accessed: 04.02.2025).

¹⁸ Lei No. 8.069 de 13 de julho de 1990. Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/18069.htm (accessed: 04.02.2025).

¹⁹ Lei No. 10.741 de 10 de outubro de 2003. Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/2003/110.741.htm (accessed: 04.02.2025).

²⁰ Lei No. 9.313, de 13 de novembro de 1996. Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/19313.htm (accessed: 04.02.2025).

²¹ Lei No. 11.347 de 27 de setembro de 2006 // Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2004-2006/2006/lei/111347.htm (accessed: 04.02.2025).

²² Resolução CFM No. 1931/2009 // Portal Médico. URL: <https://portal.cfm.org.br/etica-medica/codigo-2010/resolucao-cfm-no-1931-2009/> (accessed: 04.02.2025).

²³ Resolucao No. 3.916 de 30 de outubro de 1998 // Ministério da Saúde. URL: https://bvsms.saude.gov.br/bvs/saudelegis/gm/1998/prt3916_30_10_1998.html (accessed: 04.02.2025).

- Постановление Национального совета по здравоохранению от 6 мая 2004 г. № 338 «Об утверждении Национальной политики фармацевтической помощи»²⁴.

- Постановление от 26 ноября 2009 г. № 2982 «Об утверждении правил внедрения и финансирования фармацевтической помощи в первичной медико-санитарной помощи»²⁵.

- Указ от 22 июня 2006 г. № 5.813 «Об утверждении Национальной политики в области лекарственных растений и фитотерапии»²⁶.

- Межведомственное постановление от 9 декабря 2008 г. № 2960 «Об утверждении Национальной программы по лекарственным растениям и фитотерапии»²⁷.

- Национальная программа семейного здоровья 1994 г. в настоящее время – Стратегия семейного здоровья (ESF)²⁸.

- Резолюция Министерства здравоохранения Бразилии от 31 октября 2018 г. № 41 «О рекомендациях по организации паллиативной помощи в рамках помощи, оказываемой через Единую систему здравоохранения»²⁹.

Федеральный закон от 19 сентября 1990 г. № 8.080 «О создании и функционировании Единой системы здравоохранения» (в редакции Указа президента от 28 июля 2011 г. № 7508) (далее – Закон № 8.080)³⁰ предоставляет широкие полномочия регионам на субъектовом уровне. Ст. 13 Закона № 8.080 гласит: «Для обеспечения всеобщего, равного и упорядоченного доступа пользователей к действиям и услугам здравоохранения SUS субъекты федерации будут нести ответственность, в дополнение к другим обязанностям, которые могут быть согласованы межуправленческими комитетами за:

- инициативы по организации мероприятий и услуг в области здравоохранения на региональном уровне».

- прозрачность, полноту и равенство в доступе к действиям и медицинским услугам;

- планирование и организацию мероприятий в области здравоохранения.

В гл. 5 «Межфедеративное взаимодействие» Закон определяет иерархическую структуру взаимодействия органов управления здравоохранением на федеральном, субъектовом и муниципальном уровне следующим образом:

Ст. 30 определяет, что: «Межуправленческие комитеты согласуют организацию и функционирование мероприятий и услуг в области здравоохранения, на федеральном уровне (уровень Министерства здравоохранения – CIT), при этом к исключительной компетенции CIT относится формирование Национального перечня

²⁴ Resolucao No. 338 de 6 de maio de 2004 // Ministério da Saúde. URL: https://bvsmms.saude.gov.br/bvs/saudelegis/cns/2004/res0338_06_05_2004.html (accessed: 04.02.2025).

²⁵ Resolucao No.2.982 de 26 de novembro de 2009 // Ministério da Saúde. URL: https://bvsmms.saude.gov.br/bvs/saudelegis/gm/2009/prt2982_26_11_2009_rep.html (accessed: 04.02.2025).

²⁶ Decreto No. 5.813 de 22 de junho de 2006 // Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2004-2006/2006/decreto/d5813.htm (accessed: 04.02.2025).

²⁷ Portaria interministerial № 2.960, de 9 de dezembro de 2008 // Ministério da Saúde. URL: https://bvsmms.saude.gov.br/bvs/saudelegis/gm/2008/pri2960_09_12_2008.html (accessed: 04.02.2025).

²⁸ Estratégia Saúde da Família (ESF) // Ministério da Saúde. URL: <https://www.gov.br/saude/pt-br/composicao/saps/estrategia-saude-da-familia/estrategia-saude-da-familia> (accessed: 04.02.2025).

²⁹ Resolucao No. 41 de 31 de outubro de 2018 // Ministério da Saúde. URL: https://bvsmms.saude.gov.br/bvs/saudelegis/cit/2018/res0041_23_11_2018.html (accessed: 07.02.2025).

³⁰ Lei No. 8.080 de 19 de setembro de 1990 // Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l8080.htm (accessed: 07.02.2025).

мероприятий и услуг в области здравоохранения (RENASES); региональном (уровень Департамента здравоохранения штата – CIB) и муниципальном (региональная межуправленческая комиссия – CIR, связанная с Департаментом здравоохранения штата и обязанный соблюдать руководящие принципы CIB)».

Ст. 31 «В межуправленческих комитетах руководители общественного здравоохранения могут быть представлены Национальным советом секретарей здравоохранения – CONASS, Национальным советом секретарей муниципального здравоохранения – CONASEMS и Государственным советом секретарей муниципального здравоохранения – COSEMS».

Ст. 32 определяет полномочия межуправленческих комитетов:

- согласовывать операционные, финансовые и административные аспекты совместного управления SUS в соответствии с планами развития здравоохранения, утвержденными соответствующими советами по здравоохранению; рабочие моменты, связанные с интеграцией действий и услуг здравоохранения между субъектами федерации;
- определять национальные, государственные, региональные и межгосударственные руководящие принципы, в отношении институционального управления и интеграции действий и услуг субъектов федерации, а также обязанности субъектов федерации в системе здравоохранения в соответствии с их демографической численностью и финансово-экономическим развитием, установление индивидуальной и совместной ответственности.

Раздел 2 гл. 5 Закона № 8.080 закрепляет договорный характер взаимодействия между субъектами федерации по организации единой сети здравоохранения, а также определяет:

- цели договора (Ст. 34. «Целью Организационного договора о действиях в области общественного здравоохранения (далее – Организационный договор) является организация и интеграция действий и услуг в области здравоохранения, находящихся в ведении субъектов федерации, с целью обеспечения комплексной помощи пользователям»);
- обязанности его участников. (Ст. 35. «Организационный договор определяет индивидуальные и совместные обязанности субъектов федерации в отношении мероприятий и услуг в области здравоохранения, целеполагания и контрольных показателей деятельности системы здравоохранения, критериев оценки эффективности, финансовых ресурсов, формы контроля. и надзора за их выполнением и другие элементы, необходимые для комплексной реализации мероприятий и услуг в области здравоохранения»);
- разграничение полномочий (Ст. 39. «Правила подготовки и соблюдения Организационного договора согласуются СИТ, Департамент здравоохранения штата отвечает за координацию его реализации»);
- исключительные компетенции федерального уровня управления (ст. 35. «Министерство здравоохранения определяет национальные показатели, гарантирующие доступ к действиям и услугам в области здравоохранения в рамках SUS», ст. 36 «Министерство здравоохранения может разрабатывать способы поощрения в области здравоохранения» и ст. 41 «Министерство здравоохранения организует и обслуживает информационную систему здравоохранения»);

- процедуру контроля реализации мероприятий SUS на местах (Ст. 40 «Национальная система аудита и оценки SUS через специализированную службу контролирует соблюдение условий Организационного договора» и ст. 41 «Участники будут нести ответственность за мониторинг и оценку исполнения Организационного договора в отношении достижения установленных целей, его эффективности и использования предоставленных ресурсов»)³¹.

По данным Минздрава Бразилии, различными медицинскими услугами в рамках SUS пользуются более 190 млн чел. (население Бразилии в феврале 2022 г. составляло 214,2 млн чел.), при этом 80% участников SUS обращаются исключительно в государственные медицинские центры. Правом бесплатного пользования ЕСЗ обладают все граждане Бразилии, а также иностранцы, которым необходима медицинская помощь (Roman, 2023).

Финансирование SUS осуществляется из государственного налогового фонда, при этом отчисления муниципалитетов составляют 15 % от бюджета, а правительств штатов – 12 % от бюджета³².

Контроль за деятельностью медицинских учреждений разных уровней в рамках SUS возлагается, соответственно, на муниципальные власти, секретариаты по здравоохранению штатов Бразилии и ответственные органы исполнительной власти федерального правительства. В соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 1990 г. № 8.142 «Об участии общественности в управлении Единой системой здравоохранения (SUS) и межправительственных переводах финансовых ресурсов в сфере здравоохранения»³³ предусмотрен также и общественный контроль, осуществляемый постоянно действующим Национальным советом по здравоохранению (в который входят представители государственных структур и общественности, а также специалисты в области здравоохранения) и Конференцией по здравоохранению которая собирается каждые четыре года с участием представителей различных социальных слоев для оценки ситуации в области здравоохранения и предложения руководящих принципов для разработки политики в области здравоохранения на соответствующих уровнях (Fertonani et al., 2015).

Бразилия является лидером среди развивающихся стран по числу медиков. По данным исследователей университета Сан-Паулу, в 2020 г. в Бразилии насчитывалось порядка 502,5 тыс. специалистов в области здравоохранения, что составляет порядка 10 медиков на 100 тыс. населения.

К 2025 году благодаря государственной программе «Медики для Бразилии», реализуемой ADAPS с 2019 года, Бразилия может выйти на показатель в 18 медицинских работников на 100 тыс. населения, заняв, таким образом, третье место в мире после Ирландии и Дании.

Программа «Медики для Бразилии» предусматривает выделение государственных стипендий студентам, которые стали врачами общей практики и стремятся получить одну из востребованных медицинских специализаций, с гарантией последующего трудоустройства.

³¹ Lei No. 8.080 de 19 de setembro de 1990 // Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l8080.htm (accessed: 07.02.2025).

³² Lei complementar No. 141, de 13 de janeiro de 2012 // Presidência da República. URL: http://www.planalto.gov.br/CCIVIL_03/LEIS/LCP/Lcp141.htm (accessed: 07.02.2025).

³³ Lei No. 8.142 de 28 de dezembro de 1990 // Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l8142.htm (accessed: 07.02.2025).

Конституция Бразилии позволяет частному сектору предоставлять услуги в области здравоохранения. Благотворительные и некоммерческие организации имеют преимущество перед другими частными структурами в предоставлении услуг населению.

SUS обслуживает примерно 75 % населения Бразилии. Остальные граждане (около 48 миллионов бразильцев) имеют частный план медицинского обслуживания. Частное здравоохранение является третьим по востребованности активом для лиц, не являющихся бенефициарами, уступая только образованию и домовладению, и в значительной степени это связано с недостатками в сфере здравоохранения в государственном секторе, обусловленными, среди прочих факторов, бюджетными ограничениями и нехваткой квалифицированной рабочей силы в медицинской и стоматологической сферах. Процесс «исключительной универсализации», начатый SUS, в последнее время придал мощный импульс частному сектору здравоохранения.

Граница между государственными и частными медицинскими службами всегда была несколько размыта, и их сосуществование иногда приводило к дублированию и неэффективности. Пользователи могут обращаться к любой из сторон системы в зависимости от своих реальных потребностей или финансовых ресурсов.

Хотя эти два сектора отличаются друг от друга и не скоординированы, они взаимозависимы. Они не исключают или заменяют друг друга, учитывая универсальный характер SUS. Однако медицинские карты одного и того же пользователя не передаются государственному и частному секторам, что приводит к неэффективности системы здравоохранения.

С начала 2020 года пандемия COVID-19 вызвала дискуссии о сосуществовании и необходимости взаимосвязи между этими двумя подсистемами. Пациенты регулярно выбирают между SUS и частным сектором здравоохранения, принимая во внимание состояние своего здоровья, сложность лечения, близость доступных учреждений и другие факторы. В соответствии со ст. Федерального закона от 3 июня 1998 г. № 9.656 «О частных планах медицинского обслуживания и страхования»³⁴ частные поставщики медицинских услуг должны возместить SUS государственные расходы на лечение тех, кто охвачен частным планом медицинского обслуживания (Belousov & Tarasova, 2023).

Проблемы, стоящие перед бразильской системой здравоохранения, усугубляются несколькими ключевыми факторами. Стареющее население оказывает давление на и без того перегруженную систему здравоохранения. Распространение ненужных с медицинской точки зрения вмешательств, стимулирование и внедрение дорогостоящих новых технологий без соответствующих доказательств улучшения результатов лечения пациентов, расширение обязательных процедур в рамках частного медицинского страхования и финансовое бремя, налагаемое судебными решениями, требующими от государственных и частных организаций финансировать непредвиденные и потенциально дорогостоящие медицинские процедуры. Все эти факторы в совокупности оказывают давление на систему, потенциально снижая ее эффективность и доступность (Castro, 2019).

Опыт Бразилии представляет особый интерес развитием договорного характера межсубъектовых и межуровневых отношений участников Единой системы

³⁴ Lei No. 9.656 de 3 de junho de 1998 // Presidência da República. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/19656.htm (accessed: 07.02.2025).

здравоохранения (SUS), что наиболее полно отвечает требованиям современного социума, формирующегося в условиях постиндустриального общества. Применительно к России эту парадигму сформулировал, опередивший свое время на столетие, выдающийся мыслитель П.А. Кропоткин: «Отношения в государственном устройстве станут реализовываться, основываясь на свободном соглашении между людьми» (Kropotkin, 1906).

Заключение

Организации бразильского здравоохранения дает нам хороший пример сбалансированной иерархически построенной системы государственного управления. Интеграция всех государственных структур, консультативных органов и общественных объединений в единую систему (SUS) при централизованной подчиненности Министерству здравоохранения, как координирующему органу, обладающему законодательной инициативой, не оставляет места межведомственной разобщенности, к величайшему сожалению, имеющей место в России.

References / Список литературы

- Aith, F. M. A. & Dallari, S. G. (2014) Health legislation and democratic rule of law in Brazil. *Cadernos de Saúde Pública*. 30 (10), 2032–2034. <http://dx.doi.org/10.1590/0102-311XPE011014>
- Belousov, S.A. & Tarasova, E.A. (2023) Legal regulation of the healthcare system of the Federative Republic of Brazil. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. (6 (106)), 132–141. (in Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.106.6.132-141>
Белосов С.А., Тарасова Е.А. Правовое регулирование системы здравоохранения Федеративной Республики Бразилия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. №. 6 (106). С. 132–141. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.106.6.132-141>
- Bevelikova, N.M. (2015) BRICS: Legal Features of Development. *Journal of Russian Law*. (8 (224)), 110–123. (in Russian). <https://doi.org/10.12737/12253 EDN: SGRSWF>.
Бевеликова Н.М. БРИКС: правовые особенности развития // Журнал российского права. 2015. №. 8 (224). С. 110–123. <https://doi.org/10.12737/12253 EDN: SGRSWF>.
- Castro, M. C., Massuda A., Almeida G., Menezes-Filho N. A., Andrade M. V., de Souza Noronha K. V. M, et al. (2019) *Brazil's unified health system: The first 30 years and prospects for the future*. *Lancet Lond Engl*. 394 (10195), 345–56. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(19\)31243-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(19)31243-7)
- Fertonani, H. P., Pires, D. E. P. de., Biff, D. & Scherer, M. D. D. A. (2015) Modelo assistencial em saúde: conceitos e desafios para a atenção básica brasileira. *Ciência & Saúde Coletiva*. 20 (6), 1869–1878. (in Portuguese). <https://doi.org/10.1590/1413-81232015206.13272014>
- Fertonani, H. P., de Pires, D. E. P., Biff, D. & Scherer, M. D. D. A. (2015) The health care model: concepts and challenges for primary health care in Brazil. *Ciência & Saúde Coletiva*. 20 (6), 1869–1878. <https://doi.org/10.1590/1413-81232015206.13272014>
- Kaprina, S.O. (2024) Essence and characteristics of public power as a constitutional and legal institution in Russia. *Education and law*. (6), 82–89 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-6-82-89 EDN: CSJHWX>.
Каприна С.О. Сущность и характеристики публичной власти как конституционно-правового института России // Образование и право. 2024. № 6. С. 82–89. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-6-82-89 EDN: CSJHWX>.
- Konokhova, M.V. (2019) Development of the Healthcare System in the BRICS Countries. *Humanitarian accent*. (1), 55–61. EDN: EJIGOV. (in Russian).

Конохова М.В. Развитие системы здравоохранения в странах БРИКС // Гуманитарный акцент. 2019. № 1. С. 55–61. EDN: EJIGOV.

Kropotkin, P. (1906) *Communism and Anarchy: ("Satisfaction for All")*. St. Petersburg, Svobodny'j dogovor Publ. (In Russian).

Кропоткин П.А. Коммунизм и анархия: («Довольство для всех»). Санкт-Петербург : Свободный договор, 1906. 23 с.

Massuda, A., Hone, T., Leles, F. A. G., De Castro, M. C., & Atun, R. (2018) The Brazilian health system at crossroads: Progress, crisis and resilience. *BMJ global health*. 3 (4), e000829. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2018-000829>

Minnibaev, B.I. & Sharifullin, R.F. (2014) Features of the public administration system in the Republic of Brazil. *Young scientist*. (1.1 (60.1)), 31–33. EDN: RSRPGB. (in Russian).

Миннибаев Б.И., Шарифуллин Р.Ф. Особенности системы государственного управления Республики Бразилия // Молодой ученый. 2014. № 1.1 (60.1). С. 31–33. EDN: RSRPGB.

Roman, A. (2023) A closer look into brazil's healthcare system: what can we learn? *Cureus*. 15 (5), e38390. <https://doi.org/10.7759/cureus.38390>

Сведения об авторе:

Каприна София Олеговна – ассистент, кафедра административного и финансового права, Российский университет дружбы народов; 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин, Высшая школа правоведения, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1.

ORCID: 0009-0009-4251-8039; SPIN-код: 1109-5565

e-mail: KaprinaSO@yandex.ru

About the author:

Sophia O. Kaprina – Assistant, Professor of the Department of Administrative and Financial Law, RUDN University, 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya st., 6; Postgraduate student, Department of State and Legal Disciplines, Graduate School of Law, Institute of Public Service and Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119571, Moscow, v. Moscow city, Troparevo-Nikulino municipal district, 82, ul. Vernadskogo, 82, pp. 1

ORCID: 0009-0009-4251-8039; SPIN-code: 1109-5565

e-mail: KaprinaSO@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-651-667>

EDN: AIAAKX

Научная статья / Research Article

Регламентация прав животных и концепция «многовидовой семьи» в странах Латинской Америки

Е.Н. Трикоз^{1,2}, Р. Бразил Дейлтон³, Е.Е. Гуляева⁴

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва,
Российская Федерация

² Российский университет дружбы народов, г. Москва, *Российская Федерация*

³ Университет Итауны, г. Итауна, *Федеративная Республика Бразилия*

⁴ Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации,
г. Москва, *Российская Федерация*
alena_trikoz@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – сравнительное исследование этико-правовых и культурологических основ регламентации отношений людей с домашними животными в контексте укрепления традиционной ценности гармоничной семьи в странах Латинской Америки. В целом ряде из них законодательно закрепляется более четкий правовой режим, предполагающий учет основных прав животных и их благополучие в рамках «ответственного владения» в семьях и преодоления практики «видового спесицизма». Методологически исследование построено на сочетании критических исследований теории прав животных (*critical animal studies*) и социологического анализа власти с фукоистскими корнями (концепт биополитики). Используя юридико-технический анализ, приемы компаративистики и доктринальные концепции ибероамериканских и североамериканских правоведов, авторы концептуализировали ключевые категории и предлагаемые решения в области защиты прав животных. Отдельная часть статьи посвящена положению домашних животных в составе «многовидовой семьи», которая проанализирована нами как правовая концепция и как новый субинститут законодательства в ряде стран Латинской Америки. На конкретном примере в Бразилии выявлены и проанализированы законодательные инновации о правах домашних животных и судебная интерпретация их статуса в «многовидовой семье».

Ключевые слова: основные права животных, биополитика, *ius cosmopoliticum*, нечеловеческие животные, теория специальных видов, защита животных

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Трикоз Е.Н. – введение, разделы 1–2 и заключение; Бразил Дейлтон Р. – общий обзор и раздел 3; Гуляева Е.Е. – научная обработка источников и перевод материалов. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили её.

Благодарности: Публикация подготовлена при поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта XV конкурса молодых ученых МГИМО «Расширение горизонтов сотрудничества БРИКС».

© Трикоз Е.Н., Бразил Дейлтон Р., Гуляева Е.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 28 мая 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2025 г.

Для цитирования:

Трикоз Е.Н., Бразил Дейлтон Р., Гуляева Е.Е. Регламентация прав животных и концепция «многовидовой семьи» в странах Латинской Америки // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 3. С. 651–667. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-651-667>

Animal Rights Regulation and the Concept of the “Multispecies Family” in Latin American Countries

Elena N. Trikoz^{1,2}, Deilton R. Brasil³, Elena E. Gulyaeva⁴

¹ MGIMO University, Moscow, Russian Federation

² RUDN University, Moscow, Russian Federation

³ University of Itaúna, Itaúna, Federative Republic of Brazil

⁴ Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russian Federation

✉ alena_trikoz@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to provide a comparative analysis of the ethical, legal, and cultural foundations regulating the relationships between people and pets, especially in the context of reinforcing the traditional value of a harmonious family in Latin American countries. In several of these countries, legislation has established a clearer legal regime that recognizes the fundamental rights and well-being of animals within the framework of “responsible ownership” in families and seeks to overcome the practice of speciesism. Methodologically, the study combines critical animal studies with a sociological analysis of power inspired by Foucauldian biopolitics. Through legal and technical analysis, comparative methods, and the doctrinal perspectives of Ibero-American and North American legal scholars, the article conceptualizes key categories and explores proposed solutions in the field of animal rights protection. A separate section of the article focuses on the status of pets within the “multi-species family”, analyzing this both as a legal concept and as an emerging sub-institution in the legislation of several Latin American countries. Using Brazil as a specific example, the article examines recent legislative innovations regarding the rights of domestic animals and the judicial interpretation of their status within the context of the “multi-species family”.

Key words: fundamental animal rights, biopolitics, *ius cosmopoliticum*, non-human sentient animals, speciesism theory, animal protection

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors’ contribution: *Trikoz E.N.* authored the Introduction, Sections 1 and 2, and the Conclusion; *Brasil D.R.* prepared the general overview and Section 3; *Gulyaeva E.E.* was responsible for the scientific processing of sources and the translation of materials. All authors have read and approved the final version of the article.

Acknowledgements: This publication was prepared with the support of MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs as part of the XV MGIMO Competition for Young Scientists, titled Expanding the Horizons of BRICS Cooperation.

Received: 28th May 2025

Accepted: 15th July 2025

For citation:

Trikoz, E.N., Brasil, Deilton R., Gulyaeva, E.E. (2025) Animal Rights Regulation and the Concept of the “Multispecies Family” in Latin American Countries. *RUDN Journal of Law*. 29 (3), 651–667. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-651-667>

Введение. Актуальные вопросы легитимации прав животных в аспекте биополитики

На фоне стремительного научно-технического прогресса и биотехнологической революции в странах Латинской Америки появляются новые векторы национальной биополитики. В стратегических документах ряда стран, в том числе входящих в состав членов и партнеров БРИКС+ и ОАГ, закрепляются амбициозные цели решить острые вопросы биобезопасности, геномного суверенитета, развивать высокоэффективные биотехнологии, расширять правовое регулирование биомедицины, контролировать генетические технологии, экосистемы и др. (Travieso, 2021:85–89). В латиноамериканских странах постепенно формируется особая юридическая и этическая нормативная база, направленная на регулирование процедуры и последствий геномных и иных биотехнологических исследований, защиту генетической неприкосновенности и охрану прав будущих поколений.

В этих инновационных областях юриспруденции возникает множество не только очевидных правовых, но также сугубо моральных и культурологических проблем, затрагивающих научные изыскания и практическое внедрение их результатов в медицине, агропромышленности, криминалистике. И если научные исследования в сфере генома человека и вопросы безопасности таких разработок для людей в большинстве латиноамериканских стран находятся под заметным контролем государственных властей (Trikoz, Mustafina-Bredikhina & Gulyaeva, 2021:67–86), то в отношении других животных организмов остается достаточно много пробелов в клинической практике, социальной сфере и собственно законодательстве.

В частности, методы, используемые учеными для достижения генетических изменений животных, обостряют вопросы их благополучия, включая воздействие генной инженерии на безопасное существование и порой фатальное влияние генетических модификаций (West, 2006:413–442). Большинство биомодификаций сельскохозяйственных животных направлено на повышение производительности животных, улучшения качества продуктов питания животного происхождения и биомедицинских продуктов, их устойчивости к болезням, экологической устойчивости и др. (Laible, 2009:123–127).

Применительно к домашним животным также постепенно складывается практика генного вмешательства, и возникают вопросы правовой защищенности. Клонированные животные считаются генетически модифицированными из-за прямого вмешательства и планирования при создании этих животных. Все больше случаев в ветеринарных клиниках, когда клиенты интересуются дополнительной услугой генной инженерии для клонирования своих умерших, но по-прежнему любимых домашних животных, которые воспринимаются как ушедшие члены семьи и компаньоны (Lee et al., 2005:436). Другой пример связан с созданием гипоаллергенных кошек, когда некоторые компании используют методы генной инженерии для удаления гена, который кодирует основной аллерген, и редактируют тем самым организм домашнего животного (Ormandy, Dale & Griffin, 2011:544–550).

В современный период отношения между людьми и животными подвергаются значительной трансформации и эволюции с точки зрения философско-этического переосмысления, расширения нормативной регламентации и правозащитной практики (Denisenko & Trikoz, 2020:1–7). В последние десятилетия внимание ученых переключилось на новые формы социальной организации, требующие некоторого пересмотра консервативной концепции правосубъектности и традиционных устоев института правового статуса личности.

Одним из таких новых явлений, привлекающих всевозрастающее внимание правоведов-исследователей и практиков, является так называемая «многовидовая» или «межвидовая» семья (англ. *multispecies family*; исп. *la familia multispecies*).

Институт «многовидовой семьи» распространился в доктрине и отдельных источниках в правовых системах стран Латинской Америки. Он имеет важное значение для понимания человеком его собственной социальной эволюции, окружающих экосистем, межличностных отношений в животном мире и сосуществования различных форм жизни. Эти аспекты исследуются в современной академической среде: появляются специальные научные работы, посвящаются отдельные монографии и выпуски журналов (Wise, 2005; Beauchamp, 2011; Francione, 2014). В таких работах проводится критический анализ динамики, преимуществ и проблем, связанных с «многовидовыми семьями», с точки зрения различных научных дисциплин и собственно юридической регламентации¹.

Концепция «многовидовой» или «межвидовой» семьи тесно связана с другой теорией – «видовой дискриминацией», или так называемым видовым спесицизмом (англ. *speciesism*), который активно противостоит расширению проявлений биополитики. Представители теории видовой спесицизма указывают на то, что человечество издревле было убеждено в собственном видовом превосходстве, ущемляя интересы и права одного биологического вида другим, осуществляя дискриминацию в отношении животных и растений.

Различные экофилософы, профессора биоэтики и антропологии составили основу движения *антиспесицистов*, которые считают такую презумпцию человеческой эксклюзивности не более обоснованной, чем дискриминация по цвету кожи или пола. Они выступают за соблюдение жизненно важных интересов высших животных как существ, способных чувствовать и сопереживать, ощущать наслаждение и боль, быть эмпатичными и войти в состав человеческой семьи, а потому имеющих право на собственную защиту, благополучие и достойное проживание (Singer, 1977).

Правовой статус животных и концепция защиты их прав в юридической теории

«Всемирное общество защиты животных», насчитывающее около трех сотен обществ-членов в разных странах мира², уделяет внимание гуманизации системы образования и национальных законодательств, сокращению числа бездомных животных с помощью стерилизации, спасению и оказанию помощи в случае природных катастроф и др.

¹ Например, теме многовидовой семьи посвящен спецвыпуск колумбийского научного журнала “Tabula Rasa” (Университет «Colegio Mayor de Cundinamarca», г. Богота, Колумбия). 2024. Вып. 49. URL: <https://www.revistatabularasa.org/numero49> (дата обращения: 20.05.2025).

² Российская общественная некоммерческая организация «Центр защиты прав животных «ВИТА» / Веганское общество России. URL: <http://www.vita.org.ru/about-us.htm> (дата обращения: 20.05.2025).

В правовом статусе животных по международной классификации зоозащитных организаций различаются два ключевых понятия: 1) «*animal rights*» как квазисубъектные права и свободы живых нечеловеческих существ, и 2) «*animal welfare*» как благополучие животных и их право на достойное существование.

Авторитетный идеолог движения за права животных, американский профессор философии *Том Риган* указывал на неотъемлемую ценность всех существ, которые являются «субъектами жизни» (“*subjects-of-a-life*”). Он аргументировал наличие моральных прав и у животных, как мы признаем право на уважение к «нерациональным существам, таким как младенцы и люди с тяжелыми умственными недостатками» (Regan, 1975:181–183). Австралийский профессор биоэтики из Мельбурнского университета *Питер Сингер*, который вслед за Дж. Бентамом утверждал, что интересы животных следует принимать во внимание из-за их способности испытывать страдания и боль (Singer, 2001:35).

Юрист и защитник прав животных из Гарвардской школы права *Элизабет Мелампи* обращается к проблеме эксплуатации диких животных в современном мире, будь то верблюжий бега, парады бабочек, фестиваль омаров, охота на гремучих змей, соревнования по прыжкам через лягушек, страусиные гонки или празднование дня сурка и подобные ритуалы, соревнования и «фестивали животных», с помощью которых люди используют животных для выражения своей культурной идентичности, общественной гордости и исторических традиций. Однако за пышностью и волнением скрывается более глубокий вопрос: стоит ли наше увлечение этими зрелищами тех страданий и дискомфорта, которые испытывают вовлеченные в эти зрелища животные как некие символы, а не как самостоятельные организмы? С состраданием и проницательностью нужно искать более этичные и чуткие способы почитать наши традиции и ритуалы, уважая при этом и права животных, и традиции, которые они вдохновляют (MeLampy, 2025).

В науке выделяется четыре известных подхода или теоретических альтернатив, которые могут использоваться для направления корректирующих действий по отношению к положению и правовому статусу нечеловеческих животных (*non-human sentient animals*).

Первый подход «*So Like Us*» связан с активизмом *Стивена Уайза* и антропоцентрическим проектом «Нечеловеческие права» (*Nonhuman Rights Project*), которые придерживаются «линейной иерархии» существ, не учитывают их видового разнообразия, судят о достоинстве животных по их сходству с людьми и поэтому распространяют правовую защиту лишь на определенных животных.

Второй подход основан на утилитаристской теории австралийского философа и профессора биоэтики *Питера Сингера*, идейно связанной с учением Джереми Бен-тама и Дж.С. Милля, которая фокусируется на боли и удовольствии как «универсальных нормах, направляющих жизнь всех разумных существ». Сингер использует термин «видовая дискриминация» для описания эксплуататорского обращения с животными (Singer, 2001). По мнению критиков, такой утилитарный подход «игнорирует адаптивные предпочтения и обособленность разных лиц, не распознает ценные эмоции...» (Nussbaum & Sunstein, 2004:299–320). В то же время, заикливаясь на боли чувствующих существ, этот подход не уделяет должного внимания другим аспектам жизни и статусу животных и реальным условиям их процветания (Nussbaum, 2023:74).

Третий подход американского философа-кантоведа *Кристины Корсгаарда*, ученицы Джона Ролза, базируется на кантианской моральной философии. В своей книге

«Близкие создания: наши обязательства перед другими животными» она утверждает, что кантианская этика поддерживает права животных (Korsgaard, 2018). В каждой конкретной ситуации следует относиться к животным «как к цели самой по себе»: допустимо использование их в качестве компаньонов и в вооруженных силах при соответствующем обращении, но в то же время несовместимо с их моральным статусом употребление в пищу или использование для медицинских экспериментов (Korsgaard, 2018:220–221). «Формирование отношений с животными и попытка понять, как они думают и что они чувствуют, является частью специфически понимаемого человеческого блага» (Korsgaard, 2018:237).

Однако приверженность К. Корсгаард «человеческой моральной исключительности» приводит к разрыву между людьми и животными, выделению людей как «нормативных самоуправляемых существ», принципиально отличающихся своей уникальной «моральной рациональностью» (Nussbaum, 2023:103–104). Рациональному уму людей Корсгаард противопоставляет инстинктивное самосознание животных (Besedin, 2020:99–103).

Четвертый подход именуется «*подходом возможностей*» в книге под редакцией американских философов и профессоров права Касса Санстейна и Марты Нуссбаум (Sunstein & Nussbaum, 2012) как один из видов правозащитного подхода, сфокусированный на понимании справедливости по отношению к правам инвалидов и правам животных. Этот взгляд ведет к переосмыслению интересубъектной сферы между людьми и нелюдьми (нечеловечными животными). Его сторонники поднимают важные правовые и политические вопросы, лежащие в основе движения за права животных и их благополучие, этические аспекты собственности на животных, защиту их от неоправданных страданий, способность делать ими собственный выбор, свободный от человеческого контроля, и др.

Профессор М. Нуссбаум выпустила недавно книгу «Справедливость для животных: наша коллективная ответственность», где попыталась представить способ модернизации в этом контексте традиционной концепции общественного договора и предложила всеобъемлющую теорию справедливости, которая должна включать в себя и теорию прав животных (Nussbaum, 2023). По ее мнению, несправедливость по отношению к животным повсеместна – в домах людей, лабораториях, зоопарках, аквариумах, на фермах, в деградировавших местах обитания, везде люди мешают действием или бездействием чувствующим животным, имеющим от природы «достойный шанс на процветающую жизнь» (Nussbaum, 2023:9). Должна быть «коллективная ответственность» за устранение этой широко распространенной несправедливости, для чего нужна «адекватная теория для направления наших усилий» (Nussbaum, 2023:16–17, 312). ее и предлагает профессор Нуссбаум как «всеобъемлющую философско-политическую теорию», или особый подход, основанный на возможностях (*capabilities approach*), выступающий основой инклюзивных и стабильных политических институтов в плюралистических обществах. Хотя этот подход в целом критикуется исследователями как отличающийся неоправданной антропоцентрической предвзятостью (Brooks, 2015:139–174).

В литературе выдвигается новая теория *ius cosmopoliticum* как некий демократический идеал глобальной справедливости, основанный на логоцентризме людей и владении ими территорией. Ее сторонники призывают не относиться к «нечеловеческим животным» как к чужакам или ограниченному видовому сообществу, а применять по отношению к ним этику всеобщего гостеприимства

и кантианское космополитическое мышление, воспринимать их как сограждан нашего политического сообществ, и управлять взаимодействием с животными на справедливых условиях, уважая их достоинство и благополучие существования (Cooke, 2014:930–944).

Профессора *Сью Дональдсон* и *Уилл Кимличка* в книге «Зоополис» (Donaldson & Kymlicka, 2011) представили политическую теорию прав животных с целью закрепления позитивных и справедливых отношений с разными видами животных, включая их право голоса, право на политическое представительство, право на проживание и членство в многовидовой семье (Bailey, 2013:1–13). В другом своем эссе «Животные и границы гражданства» авторы подчеркивают, что для обеспечения достоинством и благополучием животных, которые участвуют в жизни нашего общества, должны складываться взаимовыгодные отношения с животными. Они считают, что это возможно путем предоставления одомашненным животным «статуса гражданства», включая соответствующие гражданские права.

Самый ранний законодательный акт о защите прав животных был принят в 1822 г. британским парламентом («*билль Мартина и Эрскина*»)³. Он был инспирирован громким судебным делом 1822 г. о жестоком обращении с животным, в результате разбирательства по которому был вынесен приговор против двух людей, избивших лошадь в Лондоне и получивших за это штраф 20 шиллингов (Legge & Brooman, 1997:41). По новому закону к ответственности в виде денежного штрафа (до 5 фунтов ст.) или двух месяцев тюрьмы мог быть привлечен любой подданный за «избиение, плохой уход или жестокое обращение с лошастью, мерином, мулом, ослом,

быком, коровой, бычком, овцой или другим скотом» (Phelps, 2007:100–101). Этот «закон Мартина» был дополнен рядом поправок в 1835, 1849 и 1876 гг., в частности, были запрещены «собачьи и петушиные бои». В 1878 г. в Великобритании появился первый закон о процедуре использования животных в эксперименте, в частности, применение средств по обезболиванию и введение системы лицензирования. Закон о животных 1911 г. распространил правовое регулирование на все виды животных организмов (птиц, зверей, рыб, пресмыкающихся).

Первая в мире «анималистическая хартия» появилась в США – «*Декларация прав животных*» 1866 г., которую приняла легислатура штата Нью-Йорк по инициативе Генри Берга, основателя ASPCA («Американское общество по предотвращению жестокости в отношении животных»).

Спустя полтора века Испания стала первой страной, принявшей в 2008 г. парламентскую резолюцию о правах животных на жизнь и свободу, где речь шла о частичной правосубъектности крупных человекообразных обезьян⁴. Документ ввел запрет на опыты на обезьянах, использование в цирковых и телевизионных программах, ухудшение условий в зоопарках и т.д.

Австрийские защитники животных не так давно дошли даже до Европейского суда, требуя предоставить шимпанзе по имени Мэтью статус юридического субъекта⁵.

³ An Act to Prevent the Cruel and Improper Treatment of Cattle, 1822 July 22 (3 Geo. 4. C. 71).

⁴ Glendinning, L. (2008) Spanish parliament approves 'human rights' for apes. The Guardian. June 26.

⁵ Hall, A. European Court agrees to hear chimp's plea for human rights. The Daily Mail. 21 May, 2008. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-1020986/European-Court-agrees-hear-chimps-plea-human-rights.html> (accessed: 20.05.2025).

Важное значение в юридизации прав животных имеет международная инициатива – проект «*Высшие приматы*» (GAP), который предпринимает успешные попытки бороться с видовым неравенством в политике ряда стран. Так, по их требованию в 2014 г. суд в Аргентине предоставил основные личные права орангутангу в зоопарке Буэнос-Айреса. В 2016 г. другой аргентинский суд предоставил аналогичные основные права шимпанзе.

Концепция «многовидовой семьи»: сравнение законодательства о домашних животных

Когда семьи заводят домашних или одомашненных животных и воспринимают их как «членов семьи», так как те активно и эмоционально участвуют в их повседневной жизни, то такие отношения выходят за традиционные рамки восприятия животных как просто *домашних питомцев*. Вместо этого они могут признаваться «членами семьи» в силу сильной и добровольной эмоциональной привязанности и поэтому «заслуживают такого же отношения и заботы, как и другие члены семьи» и особого правового статуса в законодательстве (Oliveira, 2006:25–39). В качестве обоснования выступает тезис, что эмоциональная привязанность с животными укрепляет семейную динамику и сам институт традиционной семьи, создавая такую гармоничную среду, в которой люди заботятся о животных не только физически, но и уважают в них «разумных существ», ценят их за вклад в совместное сосуществование. Такие эмоциональные связи в семье способствуют благополучию и психологическому равновесию самих опекунов домашних животных.

В этом смысле эмоциональные взаимодействия и коммуникация между людьми и их животными-компаньонами становятся структурообразующим элементом в контексте «многовидовой семьи», как зарождающегося правового института в ряде законодательств стран Латинской Америки. Эта правовая концепция и субинститут законодательства подчеркивает важность взаимной привязанности и ежедневного взаимодействия, когда к животным относятся как к настоящим членам семьи, которые наравне с другими получают заботу, любовь и внимание.

В современный период меняющихся общественных парадигм и правовых инноваций животные, которые раньше рассматривались в гражданском праве как обычные «физические объекты», переместились в центр внимания юристов в ряде стран. К ним больше не относятся как к простому имуществу, а именно как к особым существам, имеющим субъективное право на «заботу» или «опеку». Этот тренд отражает повышенную ответственность, которая возлагается на лиц, обеспечивающих должное обращение и благополучие своих питомцев, в условиях каждодневного взаимодействия с животными (Leão, Marangoni & Oliveira, 2024:351).

По мнению профессора С.П. Сантоса, можно рассматривать трехмерный подход к решению проблемы опеки над домашними животными в этом меняющемся правовом и социальном ландшафте. Так, в случае расторжения брака или распада супружеского партнерства должны учитываться интересы не только самих людей и семьи как коллективной единицы, но и будущее домашнего животного, что подчеркивает важность заботы и опеки над ним (Santos, 2020:19–25).

Предложенный «трехмерный подход» к опеке над животными основывается на следующих основных принципах: 1) запрет жестокости как основополагающий правовой принцип; 2) признание разумности животных, то есть их способности чувствовать боль и удовольствие; и 3) соблюдение наилучших интересов семьи,

включая интересы детей и социально-экономические условия бывших супругов. Такой подход ведет к переосмыслению проблемы ухода за животными или опеки над ними и учитывает благополучие всех сторон правоотношения или лиц, вовлеченных в конфликт, придавая равное значение людям, животным и общей семейной динамике (Santos, 2020:19–39).

На внутригосударственном уровне в ряде государств, особенно Иberoамериканской правовой семьи и ряде членов БРИКС, складывается специализированное законодательство, посвященное институту охраны дикой природы, включающее уголовные и административные меры ответственности за экологически вредную деятельность по отношению к животным, жестокое обращение с ними и т.д. В большинстве стран в гражданском законодательстве животные по-прежнему классифицируются как имущество, или «вещи», и не наделяются даже частичной правосубъектностью.

Так, *Гражданский кодекс Чили* устанавливает, что домашними животными являются «животные, принадлежащие к таким видам, жизнь которых обычно зависит от человека, как например куры и овцы» (ст. 608 ГК). Согласно той же статье ГК, к домашним животным следует также относить одомашненных животных, «которые несмотря на то, что являются дикими по своей природе, привыкли к домашнему образу жизни и признают, в определенном смысле, господство человека», и которые «сохраняя привычку возвращаться под защиту или зависимость от человека, следуют господству домашних животных».

В Чили недавно принят новый Закон о совместной собственности на недвижимость 2022 г., который попытался разрешить давний практический спор в рамках института «совместной собственности» о законности запрета содержания в квартирах «домашних животных или животных-компаньонов» (González, 2024:19–25).

Действительно, правила кондоминиума по чилийскому законодательству не могут запрещать совладельцам, арендаторам или жильцам содержать домашних животных и животных-компаньонов в соответствующих помещениях. Однако могут вводиться ограничения и запреты в отношении использования указанными животными общего имущества, чтобы не нарушать спокойствия и не подвергать риску безопасность, здоровье и пригодность для проживания в кондоминиуме, особенно в случае потенциально опасных пород собак, в отношении которых применяются особые меры безопасности и особые условия владения. Владелец животного несет ответственность за любой ущерб или грязь, которые оно может причинить в местах общего пользования кондоминиума, а также за любой причиненный ущерб людям или имуществу третьих лиц. Кроме того, владельцы домашних животных должны иметь список прививок и осмотров своих животных, а в случае отказа на нарушителя кондоминиум может подать заявление в компетентный местный суд, о чем было соответствующее разъяснение⁶.

Постепенно в Чили складывается научная аналитика и практика в контексте нового Закона о совместной собственности в кондоминиумах с учетом действующего законодательства о животных и стандартов обращения с ними⁷ (Corral, 2018). В литературе делается вывод, что этот чилийский закон развивает важный «принцип защиты животных», повышает стандарты защиты их благополучия и включает

⁶ Resolución 721 exenta del Ministerio de Vivienda y Urbanismo de 2023, art. 8.

⁷ Corral, T.H. El caso de Angus: reglamento de copropiedad y tenencia de mascotas. Derecho y Academia: el blog de Hernán Corral. 2018. URL: <https://corraltalciani.wordpress.com/2018/06/24/el-caso-de-angus-reglamento-de-copropiedad-y-tenencia-de-mascotas> (accessed: 20.05.2025).

особые правила «ответственного владения» (исп. *tenencia responsable*) (Henríquez, 2021:235–243). Владельцы или жильцы жилых помещений могут содержать домашних животных только в соответствии с Законом №21.020 «Об ответственном владении домашними животными и животными-компаньонами», идентификационные и контактные данные которых должны быть указаны на ошейнике домашнего животного и в реестре, который будет вести администратор, с указанием вида животного, владельца и адреса.

Появление в законодательстве Чили более четких правовых критериев, затрагивающих права и благополучие животных, подпадающих под режим «ответственного владения» в рамках совместной собственности на недвижимость, стало первым робким шагом в свете появившейся необходимости юридического регулирования «многовидовой природы» общества (Pezzetta, 2020:29–36) и защиты т.н. «многовидовых семей», многие из которых живут в режиме совместного владения жилой недвижимостью (González, 2023:115–127).

В Мексике изучается феномен «ксеносемьи» (исп. *xeno-familias*) и явление «контрвидизма» (исп. *contra-especismo*). Так, мексиканский правовед Национальной школы антропологии и истории Д.А. Варела Трехо исследует отношения эмоциональной близости и «межвидового родства» между одинокими пожилыми людьми с ограничениями по здоровью и их собаками-компаньонами (Varela Trejo, 2024:33–54). Как отмечает испанский ученый Дж. Саес Олмос, появление т.н. «многовидовых семей» изменяет роль некоторых видов животных как *альтер-гуманоидов* в современных западных или вестернизированных обществах, генерируя новые представления об их месте в социальной структуре (Sáez, 2021).

В Колумбии «Законом о защите животных» 2016 г. были изменены формулировки в национальном Гражданском кодексе, согласно которому животные получили своего рода промежуточный статус между имуществом и человеком, дрейфующий постепенно в судебной практике то к одному, то к другому полюсу, в зависимости от вида животного и судебной ситуации. Так, в одном из дел Верховного суда Колумбии в 2017 г. было признано, что животные являются субъектами права. В то же время Конституционный суд страны в 2020 г. посчитал их объектами конституционно-правовой защиты. Хотя этот же высший суд не раз выносил постановления, в которых юридически признавал различные нечеловеческие сущности, называл их субъектами права (Gaitán, 2024:111). Например, в 2016 г. Конституционный суд признал реку Аtrato на северо-западе Колумбии, ее бассейн и притоки живым объектом, по отношению к которому государство и этнические общины вправе осуществлять защиту, сохранение, поддержание и восстановление⁸.

Сам президент Колумбийской республики Густаво Франсиско Петро Уррего в своей речи указывал на то, что в понятие «многовидовая семья» (исп. *familia multiespecie*)» включаются не только люди, «но и собака, и кошка, и различные другие, и многие другие и иные виды живых существ». «Анимализм – это не просто модный тренд, это особая философия, которая исходит из того, что если мы хотим продолжать жить, то должны примириться с природой и в единении с ней с животными»⁹ (Petro, 2022).

⁸ Corte Constitucional de Colombia. Sentencia №T-622 de 2016 que reconoce al río Atrato como sujeto de derechos. URL: <https://justiciaambientalcolombia.org/sentencia-rio-atrato> (accessed: 20.05.2025).

⁹ Petro, G. Gustavo Petro propone política pública contra el maltrato animal // Tercer Canal. 2022, 9 abril. URL: <https://youtu.be/RZPRyAR1hj4> (accessed: 25.05.2025).

В 2021 г. здесь был принят специальный Закон, посвященный созданию *семейной полиции*, ее структуре и полномочиям¹⁰. Эти полицейские участки выполняют судебные функции, и подпадающие под их юрисдикцию животные рассматриваются не только как часть семейной ячейки в социологическом контексте, но и как надежные определенными признанными правами, которые делают возможным решение спорных вопросов по поводу их судьбы и благополучия. Так, при распаде семьи происходит определение особых обязанностей по уходу за животными, режима их посещений и алиментных обязательств в их адрес. Одно из подобных дел рассматривалось в колумбийском городе Медельин, где в 2019 г. отделение семейной полиции провело примирительное разбирательство по поводу алиментов в «многовидовой семье», режима посещений домашней собакой и ухода за ней после расставания человеческой пары. Это означало, что полицейский участок признал собаку в качестве субъекта взаимосвязанных семейных отношений, а не просто как предмет спора или имущество семьи (Gaitán, 2024:112).

Законодательство о животных и судебная интерпретация их статуса в «многовидовой семье»: опыт Бразилии

Закон Бразилии от 3 января 1967 г. посвящен охране дикой природы, определяет диких животных как «животных любого вида на любой стадии развития, которые естественным образом живут вне неволи»¹¹. В другом Законе от 12 февраля 1998 г. содержатся уголовные и административные меры наказания за экологически вредную деятельность, и он подразделяет самих животных на диких, домашних и одомашненных, как местных, так и экзотических¹². Что касается «одомашненных животных», которые прямо зависят от заботы человека, то бразильские ученые выделяют особые критерии, позволяющие отличить животных, которые считаются просто собственностью (семейным имуществом), от тех, которые признаются частью семейной ячейки (Félix, Beserra & Napolis, 2024:380). Эти критерии включают в себя тесные эмоциональные связи, участие в семейных ритуалах, моральное уважение, признание в семье и взаимную привязанность.

По мнению П. Сингера, животные обладают собственной неотъемлемой ценностью, правами и интересами, не зависящими от их полезности или выгоды для человека, наблюдаются заметные изменения в том, как люди относятся к домашним и одомашненным животным (Singer, 2010). Теперь эти отношения часто связаны с взаимной привязанностью, когда люди стремятся поддерживать близость с определенным животным, демонстрируя привязанность и отдавая предпочтение этой связи (Ramires, 2003; Félix, Beserra & Napolis, 2024).

Высший суд справедливости Бразилии рассматривал в 2018 г. специальную жалобу №1.713.167 – Сан-Паулу (2017/0239804-9), в контексте которой министр Луис Фелипе Саломая затронул вопрос о правовом статусе животных. Он отметил, что в

¹⁰ *Congreso de Colombia*. 2021. Ley №2126 de 2021. Por la cual se regula la creación, conformación y funcionamiento de las comisarias de familia, se establece el órgano rector y se dictan otras disposiciones.

¹¹ *Brasil*. Ley n° 5.197, de 03 de enero de 1967. Dispone sobre la protección a la fauna y da otras providencias. Publicada en el Diario Oficial de la Unión, 04/01/1967. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/15197.htm (accessed: 20.05.2025).

¹² *Brasil*. Ley n° 9.605, de 12 de febrero de 1998. Dispone sobre las sanciones penales y administrativas derivadas de conductas y actividades lesivas al medio ambiente, y da otras providencias. Publicada en el Diario Oficial de la Unión, 13/02/1998. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/19605.htm (accessed: 20.05.2025).

соответствии с ГК Бразилии в редакции от 10 января 2002 г. животные классифицируются как имущество, или «вещи», но не как лица или субъекты права и не наделяются правосубъектностью. И даже если животное является любимым домашним питомцем и получает заботу в составе семьи, эта эмоциональная связь не меняет его юридической типологии. Однако в этом деле судья подчеркнул, что *животные-компаньоны* обладают уникальной субъективной ценностью для своих владельцев, вызывая глубокие эмоциональные связи, которые отличают их от других объектов частной собственности. Он также пояснил, что существующие законодательные рамки института собственности не подходят для разрешения семейных споров, связанных с домашними животными, поскольку такие чувствительные дела выходят за сферу традиционных аспектов собственности или правового владения¹³.

Обращаясь к суду в рамках данного дела, министр Луис Фелипе Саломау утверждает, что современная правовая система Бразилии уже не может игнорировать значение особой связи между людьми и их домашними животными. Когда семья распадается и возникает спор о домашнем животном, юридическое решение по делу должно учитывать обстоятельства конкретной ситуации, социальный контекст и меняющиеся общественные ценности.

В 2023 г. в Палату депутатов бразильского парламента был внесен законопроект № 179/2023, который подчеркивал важность создания гармоничных и сострадательных отношений, улучшающих качество жизни всех членов «многовидовой семьи», и отношение к животным с достоинством и уважением, с целью интегрировать их в семью и удовлетворить их физические, эмоциональные и медицинские потребности. Он также вводит концепцию «общинной многовидовой семьи», когда группа людей коллективно заботится об общественных животных, не назначая конкретного человека единственным ответственным опекуном (*статьи 16 и 17*). Закон обязывает идентифицировать и регистрировать животных-компаньонов, чтобы помочь отследить потерявшихся животных и предотвратить отказ от них (*статьи 18–22*). Эти меры в целом соответствуют международным стандартам благополучия животных, способствуют более ответственному и гармоничному сосуществованию людей и животных в одном социуме.

Центральная *статья 4* Законопроекта №179/2023 устанавливает основные права животных-компаньонов, такие как право на жизнь, защита от незаконной и произвольной эвтаназии, право на полноценное и здоровое питание, право на безопасное жилье, соответствующее гигиеническим нормам, право на ветеринарную помощь, право на взаимодействие с семьей, право на свободу передвижения, право на ограниченное рабочее время для служебных животных.

В законопроекте, в частности, поясняется, что животным должно быть предоставлено достаточно места для свободного передвижения, избегая ненужного заточения, которое может привести к физическим и психологическим страданиям. Это право имеет решающее значение для предотвращения стресса и деструктивного поведения, которые часто возникают в результате неправильного содержания животных. Для животных, выполняющих трудовые функции (например, собак-поводырей или служебных животных), гарантируется, что их рабочее время будет разумным и

¹³ *Brasil*. Superior Tribunal de Justicia. Recurso Especial nº 1.713.167 – SP (2017/0239804-9). Relator Ministro Luis Felipe Salomão. Recurrido: V.M.A. Juzgado, 2028. URL: <http://www.stj.jus.br/websecstj/cgi/revista/REJ.cgi/ATC?seq=88441759&tipo=5&nreg=201702398049&SeqCgrmaSessao=&CodOrgaoJgdr=&dt=20181009&formato=PDF&salvar=false> (accessed: 20.05.2025).

не будет требовать от них чрезмерных усилий, предотвращая тем самым их эксплуатацию и обеспечивая им достаточно времени для отдыха и восстановления сил. Также поясняется, что животные-компаньоны не могут напрямую осуществлять гражданские права и должны быть представлены своими опекунами-людьми (*статья 3*).

Законопроект приравнивает животных-компаньонов к детям с точки зрения эмоциональной привязанности и передает их в ведение опекунов, которые отвечают за реализацию и обеспечение их прав. Эта опека включает в себя право давать животному имя, следить за его воспитанием и обучением, осуществлять заботу и надзор, назначать конкретное лицо опекуном, представлять животное в юридических делах, управлять любым имуществом, связанным с животным (*статьи 8 и 9*). Наконец, именно опекуны несут ответственность за любой ущерб, причиненный их подопечными животными, за исключением случаев, когда виноват сам потерпевший или ущерб возник в результате форс-мажора (*статья 10*).

Законопроект № 179/2023 представляет собой инновационную перспективную правовую базу для признания животных-компаньонов в качестве неотъемлемых членов «многовидовой семьи», и знаменует собой значительный сдвиг в бразильском законодательстве, официально признавая животных-компаньонов частью семьи. В развитие положений этого проекта стали появляться тематические исследования, которые базируются на идее о том, что эмоциональная связь между людьми и животными является основополагающим элементом в создании «многовидовых семей». «Эмоциональная привязанность» выступает структурирующим элементом Законопроекта № 179/2023, который вероятно окажет положительное влияние в целом на бразильский правовой контекст, позволяя домашним и одомашненным животным быть полноправными членами семьи.

Дальнейшие перспективы развития в сфере прав животных

На сегодняшний момент в ряде стран БРИКС+ текущее законодательство юридическая доктрина и правоприменительная практика отражают наиболее современный гуманный подход к защите прав животных. Как показало наше исследование, здесь хотя и фрагментарно, но тем не менее устанавливаются их основные права и закрепляются обязанности их опекунов, определены также правила содержания и меры защиты животных в разных жизненных ситуациях, обеспечивается приоритет благополучия животного, меры против злоупотребления правами и плохого обращения с животными-компаньонами.

В странах Латиноамериканского региона сложились два основных пути принятия решения по вопросу дальнейшей судьбы животных в случае отсутствия соглашения между сторонами или невыполнения достигнутых договоренностей по поводу этого вопроса.

Первый вариант заключается в строгом применении правил института собственности, что влечет за собой сбор доказательственных материалов для разрешения спора в пользу одного из членов семьи (например, квитанции о покупке собаки, свидетельство об усыновлении, оплата ветеринарных услуг, питания, страховки и т.д.). И чаша судебных весов склоняется в пользу стороны, доказавшей законность приобретения животных как имущества и несения расходов по их содержанию (González, 2019:163–170).

Напротив, второй путь предполагает рассмотрение спора по аналогии с вопросами, касающимися положения детей в семье. В этом случае решение будет приниматься не на основе доказательств, связанных с правомочиями собственности, а на основе того, что можно условно назвать «наилучшими интересами животного». Семейный суд или комиссар по делам животных берет за отправную точку эмоциональную связь и способность сторон заботиться о них, что отличается по своей сути от простого содержания или «заботы» о семейном активе. Такое решение, на наш взгляд, ставит животное в положение субъекта, агента или же активного участника, главного героя в цепочке взаимоотношений, составляющих «многовидовую семью». Этот путь на основе отграничения имущественных правоотношений от эмоциональных отношений с животным согласуется с идеей о том, что определяющим фактором конфигурации семьи является эмоциональная связь между ее членами (Gaitán, 2024:111–112).

Как мы увидели ранее, в отдельных странах БРИКС+ законодательные требования регистрации и идентификации животных помогают проводить эффективную политику контроля и ухода, способствуя созданию более безопасной и здоровой среды обитания как для животных, так и для людей. Такой подход способствует более гармоничному и этичному сосуществованию людей и животных, обеспечивает животным-компаньонам уважение и достоинство в семье, устанавливает новый стандарт ответственности и заботы в отношениях между человеком и животным (Faria, 2012:67–76).

Заключение

Таким образом, рассмотренный нами на примере отдельных стран, включая латиноамериканские государства (и прежде всего Бразилию), инновационный институт «многовидовой семьи» и коррелирующий ему правовой режим защиты животных-компаньонов имеет четко обозначенное предназначение – гарантировать, восстанавливать и предотвращать правонарушения в этой сфере или злоупотребления правами членов семьи, включая права домашних животных и птиц.

Доктринальное обоснование и официальное использование концепции «многовидовой семьи» неотделимы от перспективы законодательной отмены статуса животных как разновидности имущества, товара, ресурса или предмета собственности. К постепенному введению этой концепции в отдельные национальные правовые системы привели социологические наблюдения и складывающаяся этическая практика обращения, согласно которым структура отношений между людьми и их животным-компаньоном в семье не может быть типично имущественной, а по сути своей выступает как аффективная, эмоционально выраженная тесная связь.

Формирующийся институт «многовидовой семьи» позволяет увидеть своего рода практический синтез между экоцентрическими (биоцентрическими) и анималистическими (сенсецентрическими) позициями специалистов по правам животных, что позволяет переосмыслить эмоциональные и материальные условия сосуществования вовлеченных субъектов – животных (именно как субъектов, а не просто объектов).

References / Список литературы

- Nussbaum, M. & Sunstein, C. (eds.) (2004) *Animal Rights*. New York, Oxford University Press.
- Nussbaum, M. & Sunstein, C. (eds.) (2012) *Animal Rights: Current Debates and New Directions*. Oxford, Oxford Academic Publ.
- Bailey, Ch. (2013) Zoopolis. A Political Renewal of Animal Rights Theories. *Dialogue*. 1–13. <https://doi.org/10.1017/S0012217313000851>
- Beauchamp, T.L. (2011) *Rights Theory and Animal Rights*. Oxford, Oxford Academic Books Publ.
- Besedin, A.P. (2020) Disorder in the Kingdom of Goals (review of the book: Korsgaard, Ch.M. Fellow creatures: Our obligations to the other animals. Oxford: Oxford University Press, 2018. 252 p.). *Kantovsky sbornik*. 39 (2), 99–108. (in Russian). <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2020-2-6>
- Беседин А.П. Беспорядок в царстве целей (рец. на кн.: Korsgaard Ch.M. Fellow creatures: Our obligations to the other animals. Oxford: Oxford University Press, 2018. 252 p.) // Кантовский сборник. 2020. Т. 39. № 2. С. 99–108. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2020-2-6> EDN: HWMBYP
- Brooks, T. (2015) The Capabilities Approach and Political Liberalism. In: Brooks T. & Nussbaum M.C. (eds.) *Rawls's Political Liberalism*. New York Chichester: Columbia University Press. 139–174.
- Cooke, S. (2014) Perpetual Strangers: animals and the cosmopolitan right. *Political Studies*. 62 (4), 930–944. <https://doi.org/10.1111/1467-9248.12054>
- Denisenko, V. & Trikoz, E. (2020) Biopolitics and legal issues of emergency situations in the context of coronavirus pandemic. *E3S Web of Conferences*. (175), 14013. 1–7.
- Donaldson, S. & Kymlicka, W. (2011) *Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights*. New York, Oxford University Press.
- Faria, C. (2012) Muerte en las flores: el conflicto entre el ecologismo y la defensa de los animales no humanos. *Viento Sur*. 125, 67–76. (In Spanish).
- Félix, M.C.L., Beserra, V.A. & Napolis, I.L. (2024) La afectividad como fundamento para la alteración del estatus jurídico y el consecuente reconocimiento de los animales no humanos domésticos y domesticados como miembros de la familia multiespecie en Brasil. *Bioderecho y derechos de los animales. Florianópolis: CONPEDI*. 380. (In Spanish).
- Francione, G.L. (2014) *Animal Rights*. MIT Press Publ.
- Gaitán, I.D.Á. (2024) Familia multiespecie y lazo afectivo como «base de la sociedad»: lecturas jurídico-políticas. *Tabula Rasa. Bogotá*. (49), 111. (In Spanish).
- González, I. (2019) El fenómeno de las familias multiespecie y los desafíos que supone para el derecho. *Personalidad jurídica de los animales no humanos y nuevas tendencias en derecho animal*. Ediciones Jurídicas de Santiago, 2019. P. 163–176. (In Spanish).
- González, M.I. (2021) Convivencia con animales no humanos en condominios: algunas notas a propósito de su prohibición y facultades de los jueces para modificar los reglamentos de copropiedad en Chile y los reglamentos de propiedad horizontal en Argentina. *Revista Chilena de Derecho Animal*. 3, 81–101. (In Spanish).
- González, M.I. (2024) Los demás animales en la nueva ley de copropiedad inmobiliaria chilena: un análisis desde el derecho animal. *Tabula Rasa*. 49, 19–29. (In Spanish).
- González, M.I. (2023) La familia multiespecie: una aproximación desde el Derecho Animal. *Derecho Animal Latinoamericano. Editorial Porrúa*. 115–127. (In Spanish).
- Henríquez, R.A. (2021). El principio de protección del bienestar animal: elementos para su configuración en el derecho chileno. *Revista de Bioética y Derecho*. 3, 235–252. (In Spanish).
- Korsgaard, Ch.M. (2018) *Fellow Creatures: Our Obligations to the Other Animals*. Oxford, Oxford University Press.
- Laible, G. (2009) Enhancing livestock through genetic engineering – Recent advances and future prospects. *Comp Immunol Microbiology*. 32, 123–127. <https://doi.org/10.1016/j.cimid.2007.11.012>.

- Leão, J.B.M., Marangoni, P.H. & Oliveira, M.E.A. (2024) De la custodia compartida de animales de compañía: análisis del Proyecto de Ley (PL) nº 941/2024, de la Cámara de Diputados. *Bioderecho y derechos de los animales*. 351. (In Spanish).
- Lee, B.C., Kim, M.K., Jang, G. et al. (2005) Dogs cloned from adult somatic cells. *Nature*. 436:641. <https://doi.org/10.1038/436641a>.
- Legge, D., Brooman, S. (1997) *Law Relating to Animals*. London, Cavendish Publishing.
- McLampy, E. (2025) *Forget the Camel: The Madcap World of Animal Festivals and What They Say about Being Human*. Apollo Publishers.
- Nussbaum, M. (2023) Justice for Animals: Our Collective Responsibility. *Journal of Bioeconomics*. 25 (1), 1–9. <https://doi.org/10.1007/s10818-023-09332-y>
- Oliveira, S.B.C. (2006) Sobre hombres y perros: un estudio antropológico sobre afectividad, consumo y distinción: Disertación de Maestría / Universidad Federal de Río de Janeiro. Río de Janeiro, 25–39. (In Spanish).
- Ormandy, E.H., Dale, J. & Griffin, G. (2011) Genetic engineering of animals: ethical issues, including welfare concerns. *Can Vet Journal*. 52 (5), 544–550.
- Pezzetta, S. (2020) El giro animal: impacto y desafíos para el derecho latinoamericano. *Revista Chilena de Derecho Animal*. 1, 29–36. (In Spanish).
- Phelps, N. (2007) *The Longest Struggle: Animal Advocacy from Pythagoras to PETA*. New York, Lantern Books Publ.
- Ramires, V.R.R. (2003) Cognición Social y Teoría del Apego: Posibles Articulaciones. *Revista Psicología: Reflexión y Crítica*. 16 (2), 403–410. (In Spanish).
- Regan, T. (1975) The Moral Basis of Vegetarianism. *Canadian Journal of Philosophy*. 5 (2), 181–214.
- Sáez, O. J. (2021) *La familia multiespecie: perspectiva teórica y horizonte político social*. Tesis de doctorado. Universidad de Murcia. (In Spanish).
- Santos, S.P. (2020) Custodia de animales: una perspectiva tridimensional. *Revista Brasileira de Derecho Civil. Belo Horizonte*. 25 (3), 19–39. (In Spanish).
- Singer, P.A. (2001) *Utilitarian Defense of Animal Liberation*. Environmental Ethics. In: Pojman, L. (ed.) Stamford, CT: Wadsworth Publ.
- Singer, P. (2010) *Liberación animal. Traducción: Marly Winckler, Marcelo Brandão Cipolla. Revisión técnica: Rita Paixão*. São Paulo, Editora WMF Martins Fontes Publ. (In Spanish).
- Singer, P. (1977) *Animal liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals*. New York, HarperCollins Publ.
- Travieso, J.A., Ferraro, A.V., Trikoz, E.N. & Gulyaeva, E.E. (2021) Bioethical Aspects of Human Rights in Modern Latin America. *Kutafin Law Review*. 8 (1), 85–98. <https://doi.org/10.17803/2313-5395.2021.1.15.085-098>
- Trikoz, E.N., Mustafina-Bredikhina, D.M. & Gulyaeva, E.E. (2021) Legal regulation of gene editing procedure: USA and EU experience. *RUDN Journal of Law*. 25 (1), 67–86. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-1-67-86> (in Russian).
- Трикоз Е.Н., Мустафина-Бредихина Д.М., Гуляева Е.Е. Правовое регулирование процедуры генного редактирования: зарубежный опыт // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 67–86. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-1-67-86>
- Varela Trejo, D.A. (2024) Mi gran compañera. La familia multiespecie y las potencias del afectar. *Tabula Rasa*. 49, 33–54.
- West, C. (2006) Economic and ethics in the genetic engineering of animals. *Harvard Journal of Law Technol*. 19, 413–442.
- Wise, S.M. (2005) *Animal Rights, One Step at a Time*. Oxford, Oxford Academic Books Publ.

Сведения об авторах:

Трикоз Елена Николаевна – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения, международно-правовой факультет, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; 119454, Российская Федерация, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 76; доцент кафедры публичной политики и истории государства и права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0001-7331-480X, SPIN-код: 9755-7574

e-mail: alena_trikoz@mail.ru

Бразил Дейлтон Рибейро – доктор юридических наук, Мессинский университет (Италия); Площадь Пульятти, 1 – 98122 Мессина; профессор бакалавриата и магистратуры по защите основных прав, Университет Итауны (Бразилия); Бразилия, 35680-142, Итауна, Родовия МГ 431 Км 45, s/n.

ORCID: 0000-0001-7268-8009, SPIN-код: 9755-7574

e-mail: deilton.ribeiro@terra.com.br; deiltonribeiro@uit.br

Гуляева Елена Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Дипломатической академии МИД России; 119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

ORCID: 0009-0002-2708-8332, SPIN-код: 1397-9068

e-mail: gulya-eva@yandex.ru

About the authors:

Elena N. Trikoz – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law, MGIMO University; 76 Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Public Policy and History of State and Law, Law Institute, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7331-480X, SPIN-code: 9755-7574

e-mail: alena_trikoz@mail.ru

Deilton R. Brasil – Postdoctoral Researcher in Law, University of Messina (UNIME), Italy; Piazza Pugliatti, 1 – 98122 Messina; Professor of Undergraduate and Postgraduate Programs (Master's and Doctorate) in the Protection of Fundamental Rights at Universidade de Itaúna (Itauna, Brazil); Rodovia MG 431 Km 45, s/n, Itaúna – MG, 35680-142, Brazil.

ORCID: 0000-0001-7268-8009, SPIN-code: 9755-7574

e-mail: deilton.ribeiro@terra.com.br; deiltonribeiro@uit.br

Elena E. Gulyaeva – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of International Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; 53/2, build. 1, Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation

ORCID: 0009-0002-2708-8332, SPIN-code: 1397-9068

e-mail: gulya-eva@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-668-676>

EDN: AKNZUF

Научная статья / Research Article

Отраслевое ампаро в конституционном процессе: на примере Испании и Латинской Америки

А.А. Клишас

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

 klishas-aa@rudn.ru

Аннотация. Рассматривается процедура ампаро как средство защиты субъективных прав и свобод граждан в контексте отраслевых особенностей системы права. Проводится сравнительно-правовой анализ процедуры ампаро с известными мировой практике средствами конституционно-правовой защиты, и раскрывается феномен «отраслевое ампаро» на примере Испании и стран Латинской Америки. Приводится идея, что «отраслевое ампаро» выступает важным элементом национальной конституционной идентичности правовых порядков многих государств мира. Делается акцент на опыт Мексики как государства, которое первым ввело в свою правовую систему процедуру ампаро. Благодаря нововведениям в Конституции Мексики институт ампаро стал широко известен в мировой практике.

Ключевые слова: процедура ампаро, правовая защита, конституционные права и свободы, конституция

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 27 мая 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2025 г.

Для цитирования:

Клишас А.А. Отраслевое ампаро в конституционном процессе: на примере Испании и Латинской Америки // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 3. С. 668–676. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-668-676>

© Клишас А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Sectoral amparo in the constitutional process: Insights from Spain and Latin America

Andrey A. Klishas

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 klishas-aa@rudn.ru

Abstract. The amparo procedure is analyzed as a means of protecting the subjective rights and freedoms of citizens in the context of the sectoral features of the legal system. A comparative legal analysis is conducted, contrasting the amparo procedure with other means of constitutional protection known in world practice. This analysis reveals the phenomenon of “sectoral amparo” exemplified by Spain and Latin American countries. The idea is presented that “sectoral amparo” constitutes an important element of the national constitutional identity of the legal and order systems in many countries worldwide. The focus is placed on Mexico’s experience as the first country that to introduce the amparo procedure into legal system. Thanks to the innovations in the Mexican Constitution, the amparo institute has gained widespread recognition in global practice.

Key words: amparo procedure, legal protection, constitutional rights and freedoms, constitution

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 27th May 2025

Accepted: 15th July 2025

For citation:

Klishas, A.A. (2025) Sectoral amparo in the constitutional process: Insights from Spain and Latin America. *RUDN Journal of Law*. 29 (3), 668–676. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-668-676>

В условиях широкой имплементации зарубежными юрисдикциями «традиционных» североамериканской и европейской моделей конституционной юстиции неизбежно актуализируется проблема сохранения национально-культурных особенностей правовых систем отдельных государств. В этой связи, по справедливому замечанию В.В. Еремяна, ценнейший сравнительно-правовой материал представляет опыт зарубежных государств, позволяющий выявить характерные черты становления и развития национального конституционализма (Eremyan, 2019; Eremyan, 2020). Процедура ампаро, и в особенности «отраслевое» ампаро, в данном контексте выступают важным элементом национальной конституционной идентичности правовых порядков.

Упомянутая процедура представляет собой экстраординарное средство правовой защиты конституционных прав от действий со стороны представителей публичной власти и иных лиц. Как правило, права, подлежащие защите в рамках процедуры ампаро, закреплены непосредственно в самой конституции государства. Однако некоторые государства расширяют их перечень за счет признания подлежащими защите прав, закрепленных в международных договорах. Кроме того, права, подлежащие защите, могут иметь отраслевой характер, то есть они могут закрепляться в актах гражданского, трудового, избирательного и иного законодательства.

Опыт Мексики как государства, которое первым ввело в свою правовую систему процедуру ампаро, на данный момент имеет наиболее развитую как эмпирическую, так и доктринальную базу по данному институту. До недавнего времени

процедура ампаро была направлена лишь на разрешение конкретного спора и не имела своей целью установление прецедента. Но благодаря нововведениям в Конституцию Мексики прецедент стал доступен.

Теперь, согласно ч. 2 ст. 107 Конституции Мексики, если федеральными судами будет несколько раз установлена неконституционность какой-либо нормы, то Верховный суд Мексики может издать общее положение о неконституционности данной нормы и тем самым ограничить ее действие, что соотносится с позицией Венецианской комиссии, выраженной в Исследовании о прямом доступе к конституционному правосудию, где подчеркивается положительный эффект, который дает наличие полномочия по приостановлению оспариваемого индивидуального и/или нормативного акта при установлении его неконституционности¹. В то же время данный механизм не может распространяться на налоговую отрасль, что ставит лиц, чьи права нарушены именно в данной отрасли в менее выгодное положение².

Возможность защиты своих конституционных прав посредством использования процедуры ампаро существует также в Испании, она устанавливается п. 2 ст. 53 Конституции Испании³. С помощью процедуры ампаро могут быть защищены только основные или существенные права и свободы, то есть те, которые регулируются ст. ст. 14–29 Конституции Испании, а также ст. 30.2 (свобода совести). Для этих целей ст. 161 Конституции Испании и ст. 2 Органического закона о Конституционном суде⁴ Конституционный суд Испании наделяется полномочием по принятию решения о защите прав и свобод в рамках процедуры ампаро.

Испанским законодательством применяется дифференцированный подход и формируется различный правовой режим подачи жалобы в рамках процедуры ампаро. Так, в случае нарушения конституционных прав и свобод в результате принятия парламентом Испании, его структурными подразделениями, законодательными органами автономных сообществ или их структурными подразделениями нормативных актов, не имеющих силы закона, может быть подана жалоба в течение 3 месяцев с момента вступления их в законную силу. При этом правом порядком не предъявляются требования относительно исчерпания всех способов правовой защиты до обращения к указанной процедуре.

Иной подход применяется при нарушении конституционных прав и свобод правительством Испании и иными органами исполнительной власти, в том числе и на уровне автономных обществ, в результате принятия актов и совершения действия (бездействия). В отличие от соответствующих нарушений со стороны органов законодательной власти в отношении органов исполнительной власти законодательство предъявляет повышенный стандарт процессуальной добросовестности и исходит из допустимости обращения за защитой в рамках процедуры ампаро только в случае

¹ Venice Commission. Study on individual access to constitutional justice – Adopted by the Venice Commission at its 85th Plenary Session (Venice, 17–18 December 2010) Available at: [https://www.coe.int/en/web/venice-commission/-/CDL-AD\(2010\)039rev-rus](https://www.coe.int/en/web/venice-commission/-/CDL-AD(2010)039rev-rus) (accessed: 04.04.2025).

² Párrafo 2, artículo 107, Capítulo IV. Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos Última Reforma. Available at: <https://mexico.justia.com/federales/constitucion-politica-de-los-estados-unidos-mexicanos/gdoc/> (accessed: 04.04.2025).

³ Constitution of Spain, 1978 (rev. 2011). Constitute Project. Available at: www.constituteproject.org/constitution/Spain_2011 (accessed: 04.04.2025).

⁴ Ley Orgánica 2/1979, de 3 de octubre, del Tribunal Constitucional. Available at: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1979-23709> (accessed: 04.04.2025).

исчерпания всех релевантных конкретной ситуации средств правовой защиты в судебном порядке.

Схожее регулирование с некоторыми особенностями применяется и в случае нарушения конституционных прав и свобод в результате действий или бездействия судебного органа. Так, наряду с необходимостью исчерпания всех доступных средств судебной защиты правом порядком также предъявляются требования относительно наличия причинно-следственной связи нарушения конституционных прав и свобод непосредственно с действиями или бездействием суда, подсудности вопроса, являвшегося предметом судебного разбирательства, Конституционному суду Испании, а также незамедлительности обращения за защитой нарушенного конституционного права с момента, когда лицо узнало о соответствующем нарушении и имело возможность совершить такие действия. Учитывая специфику соответствующих способов применения процедуры ампаро, сроки обращения за защитой в рамках данного механизма различаются. Так, если нарушение конституционных прав и свободы явилось следствием деятельности органов законодательной власти, то соответствующий срок составляет 3 месяца, в случае же с органами исполнительной власти – 20 дней с момента вынесения последнего судебного решения, предшествующего обращению за защитой в рамках процедуры ампаро, в случае с судебными органами – 30 дней с момента вынесения последнего судебного решения, предшествующего обращению за защитой в рамках процедуры ампаро.

Вместе с тем удовлетворение конкретной ситуации рассмотренным требованиям может оказаться недостаточным для принятия жалобы к рассмотрению. Принятие Конституционным судом Испании соответствующей жалобы к рассмотрению осуществляется на основании решения о приемлемости жалобы (*decision of admissibility*), принимаемого только в том случае, если орган конституционного контроля придет к выводу о том, что рассмотрение поставленного перед ним вопроса имеет особое конституционное значение (*special constitutional significance*) для толкования и применения Конституции Испании, эффективности ее применения, а равно с этим, определения содержания и объема конституционных прав и свобод.

Таким образом, процедура ампаро в Испании направлена не столько на предоставление всеобъемлющей защиты и восстановления конституционных прав и свобод в каждой конкретной ситуации, сколько на корректировку и эффективное функционирование всего конституционного механизма с учетом складывающейся правоприменительной практики.

Достаточную распространенность в государствах, предусматривающих процедуру ампаро, имеет выделение в рамках данного механизма его особой разновидностью, представленной процедурой *habeas data*. Процедуру ампаро и *habeas data* можно рассматривать как соотношение общего и частного. Процедура *habeas data*, в отличие от процедуры ампаро, комплексно затрагивающей широкий спектр субъективных прав и свобод, направлена на правовую гарантию защиты частной информации о лице.

Конституциями государств, воспринявших *habeas corpus*, среди которых Бразилия, Колумбия, Перу, Аргентина и ряд других государств, так или иначе формируются схожие правовые модели реализации подобного конституционно-правового механизма. Как правило, любому лицу в этой связи предоставляется право обратиться в суд (или же к уполномоченному административному органу, как это, к примеру, имеет место в Бразилии) для получения доступа, исправления или удаления относящейся к нему частной информации.

Схожая ситуация наблюдается в вопросе соотношения процедуры ампаро и habeas corpus. В то время как процедура habeas corpus призвана защищать исключительно физическую свободу лица, то процедура ампаро направлена на защиту всех прав лица, которые подлежат такой защите согласно законодательству страны, в которой действует данный механизм. Здесь же стоит отметить разницу в отраслевой принадлежности прав, подлежащих защите. Если права, подлежащие защите по процедуре habeas corpus, принадлежат исключительно уголовной отрасли, то права, защищаемые процедурой ампаро могут иметь мультиотраслевой характер.

Необходимо также учитывать, что процедура habeas corpus может быть составной частью процедуры ампаро, то есть права, подлежащие защите по процедуре habeas corpus, защищаются непосредственно через процедуру ампаро. Подобную модель, в частности, можно наблюдать в Мексике.

Наряду с государствами, в которых процедура ампаро поглощает все остальные средства защиты субъективных прав, как это имеет место в Мексике, также есть государства, которые посчитали возможным их дифференцировать. Так, в случае Аргентины, Парагвая и Перу наряду с процедурой ампаро отдельно действуют процедуры habeas corpus и habeas data. А такие государства, как, к примеру, Гондурас и Уругвай, выделяют наряду с процедурой ампаро исключительно процедуру habeas corpus. В случае с Венесуэлой наряду с процедурой ампаро признается только процедура habeas data (Tschantcher & Lehner, 2013).

Одни правовые порядки формируют конкретную область применения процедуры ампаро, ограничиваясь наиболее важными естественными правами, такими как право на жизнь и безопасность, свобода передвижения, другие же – предусматривают ее максимально широкие пределы, распространяя ее на все защищаемые основным законом права⁵.

При этом особый интерес представляют собой характерные для отдельных правовых порядков подходы, обеспечивающие достаточно широкую дифференцированную область применения данного конституционно-правового механизма. Подобные проявления так называемого «отраслевого» ампаро направлены на создание специального правового режима защиты отдельных конституционных прав граждан, которые в рамках того или иного территориального публичного коллектива рассматриваются в качестве наиболее значимых.

К примеру, в отдельных правовых порядках круг субъектов, в отношении которых может быть применена процедура ампаро, не ограничивается действиями публично-правовых субъектов. Так, Верховный суд Аргентины в деле Samuel Kot⁶ 1958 г. постановил, что процедура ампаро может применяться не только против действий государства, но и против произвольных и незаконных действий отдельных частных лиц. В рамках данного дела суд обязал членов профсоюза освободить незаконно занятую ими фабрику, поскольку данные действия ущемляют право владельца на труд и лишают его доступа к собственности. Угроза ограничения конституционных прав была

⁵ Однако, принимая во внимание существующие тенденции к широкой дифференциации области применения данного правового института, в том числе в частноправовой сфере, не стоит забывать о его собственно конституционно-правовом эффекте общего характера, обеспечивающем целостность и защиту всего конституционного правового порядка. В.В. Еремян в этой связи на примере реализации процедуры ампаро в Мексике наглядно демонстрирует ее особое значение как механизма обеспечения защиты действующей конституции и фактора сохранения политической стабильности в государстве (Eremyan, 1998).

⁶Samuel Kot, S.R.L.2 [1958-IV] J.A. 216,92 La Ley 626 (1958).

присуща не только власти государства, но и власти, существующей во многих организациях частного характера, таких как крупные предприятия и профсоюзы. Суд отметил, что накопление и концентрация огромных материальных ресурсов и власти в этих организациях являются весьма реальным источником озабоченности в области обеспечения соблюдения субъективных прав и свобод.

Схожий подход к допустимости применения процедуры ампаро реализован в конституционном праве Боливии. В частности, в соответствии со ст. 128 Конституции Боливии основанием для обращения в суд за защитой конституционных прав в рамках процедуры ампаро являются незаконные или несправедливые действия или бездействия физических лиц или организаций, которые ограничивают или нарушают конституционные права и свободы либо создают угрозу для их ограничения или нарушения.

Конституционное право Сальвадора придает процедуре ампаро компенсаторный характер, позволяя пострадавшему субъекту обращаться к гражданско-правовым средствам правовой защиты. Так, в соответствии со ст. 35 Закона № 2996 от 14.01.1960 г. «О конституционных процедурах» по решению, принимаемому по процедуре ампаро, лицо, нарушившее конституционное право другого лица, обязано восстановить положение, в котором находился потерпевший до нарушения его конституционных прав. В этой связи предусматривается возможность подачи лицом, обратившимся за защитой в рамках процедуры ампаро, гражданского иска, в случае нарушения его конституционных прав. Причем такой иск может быть подан как к самому правонарушителю, а если таковое не представляется возможным, то и к самому государству.

Тем самым применение соответствующей процедуры не ограничивается исключительно вопросами взаимодействия органов публичной власти и частных субъектов и проникает в частноправовую плоскость, предоставляя дополнительные конституционно-правовые механизмы защиты субъективных прав и свобод.

В Боливии при этом был сформирован предельно широкий круг прав, защита которых может быть осуществлена в рамках процедуры ампаро. В этой связи ст. 128 Конституции Боливии соответствующей правовой защите подлежат права, которые закрепляются как самой конституцией, так и боливийским законодательством в целом.

В свою очередь, в конституционном праве Мексики содержатся специальные положения, предусматривающие возможность обращения к процедуре ампаро при нарушении признаваемых на конституционном уровне прав, связанных с обладанием земель или отдельными природными ресурсами. Так, согласно ст. 17 Органического закона Мексики «О процедуре ампаро»⁷ данная процедура может применяться для обеспечения охраны прав аграриев (*amparo agrario*). Этот вид ампаро защищает сельских жителей, которые имеют права на общие земли (*ejidos*). Данный вид конституционно-правовой защиты может быть применен в отношении актов органов публичной власти, за исключением актов судебных органов.

Конституционное право Испании тем временем предусматривает специальный правовой режим применения процедуры ампаро в рамках защиты субъективных избирательных прав. В органическом законе Испании «Об избирательной

⁷ Ley de amparo, reglamentaria de los artículos 103 y 107 de la Constitución política de los estados unidos Mexicanos. Available at: http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/LAmp_150618.pdf (accessed: 04.04.2025).

системе»⁸ предусмотрены две формы защиты от действий и решений избирательных органов в рамках процедуры ампаро:

- применение процедуры ампаро в отношении решений избирательных комиссий о выдвижении и регистрации кандидатов (п. 3 ст. 49);
- обжалование в рамках процедуры ампаро в отношении решений избирательных комиссий об утверждении выборных должностных лиц, проведении выборов и утверждении председателей органов местного самоуправления (п. 2 ст. 114).

В то же время в Никарагуа вопросы избирательного права не могут являться предметом инициирования процедуры ампаро, однако в 2009 г. Верховным судом Никарагуа было рассмотрено дело о предоставлении группе лиц, обратившихся вследствие нарушения принципа равенства всех перед законом и равенства в осуществлении права на участие в управлении делами государства положениями ст. ст. 147 и 178 Конституции Никарагуа, устанавливающих избирательные ограничения, в частности, запрещающие занятие лицом должности президента в случае его пребывания на должности президента в течение 2 сроков подряд⁹.

Основанием обращения за защитой в рамках процедуры ампаро в данном случае явилось решение Верховного избирательного совета и впоследствии суда об отказе в допуске к участию в выборах на отдельные государственные должности ряда кандидатов. Верховный суд Никарагуа счел устанавливаемые указанными конституционными положениями ограничения нарушающими принципы всеобщего равенства и пропорциональности, поскольку единственными основаниями для ограничения возможности переизбрания избранных должностных лиц являются возраст, судимость по уголовным делам или признание лица недееспособным. Принимая подобное решение, Верховный суд Никарагуа пришел к выводу, что соответствующие избирательные ограничения были введены в Конституцию Никарагуа в результате поправок в конституцию и вступают в противоречие с изначально установленными конституционными принципами.

Вместе с тем правопорядком Никарагуа возможность применения механизмов в рамках процедуры ампаро предусматривается и в области трудового права. Так, трудовым законодательством Никарагуа свободная регистрация профсоюзов может быть ограничена только в исчерпывающем перечне случаев. Однако если Дирекция профессиональных ассоциаций отказывается зарегистрировать профсоюз по иным основаниям, заявители могут подать апелляцию в Генеральную инспекцию труда и подать иск по процедуре ампаро (для защиты своих конституционных прав) на решение об отказе в регистрации (ст. 213 Трудового кодекса Никарагуа)¹⁰.

Значимым с точки зрения надлежащей защиты конституционных прав граждан также является разрешения вопроса относительно того, распространяется ли применение процедуры ампаро на все без исключения действия (бездействия) органов публичной власти или же отдельные результаты деятельности таких органов не могут являться предметом судебной проверки. Представляется, что если ампаро является

⁸ Ley Orgánica 5/1985, de 19 de Junio, del régimen electoral general. Available at: <https://www.boe.es/eli/es/lo/1985/06/19/5/con> (accessed: 04.04.2025).

⁹Case No. 602-09, in the Amparo Writ Ortega et al. v. the Supreme Electoral Council of the Republic of Nicaragua, ARCHIVOS DE LA CORTE SUPREMA DE JUSTICIA, Oct. 19, 2009. Available at: <http://content.glin.gov/summary/224071> (accessed: 05.04.2025).

¹⁰ Nicaragua. Código del Trabajo. Available at: <https://www.poderjudicial.gob.ni/cjnejava/image/codigo-trabajo.pdf> (accessed: 10.04.2025).

судебным средством защиты прав человека, то это иск по ампаро, который может быть подан против любого публичного акта, нарушающего их, и поэтому ни один акт не должен быть исключен из возможности быть оспоренным посредством действия соответствующей процедуры.

Тем не менее в различных государствах Латинской Америки, в частности в Коста-Рике, Никарагуа, Панаме, Перу, можно также выявить тенденцию к исключению некоторых публичных актов из сферы действия процедуры ампаро. В некоторых юрисдикциях исключение касается действий отдельных государственных органов, таких, как избирательные органы, действия которых прямо исключаются из сферы применения процедуры ампаро.

Закрепление процедуры ампаро на национальном уровне оказало существенное влияние на развитие межамериканской системы защиты прав. Так, ст. 25 Межамериканской конвенции о правах человека, вступившая в силу 18 июля 1978 г., закрепляет право каждого человека на простое и быстрое обращение или любое другое эффективное обращение в компетентный суд для защиты от действий, которые нарушают его основные права, признанные конституцией или законодательством государства или указанной конвенцией, даже если такое нарушение могло быть совершено лицами, действовавшими в порядке выполнения своих официальных обязанностей.

Межамериканский суд по правам человека в своем консультативном заключении 11 EHRR 33 от 1987 г. по вопросу действия *habeas corpus* в чрезвычайных ситуациях сделал ряд важных выводов относительно процедур обеспечения восстановления нарушенных прав¹¹. В частности, именно ст. ст. 25, 27 Межамериканской конвенции о правах человека выступают универсальным правовым основанием для установления и применения данных процедур в национальных правовых системах. Процедура ампаро определяется в данном документе как простое и оперативное средство правовой защиты, предназначенное для защиты всех прав, признаваемых конституциями и законами государств-участников и самой конвенцией.

Учитывая особенности данного правового института, сложившиеся в различных правопорядках, процедура ампаро на современном этапе имеет комплексный характер и может быть использована в различных областях и направлениях правового регулирования. Такая универсальность указывает на высокий правовой потенциал и значение подобной конституционно-правовой процедуры, направленной на обеспечение эффективной защиты и восстановления субъективных прав и свобод. Принимая во внимание обозначенную в последние годы тенденцию, направленную на комплексную модернизацию системы конституционно-правового регулирования Российской Федерации, имеющую в качестве одной из своих целей повышение эффективности реализации принципа правового государства, исследование особенностей функционирования рассматриваемого правового института представляет особую актуальность в целях выявления тех его элементов, инкорпорирование которых в отечественное законодательство могло бы способствовать реализации целей конституционной реформы путем повышения уровня качества защиты нарушенных прав.

¹¹ Habeas Corpus in Emergency Situations (Arts. 27(2) and 7(6) of the American Convention on Human Rights, Advisory Opinion OC-8/87, January 30, 1987, Inter-Am. Ct. H.R. (Ser. A) No. 8. Available at: http://hrlibrary.umn.edu/iachr/b_11_4h.htm (accessed: 12.04.2025).

References / Список литературы

- Eremyan, V.V. (1998) The amparo procedure as a mechanism for protecting the Mexican Constitution and a factor in maintaining political stability. *RUDN Journal of Law*. (1). (in Russian).
Еремян В.В. Процедура ампаро как механизм защиты мексиканской конституции и фактор сохранения политической стабильности // Вестник Российского университета дружбы народов. 1998. № 1.
- Eremyan, V.V. (2019) Comparative constitutional and municipal law school (Part I). *RUDN Journal of Law*. 23 (4), 640–652. (in Russian). <https://www.doi.org/10.22363/2313-2337-2019-23-4-640-652>
Еремян В.В. Школа сравнительного конституционного и муниципального права (Часть I) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. №. 4. С. 640–652. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2337-2019-23-4-640-652>
- Eremyan, V.V. (2020) Comparative constitutional and municipal law school (Part II). *RUDN Journal of Law*. 24 (1), 158–169. (in Russian). <https://www.doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-1-158-169>
Еремян В.В. Школа сравнительного конституционного и муниципального права (часть II) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 1. С. 158–169. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-1-158-169>
- Tschentscher, A. & Lehner, C. (2013) The Latin American Model of Constitutional Jurisdiction: Amparo and Judicial Review. 2296004. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2296004>

Сведения об авторе:

Клишас Андрей Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и государства РУДН, научный руководитель юридического института РУДН, председатель Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-3472-4926, SPIN-код: 2146-7486

e-mail: klishas-aa@rudn.ru

About the author:

Andrey A. Klishas – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Head of the Department of Theory of Law and State of the RUDN University, Scientific Director of the RUDN Law Institute, Chairman of the Committee of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on Constitutional Legislation and State Building, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3472-4926, SPIN-code: 2146-7486

e-mail: klishas-aa@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-677-692>

EDN: APKIPX

Научная статья / Research Article

Экстраординарные и иные юридические меры по разрешению конфликта между высшими органами государственной власти Республики Беларусь

С.Г. Василевич

Международный институт управления и предпринимательства, г. Минск,
Республика Беларусь

 sergey.workmail.135@gmail.com

Аннотация. Устойчивое развитие общества и государства во многом зависит от того, насколько успешно предотвращаются и разрешаются юридические и иные социальные конфликты. Оптимизация мер по их разрешению является важным фактором консолидации общества. Для современных государств характерно наполнение новым содержанием системы сдержек и противовесов, формирование которой изначально было задумано в качестве средства обеспечения баланса интересов различных ветвей власти. В истории любого государства случались конфликты. Важно их разрешать, используя легальные (юридические) меры. В доктрине проблематика юридических и иных социальных конфликтов остается в поле пристального внимания ученых, она также имеет практическое значение. Цель работы – исследовать доктринальные источники, а также национальное законодательство, особенности его применения и на этой основе высказать рекомендации, направленные на предупреждение и разрешение юридических конфликтов. Материалами исследования являются научные публикации, национальное законодательство. Использованы методы анализа, синтеза, дедукции и индукции. Выявлены потенциальные угрозы конфликта и намечены юридические меры их разрешения в современный период. Подчеркнута полезность типологизации конфликтов, состоящая в возможности выявления общего и особенного в конфликтах, осуществлении анализа их причин и путей разрешения. Обращено внимание на конфликты в условиях постсоветской турбулентности, что проявлялось в сфере формирования новой политической и правовой парадигмы. Одним из важнейших факторов разрешения юридических конфликтов между ветвями власти является их стремление находить компромиссы, формировать правоприменительную практику в строгом соответствии с конституционными принципами и нормами, а при необходимости – обращаться к использованию такого легитимного средства, как народное голосование. Подчеркивается, что гарантией правового государства, наряду с разделением властей, является развитое правовое сознание, базирующееся на общих конституционных ценностях. Юридическая наука, основываясь на конституционных предписаниях, обязана видеть возможные варианты событий, в том числе и негативного характера, предлагать варианты действий.

© Василевич С.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: юридический конфликт, социальный конфликт, юридические споры, высшие органы государственной власти, система сдержек и противовесов, типологизация конфликтов, меры по разрешению конфликтов

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 12 февраля 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2025 г.

Для цитирования:

Василевич С.Г. Экстраординарные и иные юридические меры по разрешению конфликта между высшими органами государственной власти Республики Беларусь // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 3. С. 677–692. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-677-692>

Extraordinary and legal measures to address conflicts among the highest state authorities of the Republic of Belarus

Sergey G. Vasilevich

International Institute of Management and Entrepreneurship, Minsk, Republic of Belarus

 sergey.workmail.135@gmail.com

Abstract. The sustainable development of society and the state largely depends on how effectively legal and other social conflicts are prevented and resolved. Optimizing conflict resolution measures is a crucial factor in consolidating society. Modern states are characterized by a renewed system of checks and balances, originally designed to balance the interests of various branches of government. Conflicts have existed throughout the history of every state, and it is important that they be resolved through legal means. In legal doctrine, the problems of legal and social conflicts remain a key focus for scholars and hold significant practical importance. The study aims to investigate doctrinal sources as and national legislation, as well as the specifics of their application, in order to develop recommendations for preventing and resolving legal conflicts. The research is based on scientific publications and national legislation, employing methods such as analysis, synthesis, deduction, and induction. Potential conflict threats have been identified, and legal measures for their resolution in the modern period have been outlined. The importance of classifying conflicts is emphasized, as it enables the identification of common and distinct features, the analysis of causes, and the development of resolution strategies. Special attention is given to conflicts arising in the context of post-Soviet turbulence, which led to the formation of a new political and legal paradigm. A critical factor in resolving legal conflicts between branches of government is their willingness to seek compromise, develop law enforcement practices strictly with constitutional principles and norms, and, when necessary, employ legitimate means as a popular vote. It is further emphasized that the guarantee of the rule of law, alongside the separation of powers, depends on a developed legal consciousness grounded in shared constitutional values. Legal science, guided by constitutional principles, must anticipate possible scenarios – including adverse ones – and propose appropriate courses of action.

Key words: legal conflict, social conflict, legal disputes, supreme state authorities, system of checks and balances, conflict typology, conflict resolution measures

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 12th February 2025

Accepted: 15th July 2025

For citation:

Vasilevich, S.G. (2025) Extraordinary and legal measures to address conflicts among the highest state authorities of the Republic of Belarus. *RUDN Journal of Law*. 29 (3), 677–692. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-677-692>

Введение

Социальные конфликты и как их разновидность юридические конфликты весьма частое явление в человеческой истории. Причины и поводы для их возникновения разные – политические, экономические, культурные, религиозные и др. Триггером может оказаться отдельное событие. Опыт свидетельствует, что указанные конфликты разрешались различными способами: происходили военные действия, в том числе развязывались гражданские войны, мятежи, бунты, а также использовались цивилизованные способы, когда конфликты (споры) разрешались не на улице, а в судебных и иных компетентных инстанциях.

Проблемы конфликтов привлекали внимание специалистов различных областей научных знаний. Такая категория, как конфликт, является предметом пристального внимания политологов, юристов, философов, социологов, социальных психологов. Весьма интенсивно проводились диссертационные исследования. По данным Е.В. Рябининой, например, по состоянию на 2010–2015 гг. преимущественное внимание (более 62 %) уделялось политическим конфликтам, включая терроризм и экстремизм, около 15 % тематики конфликтов касались философско-социологической и психологической сторон, около 8% посвящено конфликтам в сфере педагогического процесса, около трех и полутора процентов – юридическим и экономическим конфликтам соответственно (Ryabinina, 2016). Приведенные данные свидетельствуют о важной научно-практической составляющей исследований юридических конфликтов как феномена общественной жизни. Исследования в данной области являются актуальными и могут способствовать укреплению стабильного и устойчивого развития государства.

Доктрина о конфликтах

Представители юридической науки исследуют понятие, причины, виды, субъекты и объекты конфликтов, пути их разрешения.

Одни авторы термин «конфликт» определяют как противоборство сторон (участников) конфликта (Babosov, 2001). Другие авторы выделяют объективные и субъективные противоречия, что ведет к противоборству сторон (Dmitriev, 2002). Третьи под конфликтом понимают столкновение людей, их позиций по причине расхождения интересов и преследуемых целей (Durin, 1994). Четвертые рассматривают конфликт как проявление открытой борьбы по поводу получения каких-либо благ (Sokolov, 2001).

Конфликт можно рассматривать с позиции противоречия частных и публичных интересов, в том числе для предупреждения коррупции (конфликт интересов (Karinus, 2018).

Общим, что объединяет определение конфликта, это акцентированное внимание на противодействии субъектов друг другу, несовместимости их интересов.

Идеальным вариантом разрешения конфликта был бы такой способ, как убеждение. Однако, к сожалению, не все конфликты разрешаются путем убеждения сторон и их участников. В последние десятилетия значительное внимание в доктрине стали уделять медиации, как средству разрешения конфликтов с участием различных субъектов (граждан, организаций) (Zdrok, 2018). На наш взгляд, и в политической сфере можно было бы использовать многие технологии из медиативных процессов, например, как активное слушание каждой из сторон (белорусский Парламент даже не стал рассматривать и обсуждать предложенный Президентом проект об изменении порядка формирования Конституционного Суда), установление и поддержание контакта (можно было бы организовать несколько встреч представителей Президента и Верховного Совета для уяснения цели и содержания предлагаемого проекта, не исключали бы и участие руководства Конституционного Суда) и др.

В связи с этим весьма важно, чтобы социальные конфликты в виде открытого противостояния находились в правовом поле. В доктрине используется понятие «управления конфликтом» и «конфликт-менеджмент». Что касается «управления конфликтом», то, по мнению Е.В. Левиной, это означает необходимость выработки и реализации соответствующих технологий разрешения конфликта. Относительно «конфликт-менеджмента» ею акцентируется внимание на непосредственном и немедленном реагировании на конфликт (Levina, 2016).

Меры, применяемые для разрешения конфликта, можно подразделить на типичные, общепринятые, устоявшиеся в практике (например, отказ в подписании закона и наложение на него вето, рассмотрение кандидатуры на должность премьер-министра и отказ в даче согласия на назначение) и меры экстраординарного (чрезвычайного) характера (введение военного положения, роспуск палат Парламента, введение чрезвычайного положения Всебелорусским народным собранием в случае бездействия Президента).

Автор данной статьи консолидируется с позицией Т.В. Худойкиной, согласно которой понятие «юридический конфликт» соотносится с общей категорией «конфликт». Разделяем ее взгляд на конфликт как противоборство между сторонами, вызванное противоречиями между их потребностями и целями; конфликт трансформируется в юридический, когда в противоборство вступают субъекты права, затрагивая правовые отношения. Интересна ее позиция, в соответствии с которой до юридизации общественных отношений, в рамках которых возникает противоборство, конфликт следует рассматривать квазигиридрическим (Khudoykina, 2002).

Согласно позиции Е.М. Бабосова противоречие следует рассматривать в качестве внутреннего источника любого развития, а конфликт является производным от противоречия, его следствием. В связи с этим он приходит к выводу, согласно которому социальный конфликт является вершиной социальных обострений и имеющихся противоречий (Babosov, 2001). По этой причине важна целенаправленная и эффективная деятельность органов государственной власти, тесный контакт выборных органов со своими избирателями, что позволяет видеть угрозы для возникновения конфликтов. Поэтому поддерживаем высказанную позицию относительно таких критериев эффективности законодательной власти, как уровень парламентского контроля, реагирование на запросы избирателей, взвешенная законотворческая деятельность и др. (Ulyanov, 2024).

В науке осуществлена типологизация конфликтов, в том числе и юридических. Их подразделяют на внутрисистемные и вне системы, по сфере проявления

(политика, экономика), проводится дифференциация по количеству участников, мотивов их действий, продолжительности в зависимости от степени антагонизма и др. (Dmitriev, 2011).

В литературе обращается внимание на соотношение конфликта и противоречия. Противоречие является более «широким» понятием (Durin, 1994).

Полезность типологизации конфликтов состоит в возможности выявления общего и особенного в конфликтах, осуществлении анализа причин конфликтов и путей их разрешения.

Правоведов, политологов, социологов особенно заботит проблема управления конфликтами, направление их в позитивное русло, нейтрализация, исключение конфликтогенов, поиск путей преодоления затяжного конфликта (Omilaenko, 2019). Вместе с тем утверждается, что конфликт не следует рассматривать только как нечто недопустимое, отрицательное. По справедливому утверждению В.П. Чумака, конфликт – это еще и сигнал к тому, что надо что-менять, следует преодолеть застой в развитии системы, необходимы инновации (Chumak, 2023).

Юридические конфликты также можно классифицировать по сферам государственной жизни, а также в зависимости от отраслей права, в которых они могут развиваться: трудовые, семейные, уголовно-процессуальные, криминальные и др. Наиболее важное значение для обеспечения стабильного, устойчивого развития общества и государства имеет исследование конституционных конфликтов, так как нормы конституционного права способны интегрировать всю национальную правовую систему, генерировать позитивные импульсы на весь спектр общественных отношений. Тем более, что конституционное право наиболее близко к разрешению политико-социальных конфликтов.

Конфликты в условиях постсоветской турбулентности

История XX века демонстрирует, что многие конфликты, в том числе и на вершине властной пирамиды, разрешались посредством революций. Стремление к доминированию на европейском континенте и даже в мировом масштабе привело к развязыванию двух мировых войн.

Конец XX столетия для наших государств – Российской Федерации и Республики Беларусь – был непростым в силу обострения противоречий между высшими органами государственной власти. Так, в октябре 1993 г. была применена военная сила против Верховного Совета Российской Федерации. Не вдаваясь во все перипетии назревания этого конфликта, отметим, что принятие 12 декабря 1993 г. новой Конституции Российской Федерации способствовало на том этапе некоторой консолидации общества, нахождению компромисса.

Практически в этот же период (1994–1996 гг.) происходило обострение отношений между Верховным Советом 12-го созыва и Президентом Республики Беларусь. Как следует из публикаций, посвященных анализу начала и разворачиванию этого конфликта, были объективные и субъективные факторы для его появления. Верховный Совет Республики Беларусь, начиная с 1990 г. и до вступления 30 марта 1994 г. новой Конституции в действие, обладал верховенством власти в Республике Беларусь. По сути, это была суперпарламентская республика после устранения в августе 1991 г. коммунистической партии от руководства государством. Вся властная пирамида замыкалась на Верховный Совет, который обладал правом формирования

Правительства, мог отправить его полностью либо отдельных членов в отставку, вправе был заслушать любое должностное лицо о выполнении своих обязанностей. Согласно действовавшей на тот момент Конституции Беларуси 1978 года (с изменениями и дополнениями) Верховный Совет вправе был принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, находящийся в ведении Республики Беларусь. В ряде случаев он подменял исполнительную власть. После принятия Конституции в 1994 г. и избрания Президентом А.Г. Лукашенко полномочия уже необходимо было перераспределить. Значительная их часть перешла к главе государства, который также стал одновременно и главой исполнительной власти. Однако понимание этого факта после четырех лет монополии Верховного Совета на власть не произошло.

Например, законы, которые подписывал Президент, продолжали вводиться в действие постановлениями Верховного Совета, подписываемыми Председателем Верховного Совета, что и по сути, и по духу противоречило Конституции. Была частая практика принятия Парламентом законов, которые не имели источника финансирования, то есть Верховный Совет не обеспечивал их финансово-экономическое обоснование, а средств для какого-то «финансового маневра» у Главы государства не было. По этой причине он часто высказывал возражения по поводу представленных на подпись законов, обосновывая это тем, что их невозможно исполнить по экономическим причинам. Несмотря на это, Парламент преодолевал наложенное вето Президентом. Все это создавало конфликтную ситуацию между высшими органами государственной власти. Она усугубилась после того, как Верховный Совет длительное время отказывался назначить референдум, предложение о котором в начале осени 1996 года внес в Парламент Президент Республики Беларусь. Это вынужденная со стороны Президента мера, так как Верховный Совет ранее отказался рассматривать проект закона о внесении небольших по объему изменений и дополнений Конституции: они касались порядка формирования Конституционного Суда. Президент считал, что Конституционный Суд при вынесении решений действует не объективно и поэтому предложил весной 1996 года, чтобы формирование осуществлялось на паритетных началах, то есть половину судей избирает Верховный Совет, а половину – назначает Глава государства. Считаем, что Верховному Совету следовало «поступиться» малым, согласиться с приемлемым вариантом формирования Конституционного Суда. Не получив позитивного ответа, Президент предложил на референдум более широкую корректировку текста Конституции в части формирования новой парадигмы системы сдержек и противовесов, усилив свои полномочия, что и было поддержано народом, как высшим арбитром между властями, на референдуме, состоявшемся 24 ноября 1996 года.

На наш взгляд, и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь указанный период был периодом трудного формирования новой политической и правовой парадигмы. Сказывались и субъективные факторы.

Потенциальные угрозы конфликта и юридические меры их разрешения в современный период

На характер конфликта, его содержание и особенности разрешения влияет зафиксированная в национальном законодательстве форма правления. Что касается причин, то они могут быть самыми различными. В юридической литературе среди причин называют следующие: расхождение в программах партий, направлениях

деятельности парламентских фракций, правительства и Главы государства; злоупотребления государственными полномочиями, коррупция; неустойчивость парламентского большинства; личностные амбиции политиков; оппозиционная деятельность (Langinen, 2010).

В федеративном государстве причинами конфликта могут быть противоречия между центральными властями и элитами субъектов федерации (Titova, 2014). Юридический конфликт может быть обусловлен процессом регионализации элит местного уровня и их нежеланием допустить в свой круг сторонних политических деятелей (Vlasova & Leshchenko, 2007). Относительно регионального уровня также утверждается о необходимости создания системы сдержек и противовесов (Slinko & Malikov, 2014).

В некоторых случаях изменение структуры высшего коллегиального представительного органа способно содействовать цивилизованному разрешению возникающих споров. Например, считаем, что трансформация однопалатного Парламента в двухпалатный с обеспечением представительства регионов в верхней палате Парламента позволяет слышать мнение местного населения, их пожелания, снимать напряжение. При этом двухпалатные парламенты функционируют не только в федерациях, но и в унитарных государствах. В ряде случаев установление длительного переходного периода позволяет обеспечить мягкую трансформацию общественных отношений.

Еще можно указать на такие причины конфликта, как: низкая правовая культура сторон и потенциальных участников конфликта; слабая (неактивная) арбитражная роль главы государства или иного субъекта, наделенного соответствующими полномочиями (арбитражными, например); ненадлежащее выполнение посреднической функции; игнорирование требований о возможном использовании согласительных процедур.

Позитивный характер конфликта проявляется в том, что он может быть сигналом для власти об определенных недостатках в деятельности органов власти и является таким образом импульсом для устранения разногласий, улучшения работы, поиска новых средств для обновления сложившейся системы отношений (Sologub & Khasheva, 2016). Следует также иметь в виду, что конфликт – это не только агрессия, но и проявление самозащиты.

Юридический конфликт между ветвями власти может проявиться в связи с нормативными правовыми актами, право на издание которых они имеют в соответствии с законодательством. До 15 марта 2022 г., то есть до вступления в силу решения, проведенного в Республике Беларусь республиканского референдума 2022 г., Президент обладал правом издания Декретов (актов, имеющих силу закона), а также издания директив – указов программного характера. В доктрине и на практике возникали вопросы о соотношении декретов и законов. Некоторые авторы придерживались позиции, согласно которой существовал приоритет декретов независимо от времени их издания и времени принятия закона, на это обращено внимание в литературе (Vegera, 2007). В принятом 10 января 2000 г. Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» было закреплено, что новый акт обладает верховенством по отношению к ранее принятому акту. Это правило действовало по отношению к одноуровневым актам. Таковыми можно было признавать законы и декреты (акты, имеющие силу закона), поэтому следовало руководствоваться правилами о приоритете нового акта (закона или декрета) по отношению к ранее

принятому акту. Данный наш вывод подтвержден действующей редакцией Конституции Республики Беларусь. Как известно, в настоящее время Президент Республики Беларусь не обладает правом издания декретов, однако ряд ранее изданных декретов сохраняют свое действие. При этом следует иметь в виду, что согласно части третьей ст. 142 Основного Закона нормы декретов обладают верховенством по отношению к принятым до их издания законам.

Касаясь вопроса об областях компетенции Парламента и Президента, И.В. Вегера предлагает следующие три области: исключительную компетенцию, которой обладает Парламент, также его преимущественную компетенцию, и исключительную компетенцию Президента Республики Беларусь (Vegera, 2007).

Конечно, такая классификация компетенций Парламента и Президента не бесспорная: в президентской по форме правления республике вполне уместно вести речь о преимущественной компетенции Главы государства. Традиционно в советский и достаточно часто в постсоветский период, когда идет речь в науке о законах, то определяют, что это акты, регулирующие наиболее важные общественные отношения. Однако в президентской республике у Главы государства могут быть так называемые подразумеваемые полномочия, которые он реализует в условиях нетипичной, нестандартной ситуации, например, политический и экономический кризис, угроза национальному суверенитету.

В 1990-х гг. активно продвигалась идея разделения властей, так называемая система сдержек и противовесов. К сожалению, в доктрине недостаточно по сравнению с «разделением» властей уделялось внимание их взаимодействию. Но, безусловно, разработанная Дж. Локком и Ш. Монтескье концепция разделения властей сыграла свою конструктивную роль в формировании системы органов государственной власти в государствах так называемой молодой демократии.

Согласны с мнением В.Д. Зорькина, согласно которому гарантией правового государства наряду с разделением властей является развитое правовое сознание, базирующееся на общих конституционных ценностях (Zorkin, 2021).

Традиционно в конституциях идет речь о триаде властей – законодательной, исполнительной и судебной. Обычно олицетворяют эти ветви власти соответственно Парламент, Правительство, Конституционный Суд и суды общей юрисдикции во главе с Верховными Судом. В юридической литературе часто подчеркивается, что Президент в этой триаде занимает особое место, и даже выделяют президентскую власть (Gadzhiev, 2018).

Разделение государственной власти на три ветви власти предполагает при возникновении конфликта между ними поиск направлений его урегулирования, включая желание пойти на компромисс и сотрудничество, использование институциональной процедуры и, что не менее важно, направление усилий на контроль и предупреждение конфликта (Shvedova, 2012).

В Республике Беларусь большие надежды на цивилизованное разрешение конфликта между ветвями власти возлагалось на Конституционный Суд. Однако в Конституции на момент ее принятия прямо не предусматривалось его право разрешать споры о компетенции между различными органами государственной власти. Косвенным образом это могло быть осуществлено посредством проверки конституционности принятых тем или иным органом нормативных правовых актов. Отметим, что и ранее, и в настоящее время по результатам республиканского референдума 2022 г. Конституционный Суд обладает правом проверки конституционности нормативных

правовых актов всех органов государственной власти с верху до низу, то есть вплоть до нормативных правовых решений местных Советов депутатов первичного уровня (сельских, поселковых Советов).

Особые надежды в Республике Беларусь возлагают на конституционные жалобы и преюдициальные запросы судов в Конституционный Суд (Miklashevich, 2022), что должно способствовать уменьшению правовых споров.

Конституционный Суд с момента его создания в 1994 г. обладал правом возбуждать производство по делу по собственной инициативе. Преимущественно он это делал по отношению к актам Главы государства, и лишь уже в последний период назревшего конфликта между ветвями власти попытался представить некий баланс в этой сфере, обратившись к проверке актов Верховного Совета. В итоге это привело к сужению полномочий Конституционного Суда согласно итогам референдума 1996 г.

В конституциях Российской Федерации и Республики Беларусь предусмотрены нормы, касающиеся досрочного прекращения полномочий палат парламента и процедуры импичмента президентов.

Согласно Конституции Российской Федерации полномочия Государственной Думы в случае трехкратного отказа в даче согласия Президенту на назначение предложенных им кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации. В этом случае у Президента есть право самостоятельно назначить Председателя Правительства Российской Федерации, распустить Государственную Думу и назначить новые выборы. В Конституции не содержится ответ на вопрос, необходимо ли после новых выборов получать согласие Государственной Думы на продолжение исполнения обязанностей Правительства ранее назначенного Президентом лица. Полагаем, что нет, Конституция определила порядок разрешения конфликта между Президентом и Государственной Думой. Для сохранения деятельности Государственной Думы в Конституции установлены гарантии: недопустим ее роспуск в период рассмотрения вопроса об обвинении Президента, во время военного или чрезвычайного положения, в последние шесть месяцев полномочий Президента Российской Федерации.

Альтернативные варианты действий Президента РФ (роспуск Государственной Думы либо отставка Правительства) предусмотрены при выражении Государственной Думой вотума недоверия Правительству либо отказе в доверии ему (ст. 117 Конституции). В Основном Законе Российской Федерации зафиксировано право Президента воспользоваться согласительными процедурами, когда необходимо разрешить возникшие между органами власти разногласиями, а когда не удалось добиться положительного результата, то он обладает правом обратиться в суд с учетом его компетенции.

Основным Законом РФ предусмотрен порядок отрешения Президента от должности с участием двух палат Федерального Собрания, Верховного и Конституционного судов (ст. 93).

Согласно ст. 104 Конституции Республики Беларусь в редакции от 15 марта 1994 г. Президент мог быть смещен с должности по причине нарушения Конституции или совершения преступления; при этом правом постановки вопроса о его смещении с должности обладали не менее 70 депутатов (всего Парламент состоял из 260 депутатов) Верховного Совета.

Для решения Верховным Советом вопроса о смещении Президента с должности необходимо было предварительное заключение Конституционного Суда. Такого рода процедура была начата в октябре–ноябре 1996 г. в преддверии референдума, назначенного на 24 ноября 1996 г. Однако она не была завершена по причине поддержки народом предложенного Президентом проекта изменений и дополнений в Конституцию.

В настоящее время в Конституции Республики Беларусь детально определены меры по разрешению конфликта между Президентом, Парламентом, Правительством. В частности, предусмотрено право Президента досрочно прекратить полномочия палат Парламента по причине выражения, например вотума недоверия Правительству или отказа в доверии Правительству, неутверждении программы деятельности Правительства и др., а также двукратном отказе в даче предварительного согласия на назначение Премьер-министра.

Важно, что при этом Президент принимает решения по указанным вопросам после официальных консультаций с председателями палат Парламента. В качестве контрмеры предусмотрен запрет на роспуск палат в период чрезвычайного или военного положения, в последние полгода полномочий Президента либо в период, когда палаты рассматривают вопрос о досрочном освобождении Президента от должности, либо в период решения Всебелорусским народным собранием вопроса о смещении его с должности.

Если ранее, до референдума 2022 г., вопрос о смещении Президента с должности рассматривался исключительно палатами Парламента, то в настоящее время его рассмотрение отнесено к компетенции Всебелорусского народного собрания. Причиной для этого может быть систематическое или грубое нарушение Президентом Конституции, совершение тяжкого преступления или государственной измены.

В Конституции Республики Беларусь детально оговорена процедура смещения Президента с должности. Конституция (ст. 94) запрещает роспуск палат в течение года со дня их первого заседания, а также в последний год полномочий. В этой связи напрашивается вопрос о возможности выражения в данное время вотума недоверия или отказа в доверии Правительству со стороны Парламента или неутверждении им программы деятельности Правительства. Ведь сроки полномочий, начало деятельности Правительства могут не совпадать с периодом деятельности Парламента соответствующего созыва.

Конституция, законы «О Национальном собрании Республики Беларусь», «О Президенте Республики Беларусь», «О Совете Министров Республики Беларусь» не дают ответа на вопрос о возможных вариантах действий Главы государства, когда со стороны Парламента принимаются указанные выше решения во время своего рода иммунитета на их роспуск. Полагаем, что в такой ситуации важен поиск компромисса. Это может быть выражено в удовлетворении требований Парламента либо дополнительной аргументацией в защиту Правительства, его предложений, которые явились основанием для отказа в доверии, выражения вотума недоверия, с целью возможной отмены решения Палаты представителей, касающейся негативной оценки Совета Министров. Полагаем, что это целесообразно сделать в двухмесячный срок со дня вынесения Палатой представителей решения, что гармонирует с указанной в части третьей ст. 94 нормы о решении Президентом вопроса о досрочном прекращении полномочий палат Парламента.

Согласно конституциям Российской Федерации и Республики Беларусь президенты наших республик являются главами государств и выполняют роль арбитров при возникновении конфликтов между ветвями власти. По сути, они выполняют посредническую функцию между ними.

В политико-правовой системе Республики Беларусь появился нетипичный для европейских государств орган, который занимает высшее место не только в представительной ветви власти, но и возвышается над властью исполнительной. Имеется в виду Всебелорусское народное собрание, которое является высшим представительным органом народа Республики Беларусь. В отличие от предшествующих всебелорусских народных собраний, которые собирались раз в пять лет и статус которых определялся законом, в настоящее время оно обладает правом принятия решений, имеющих обязательную юридическую силу на всей территории страны. В настоящее время его решения не нуждаются в чем бы то ни было утверждении. Ранее решения Всебелорусского народного собрания могли быть реализованы посредством издания законов или актов Главы государства. Конституция и Закон «О Всебелорусском народном собрании» определили конкретные полномочия данного высшего представительного органа народа. Всебелорусское народное собрание интегрирует все ветви власти: в него входят все парламентарии, а также представители исполнительной, судебной власти и гражданского общества. В этом плане, конечно, можно сказать о том, что это противоречит разработанной Дж. Локком и Ш. Монтескье концепции разделения властей. Однако нам импонируют аргументы Ю.А. Тихомирова, который предложил новый взгляд на данную концепцию, утверждая, что главное, какие законы принимают органы власти, отвечают ли они духу народа, его культуре, менталитету (Tikhomirov, 2011).

В Конституции прямо не указано, что акты Всебелорусского народного собрания возвышаются над всеми актами текущего законодательства, то есть обладают верховенством, но этот вывод может быть сделан на основании части второй ст. 89–5 Конституции, согласно которой его решения могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов, должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности. Это правомочие не распространяется на акты судебных инстанций. В связи с этим важно определить содержание понятия национальная безопасность.

Анализ Концепции национальной безопасности позволяет сделать вывод, что категория национальной безопасности охватывает не только безопасность от внешних угроз, но и демографическую, продовольственную, экологическую, информационную и иную безопасность.

Таким образом, Всебелорусское народное собрание формально-юридически по своему статусу возвышается даже над Главой государства в тех случаях, когда оно решит отменить акт, противоречащий национальной безопасности. Как уже отмечалось, Всебелорусское народное собрание принимает окончательное решение о смещении Президента с должности. При возникновении конфликтной ситуации оно может принимать решения по наиболее острым вопросам общественно-политической жизни.

Анализируя статьи Конституции во взаимосвязи, можно обратить внимание на некоторые юридические коллизии в системе координат – Всебелорусское народное собрание – Президент. Ранее нами было отмечено, что Президент обладает правом роспуска палат Парламента или принятия решения об отставке Правительства, отдельных его членов. Это правоприменительные правовые акты. С учетом

содержания ст. 89–5 Конституции о праве Всебелорусского народного собрания отменять правовые акты и иные решения государственных органов и широкого понимания национальной безопасности можно сделать вывод о праве Всебелорусского народного собрания отменить решения Президента в отношении указанных органов.

На наш взгляд, вторгаться в исключительную компетенцию Главы государства Всебелорусскому народному собранию не следует. Это допустимо лишь в условиях явной угрозы национальной безопасности, например, когда отставка Правительства при наличии внешней или внутренней угрозы способна дезорганизовать общественную жизнь.

В Конституции Республики Беларусь появились такие экстраординарные нормы, согласно которым можно обойти исключительные права Президента. Так, Президент, как Глава государства, обладает правом введения чрезвычайного или военного положения (п. 29 ст. 84), указы о которых подлежат рассмотрению Советом Республики Национального собрания (п. 8 ст. 98).

Нынешний Президент Республики Беларусь всегда занимал активную позицию в сфере правового регулирования. В Конституции предусмотрена ситуация в случае, когда чрезвычайное или военное положение необходимо ввести, но Президент бездействует, тогда согласно п. 8 ст. 89–3 этот вопрос решается Всебелорусским народным собранием по инициативе Президиума Всебелорусского народного собрания или Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь. Указанное правило еще раз подчеркивает особый статус Всебелорусского народного собрания как органа, который в критических ситуациях призван разрешать юридический конфликт.

Такая конструкция властных полномочий отражает специфику конституционного законодательства Республики Беларусь и подтверждает тот вывод, что при определенных условиях Всебелорусское народное собрание может занимать доминирующее положение в политической системе белорусского общества. В теоретико-прикладном аспекте важен вопрос о том, является ли возможное бездействие Президента на введение чрезвычайного или военного положения, когда Всебелорусское народное собрание нашло для этого основания и ввело его, для смещения Главы государства с должности в связи с грубым нарушением Конституции. Эта тема требует особого анализа. Однако ответим утвердительно на этот вопрос.

Заключение

Важна целенаправленная и эффективная деятельность органов государственной власти, тесный контакт выборных органов со своими избирателями, что позволяет видеть угрозы для возникновения конфликтов. Разделение государственной власти на три ветви предполагает при возникновении конфликта между ними поиск направлений его урегулирования, включая стремление пойти на компромисс и сотрудничество, а также использование легитимных институциональных процедур. Для Республики Беларусь важно оптимизировать взаимоотношения между такими высшими представительными органами государственной власти, как Президент и Всебелорусское народное собрание.

Затрагивая вопрос о выстраивании отношений между законодательной и исполнительной ветвями власти с целью исключения какого-либо затяжного конфликта, подчеркнем важность постоянного контроля законодательной (представительной) ветви власти над исполнительной ветвью, а также особую роль судебного конституционного контроля.

Конституционное судопроизводство является одной из легитимных форм разрешения конфликта между органами государственной власти. Именно Конституционный Суд по своей природе и предназначению обязан наиболее строго придерживаться конституционных принципов и норм, внося правовую упорядоченность в разрешение конфликта и обеспечивая законность принятого решения. Акты Конституционного Суда, как правило, являются окончательными, обжалованию и опротестованию не подлежат.

В этом контексте в Республике Беларусь Конституционному Суду принадлежит особая роль в разрешении юридических конфликтов. Его полномочия существенно расширены в результате референдума 2022 года. Он получил право не только официально толковать Конституцию, но и рассматривать конституционность таких вопросов, которые могут вызывать споры между сторонами, а именно: проверять конституционность предмета республиканского референдума, конституционность проектов законов о корректировке Конституции, о соответствии Основному Закону законов, принятых Парламентов до подписания Президентом, конституционность выборов и др.

Появление в Конституции нормы о праве Конституционного Суда осуществлять проверку конституционности вопросов, выносимых на референдум, как представляется, явилось легитимным ответом на существовавший в преддверии референдума 1996 года спор о праве Конституционного Суда проверять решения Парламента о назначении референдума, а также определять юридические последствия решения, то есть оно имеет императивный или консультативный характер. Конституционный Суд в тот период не был наделен правом проверки конституционности подобного рода вопросов. Вторгнувшись в данную сферу, он усилил конфликтность складывающейся ситуации между Президентом, желавшим обратиться к выяснению воли народа, и Верховным Советом, всячески препятствовавшим этому намерению.

Что касается проверки соответствия Конституции проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию, то предложения об этом вправе внести Президент.

Таким образом, инициатива Президента может быть обусловлена как желанием проверить конституционность предлагаемых им изменений, так и предложений, поступающих от иных субъектов конституционной инициативы. Уже на данном этапе свою позитивную роль может сыграть Конституционный Суд, аргументы которого могут снизить накал возможного конфликта.

На наш взгляд, при наличии положительного заключения Конституционного Суда Президент обязан назначить республиканский референдум (п. 1 ст. 84 Конституции).

В Конституции Республики Беларусь имеются и другие варианты цивилизованного разрешения возникающих конфликтов. Изложенные в данной статье меры по разрешению возможных споров в значительной степени имеют гипотетический характер.

Спокойное развитие в последние годы ситуации в Республике Беларусь, отсутствие в Парламенте «агрессивной оппозиции» создаёт благоприятную атмосферу для взаимодействия властей. Однако, юридическая наука, основываясь на конституционных предписаниях, обязана, на наш взгляд, видеть возможные варианты развития событий, в том числе и негативного характера, принимать возможные меры по их недопущению.

References / Список литературы

- Babosov, E.M. (2001) *Conflictology: Textbook*. 2nd ed. Minsk, TetraSystems Publ. (in Russian).
Бабосов Е.М. Конфликтология : учеб. пособие. 2-е изд. Минск : ТетраСистемс, 2001. 464 с.
- Chumak, P.V. (2023) *Conflict management: Textbook*. Samara: Samara University Publishing House. (in Russian).
Чумак П.В. Управление конфликтами : учебное пособие. Самара : Изд-во Самарского университета, 2023. 124 с.
- Dmitriev, A.V. (2002) *Social conflict: General and special*. Moscow, Gardariki Publ. (in Russian).
Дмитриев А.В. Социальный конфликт : общее и особенное. Москва : Гардарики, 2002. 524 с.
- Dmitriev, A.V. (2009) *Conflictology: Textbook*. 3rd edition, revision. Moscow, Alfa-M: INFRA-M Publ. (in Russian).
Дмитриев А. В. Конфликтология : учебник. 3-е издание., перераб. Москва : Альфа-М : ИНФРА-М, 2009. 336 с.
- Durin, V.P. (1994) *Contradiction and conflict: Methodological foundations of conflictology*. Abstract of the dissertation of doctor of philosophical sciences. St. Petersburg, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. (in Russian).
Дурин В.П. Противоречие и конфликт: методологические основы конфликтологии: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Санкт-Петербург : Российский гос. пед. ун-тет им. А. И. Герцена, 1994. 32 с.
- Gadzhiev, H. A. (2018) To the question of the effectiveness of presidential power. *Vlast*. 26 (8), 191–197. (in Russian). <https://www.doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6065> EDN: VNBXGU
Гаджиев Х. А. К вопросу об эффективности президентской власти // Власть. 2018. Т. 26. № 8. С. 191–197. <https://www.doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6065> EDN: VNBXGU
- Kapinus, O. S. (2018) Legal problems of preventing conflict of interest in the system of public administration. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. (3), 15–19. (in Russian). <https://www.doi.org/10.12737/art.2018.3.3> EDN: UVJBZW
Капинус О.С. Правовые проблемы предупреждения конфликта интересов в системе государственного управления // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 15–19. <https://www.doi.org/10.12737/art.2018.3.3> EDN: UVJBZW
- Khudoykina, T. V. (2002) *Legal conflict (theoretical and applied research)*. Abstract of the dissertation of doctor of of Legal sciences. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russian).
Худойкина Т. В. Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2002. 58 с.
- Langinen, A. (2010) Conflicts between the Parliament and other supreme bodies of state power: Prerequisites, reasons, ways of resolution. *Ars Administrandi*. (2), 74–80. (in Russian).
Лангинен А. Конфликты между парламентом и иными высшими органами государственной власти: предпосылки, причины, пути разрешения // Ars Administrandi. 2010. № 2. С. 74–80.
- Levina, E.V. (2016) Conflicts in virtual space: Peculiarities of regulation and resolution. *International Research Journal*. (9-1 (51)), 135–139. (in Russian). <https://www.doi.org/10.18454/IRJ.2016.51.012> EDN: WLVBVN
Левина Е. В. Конфликты в виртуальном пространстве: особенности регулирования и разрешения. Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 9-1 (51). С. 135–139. <https://www.doi.org/10.18454/IRJ.2016.51.012> EDN: WLVBVN
- Miklashevich, P.P. (2022) Updated Constitution of the Republic of Belarus: The essential content of the amendments. *Bulletin of the Constitutional Court of the Republic of Belarus*. (2), 5–34. (in Russian).

- Миклашевич П.П. Обновленная Конституция Республики Беларусь: сущностное содержание поправок // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2022. № 2. С. 5–34.
- Omilaenko, N.V. (2019) Social conflict: Diagnosis, causes, management. N.V. Omilaenko. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 12 (4), 85–96. (in Russian).
- Омилаенко Н.В. Социальный конфликт: диагностика, причины, управление // Известия высших учебных заведений // Социология. Экономика. Политика. 2019. Т. 12. № 4. С. 85–96.
- Ryabinina, E.V. (2016) The topical issues of conflictology: Theoretical and methodological analysis. *Theories and Problems of Political Studies*. (1), 126–141. (in Russian).
- Рябинина Е.В. Актуальные проблемы конфликтологии: теоретико-методологический анализ // *Theories and Problems of Political Studies*. 2016. № 1. С. 126–141.
- Shvedova, S.A. (2012) Features of conflicts in the sphere of public administration. *State and municipal management in the 21st century: Theory, methodology, practice*. 2012. (5), 184–189. (in Russian).
- Шведова С.А. Особенности конфликтов в сфере государственного управления // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2012. № 5. С. 184–189.
- Slinko, A. A. & Malikov, D. A. (2014) Political problems of transformation of the role of executive power in the era of globalization. *Region: Systems, economics, management*. (2 (25)), 91–94. (in Russian).
- Слинько А. А., Маликов Д. А. Политические проблемы трансформации роли исполнительной власти в эпоху глобализации // Регион: системы, экономика, управление. 2014. № 2 (25). С. 91–94.
- Sologub, V.A. & Khasheva, I.A. (2016) Conflicts in the processes of influence and interaction of law-enforcing subjects of the power vertical of modern Russia. *State and Municipal Administration. Scientific Notes of SKAGS*. (2), 11–22.
- Сологуб В. А., Хашева И.А. Конфликты в процессах воздействия и взаимодействия правоустанавливающих субъектов властной вертикали современной России. Государственное и муниципальное управление // Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 11–22. (in Russian).
- Sokolov, S.V. (2001) *Social conflictology: Textbook for university students*. Moscow, UNITI Publ. (in Russian).
- Соколов С.В. Социальная конфликтология : учеб. пособие для студентов вузов. Москва : ЮНИТИ, 2001. 322 с.
- Surkov, D. L. (2000) Problems of implementating general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation. *Academic Law Journal*. (1), 15–16. (in Russian).
- Сурков Д. Л. Проблемы реализации общих принципов организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2000. № 1. С. 15–16.
- Titova, O.N. (2014) Consensus and contradictions of new political elites. *Modern Problems of Science and Education*. (3). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13122> [Accessed: 08th February 2025]. (in Russian).
- Титова О.Н. Консенсус и противоречия новых политических элит // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13122> (дата обращения: 08.02.2025).
- Tikhomirov, Y.A. (2011) About the new “Spirit of laws” or... goodbye, Montesquieu? *Comparative Constitutional Review*. (2 (81)), 97–104. (in Russian).
- Тихомиров Ю.А. О новом «Духе законов» или... прощай, Монтескье? // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2 (81). С. 97–104.

- Ulyanov, A.Yu. (2024) The principle of efficiency and its implementation in the activities of legislative (representative) bodies of state power of the subjects of the Russian Federation. *Journal of Russian Law*. 28 (10), 55–70. (in Russian). <https://www.doi.org/10.61205/S160565900030715-0> EDN: CEWPBV
Ульянов А.Ю. Принцип эффективности и его реализация в деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 10. С. 55–70. <https://www.doi.org/10.61205/S160565900030715-0> EDN: CEWPBV
- Vegera, I.V. (2007) Mechanisms for resolving conflicts between legislative acts of the Republic of Belarus. *Bulletin of the Polotsk State University. Series D*. (10), 148–150. (in Russian).
Ве́гера И.В. Механизмы разрешения коллизий между законодательными актами Республики Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2007. № 10. С. 148–150.
- Vlasova, I.E. & Leshchenko, E.M. (2018) Analysis, modeling, and optimization of processes and systems. *Region: Systems, economics, management*. (1 (40)), 157–164. (in Russian).
Власова И.Э., Ле́щенко Е.М. Анализ, моделирование и оптимизация процессов и систем. // Регион: системы, экономика, управление. 2018. № 1 (40). С. 157–164.
- Zdrok, O.N. (2018) *Mediation: Manual*. Minsk, Four Quarters Publ. (in Russian).
Здо́рок О.Н. Медиация: пособие. Минск : Четыре четверти, 2018. 540 с.
- Zorkin, V.D. (2021) *Constitutional justice: procedure and meaning*. SPb, Constitutional Court of the Russian Federation Publ. (in Russian).
Зо́ркин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. Санкт-Петербург : КС РФ, 2021. 155 с.

Сведения об авторе:

Василевич Сергей Григорьевич – кандидат юридических наук, профессор кафедры государственного управления, частное учреждение высшего образования Международный институт управления и предпринимательства, доцент; 220086, г. Минск, Республика Беларусь, ул. Славинского 1/3

ORCID: 0000-0003-1016-8782

e-mail: sergey.workmail.135@gmail.com

About the author:

Sergey G. Vasilevich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration of a Private Institution of Higher Education, International Institute of Management and Entrepreneurship, 1/3 Slavinsky St., Minsk, Republic of Belarus, 220086

ORCID: 0000-0003-1016-8782

e-mail: sergey.workmail.135@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-693-712>

EDN: APRXDN

Научная статья / Research Article

Правовое регулирование межмуниципального сотрудничества в Аргентине в контексте муниципальной политической автономии

Е.Ю. Комлев^{1,2}, О.А. Руиз³

¹ Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

² Высшая школа экономики, г. Москва, Российская Федерация

³ Национальный университет Кордобы, Кордоба, Аргентина

✉ komlev_eyu@pfur.ru

Аннотация. Межмуниципальное сотрудничество – инструмент, позволяющий муниципальным образованиям с большей эффективностью решать возложенные на них задачи даже в условиях ограниченности ресурсов. В то же время во многих государствах институт межмуниципального сотрудничества на практике сталкивается с определенными трудностями, которые могут быть вызваны несколькими факторами: несовершенство законодательства; применяемые в государстве подходы к определению природы муниципальной власти и др. В этой связи актуализируется исследование соответствующего зарубежного опыта. Одним из государств, имеющих богатый опыт регламентации вопросов межмуниципального сотрудничества, является Аргентина. Законодательство субъектов федерации в Аргентине по рассматриваемому вопросу отличается разнообразием, что позволяет проанализировать различные подходы в исследуемой сфере. Дополнительный интерес в контексте заявленной темы исследования представляет конституционно гарантированная муниципальная политическая автономия. Цель работы – комплексное исследование применяемых в Аргентине форм и механизмов межмуниципального сотрудничества. Методологическая основа исследования – общенаучные методы анализа и синтеза, а также сравнительно-правовой и исторический методы. Рассмотрено законодательство Аргентины (федеральное и, в большей степени, региональное), правоприменительная практика, доктринальные источники по теме исследования. Авторы пришли к выводу, что реализуемый в Аргентине подход к правовому регулированию межмуниципального сотрудничества представляет собой один из примеров реализации конституционной нормы о муниципальной политической автономии. Примечательно, в отдельных провинциях в основу правового регулирования межмуниципального сотрудничества положены как публично-правовые, так и частноправовые начала, в то время как в других провинциях оно рассматривается исключительно в качестве публично-правового механизма. Используемые в Аргентине подходы могут быть заимствованы в России при условии его надлежащей адаптации.

© Комлев Е.Ю., Руиз О.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: межмуниципальное сотрудничество, муниципальная власть, местное самоуправление, муниципальная автономия

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Комлев Е.Ю.* – концепция исследования, сбор и научный анализ материалов, перевод источников на русский язык, написание текста, обобщение результатов; *Руиз О.А.* – сбор и научный анализ материалов, написание текста. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Поступила в редакцию: 10 февраля 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2025 г.

Для цитирования:

Комлев Е.Ю., Руиз О.А. Правовое регулирование межмуниципального сотрудничества в Аргентине в контексте муниципальной политической автономии // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 3. С. 693–712. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-693-712>

Inter-municipal cooperation and municipal political autonomy in Argentina: Legal framework and practice

Evgeny Y. Komlev^{1,2} , Omar A. Ruiz³

¹ RUDN University, *Moscow, Russia*

² Higher School of Economics, *Moscow, Russia*

³ National University of Córdoba, *Córdoba, Argentina*

 komlev_eyu@pfur.ru

Abstract. Inter-municipal cooperation enables municipalities to perform their functions more efficiently, especially under conditions of limited resources. However, in many countries the practical implementation of inter-municipal cooperation in practice faces challenges such as imperfect legislation and differing interpretations of municipal authority. This makes the study of foreign experience particularly relevant. Argentina stands out for its extensive and varied experience in regulating inter-municipal co-operation. The diversity of legislative approaches among Argentina's provinces provides a valuable basis for comparative analysis. Of particular interest is Argentina's constitutional guarantee of municipal political autonomy, which shapes the legal landscape for inter-municipal cooperation. The purpose of this article is to comprehensively examine the forms and mechanisms of inter-municipal co-operation employed in Argentina. The methodological basis of the study includes general scientific methods of analysis and synthesis, as well as comparative-legal and historical approaches. The study examines both federal and regional Argentine legislation, law enforcement practices, and relevant doctrinal sources. The findings indicate that Argentina's approach to regulating inter-municipal cooperation exemplifies the practical realization of the constitutional municipal autonomy. Provincial legislation on this issue is notably diverse: in some provinces, inter-municipal cooperation is regulated by both public and private law, while in others it is treated solely as a public law matter. The Argentine experience offers valuable insights that could be adopted for use in Russia, provided they are appropriately tailored to the local context.

Key words: inter-municipal co-operation, municipal power, local self-government, municipal autonomy

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: *Evgeny Y. Komlev* – conceptualization of the research, collection and scientific analysis of materials, translation of sources into Russian, drafting the text, and synthesis of the results; *Omar A. Ruiz* – collection and scientific analysis of materials, drafting the text. Both authors reviewed and approved the final version of the article.

Received: 10th February 2025

Accepted: 15th July 2025

For citation:

Komlev, E.Y., Ruiz, O.A. (2025) Inter-municipal cooperation and municipal political autonomy in Argentina: Legal framework and practice. *RUDN Journal of Law*. 29 (3), 693–712. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-693-712>

Введение

Межмуниципальное сотрудничество является важнейшим механизмом, позволяющим муниципальным образованиям выполнять возложенные на них публично-значимые функции. Использование предоставленных законом форм реализации такого сотрудничества способно отчасти нивелировать проблемы, характерные для муниципальной власти, главными из которых для большинства современных государств являются проблемы финансового характера (Komlev, 2024). Поскольку многие государства продолжают поиск оптимальной модели организации муниципальной публичной власти, различаются в них и формы межмуниципального сотрудничества.

Применительно к России современные исследователи отмечают проблемы в развитии межмуниципального сотрудничества как законодательного (Kabanova, 2018:2), так и методологического характера (Mironova, 2016:4), признавая в нем огромный потенциал для развития местного самоуправления в целом. Кроме того, межмуниципальное сотрудничество способно играть позитивную роль в укреплении международного взаимодействия (Verbitskaya, 2020:4). В указанных условиях актуализируется вопрос об изучении релевантного зарубежного опыта, особенно имея в виду продолжающуюся в России муниципальную реформу, логически следующую за реформой конституционной.

Латинская Америка всегда была крайне интересным регионом с точки зрения анализа реализуемых здесь практик муниципального управления. Сочетание богатого исторического и культурного наследия, с одной стороны, и заимствованный опыт европейских государств, с другой, в совокупности с влиянием государств англо-саксонской правовой семьи на развитие права в целом предопределили своего рода уникальную модель местного самоуправления в государствах региона, что всесторонне и наглядно продемонстрировал профессор В.В. Еремян (Eremyan, 2016).

Среди государств, чей опыт в области межмуниципального сотрудничества комплексно в российской правовой науке не исследован, выделяется Аргентина. Аргентина, помимо всего прочего, является федеративным государством, что в контексте заявленной темы исследования представляет дополнительную актуальность для России. Применяемый в этой стране подход к правовому регулированию местного самоуправления позволяет выявить различные региональные практики,

которые порой могут значительно отличаться между собой. Указанное обстоятельство имеет положительное значение с точки зрения анализа аргентинского опыта на предмет его возможной рецепции.

Нормы Конституции Аргентины о муниципальной автономии

Федеративное устройство Аргентины предполагает наличие трех уровней принятия политических решений: федеральный, региональный (провинции и Автономный город Буэнос-Айрес) и муниципальный. В силу этого правовой режим межмуниципального сотрудничества негласно закреплён на федеральном уровне в Конституции страны, на провинциальном уровне – в Конституциях провинций и соответствующих законодательных актах, а на местном уровне – в муниципальных органических уставах (при их наличии).

Конституция Аргентины¹ не содержит прямых положений, касающихся межмуниципального сотрудничества. В то же время муниципальная автономия закреплена в статье 5 Конституции, в соответствии с которой «Каждая провинция принимает конституцию в рамках республиканской представительной системы в соответствии с принципами, декларациями и гарантиями Национальной конституции, которая обеспечивает отправление правосудия, муниципальный режим и начальное образование. В этих условиях федеральное правительство гарантирует каждой провинции наличие и функционирование ее институтов».

Помимо этого вопросу муниципальной автономии посвящена статья 123 Конституции Аргентины, в соответствии с которой «Каждая провинция принимает свою собственную конституцию в соответствии с положениями статьи 5, обеспечивающую муниципальную автономию и регулирующую ее объем и содержание в институциональной, политической, административной, экономической и финансовой сферах».

Норма статьи 123 Конституции Аргентины имеет еще большее значение в связи с конституционной реформой 1994 года, в рамках которой в тексте Конституции Аргентины было закреплена политическая автономия муниципальных образований. Конституционные реформы в Латиноамериканских государствах нередко предопределяют начало переходного этапа в развитии тех или иных правоотношений, в том числе муниципальных (Egemen, 2001). Еще более примечательно то, что конституционные гарантии политической муниципальной автономии стали следствием, во-первых, развития провинциального законодательства, во-вторых, судебного правотворчества.

Так, в 1989 г. Верховный суд Аргентины указал, «что муниципалитеты имеют конституционное, а не просто юридическое происхождение, поэтому они не могут быть распущены по воле провинций, равно как и провинции не могут лишить их минимальных полномочий, необходимых для выполнения их обязанностей», отметив при этом, что многие провинции стремятся к укреплению муниципальной автономии, а это значит, что у муниципальной автономии могут быть повышенные конституционные гарантии².

¹ Constitución de la Nación Argentina. URL: <https://www.argentina.gob.ar/normativa/nacional/804/texto> (accessed: 28.01.2025).

² Corte Suprema de Justicia de la Nación, Acuerdo de 21 de marzo de 1989. URL: <http://www.biblioteca.jus.gov.ar/fallo-rivademar.html> (accessed: 28.01.2025)

Таким образом, в результате развития региональной законодательной практики, поддержанной Верховным судом, в рамках конституционной реформы 1994 г. в тексте федеральной Конституции Аргентины был закреплён политический характер муниципальной автономии. Несмотря на то, что трудности в реализации соответствующих конституционных положений имеются по сей день (например, не все субъекты федерации закрепили соответствующие положения о муниципальной политической автономии в своем законодательстве) (Grandinetti & Miller, 2020), данный факт очень важен в контексте настоящего исследования. Помимо вышеуказанных конституционных норм, в Аргентине отсутствует федеральное регулирование муниципальных правоотношений, в связи с чем именно от регионального законодателя во многом зависит организация муниципальной власти в соответствующем субъекте федерации, в том числе порядок осуществления межмуниципального сотрудничества.

По мнению аргентинского исследователя Нестора Педро Сагуэса, провинции имеют достаточно широкую дискрецию в части правового регулирования муниципальных правоотношений, однако они не должны искажать природу конституционных норм о муниципальной автономии (Sagués, 2018).

В одном из своих решений Верховный суд Аргентины указывал на то, что prerogativas муниципалитетов вытекают из prerogativas провинций, подчеркивая тем самым тесную взаимосвязь муниципальной и региональной власти³. Однако в то же время следует иметь в виду, что муниципальная автономия гарантирована национальной Конституцией, она сама по себе не исходит от провинции. В этой связи, в случае возникновения соответствующих конфликтов между региональными и муниципальными органами публичной власти, последние должны доказать, в какой степени региональные акты противоречат национальной Конституции. Несмотря на имеющиеся между Россией и Аргентиной различия как с точки зрения подходов к правовому регулированию местного самоуправления, так и с точки зрения применяемой модели конституционного контроля, обращает внимание сходство подходов высших органов конституционного контроля при характеристике природы муниципальной власти (Chikhladze & Boldyrev, 2020).

Конституционные положения, закрепляющие муниципальную автономию, устанавливают конституционные принципы и указывают на элементы, связанные и с межмуниципальным сотрудничеством. В свою очередь, более подробные эти нормы раскрываются в региональном законодательстве, они прямо закреплены в конституциях провинций, а также муниципальных правовых актах. В большинстве аргентинских провинций есть положения, признающие право муниципальных образований на создание ассоциаций, консорциумы и иные объединения между собой, а также с провинциями.

На взаимосвязь развития концепции муниципальной политической автономии, с одной стороны, и развития регионального законодательства о межмуниципальном сотрудничестве, с другой, обращает внимание один из ведущих аргентинских ученых-муниципалистов Даниэль Кравакоре: «исторически аргентинские муниципалитеты выполняли три вида функций: регулирование и контроль городской инфраструктуры и экономической деятельности на своей территории; осуществление

³ Corte Suprema de Justicia de la Nación, Acuerdo de 4 de abril de 2006, Fallo Cablevisión S.A. v. Municipalidad de Pilar. URL: <http://www.planetaius.com.ar/fallos/jurisprudencia-c/caso-Cablevision-SA-v-Municipalidad-de-Pilar.htm> (accessed: 28.01.2025).

прямых социальных действий; и собственно управление местными органами власти... Решение указанных задач не требовало горизонтального межведомственного взаимодействия, поскольку реализация этих функций в основном осуществлялась на местном уровне. Однако в последние годы процессы децентрализации и ответственность за выполнение новых функций, особенно в области местного развития, в условиях упадка централизованной модели привели к необходимости налаживания межмуниципального сотрудничества. Ограниченный управленческий потенциал местных органов власти для реагирования на новые вызовы и масштаб возникающих проблем требуют инновационных решений, которые выходят за строго обозначенные локальные территориальные рамки; поэтому межмуниципальное сотрудничество представляется в этом смысле наиболее приемлемым вариантом» (Cravacuore, 2001).

Региональное законодательство о межмуниципальном сотрудничестве

В отсутствие федерального правового регулирования муниципальных правоотношений субъекты федерации имеют значительную степень усмотрения при регламентации муниципальных правоотношений. Несмотря на это, по многим аспектам в подходах региональных законодателей усматривается определенное сходство. Это прежде всего касается вопросов территориальной организации местного самоуправления⁴, структуры органов местного самоуправления.

При этом по вопросам межмуниципального сотрудничества законодательство субъектов федерации, имея, безусловно, общие черты, отличается заметным разнообразием. Стоит заметить, что вопросы межмуниципального сотрудничества по-разному регулируются в различных государствах. В определенной степени то, как выстроено сотрудничество муниципальных образований, является одновременно индикатором и следствием проводимой в государстве муниципально-правовой политики.

Так, определенные сложности в реализации этого института в Испании очевидно связаны с тем, что Конституционный суд Испании рассматривает муниципальную автономию исключительно как административную, что во многом сковывает муниципии в реализации тех или иных проектов, в том числе в части выстраивания коммуникации с другими муниципальными образованиями (Carbonell, 2022). Следует отметить, что некоторые трудности в развитии межмуниципального сотрудничества в России также вызваны тенденциями развития законодательства Российской Федерации о местном самоуправлении (Voroshilov, 2021), которое характеризуется усилением централизации публичной власти. Сама по себе централизация в муниципальных правоотношениях не только возможна, но и неизбежна (Ebzeev & Chikhladze, 2024), но законодательство в то же самое время должно обеспечивать реализацию принципа самостоятельности местного самоуправления, что особенно чувствительно в контексте регламентации и практики реализации межмуниципального сотрудничества.

⁴ Несмотря на имеющееся разнообразие, сходство между аргентинскими регионами наблюдается в том, что территория субъекта федерации, как правило, разграничивается между муниципиями и коммунами. Последние обладают меньшими возможностями по решению вопросов местного значения, в том числе остается открытым вопрос о наличии у них политической автономии. Значительно отличается лишь подход Автономного города Буэнос-Айрес в силу специфики самого статуса этого города, который довольно близок к городам федерального значения в российском понимании.

В Аргентине межмуниципальное сотрудничество, равно как и сотрудничество между муниципальными и региональными властями, выстраивается с учетом политического характера муниципальной автономии. Несмотря на конституционные гарантии, содержание политической составляющей муниципальной автономии в законодательстве Аргентины не прояснено. Равным образом не дает четкого ответа на вопрос о содержании муниципальной политической автономии и анализ правоприменительной судебной практики. В то же время очевидно, что политическая автономия предполагает, что муниципальные образования вступают во взаимоотношения с иными публично-территориальными субъектами на равных обоюдных началах. По этой причине в Аргентине, с одной стороны, развиты договорные начала взаимодействия муниципальных образований с иными публично-правовыми субъектами, с другой стороны, правовое регулирование указанных аспектов является явно недостаточным, поскольку подробное правовое регулирование и, например, установление административных процедур здесь может рассматриваться в некотором смысле как наступление на муниципальную автономию (Bernal & Pizzolo, 2018).

Сама возможность осуществления сотрудничества с другими публично-территориальными образованиями рассматривается в Аргентине как элемент муниципальной автономии. Однако субъекты федерации по-разному подходят к регулированию соответствующих положений в своем законодательстве. Среди прочего это связано с тем, что субъекты федерации по-разному подходят к закреплению в своих конституциях положений о муниципальной автономии. Так, аргентинские исследователи отмечают, что несмотря на закрепление в федеральной (национальной) Конституции в 1994 году именно политической автономии муниципальных образований, не все провинции закрепили аналогичные положения в своих основных законах (Masserdotti, 2015). Среди таких провинций, например, провинция Буэнос-Айрес, которая не упоминает о политическом характере муниципальной автономии.

Говоря о межмуниципальном сотрудничестве, Конституция провинции Буэнос-Айрес указывает, что муниципальные образования вправе создавать консорциумы муниципальных образований и кооперативы жителей в целях создания электроэнергетических предприятий⁵. Несмотря на то, что формально Конституция провинции Буэнос-Айрес сужает область применения норм о межмуниципальном сотрудничестве вопросами электроэнергетики, ординарное законодательство содержит значительно больше положений о межмуниципальном сотрудничестве. Так, органический закон провинции Буэнос-Айрес «О муниципалитетах» в предыдущей редакции содержал нормы о консорциумах, согласно которым «консорциумы могут создаваться между несколькими муниципалитетами или между одним или несколькими муниципалитетами с нацией, провинцией или другими провинциями для реализации мероприятий, представляющих общий интерес. В таких консорциумах могут участвовать физические или юридические лица... Договорной режим консорциумов определяется их органическими подзаконными актами и соответствующими правилами, без ущерба для надзорных полномочий соответствующих компетентных органов... Во внутренних документах указывается цель создания консорциума, который может состоять из одного или нескольких видов деятельности, доля участия, соответствующая каждому члену, порядок реинвестирования прибыли и судьба имущества в случае его ликвидации... Для целей создания консорциума муниципалитеты могут

⁵ Constitución de la Provincia de Buenos Aires de 1994. URL: <https://www.congreso.gob.ar/constituciones/BUENOS-AIRES.pdf> (accessed: 31.01.2025).

устанавливать специальный сбор, предназначенный для этой единственной цели... Каждый муниципалитет санкционирует введение сбора, собирает его и депонирует полученные средства на специальном счете...»⁶.

Впоследствии в провинции Буэнос-Айрес был принят отдельный закон «О консорциумах по управлению и развитию»⁷, которым вышеупомянутые нормы Органического закона «О муниципалитетах» были признаны утратившими силу, а положения провинциального законодательства о межмуниципальном сотрудничестве в части создания консорциумов были значительно дополнены. Данный закон также допускает создание консорциумов между муниципальными образованиями, между муниципальными образованиями и провинцией, в том числе совместно с физическими и юридическими лицами. Определяются также и цели создания подобных консорциумов, среди которых указаны поддержка развития малого и среднего предпринимательства, создание условий для более тесного взаимодействия муниципальных образований, обмен опытом между ними, информацией и пр. Закон также определяет порядок создания органов управления консорциумом, права и обязанности консорциумов, порядок вступления в консорциум. Например, муниципальным образованиям для вступления в консорциум требуется принятия специального муниципального правового акта.

Таким образом, на примере провинции Буэнос-Айрес видно, что межмуниципальное сотрудничество здесь, с одной стороны, является составной частью сотрудничества публично-территориальных образований в целом. Помимо этого имеет место смешение публично-правовых и частноправовых элементов, когда публичные образования вступают во взаимодействие и между собой, и физическими и юридическими лицами. Кроме того, отмечается и политический характер подобного сотрудничества. В таких случаях муниципальные образования принимают самостоятельные решения о создании консорциума.

О политическом характере деятельности таких консорциумов свидетельствует как практика их функционирования, так и цели их создания. Например, анализируя опыт одного из первых консорциумов провинции Буэнос-Айрес (*Исн.: Consorcio del Corredor Productivo del Sudoeste Bonaerense*), Даниэль Кравакуоре отмечает, что, во-первых, он был создан главами муниципальных образований в связи с социально-экономическими проблемами, возникающими на территории его функционирования (довольно большой по площади и численности населения); во-вторых, согласно уставным документам, консорциум был создан в целях «добиваться согласованного снижения производственных затрат и гармоничного роста... способствовать созданию информационных механизмов между производителями для развития инновационных проектов, а также совместной оценки внутренних и внешних рыночных условий; поощрять объединение региональных производителей и их надлежащее

⁶ Ley orgánica 6.769/58 de 29 de abril de 1958, de municipalidades. URL: <https://www.saij.gob.ar/6769-local-buenos-aires-ley-organica-municipalidades-lpb0006769-1958-04-29/123456789-0abc-defg-967-6000bvorpyel?q=%28numero-norma%3A6769%20%29&o=0&f=Total%7CTipo%20de%20Documento/Legislaaci%F3n%7CFecha%7COrganismo%7CPublicaci%F3n%7CTema%7CEstado%20de%20Vigencia%7CAutor%7CJurisdicci%F3n/Local/Buenos%20Aires&t=1> (accessed: 31.01.2025).

⁷ Ley 13.580 de 8 de noviembre de 2006 “Consortios de gestión y desarrollo”. URL: <https://www.saij.gob.ar/13580-local-buenos-aires-consorcios-gestion-desarrollo-lpb0013580-2006-11-08/123456789-0abc-defg-085-3100bvorpyel?q=%28numero-norma%3A13580%20%29&o=0&f=Total%7CTipo%20de%20Documento/Legislaaci%F3n%7CFecha%7COrganismo%7CPublicaci%F3n%7CTema%7CEstado%20de%20Vigencia%7CAutor%7CJurisdicci%F3n/Local/Buenos%20Aires&t=1>

правовое оформление для получения кредитной поддержки... поощрять развитие различных инновационных производств; управлять строительством необходимой инфраструктуры (в основном дорог) для облегчения транспортировки и распределения региональной продукции; использовать закупочные возможности муниципалитетов для развития региональных производителей и поставщиков услуг» (Cravacuore, 2000).

Опыт формирования консорциумов в качестве одного из механизмов развития межмуниципального сотрудничества известен и другим провинциям. Так, Закон провинции Чубут «Об учреждении муниципальных корпораций»⁸ регулирует вопросы создания и функционирования консорциумов на территории соответствующей провинции. Согласно нему, согласие муниципальных образований на участие или создание консорциума вправе дать соответствующий представительный орган. Консорциумы могут быть либо только межмуниципальные, либо с участием провинции, Нации или жителями соответствующих муниципальных образований. В последнем случае представительство муниципалитета в органах управления консорциума должно составлять не менее пятидесяти одного процента, а чистая прибыль, полученная в результате деятельности консорциума, должна быть инвестирована в улучшение качества предоставления услуг. Схожие нормы закреплены также в законодательстве провинции Сан Хуан⁹, провинции Формоса¹⁰.

О возможности участия муниципальных образований в консорциумах упоминается в законодательстве провинции Огненная земля, Антарктида и острова Южной Атлантики. Конституция провинции среди полномочий муниципальных образований указывает «заключать всевозможные межюрисдикционные соглашения с другими муниципалитетами, с провинциями или с государством с целью развития деятельности, представляющей интерес для местного сообщества; входить в состав региональных или межпровинциальных организаций; поддерживать межмуниципальные отношения для удовлетворения взаимных интересов в рамках своей компетенции и договариваться с правительством провинции о передаче провинциальных функций за пределы своей компетенции; участвовать в разработке планов регионального развития»¹¹. В свою очередь, Органический закон провинции «О муниципалитетах» закрепляет, что муниципалитеты могут создавать консорциумы для оказания

⁸ Ley № 46 de 9 de septiembre de 2010 de Constitución de las Corporaciones Municipales. URL: <https://www.saij.gob.ar/46-local-chubut-ley-constitucion-corporaciones-municipales-lpu1600046-2010-09-09/123456789-0abc-defg-640-0061uvorpyel?q=%20titulo%3A%20Corporaciones%20AND%20titulo%3A%20Municipales&o=19&f=Total%7CTipo%20de%20Documento/Legislaci%F3n%7CFecha%7COrganismo%7CPublicaci%F3n%7CTema%7CEstado%20de%20Vigencia%7CAutor%7CJuridicci%F3n/Local/Chubut&t=20> (accessed: 02.02.2025).

⁹ Ley Orgánica municipal № 430-P de 19 de noviembre de 2014. URL: <https://www.saij.gob.ar/430-local-san-juan-ley-organica-municipal-lpj1600430-2014-11-19/123456789-0abc-defg-034-0061jvorpyel?&o=5&f=Total%7CFecha%7CEstado%20de%20Vigencia%5B5%2C1%5D%7CTema/Derecho%20administrativo/Municipalidad/Poder%20Ejecutivo%20Municipal/intendente%7COrganismo%5B5%2C1%5D%7CAutor%5B25%2C1%5D%7CJuridicci%F3n%5B5%2C1%5D%7CTribunal%5B5%2C1%5D%7CPublicaci%F3n%5B5%2C1%5D%7CColecci%F3n%20tem%Elitica%5B5%2C1%5D%7CTipo%20de%20Documento&t=356> (accessed: 02.02.2025).

¹⁰ Ley Orgánica de 22 de diciembre de 1992 № 1028 de municipios. URL: <https://www.legislaturaformosa.gov.ar/informes.php?f=1028> (accessed: 04.02.2025).

¹¹ La Constitución de la Provincia de Tierra del Fuego, Antártida e islas del atlántico sur, de 1991. URL: <https://www.congreso.gob.ar/constituciones/TIERRA-DEL-FUEGO.pdf> (accessed: 04.02.2025).

публичных услуг и выполнения публичных работ. Консорциумы могут быть как сугубо межмуниципальные, так и с участием провинции, государства или жителей¹².

Безусловно, важнейшее значение институт межмуниципального сотрудничества имеет для Автономного города Буэнос-Айрес. Это обусловлено формированием так называемого городского (столичного) округа (исп.: *area metropolitana*), в который помимо непосредственно города Буэнос-Айрес входят еще несколько (принято считать, что двадцать четыре¹³) муниципиев провинции Буэнос-Айрес. Нормативную основу для функционирования городского округа составляют положения Конституции Автономного города Буэнос-Айрес¹⁴. Так, согласно статье 27 Конституции Автономного города Буэнос-Айрес город разрабатывает политику планирования и управления городской средой, интегрированную в политику экономического, социального и культурного развития, с учетом его вхождения в состав городского (столичного) округа. Он осуществляет постоянный процесс территориального и экологического планирования, основанный на широком участии, который способствует решению ряда обозначенных в Конституции задач.

Создание городского округа, с одной стороны, проходило как бы «естественным» путем, что, как отмечается в отечественной доктрине, само по себе логично в контексте многих государств (Tabolin, 2021); с другой стороны, интеграция соседних муниципальных образований в так называемый «Большой Буэнос-Айрес» происходила и на основании соглашений, заключаемых между провинцией Буэнос-Айрес, городом Буэнос-Айрес (который до присвоения ему автономного статуса субъекта федерации являлся муниципальным образованием), а также соседними с Буэнос-Айресом муниципальными образованиями (Sabsay, 2002). Процесс постепенно идет с начала XX века, поэтому при принятии Конституции Автономного города Буэнос-Айрес данные аспекты были учтены.

Интересен и опыт иных субъектов федерации в регламентации вопросов межмуниципального сотрудничества. Так, в соответствии с Конституцией провинции Катамарка заключение соглашений и контрактов с государством, провинцией и другими муниципальными образованиями для строительства объектов и предоставления услуг публичного характера рассматривается в качестве одного из основных полномочий, и даже в некотором смысле обязанностей органов местного самоуправления¹⁵. В свою очередь, Органическим законом провинции «О муниципальном и коммунальном режиме» закреплено, что «муниципалитеты могут заключать соглашения между собой или с провинцией на предоставление услуг, выполнение общественных работ, техническое и финансовое сотрудничество или деятельность, представляющую общий интерес»¹⁶.

¹² Ley orgánica de 28 de septiembre de 1984 № 236 de municipios. URL: <https://www.saij.gob.ar/236-local-tierra-fuego-ley-municipios-lpv0000111-1984-09-28/123456789-0abc-defg-111-0000vvorpyel?q=%28numero-norma%3A236%20%29&o=1&f=Total%7CTipo%20de%20Documento/Legislaci%F3n%7CFecha%7COrganismo%7CPublicaci%F3n%7CTema%7CEstado%20de%20Vigencia%7CAutor%7CJurisdicci%F3n/Local/Tierra%20del%20Fuego&t=2> (accessed: 04.02.2025).

¹³ URL: <https://web.archive.org/web/20101113161116/http://www.indec.gov.ar/nuevaweb/cuadros/4/folleto%20GBA.pdf> (accessed: 03.02.2025).

¹⁴ La Constitución de la Ciudad Autónoma de Buenos Aires de 1996. URL: <https://www.congreso.gob.ar/constituciones/CABA.pdf> (accessed: 03.02.2025)

¹⁵ La Constitución de la Provincia de Catamarca de 1998. URL: https://www.argentina.gob.ar/sites/default/files/constitucion_de_catamarca.pdf (accessed: 01.02.2025).

¹⁶ Ley orgánica municipal y régimen comunal, decreto-ley 4.640 de 22 de octubre de 1991. URL: <https://www.saij.gob.ar/4640-local-catamarca-ley-organica-municipal-regimen-comunal-lpk0004640-1991->

На практике такие соглашения в провинции заключаются между органами муниципальной и региональной власти. Одним из таких соглашений является, например, соглашение от 24.07.2024 г. между провинцией Катамарка и муниципалитетом *Valle Viejo*, согласно которому упомянутое муниципальное образование взяло на себя ряд обязательств, касающихся присоединения к оговоренному налоговому режиму, например, обязанность не увеличивать количество муниципальных служащих¹⁷. Соглашение принято в рамках Муниципального налогового соглашения, утвержденного законом провинции Катамарка¹⁸, которое, в свою очередь, было принято после достижения соответствующих договоренностей между федеральным правительством и провинцией Катамарка¹⁹. Указанные примеры наглядно характеризуют взаимоотношения между публично-территориальными образованиями, когда определенные вопросы решаются не посредством принятия закона и наложения соответствующих обязательств, а на договорной основе.

В свою очередь, Конституция провинции Чако в статье 201 закрепляет, что муниципии вправе заключать между собой соглашения в целях совместного выполнения работ, направленных на удовлетворение потребностей и общих интересов. Одновременно указывается и на участие муниципальных образований в процессе регионализации в случаях, когда это затрагивает их интересы²⁰. В отличие от ранее рассмотренных примеров в провинции Чако более наглядно акцент делается именно на взаимодействии муниципальных образований, хотя и затрагиваются вопросы взаимодействия с провинцией посредством указания на регионализацию и участие в ней муниципальных образований.

Органический закон провинции Чако «О муниципальных образованиях», в свою очередь, уточняет, что вышеуказанное взаимодействие осуществляется посредством создания надмуниципальных структур; их основная цель – координация совместных действий при решении вопросов, составляющих общий интерес; координация своих действий совместно с региональными и федеральными органами власти по вопросам укрепления муниципального режима. Такие надмуниципальные структуры имеют органы управления, состоящие из представителей муниципальных образований, входящих в состав надмуниципального объединения, а также одного представителя от исполнительной власти провинции. Органы управления вправе издавать обязательные для исполнения муниципальными образованиями правовые

10-22/123456789-0abc-defg-046-4000kvorpyel?q=%28numero-norma%3A4640%20%29&o=3&f=Total%7CTipo%20de%20Documento/Legislaci%F3n%7CFecha%7COrganismo%7CPublicaci%F3n%7CTema%7CEstado%20de%20Vigencia%7CAutor%7CJurisdicci%F3n&t=8 (accessed: 01.02.2025).

¹⁷ Convenio de adhesión al régimen de responsabilidad fiscal entre la provincia de Catamarca y la municipalidad de Valle Viejo de 24 de julio de 2024. URL: https://digesto.catamarca.gob.ar/media/decretos/DECRETO_E.-T.P.yR.H.-Ec._N_747_-_2024_-_Anexo_II.pdf (accessed: 01.02.2025).

¹⁸ Ley № 5540 – Decreto № 787, ratificase Convenio fiscal municipal de 9 de marzo de 2018. URL: <https://digesto.catamarca.gob.ar/digesto/crearpdf/ley/1457> (accessed: 01.02.2025).

¹⁹ Ley 27.429 de 21 de diciembre d 2017 de aprobación del Consenso Fiscal suscrito por el Poder Ejecutivo nacional y representantes de las provincias y de la Ciudad Autónoma de Buenos Aires. URL: <https://www.saij.gob.ar/27429-nacional-aprobacion-consenso-fiscal-suscrito-poder-ejecutivo-nacional-representantes-provincias-ciudad-autonoma-buenos-aires-Ins0006388-2017-12-21/123456789-0abc-defg-g88-36000scanyel?q=%28numero-norma%3A27429%20%29&o=0&f=Total%7CTipo%20de%20Documento/Legislaci%F3n%7CFecha%7COrganismo%7CPublicaci%F3n%7CTema%7CEstado%20de%20Vigencia%7CAutor%7CJurisdicci%F3n&t=2> (accessed: 01.02.2025).

²⁰ La Constitución de la Provincia de Chaco, 1957-1994. URL: <https://www.congreso.gob.ar/constituciones/CHACO.pdf> (accessed: 02.02.2025).

акты. Эти органы действуют в соответствии с процедурой и внутренними правилами Палаты депутатов провинции до тех пор, пока они не издадут свой собственный регламент, на что им дается шестьдесят дней со дня их создания²¹.

Таким образом, ординарное законодательство провинции Чако также акцентирует внимание на взаимодействии именно муниципальных образований между собой. Важным аспектом является создание самостоятельных структур, которые являются субъектами, обеспечивающими взаимодействия муниципальных образований между собой, а также с провинцией и, при необходимости, с федеральными властями. Конституция провинции о такой форме взаимодействия не упоминает, однако наличие бланкетной нормы о том, что порядок осуществления межмуниципального сотрудничества устанавливается законом, является в этом случае достаточным.

О возможности формирования подобных структур упоминает и Конституция провинции Коррьентес, причем такие структуры здесь могут носить как межмуниципальный, так и надмуниципальный характер; участие в них для муниципиев всегда является добровольным. Конституция допускает и создание органов управления в таких объединениях, а также участие в них субъектов государственного, частного и третьего сектора, а также международных организаций²². Указанные положения провинциальной Конституции конкретизированы в органическом законе провинции «О Муниципалитетах»²³. Так, осуществления межмуниципального сотрудничества в той форме, которая упомянута в Конституции провинции, муниципальные образования вправе заключать соглашения и осуществлять совместные действия с другими муниципальными образованиями на постоянной или временной основе, а также объединяться и создавать юридические лица на основе норм публичного и/или частного права в целях обеспечения общих интересов.

Также в провинции Коррьентес упомянутым законом допускается создание межюрисдикционных органов (с участием муниципиев и провинции) в целях координации общих действий по различным вопросам (дорожное строительство и дорожное движение, охрана окружающей среды, обращение с отходами и пр.), полномочия которых устанавливаются законом или соглашением. Отдельное внимание уделяется и вопросам международного сотрудничества муниципиев²⁴. Так, Органический закон провинции «О муниципалитетах» указывает, что муниципальные образования вправе заключать соглашения и разрабатывать совместные действия с международными организациями, иностранными государствами или городами, не затрагивая полномочий Федерации или провинции, которым они должны своевременно сообщать о совершенных действиях.

²¹ Ley Orgánica Municipal № 4.233 de 6 de diciembre de 1995. URL: <https://www.saij.gob.ar/4233-local-chaco-ley-organica-municipal-lph0004233-1995-12-06/123456789-0abc-defg-332-4000hvorpyel?q=%28numero-norma%3A4233%20%29&o=3&f=Total%7CTipo%20de%20Documento/Legislaci%F3n%7CFecha%7COrganismo%7CPublicaci%F3n%7CTema%7CEstado%20de%20Vigencia%7CAutor%7CJurisdicci%F3n&t=9> (accessed: 02.02.2025).

²² La Constitución de la Provincia de Corrientes de 1993, reformada en 2007. URL: <https://www.congreso.gob.ar/constituciones/CORRIENTES.pdf> (accessed: 03.02.2025).

²³ Ley Orgánica de 6042 de 7 de abril de 2011 de las municipalidades. URL: <https://www.hcdcorrientes.gov.ar/Leyes-texto/Ley6042.pdf> (accessed: 03.02.2025).

²⁴ Закрепление для муниципиев возможности осуществлять международное сотрудничество в целом не редкость для законодательства Аргентины. Например, такая возможность закреплена в статье 220 Конституции провинции Сантьяго-дель-Эстеро / La Constitución de la Provincia de Santiago del Estero. URL: <https://www.congreso.gob.ar/constituciones/SANTIAGO-DEL-ESTERO.pdf> (дата обращения: 04.02.2025).

Поскольку активное развитие межмуниципального сотрудничества, а также взаимодействие муниципиев и провинции (часто осуществляемое на договорной основе) повышает риск возникновения разногласий и конфликтов, законодательство провинций, как правило, обращает внимание на порядок разрешения споров между указанными субъектами. Органическим законом провинции Коррьентес «О муниципалитетах» этому также уделено внимание. Так, если муниципии выступают в качестве юридических лиц, то споры с их участием решаются в обычном порядке судами общей юрисдикции; если же они выступают в качестве публично-территориальных образований, то споры из таких правоотношений разрешаются Верховным судом провинции в соответствии с положениями провинциальной Конституции.

Регионализация как механизм развития межмуниципального сотрудничества

Одним из инструментов для взаимодействия муниципальных образований с другими муниципальными образованиями, а также с провинцией является регионализация. В некотором смысле данный инструмент можно рассматривать в качестве отличительной особенности государств Латинской Америки в части обеспечения координации деятельности органов публичной власти различных публично-территориальных образований. Так, профессор В.В. Еремян обращает внимание на указанный механизм применительно к Мексике и на основе глубокого анализа доктринальных источников приходит к выводу, что «в мексиканской научной литературе под регионализацией понимается, во-первых, создание таких новых административно-территориальных единиц (регионов), которые в той или иной мере объединяли бы или координировали деятельность уже существующих единиц по одной или нескольким экономическим либо социальным проблемам и имели для этого необходимые собственные, постоянно действующие представительные или административные учреждения или только периодически собирающиеся консультативные совещания представителей властей тех территориальных единиц, которые (полностью либо частично) входят в состав образуемых таким образом регионов...» (Еремян, 2001).

Похожим образом следует понимать регионализацию и применительно к Аргентине. Термин «регионализация» здесь используется в законодательстве сразу нескольких провинций. В отличие от других форм взаимодействия муниципальных образований между собой и с иными субъектами (в том числе консорциумов) регионализация представляет собой исключительно публично-правовой инструмент. В случае же, например, с консорциумами муниципальные образования могут выступать и в качестве публично-территориальных образований, и в качестве юридических лиц при взаимодействии, например, с хозяйствующими субъектами.

В соответствии со статьей 235 Конституции провинции Чубут «регионализация в целях целостного развития осуществляется на основе участия муниципалитетов в разработке провинциальной политики в отношении территориального планирования межюрисдикционных пространств, когда муниципалитеты включены или связаны с планами и процессами социально-экономического развития в региональном или субрегиональном масштабе»²⁵.

Достаточно подробно вопрос регионализации регулируется в законодательстве провинции Риоха, причем делается это преимущественно в ординарном

²⁵ La Constitución de la Provincia de Chubut de 1994. URL: <https://www.congreso.gob.ar/constituciones/CHUBUT.pdf> (accessed: 02.02.2025).

законодательстве. Конституция провинции указывает лишь то, что органические уставы муниципиев должны гарантировать процесс регионализации в целях экономического и социального развития, позволяющий объединить и скоординировать усилия по достижению общих интересов посредством межведомственных соглашений, в рамках которых могут создаваться органы, наделенные полномочиями для реализации своих целей, перечисляя при этом существующие в провинции регионы²⁶.

В свою очередь, Органический закон провинции Риоха «О муниципалитетах»²⁷ в отношении регионализации закрепляет следующее:

- регионализация для муниципиев предполагает выработку социально-экономической политики с участием провинциальных и национальных органов власти на соответствующей территории;

- учет муниципиями совместных интересов при реализации экономической политики;

- полномочия муниципальных представительных органов по утверждению региональных соглашений по экономическому и социальному развитию, позволяющих объединить и скоординировать усилия для достижения общих интересов региона, создание органов, наделенных полномочиями для реализации этих целей, контроль за реализацией политики регионализации;

- формирование в каждом регионе муниципальной прокуратуры, функционирующей на уровне региона;

- формирование в каждом регионе Счетного трибунала (Счетной палаты), функционирующего на уровне региона.

Еще одним субъектом федерации, уделяющим повышенное внимание вопросу регионализации, является провинция Кордоба. Законодательство провинции создает условия для интеграции местных органов власти в систему публичного управления, процесс выработки управленческих решений, совместную реализацию полномочий. Последнее в рассматриваемом случае является своего рода альтернативой передачи полномочий на основании закона. В случае с провинцией Кордоба это осуществляется в том числе на договорной основе. В провинции также принят Органический закон «О регионализации провинции Кордоба»²⁸, предполагающий регионализацию провинции, то есть формирование на ее территории так называемых региональных сообществ, которые территориально совпадают с департаментами. В исключительных случаях допускается создание дополнительных региональных сообществ, но это делается на основании заявлений муниципиев или коммун. Также в порядке исключения муниципиям и коммунам может быть разрешено вступать более чем в одно региональное сообщество.

²⁶ La Constitución de la Provincia de la Rioja de 2008. URL: <https://www.congreso.gob.ar/constituciones/LA-RIOJA.pdf> (accessed: 05.02.2025).

²⁷ Ley Orgánica de 9 de diciembre de 1999 de Municipalidades. URL: <https://www.saij.gob.ar/6843-local-rioja-ley-organica-municipalidad-lpf0006843-1999-12-09/123456789-0abc-defg-348-6000fvorpyel?q=%28numero-norma%3A6843%20%29&o=2&f=Total%7CTipo%20de%20Documento/Legislaci%F3n%7CFecha%7COrganismo%7CPublicaci%F3n%7CTema%7CEstado%20de%20Vigencia%7CAutor%7CJuridicci%F3n&t=7> (accessed: 05.02.2025).

²⁸ Ley Orgánica de Regionalización de la Provincia de 22 de diciembre de 2004. URL: <https://www.saij.gob.ar/9206-local-cordoba-ley-organica-regionalizacion-provincia-cordoba-lpo0009206-2004-12-22/123456789-0abc-defg-602-9000ovorpyel?q=%28numero-norma%3A9206%20%29&o=0&f=Total%7CTipo%20de%20Documento/Legislaci%F3n%7CFecha%7COrganismo%7CPublicaci%F3n%7CTema%7CEstado%20de%20Vigencia%7CAutor%7CJuridicci%F3n/Local/C%F3rdoba&t=1> (accessed: 05.02.2025).

Ключевое отличие упомянутых департаментов от региональных сообществ заключается в том, что департаменты являются исключительно административными единицами, созданными в административных целях (судебные, избирательные участки и т.д.), без собственных органов управления. В региональных же сообществах создается орган управления – Региональная комиссия, состоящая из мэров и председателей советов соответствующих муниципиев и коммун, а также провинциального законодателя (депутата), избранного от соответствующего департамента.

Также у региональных сообществ есть собственные функции (компетенция), например, осуществление полицейской власти в части, не касающейся компетенции муниципий и коммун, участие в планировании, осуществление переданных муниципальными образованиями и провинцией полномочий и др. Для муниципиев и коммун вступление в региональное сообщество является исключительно добровольным и решение принимается органами власти соответствующих территорий.

Регламентация межмуниципального сотрудничества в органических уставах муниципальных образований

Одной из особенностей правового регулирования муниципальных правоотношений в Аргентине является предоставление отдельным муниципальным образованиям возможности принятия собственных органических уставов. В этих целях провинциальное законодательство, как правило, подразделяет муниципии на соответствующие категории, критерием для чего обычно выступает количество жителей (Fidyka, 2020). Наиболее крупные муниципальные образования, таким образом, получают возможность принятия органических уставов, причем осуществляется это специально формируемым для этой процедуры выборным учредительным органом. Такие уставы являются основным нормативным правовым актом (после провинциальной конституции), регулирующим муниципальные правоотношения на соответствующей территории. В частности, при принятии органического устава ординарное законодательство провинции применяется к принявшему его муниципию лишь субсидиарно (Komlev, 2024:1).

Следовательно, и вопросы межмуниципального сотрудничества получают соответствующую регламентацию в таких органических уставах. Среди муниципальных органических уставов стоит обратить внимание на устав города Кордобы, в статье 14 которого говорится, что данный муниципий заключает соглашения с муниципиями и коммунами, расположенными на территории, окружающей город, а также с национальными, провинциальными и межмуниципальными органами, которые позволяют решать общие проблемы и способствуют сбалансированному развитию региона»²⁹. Целью данной нормы является содействие созданию городского (столичного) округа Кордоба, по аналогии с Буэнос-Айресом.

Органический устав муниципия Вилья-Карлос-Пас (провинция Кордоба) в статье 81 закрепил, что «муниципий координирует публичную политику с провинцией, нацией, национальными и/или международными организациями»³⁰. В других уставах, например в уставе муниципия Маркос Хуарес, указывается, что «муниципалитет

²⁹ Carta Orgánica Municipal de la Ciudad de Córdoba. URL: https://static.cordoba.gov.ar/DigestoWeb/pdf/741407bf-8b83-483f-8423-e40942451dbc/COM_1.pdf (accessed: 05.02.2025).

³⁰ Carta Orgánica Municipal de la Ciudad de Villa Carlos Paz. URL: https://www.villacarlospez.gov.ar/download_prov/cartaorganicamunicipal.pdf (accessed: 05.02.2025).

через исполнительный департамент, не затрагивая своей автономии, заключает соглашения с федеральным правительством, правительством провинции Кордова, правительствами других провинций, других муниципалитетов, децентрализованных, частных, национальных или международных органов для достижения целей оказания помощи, обмена информацией... Муниципалитет может принимать участие в федерациях или конфедерациях муниципалитетов и межмуниципальных организациях, сохраняя свою автономию и в соответствии с муниципальными правовыми актами, принятыми для этой цели»³¹.

В провинции Жужуй муниципальный органический устав города Палпала установил, что «в сфере муниципального регионализма муниципий должен обеспечивать межмуниципальное сотрудничество с другими соседними муниципиями, принимая во внимание следующие условия: планирование, как политическое, экономическое, социальное, так и экологическое; участие заинтересованных муниципиев в процессе муниципального регионализма; определение динамики городского развития, коммуникаций, транспорта и других услуг в рамках муниципального регионализма;... совместное городское планирование с другими муниципиями с учетом социологических, экономических, политических, правовых, архитектурных, санитарных и других услуг, тесно связанных с благополучием населения»³².

Указанные примеры демонстрируют, с одной стороны, заинтересованность муниципальных образований (как «столичных», так и иных) в развитии межмуниципального сотрудничества, с другой – широкие возможности для нормативно-правового регулирования данного вопроса. При этом, если в случае провинциального регулирования акцент нередко делается на взаимодействии муниципальных образований и провинции, в случае собственного правового регулирования муниципальные образования сосредоточены именно на развитии межмуниципального сотрудничества. Отчасти это связано с тем, что муниципальные органические уставы ограничены в правовом регулировании вопросов, затрагивающий провинциальный интерес. В то же время по вопросу сотрудничества с другими муниципальными образованиями здесь наблюдается более подробная регламентация.

Заключение

Межмуниципальное сотрудничество является важным инструментом развития местного самоуправления в большинстве современных государств. Оно позволяет муниципальным образованиям аккумулировать имеющиеся ресурсы, обмениваться опытом, совместно осуществляя публичные функции в интересах нескольких публично-территориальных образований.

Применительно к Аргентине в рамках рассматриваемого вопроса можно выделить несколько особенностей. Во-первых, применяемое в Аргентине правовое регулирование муниципальных отношений (с передачей соответствующих полномочий субъектам федерации) позволяет проанализировать сразу несколько подходов. Так, общим трендом здесь является то, что межмуниципальное сотрудничество рассматривается как составной элемент сотрудничества муниципальных образований

³¹ Carta Orgánica Municipal de la Ciudad de Marcos Juárez. URL: <https://www.argentina.gob.ar/sites/default/files/carta-organica-marcos-juarez.pdf> (accessed: 05.02.2025).

³² Carta Orgánica Municipal de la Ciudad de Palpalá. URL: <http://www.municipios.jujuy.gov.ar/Archivos/Carta%20Organica%20Palpala.pdf> (accessed: 05.02.2025).

с другими публично-территориальными образованиями в целом. Некоторые субъекты федерации в большей степени фокусируются именно на сотрудничестве между муниципальными образованиями, другие уделяют повышенное внимание и сотрудничеству с провинцией и государством. Однако последний аспект в том или ином виде выражен в большинстве субъектов федерации.

Поскольку Конституция Аргентины признает наличие муниципальной политической автономии, данное обстоятельство, в совокупности с фактическим отсутствием федерального регулирования, предопределило наличие широкой дискреции как у субъектов федерации, так и у муниципальных образований в части определения порядка осуществления сотрудничества. Важным является преимущественно договорный характер взаимодействия как муниципальных образований между собой, так и последних с провинцией (в большей части) и государством. Изложенное следует рассматривать в качестве реализации конституционного принципа муниципальной политической автономии: муниципальные образования вступают в правоотношения с иными публично-территориальными образованиями на равных началах и имеют возможность выражения своей воли как по вопросам, имеющим преимущественно имущественный характер, так и по вопросам публично-правового характера (таким, например, как передача отдельных государственных полномочий). С одной стороны, это расширяет содержание принципа самостоятельности (автономии) муниципальных образований. С другой, отсутствие понятных процедур для взаимодействия публично-территориальных образований в некоторой степени ослабляет роль принципа единства публичной власти, что может негативно сказаться и на самих муниципальных образованиях.

Субъекты федерации в Аргентине по-разному подходят к формам реализации межмуниципального сотрудничества. В некоторых из них законодательство фокусируется на публично-правовом характере взаимодействия, предполагая, в частности, образование надмуниципальных образований с созданием в них органов управления и делегированием им некоторых полномочий. В других случаях речь идет о некотором смешении публично-правовых и частноправовых начал, когда в качестве основной формы взаимодействия может выступать создание консорциумов с участием как исключительно публично-территориальных субъектов, так и с участием физических и юридических лиц.

Помимо законодательства субъектов федерации, свою немалую роль в регламентации межмуниципального сотрудничества в Аргентине играют муниципальные правовые акты. Прежде всего речь идет о муниципальных органических уставах в тех муниципальных образованиях, которые обладают правом их принятия. В таких случаях муниципальные образования нередко самостоятельно расширяют пределы своих возможностей по межмуниципальной кооперации, более активно указывая, например, на возможность заключения различного рода соглашений международного характера. К данному аспекту следует относиться с определенной долей осторожности, особенно при обсуждении возможности рецепции зарубежного опыта. Указанные обстоятельства следует рассматривать в комплексе, и иметь в виду весь комплекс характеристик муниципальных правоотношений в исследуемой стране, в том числе факт нахождения государства в Латиноамериканском регионе. Это имеет значение в том смысле, что порядок взаимоотношений латиноамериканских государств между собой имеет определенную специфику в силу множества факторов.

Проведенное исследование приобретает дополнительную актуальность в контексте продолжающейся в России муниципальной реформы. Федеральное законодательство в России уделяет большое внимание вопросу межмуниципального сотрудничества. Несмотря на это, на практике реализация соответствующих норм встречает ряд трудностей. Субъекты федерации в России также предпринимают попытки поиска оптимальных механизмов взаимодействия публично-территориальных образований. Так, функционирующие в Свердловской области управленческие округа отдаленно напоминают публично-территориальные структуры, формируемые в Аргентине в рамках так называемой регионализации. Учитывая изложенное, опыт Аргентины по рассматриваемому вопросу имеет как научный, так и практический интерес.

References / Список литературы

- Bernal, Marcelo y Pizzolo & Calogero (eds.) (2018) *Modelos para armar: procesos federales actuales, descentralización del poder y desafíos del gobierno multinivel*. Córdoba, Editorial de la UNC Publ.; Córdoba, Editorial Astrea Publ. (In Spanish)
- Carbonell, P. E. (ed.) (2022) *Gobiernos locales y economía colaborativa. Obra colectiva, dirigida por Eloisa Carbonell Porras, coordinada por Lourdes de la Torre Martínez*. Madrid, Iustel Publ. (In Spanish).
- Chikhladze, L.T., Boldyrev, O.Yu. (2020) Local self-government in legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and its judges in the context of Constitutional reform 2020. *Antinomii=Antinomies*. 20 (3), 71–87. (In Russian). <https://www.doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10304>
- Чихладзе Л.Т., Болдырев О.Ю. Местное самоуправление в правовых позициях Конституционного Суда РФ и его судей в контексте конституционной реформы 2020. // Антиномии. 2020. Т. 20. № 3. С. 71–87. <https://www.doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10304>
- Cravacuore, D. (2000). *La gestión de consorcios intermunicipales en la provincia de Buenos Aires: análisis de caso*. V Congreso Internacional del CLAD sobre la Reforma del Estado y de la Administración Pública, Santo Domingo, Rep. Dominicana, 24–27 Oct. 2000. (In Spanish).
- Cravacuore, D. (2001) *La cooperación intermunicipal en la provincia de Buenos Aires. fortalezas y debilidades*. En: Larnaga, María Elena (coord.) *La geografía de un cambio. Política, gobierno y gestión municipal en Uruguay*. Ediciones de la banda oriental – Instituto de ciencia política de la Universidad de la República, Montevideo (Uruguay). 153-162.
- Ebzeev, B.S. & Chikhladze, L.T. (ed.) (2024) *Problems and prospects of public authority development in the conditions of constitutional modernization: monograph*. Moscow, UNITI-DANA Publ. (In Russian).
- Проблемы и перспективы развития публичной власти в условиях конституционной модернизации: монография / под. ред. Б.С. Эбзеева, Л.Т. Чихладзе. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 367 с.
- Eremyan, V.V. (2001) *Local government and local self-government in Latin America*. DSc thesis. RUDN. (In Russian)
- Еремян В.В. Местное управление и местное самоуправление в Латинской Америке: дис. ... д-ра юрид. наук. М. : РУДН. 2001. 441с.
- Eremyan, V.V. (2016) *Formation and development of local self-government institutions (from city-states to the end of the twentieth century)*. Public law of Latin American countries: in 2 vols. Moscow, International Relations Publ. (In Russian).
- Еремян В.В. Публичное право стран Латинской Америки: в 2 т. Т. 1. Становление и развитие институтов местного самоуправления (от городов-государств до конца XX века). М. : Международные отношения, 2016. 624 с.

- Fidyka, L. (2020) Las Cartas Orgánicas Municipales en la República Argentina. Relevancia, componentes y desafíos. *Revista Argentina de Derecho Municipal*. (5). (In Spanish)
- Grandinetti, R. E.M. (2020) Tendencias y prácticas: políticas de gobierno abierto a nivel municipal en Argentina. *Revista iberoamericana de estudios municipales*. (21), 89–112 (in Spanish).
- Kabanova, I.E. (2018) Inter-municipal cooperation as a way of managing the municipal property management: overcoming the legal conflicts. *Property Relations in the Russian Federation*. (2), 90–96 (in Russian). EDN: LNEJGW
 Кабанова И.Е. Межмуниципальное сотрудничество как способ управления муниципальной собственностью: пути преодоления законодательных коллизий // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 2. С. 90–96. EDN: LNEJGW
- Komlev, E.Yu. (ed.). (2024) *Local Self-Government in Modern States: Challenges and Perspectives*. Monograph. In: Bernal, M., Marasulova, A., Chikhladze, L.T. et al. (eds.) Moscow, RUDN Publ. (in English and Spanish).
 Местное самоуправление в современных государствах: вызовы и перспективы монография / М. Берналь, А. Марасулова, Л. Т. Чихладзе [и др.] ; под редакцией Е. Ю. Комлева. Москва : РУДН, 2024. 192 с.
- Komlev, E.Yu. (2024) Organic charters of municipal structures in Argentina: The nature and place in the legal regulation system. *Constitutional and municipal law*. (1), 61–63 (In Russian) <https://www.doi.org/10.18572/1812-3767-2024-1-61-63> EDN: KXTNHO
 Комлев Е.Ю. Органические уставы муниципальных образований в Аргентине: природа и место в системе правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 1. С. 61–63. <https://www.doi.org/10.18572/1812-3767-2024-1-61-63> EDN: KXTNHO
- Masserdotti, G. (2015) Hay autonomía municipal : el caso de la Provincia de Buenos Aires [en línea], *Forum : anuario del Centro de Derecho Constitucional*. № 3. (in Spanish).
- Mironova, O.V. (2016) Methodology of determining the potential of intermunicipal economic contractual cooperation (under development of the region “Rostov region”). *State Power and Local Self-government*. (4), 22–27. (In Russian)
 Миронова О.В. Методология определения потенциала межмуниципального хозяйственно-договорного сотрудничества (в условиях развития региона «Ростовская область») // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 4. С. 22–27. EDN: VTYNIJ
- Sabsay, D.A., García, María del Carmen, Nápoli, A. & Ryan, D. (2002). *Región metropolitana de Buenos Aires. Aporte jurídico-institucional para su construcción*. Buenos Aires, Fundación Ambiente y Recursos Naturales Publ.
- Sagués, N.P. (2018) *Manual de Derecho Constitucional*. Buenos-Aires, Astrea Publ. (In Spanish)
- Tabolin, V.V. (ed.) (2021) *Legal Urbanology. Urbanological theory*. Monograph: in two volumes. Collected materials. Ed. By V.V. Tabolin. Moscow, Justitsinform Publ.
 Юридическая урбанология. Урбанологическая теория: монография: в 2 т. / коллектив авторов; под общ. ред. В.В. Таболина. М. : Юстицинформ, 2021. 824 с.
- Verbitskaya, T.V. (2020) The development of an inter-municipal dialogue in the humanitarian sector between Russia and Central Asian states (on the example of the cooperation between Russian and Kazakhstani cities). *Municipal Service: Legal issues*. (4), 25–28 (in Russian). EDN: NZRPMY
 Вербицкая Т.В. Развитие межмуниципального диалога России и государств Центральной Азии в гуманитарной сфере (на примере сотрудничества городов России и Казахстана) // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2020. № 4. С. 25–28. EDN: NZRPMY
- Voroshilov, N.V. (2021) Inter-municipal cooperation in Russia: Status, problems and prospects of development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 14 (6), 141–159 (in Russian). <https://www.doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.8> EDN: VSLJNM

Ворошилов Н.В. Межмуниципальное сотрудничество в России: состояние, проблемы и перспективы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 6. С. 141–159. <https://www.doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.8>
EDN: VSLJNM

Сведения об авторах:

Комлев Евгений Юрьевич – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; доцент, департамент публичного права, Высшая школа экономики; Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

ORCID: 0000-0001-7246-8014, SPIN-код: 4470-8099

e-mail: komlev_eyu@pfur.ru

Руиз Омар Антонио – профессор, преподаватель международного публичного права, Советник муниципального учредительного Совета (Кордоба, Аргентина), депутат Законодательного Собрания провинции Кордоба (Аргентина) в отставке, Национальный Университет Кордобы; Аргентина, Кордоба, ул. Обиспо Трехо, 242.

ORCID: 0009-0004-4388-3250

e-mail: omarantonioruiz@hotmail.com

About the authors:

Evgeny Y. Komlev – Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Judicial Power, Civil Society and Law-Enforcement Activities, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Associate Professor, Department of Public Law, Higher School of Economics; Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya Street, 20

ORCID: 0000-0001-7246-8014, SPIN-code: 4470-8099

e-mail: komlev_eyu@pfur.ru

Omar A. Ruiz – Professor, Lecturer in International Public Law, Member of the Municipal Constituent Council (Córdoba, Argentina), retired Member of the Legislative Assembly of the Province of Córdoba (Argentina), National University of Córdoba; Argentina, Córdoba, Obispo Trejo St., 242.

ORCID: 0009-0004-4388-3250

e-mail: omarantonioruiz@hotmail.com

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-713-732>

EDN: AQDTCZ

Научная статья / Research Article

Арбитраж ad hoc в Китае: эволюция, правовые дилеммы и перспективы развития

Ду Тао , Чжао Чэньтин

Восточно-Китайский университет политических наук и права, г. Шанхай,
Китайская Народная Республика

18964606902@126.com

Аннотация. Арбитраж ad hoc, благодаря своей гибкости и эффективности, занимает важное место в разрешении международных коммерческих споров. Однако в китайском законодательстве об арбитраже ad hoc существуют пробелы. В последние годы в Китае предприняты попытки развития арбитража ad hoc в отдельных регионах, таких как пилотные зоны свободной торговли, и был накоплен соответствующий опыт. Хотя Закон КНР об арбитраже (проект пересмотра, 2024 г.) включает положения об арбитраже ad hoc, он также сталкивается с такими проблемами, как нечеткие критерии определения действительности арбитражных соглашений и недостатки в методах выбора и назначения арбитров. Целью является исследование формирования и развития арбитража ad hoc в Китае для выявления проблем применения права на практике. Особое внимание уделяется как теоретическим, так и практическим аспектам исследования предпосылок, эволюции, правовых дилемм и перспектив развития арбитража ad hoc в Китае. Анализируется, как концепция арбитража ad hoc изменяется в различных китайских нормативных правовых актах. Методологически исследование опирается на комплекс общенаучных и частнонаучных методов, включающих диалектический, исторический и сравнительный методы. Предложено в будущем пересмотреть Закон КНР об арбитраже, скорректировать элементы арбитражного соглашения ad hoc, добавить механизм раскрытия информации арбитров, сократить связь между арбитрами и арбитражным учреждением, заимствовать международный опыт, такой как статьи из Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже и т.д., чтобы способствовать ускорению внедрения системы арбитража ad hoc в законодательство Китая, усилить международное влияние китайских арбитражных учреждений и обеспечить более эффективный и удобный способ разрешения коммерческих споров.

© Ду Тао, Чжао Чэньтин, 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: поправка к Закону об арбитраже, арбитраж ad hoc, арбитражное соглашение, арбитры, арбитражные решения, арбитражный комитет, китайское право, китайская судебная практика

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Ду Тао – анализ источников, введение, разделы «Эволюция арбитража ad hoc в Китае», «Правовые дилеммы применения арбитража ad hoc в Китае». Чжао Чэньтин – аннотация, раздел «Перспективы внедрения арбитража ad hoc в законодательство Китая», заключение, список литературы. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Поступила в редакцию: 02 апреля 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2025 г.

Для цитирования:

Ду Тао, Чжао Чэньтин. Арбитраж ad hoc в Китае: эволюция, правовые дилеммы и перспективы развития // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 3. С. 713–732. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-713-732>

Ad hoc arbitration in China: Development, legal issues, and future perspectives

Du Tao , Zhao Chenting

East China University of Political Science and Law, Shanghai, People's Republic of China

18964606902@126.com

Abstract. Ad hoc arbitration, due to its flexibility and efficiency, is resolving international commercial disputes. However, gaps remain in Chinese arbitration legislation regarding ad hoc arbitration. In recent years, China has made attempts to develop ad hoc arbitration in specific regions, such as pilot free trade zones, gaining relevant experience. Although the Arbitration Law of the People's Republic of China (Revised Draft, 2024) includes provisions on ad hoc arbitration, it still faces challenges, such as ambiguous criteria for validating arbitration agreements and deficiencies in the selection and appointment methods of arbitrators. The study aims to explore the formation and development of ad hoc arbitration in China to identify existing issues in the law's practical application. Particular emphasis is placed on both theoretical and practical aspects, including the prerequisites, evolution, legal challenges, and prospects for ad hoc arbitration's development in China. The analysis focuses on how the concept of ad hoc arbitration evolves across different Chinese regulatory instruments. Methodologically, the research combines general and specialized scientific methods, including dialectical, historical, and comparative approaches. The study concludes with proposals to revise the Arbitration Law of the People's Republic of China by adjusting elements of ad hoc arbitration agreements, introducing an arbitrator information disclosure mechanism, reducing the dependence between arbitrators and arbitral institutions, and incorporating international best practices—such as provisions from the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration. These reforms aim to accelerate the institutionalization of ad hoc in Chinese legislation, enhance the international influence of Chinese arbitral institutions, and provide a more efficient and accessible method for resolving commercial disputes.

Key words: amendment to the Arbitration Act, ad hoc arbitration, arbitration agreement, arbitrators, arbitral awards, Arbitration Commission, Chinese law, Chinese judicial practice

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: *Du Tao* – source analysis, introduction, sections “The Evolution of Ad Hoc Arbitration in China” and “Legal Dilemmas of Ad Hoc Arbitration in China.” *Zhao Chenting* – abstract, section “Prospects for the Implementation of Ad Hoc Arbitration in Chinese Law,” conclusion, references. Both authors reviewed and approved the final version of the article.

Received: 2nd April 2025

Accepted: 15th July 2025

For citation:

Du, Tao, Zhao, Chenting (2025) Ad hoc Arbitration in China: Development, legal issues, and future perspectives. *RUDN Journal of Law*. 29 (3), 713–732. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-713-732>

Введение

Под арбитражем ad hoc понимается арбитраж, который проводится третейским судом и создан самими сторонами путем назначения арбитров посредством арбитражного соглашения, и арбитражный орган не осуществляет над ним контроль. (Gary, 2020: 191). Арбитраж ad hoc возник раньше институционального арбитража и оказал глубокое влияние на самостоятельный и независимый механизм разрешения частных споров. Арбитраж ad hoc, отличающийся гибкостью и высокой эффективностью, играет незаменимую роль в сфере разрешения международных коммерческих споров и получил широкое признание международного сообщества, которое также сформировало зрелую теоретическую базу и богатый практический опыт.

Арбитраж ad hoc в Китае появился поздно и прошел довольно сложный путь развития. Закон КНР об арбитраже (ред. от 31.08.1994) установил выбор арбитражного комитета как необходимое условие¹ и полностью отрицал легитимность арбитража ad hoc. Только в 2016 г. Верховный народный суд КНР издал Мнения о предоставлении судебных гарантий для развития пилотных зон свободной торговли, впервые признав действительность арбитражных соглашений ad hoc в пилотных зонах свободной торговли, которые отвечают условиям: если предприятия, зарегистрированные в Пилотной зоне свободной торговли, договариваются между собой об арбитражном разбирательстве, о конкретных лицах соответствующих споров, о конкретном месте в Китае и о конкретных арбитражных правилах, такое арбитражное соглашение может считаться действительным (ст. 9)². В 2017 г. Арбитражный комитет г. Чжухая взял на себя инициативу по разработке Арбитражного регламента ad hoc для пилотной зоны свободной торговли Хэнцзинь³. С тех пор практика арбитража ad hoc в пилотных зонах свободной торговли продолжает расширяться. Серия изменений не только отражает эволюцию политики от «отказа» к «частичному принятию» арбитража ad hoc в Китае, но и придает импульс развитию арбитража ad hoc благодаря местной инновационной практике.

¹ Статья 16 Закона КНР об арбитраже (ред. от 31. 08. 1994): «Арбитражное соглашение должно содержать: 1) выражение воли на передачу спора в арбитраж; 2) предмет спора, подлежащий разрешению в арбитраже; 3) выбранный сторонами арбитражный комитет». URL: <https://www.gqib.gov.cn/node2/node3/node5/node9/node110/userobject7ai1384.html> (дата обращения: 03.03.2025).

² Мнения о предоставлении судебных гарантий для развития пилотных зон свободной торговли. URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/f01ea06c5d69b8c6f1fbd3689bec6a.html> (дата обращения: 03.03.2025).

³ Арбитражный регламент ad hoc для пилотной зоны свободной торговли Хэнцзинь. URL: <http://www.zcia.pro/info/693.html> (дата обращения: 03.03.2025).

Однако вопрос о том, должен ли арбитраж *ad hoc* быть включен в закон, до сих пор остается открытым. В Законе КНР об арбитраже (проект Закона для публичных комментариев), опубликованном в 2021 г., предусмотрен «специализированный третейский суд» в статьях 91–93⁴ и осуществлена попытка официально ввести арбитраж *ad hoc* в китайские арбитражные дела, связанные с иностранным элементом. В последнем проекте Закона КНР об арбитраже (проект пересмотра, 2024 г.) положение о «специализированном третейском суде» было исключено и заменено положением об арбитраже *ad hoc* в статье 79, которое определяет сферу применения арбитража *ad hoc*⁵. Публикация данного проекта пересмотра вызвала бурные дискуссии в теоретических и практических кругах. Однако в рамках действующей системы арбитражного права арбитраж *ad hoc* все еще нуждается в преодолении многих теоретических и практических трудностей.

Между тем анализ путей развития арбитража *ad hoc* в китайских нормативных правовых актах посредством диалектического, историко-правового и сравнительного методов позволит выявить ключевые тенденции, которые не только отражают изменения в правовой теории, но и служат индикаторами изменений в судебной практике. Указанное обуславливает актуальность исследования.

Исходя из вышеизложенного в данной статье авторы намерены исследовать правовые дилеммы, с которыми сталкивается институциональная конструкция арбитража *ad hoc* в Китае в контексте пересмотра Закона КНР об арбитраже в 2024 г., попытаться предложить соответствующие пути решения, проанализировав историю законодательной реформы арбитража *ad hoc* в Китае и соответствующую китайскую судебную практику, и выявить уроки, которые могут быть использованы для дальнейшего развития правовых норм в условиях современных международных изменений.

Эволюция арбитража *ad hoc* в Китае

Период с 1994 по 2015 гг. Длительное отсутствие арбитража *ad hoc* в Китае обусловлено социально-экономической структурой конкретного исторического периода. В 1992 г. 14-й Всекитайский съезд КПК официально установил социалистическую систему рыночной экономики, однако доминирующее административное мышление, сформированное в эпоху плановой экономики, по-прежнему оказывало глубокое влияние на построение правовой системы. В то время элементы рыночной экономики еще не достигли достаточной степени развития, и законодатели не верили в автономию частных прав и способность участников рынка к саморегулированию, полагая, что арбитраж *ad hoc* как способ разрешения споров, в значительной степени зависящий от автономии воли сторон, должен быть подкреплён надежной системой

⁴ Например, статья 91 гласит, что стороны коммерческого спора с иностранными элементами могут договориться об арбитраже в арбитражном учреждении или непосредственно договориться об арбитраже в специализированном третейском суде. Арбитражное разбирательство в арбитраже, проводимом специализированным третейским судом, начинается с даты получения заявления ответчиком. Если стороны не договорились о месте арбитража или если договоренность неясна, специализированный третейский суд определяет место арбитража с учетом обстоятельств дела. См.: Проект для публичных комментариев Закона об арбитраже, опубликованный 30 июля 2021 г. URL: https://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/lfyjzj/lflfyjzj/202107/t20210730_432967.html (дата обращения: 03.03.2025).

⁵ Проект пересмотра Закона об арбитраже, опубликованный 8 ноября 2024 г. URL: <https://law.wkinfo.com.cn/legislation/detail/MTAxMDA1MjAyMDU> (дата обращения: 03.03.2025).

рыночного обеспечения, которой Китай еще не обладал (Liu, 2020:8–12). Такое восприятие заставило законодателей отдать предпочтение институциональному арбитражу для достижения «стандартизации» и «контролируемости» разрешения споров, полагая, что институциональный арбитраж может обеспечить беспристрастность арбитражного решения с помощью фиксированных процессуальных правил и административного управления, что позволяет избежать риска того, что автономия воли сторон может привести к выходу арбитражного процесса из-под контроля. Подобное мышление привело к тому, что Китай долгое время оставался без арбитража *ad hoc* в области международного коммерческого арбитража.

Исходя из вышеуказанных социальных предпосылок, Закон КНР об арбитраже, принятый в 1994 г., и его пересмотренная версия в 2009 г. не регулируют применение арбитража *ad hoc* Статьи 16 и 18 Закона КНР об арбитраже четко определяют, что действительное арбитражное соглашение должно включать выбранный арбитражный комитет, и что если в соглашении отсутствует такое положение или если положение неясно, должно быть заключено новое дополнительное соглашение, в противном случае арбитражное соглашение является недействительным⁶. Согласно этой законодательной логике существование арбитражного комитета является императивным требованием для действительности арбитражного соглашения, что напрямую отрицает существование арбитража *ad hoc*. Толкование Верховного народного суда по некоторым вопросам, касающимся применения Закона КНР об арбитраже, опубликованное в 2006 г., дополнительно разъясняет и подчеркивает позицию Закона КНР об арбитраже, прямо указывая, что «арбитражное соглашение является недействительным, если стороны не могут договориться о выборе арбитражного комитета»⁷.

Стоит отметить, что, несмотря на то, что в этот период арбитраж *ad hoc* был полностью запрещен китайским законодательством, в теоретических и практических кругах стали возникать споры по поводу включения арбитража *ad hoc* в законодательство. По словам профессора Хуан Сыи, создание системы арбитража *ad hoc* является необходимым требованием для смягчения административного характера арбитража в Китае, а также важным путем для участия Китая в международной экономической деятельности после вступления в ВТО (Huang, 2012:201–203). На уровне судебной практики признание арбитража *ad hoc* сосредоточено в сфере споров, связанных с иностранным элементом. Верховный народный суд КНР четко указал в ответе 1995 г. по вопросу о действительности арбитражной оговорки коносамента в международном морском споре между Fujian Provincial Production Materials Corporation и Golden Pigeon Shipping Co., что «в делах, связанных с иностранным элементом, если стороны в договоре или после возникновения спора договорились о том, что спор будет разрешен иностранным арбитражным учреждением *ad hoc* или третейским судом, арбитражная оговорка в принципе должна быть признана действительной»⁸. И в 2001 г. в деле Dalian Huanong Group Co. Ltd., Ping An Insurance

⁶ Закон КНР об арбитраже (ред. от 31. 08. 1994). URL: <https://www.gqib.gov.cn/node2/node3/node5/node9/node110/userobject7ai1384.html> (дата обращения: 05.03.2025).

⁷ Толкование Верховного народного суда по некоторым вопросам, касающимся применения Закона КНР об арбитраже от 23 августа 2006 года. URL: <https://www.court.gov.cn/fabu/xiangqing/1053.html> (дата обращения: 03.03.2025).

⁸ Ответ Верховного народного суда КНР от 20 октября 1995 г. по вопросу о действительности арбитражной оговорки коносамента в международном морском споре между Fujian Provincial Production Materials

Co. Ltd. Zhanjiang Central Branch v. Malaysia International Shipping Co. Ltd., China Reinsurance Co. Ltd. Даляньский морской суд признал действительность оговорки об арбитраже ad hoc в третейском суде за рубежом⁹.

Период с 2016 по 2020 гг. На фоне расширения транснациональных факторов производства и роста числа международных торговых споров выдвигаются более высокие требования к китайскому механизму разрешения трансграничных споров. А негативная позиция Китая в отношении арбитража ad hoc также постепенно ослабевает в данный период в связи с необходимостью интеграции с международными правилами и накоплением опыта в пилотных зонах свободной торговли.

В декабре 2016 г. Верховный народный суд КНР издал Мнения о предоставлении судебных гарантий для развития пилотных зон свободной торговли, из них ст. 9 требует от суда «правильно определить действительность арбитражного соглашения», и «если предприятия, зарегистрированные в Пилотной зоне свободной торговли, договариваются между собой об арбитражном разбирательстве, о конкретных лицах соответствующих споров, о конкретном месте в Китае и о конкретных арбитражных правилах, такое арбитражное соглашение может считаться действительным»¹⁰. Данное положение не только обходит императивное требование в Законе КНР об арбитраже о выборе арбитражного комитета, но и устанавливает границы для применения арбитража ad hoc в Китае. В декабре 2019 г. Верховный народный суд КНР издал Мнения о дальнейшем предоставлении народными судами судебных услуг в рамках строительства Пояса и пути¹¹, и Мнения о предоставлении народными судами судебных услуг и гарантий для строительства нового района Линган пилотной зоны свободной торговли Китая (Шанхай)¹² вновь подчеркнул, что «конкретное место, конкретные арбитражные правила и конкретные лица» являются способом судебной поддержки применения арбитража ad hoc в Китае. Однако следует отметить, что такое правило является слишком принципиальным (Liang, 2022:837–843) и в последние годы на него редко ссылаются как на основание для вынесения судебного решения.

В марте 2017 г. Административный комитет нового района Хэнцинь города Чжухай и Арбитражный комитет Чжухая выпустили Арбитражный регламент ad hoc для пилотной зоны свободной торговли Хэнцинь, который является первым арбитражным регламентом ad hoc в Китае. Регламент не только применим к арбитражным делам ad hoc в пилотной зоне свободной торговли, но и включает в себя сферу применения «арбитража инвестиционных споров между государством и гражданами других государств, инициированное в соответствии с международными договорами об урегулировании инвестиционных споров и внутренним законодательством», а

Corporation и Golden Pigeon Shipping Co. URL: <https://www.pkulaw.com/chl/7ce72e8c94015217bdfb.html> (дата обращения: 03.03.2025).

⁹ Huanong Group and Ping An Insurance (Group) Company of China, Ltd. Zhanjiang Central Sub-branch v. Malaysia International Shipping Corp. Berhad and China RE, Dalian Maritime Court of PRC, (2001) Da Hai Fa Shang Chu No. 252.

¹⁰ Мнения о предоставлении судебных гарантий для развития пилотных зон свободной торговли. URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/f01ea06c5d69b8c6f1fbd3689bec6a.html> (дата обращения: 03.03.2025).

¹¹ Мнения о дальнейшем предоставлении народными судами судебных услуг в рамках строительства Пояса и пути. URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/e42b145854505083e6ba738fb78b71.html> (дата обращения: 03.03.2025).

¹² Мнения о предоставлении народными судами судебных услуг и гарантий для строительства нового района Линган пилотной зоны свободной торговли Китая (Шанхай). URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/523fed527b53ea1d4f4fe73b79b720.html> (дата обращения: 03.03.2025).

также устанавливает метод преобразования решений третейских судов в институциональные арбитражные решения в статье 47¹³. В сентябре того же года Китайский альянс интернет-арбитража выпустил Правила совмещения арбитража *ad hoc* и институционального арбитража¹⁴, чтобы способствовать развитию арбитража *ad hoc* и удовлетворить разнообразные потребности коммерческих субъектов в разрешении споров.

Однако на национальном законодательном уровне статья 16 действующего Закона КНР об арбитраже (ред. от 1. 09. 2017) по-прежнему требует включения в содержание арбитражного соглашения «выбранного арбитражного комитета»¹⁵, что трактуется как косвенный запрет арбитража *ad hoc*, и, таким образом, законодательная база для введения арбитража *ad hoc* в Китае отсутствует.

Период с 2021 г. по настоящее время. В 2021 г. поправки к Закону об арбитраже были официально включены в законодательное планирование Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 13-го созыва и ежегодный план законодательной работы Госсовета КНР. В проекте для публичных комментариев Закона об арбитраже, опубликованном в 2021 г. (далее – проект редакции 2021 г.) и проекте пересмотра Закона об арбитраже, опубликованном в 2024 г. (далее – проект пересмотра 2024 г.), арбитраж *ad hoc* был представлен как концепция «специализированного третейского суда», что вызвало острые дискуссии. Учитывая тот факт, что проект пересмотра 2024 г. был издан не так давно, а результатов исследований по арбитражной оговорке *ad hoc* в нем сравнительно мало, в данной статье приводится только обзор проекта пересмотра 2024 г. и его сравнение с проектом редакции 2021 г.

Действующий Закон КНР об арбитраже Китая предусматривает «двухколейную» арбитражную систему с внутренним арбитражем в качестве общего правила и арбитражем, связанным с иностранным элементом, в качестве специального правила (Jiang, 2024:165–185). То же самое относится и к проекту пересмотра 2024 г., в котором глава VII «Специальные положения об арбитраже, связанном с иностранным элементом», и ст. 79 гласит: «В случае споров, возникающих по морским делам, связанным с иностранным элементом, или споров с иностранным элементом между предприятиями, созданными и зарегистрированными в пилотных зонах свободной торговли, утвержденных Госсоветом, если стороны письменно соглашаются на арбитраж, они могут выбрать проведение арбитража в Китайской Народной Республике арбитражным комитетом или специализированным третейским судом, состоящим из лиц, отвечающих условиям, изложенным в статье 20 настоящего Закона, в соответствии с согласованным арбитражным регламентом. Специализированный третейский суд должен в течение трех рабочих дней после создания суда подать в

¹³ Арбитражный регламент *ad hoc* для пилотной зоны свободной торговли Хэнцзинь. URL: <https://www.zcia.pro/info/693.html> (дата обращения: 03.03.2025).

¹⁴ Правила стыковки арбитража *ad hoc* и институционального арбитража. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/snLjkggt5n1D-rEmrB71A> (дата обращения: 03.03.2025).

¹⁵ Статья 16 действующего Закона КНР об арбитраже предусматривает, что арбитражное соглашение включает в себя арбитражную оговорку, заключенную в договоре, и соглашение об обращении в арбитраж, достигнутое в иных письменных формах до или после возникновения спора. Арбитражное соглашение должно иметь следующее содержание: 1) выражение намерения обратиться в арбитраж; 2) предмет арбитража; 3) выбранный арбитражный комитет. См.: Закон КНР об арбитраже. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2017-09/12/content_2028692.htm (дата обращения: 03.03.2025).

Арбитражную ассоциацию имени сторон, согласованное место, состав специализированного третейского суда и арбитражный регламент». Данную статью можно рассматривать как одобрение арбитража *ad hoc* в Проекте пересмотра, однако она вновь четко ограничена с точки зрения сферы применения и выбора арбитров, что будет рассмотрено далее.

Что касается сферы применения арбитража *ad hoc*, то по сравнению с проектом редакции 2021 г., в котором «специализированный третейский суд» широко применялся к «коммерческим спорам с иностранным элементом»¹⁶, проект пересмотра 2024 г. существенно ограничил сферу применения двумя видами споров, связанных с иностранным элементом: первый – споры по морским делам, связанным с иностранным элементом; второй – споры с иностранными элементами между предприятиями, созданными и зарегистрированными в пилотных зонах свободной торговли, утвержденных Госсоветом. В отношении определения «иностранного элемента» проект пересмотра 2024 г. не дает точного определения, и в настоящее время можно лишь сделать вывод из Толкования Верховного народного суда КНР по некоторым вопросам, касающимся применения закона КНР о праве, применимом к гражданским отношениям, связанным с иностранным элементом (I) о составе критериев «иностранного элемента», при условии, если один из трех элементов правоотношения – субъект, объект и юридический факт – связан с иностранным фактором, то он является «иностранным элементом»¹⁷.

Что касается выбора арбитров в арбитраже *ad hoc*, то проект пересмотра 2024 г. также четко ограничивает квалификацию арбитров, поскольку стороны могут выбирать только тех арбитров, которые отвечают условиям статьи 20 Проекта пересмотра 2024 г.¹⁸ В отличие от этого, положения проекта редакции 2021 г. в большей степени соответствуют международному стандарту, т.е. полностью уважают автономию сторон и требуют, чтобы суд при назначении арбитра принимал во внимание квалификацию арбитра, согласованную сторонами (ст. 92 проекта редакции 2021 г.)¹⁹.

Кроме того, в отношении надзора за арбитражем *ad hoc* положения проекта пересмотра 2024 г. также относительно жесткие, требующие от специализированного третейского суда сообщать информацию о сторонах, месте арбитража, арбитражном регламенте и другую соответствующую информацию в Арбитражную ассоциацию для регистрации в установленный срок после образования специализированного третейского суда. Согласно действующему Закону КНР об арбитраже арбитражная ассоциация является саморегулируемой организацией при арбитражном комитете, которая осуществляет надзор за дисциплинарными действиями арбитражного комитета, его членов и арбитров. Иными словами, арбитраж *ad hoc* в рамках проекта

¹⁶ П. 1 ст. 91 устанавливает, что стороны коммерческого спора с иностранными элементами могут договориться об арбитраже в арбитражном учреждении или непосредственно договориться об арбитраже в специализированном третейском суде. См.: Проект для публичных комментариев Закона об арбитраже, опубликованный 30 июля 2021 г. URL: https://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/lfyjzj/lflfyjzj/202107/t20210730_432967.html (дата обращения: 06.03.2025).

¹⁷ Толкование Верховного народного суда КНР по некоторым вопросам, касающимся применения закона КНР о праве, применимом к гражданским отношениям, связанным с иностранными элементами (I). URL: <https://www.court.gov.cn/shenpan/xiangqing/5275.html> (дата обращения: 06.03.2025).

¹⁸ Проект пересмотра Закона об арбитраже, опубликованный 08 ноября 2024 г. URL: <https://law.wkinfo.com.cn/legislation/detail/MTAxMDA1MjAyMDU> (дата обращения: 06.03.2025).

¹⁹ Проект для публичных комментариев Закона об арбитраже, опубликованный 30 июля 2021 г. URL: https://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/lfyjzj/lflfyjzj/202107/t20210730_432967.html (дата обращения: 06.03.2025).

пересмотра 2024 г., по сути, все равно будет подлежать государственному надзору, даже если его существование и ведение арбитражной деятельности не зависит от арбитражного комитета.

В июле 2022 г. Центральный комитет по всеобъемлющему правовому управлению издал Пилотную программу строительства центров международного коммерческого арбитража²⁰, в рамках которой были развернуты пилотные проекты по строительству центров международного коммерческого арбитража в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Шэньчжэне и провинции Хайнань, а также уточнено, что пилотные проекты будут в основном завершены к 2025 г. С тех пор Китай начал систематически изучать коммерческий арбитраж, связанный с иностранным элементом, в частности арбитраж *ad hoc*. В августе 2023 г. Административный комитет пилотной зоны свободной торговли Сямэнь в провинции Фуцзянь и четыре другие органа совместно выпустили первое в Китае практическое руководство по проведению арбитража *ad hoc* – Руководство по арбитражу *ad hoc* в пилотной зоне свободной торговли Китая (Фуцзянь)²¹, в котором особое внимание уделяется началу процедуры третейского разбирательства в соответствии с Арбитражным регламентом *ad hoc* Китайской ассоциации морского права, вручению документов, порядку создания третейского суда, отводу арбитров и другим ключевым процессуальным вопросам, а также приводится ряд арбитражных документов, на которые стороны могут ссылаться в качестве образцов.

Являясь основной площадкой для развития морского коммерческого арбитража, связанного с иностранными элементами, Шанхай добился инновационного прогресса в создании системы арбитража *ad hoc*. Положение о содействии строительству Шанхайского международного коммерческого арбитражного центра, вступившие в силу в декабре 2023 г., обеспечивают политические гарантии для арбитража *ad hoc*. В статье 20 данного Положения четко указано, что «Шанхай в соответствии с государственным заданием изучает возможность согласования проведения арбитража *ad hoc* в Шанхае в соответствии с конкретными арбитражными правилами и конкретным персоналом в коммерческой и морской сферах с иностранным элементом. Городским арбитражным учреждениям и зарубежным арбитражным структурам рекомендуется оказывать такие услуги, как помощь в организации третейского суда в соответствии с соглашением или просьбой сторон»²². Исходя из этого, в январе 2024 г. Шанхайская международная экономическая и торговая арбитражная комиссия выпустила Руководство по оказанию услуг по содействию арбитражу *ad hoc* в г. Шанхае, которое, в частности, предусматривает, что Руководство может применяться к третейским разбирательствам *ad hoc*, когда стороны не договорились об арбитражном регламенте, но согласились, что арбитражный комитет будет выступать в качестве органа, назначающего арбитров, или оказывать другие услуги по

²⁰ Центральный комитет по всеобъемлющему правовому управлению о Пилотной программе строительства центров международного коммерческого арбитража. URL: <https://www.court.gov.cn/zixun/xiangqing/442451.html> (дата обращения: 06.03.2025).

²¹ Руководство по арбитражу *ad hoc* в пилотной зоне свободной торговли Китая (Фуцзянь). URL: https://swt.fujian.gov.cn/xxgk/jgz/jgcs/zmsyq/zmzhc_tpxw/202309/t20230904_6248787.htm (дата обращения: 06.03.2025).

²² Положение о содействии строительству Шанхайского международного коммерческого арбитражного центра. URL: <https://www.shrd.gov.cn/n8347/n8407/n9710/u1ai262151.html> (дата обращения: 06.03.2025).

содействию арбитражу²³. В том же году муниципальные власти Шанхая издали Арбитражный регламент ad hoc Шанхайской арбитражной ассоциации²⁴ и Меры по продвижению Шанхайского морского арбитража ad hoc по коммерческим вопросам, связанным с иностранным элементом (для пробного применения)²⁵, чтобы способствовать созданию в Шанхае Азиатско-Тихоокеанского арбитражного центра. Эти институциональные инновации были реализованы на практике в первом деле в Китае по применению арбитража ad hoc, связанного с иностранным элементом, в августе 2024 г.²⁶ Местом арбитража ad hoc стал Шанхай и с момента заключения сторонами арбитражного соглашения до вынесения решения прошло всего две недели, что позволило экономично и эффективно разрешить спор и было признано как отечественными, так и иностранными сторонами.

Правовые дилеммы применения арбитража ad hoc в Китае

Термин «арбитраж ad hoc» не прямо используется в нормах китайского законодательства. Поскольку действительность арбитражного соглашения ad hoc не зависит от того, включение в договоры или иные соглашения оговорки о том, что возникающие между сторонами споры будут решаться путем создания третейского суда, и статья 16 действующего Закона КНР об арбитраже предусматривает, что помимо «выражения намерения обратиться в арбитраж» и «предмета арбитража», арбитражное соглашение должно содержать «выбранный арбитражный комитет», и поэтому данная императивная норма была истолкована как косвенный запрет на арбитраж ad hoc. В последние годы Китай начал включать арбитраж ad hoc в процесс пересмотра Закона КНР об арбитраже, и между теоретическими и практическими мнениями ученых по-прежнему существует множество разногласий по поводу того, следует ли исключить «выбранный арбитражный комитет» из статьи 16 Закона. Согласно результатам анкетного опроса, проведенного учеными, 52,94 % отечественных экспертов выступают за сохранение положения о «выбранном арбитражном комитете», а остальные 47,06 % считают, что его следует исключить, причем за сохранение положения выступает большее число сотрудников постоянных действующих арбитражных учреждений и корпоративных юристов, а за его исключение – большее число преподавателей и научных сотрудников и арбитражных юристов (Мао, 2021:110–126).

Поскольку арбитражный сбор является основным источником дохода арбитражных учреждений, для обеспечения баланса между доходами и расходами идеальным решением с точки зрения рассмотрения спора в рамках арбитража является то, чтобы стороны сами выбирали арбитраж. Однако первопричиной разногласий по поводу сохранения или несохранения «выбранного арбитражного комитета» являются

²³ Руководство по оказанию услуг по содействию арбитражу ad hoc в г. Шанхае (Шанхайская международная экономическая и торговая арбитражная комиссия). URL: <https://fgw.sh.gov.cn/ys-syjf-zc-2.2.2/20240408/a896168d82b94bc4b8ffb766e9c9a6e9.html> (дата обращения: 06.03.2025).

²⁴ Арбитражный регламент ad hoc Шанхайской арбитражной ассоциации. URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_28435116 (дата обращения: 06.03.2025).

²⁵ Меры по продвижению Шанхайского морского арбитража ad hoc по коммерческим вопросам, связанным с иностранными элементами (для пробного применения). URL: <https://www.shanghai.gov.cn/ysflfw2/20240807/af5933b8d5b04e8f9ffc134e333e9175.html> (дата обращения: 06.03.2025).

²⁶ Первое дело в Китае по применению арбитража ad hoc, связанное с иностранными элементами. URL: <https://www.shanghai.gov.cn/nw4411/20241230/6399ecf3ef51471bb0c17d154dfc83e5.html> (дата обращения: 06.03.2025).

не арбитражные учреждения, а давнее неверное представление об арбитраже, особенно коммерческом, в Китае. Поскольку фундаментальная природа системы арбитража заключается в том, что она представляет собой механизм разрешения споров, основанный на частных правах сторон (Ilias, 2015:5), а, рассматривая историю развития арбитража в Китае, можно заметить, что целью создания арбитража в Китае является использование арбитража в качестве альтернативного метода разрешения коммерческих споров, когда судебная система не в состоянии этого сделать, и это своего рода «квазисудебная» система, воплощающая в себе публичную власть (Zhang, 2020:103). При таком неправильном понимании институциональный арбитраж, в силу его зависимости от организационной структуры арбитражного комитета, скорее всего, будет известен публичной власти и подвергнется вмешательству с ее стороны. Поэтому, если из арбитражного соглашения будет исключен элемент «выбранного арбитражного комитета», потребуется время и опыт, чтобы постепенно принять его в китайском контексте.

В Проекте пересмотра 2024 г. осуществлена попытка разрешить эти разногласия путем принятия компромиссного решения по «двум направлениям», т.е. во внутреннем арбитраже может быть выбран только институциональный арбитраж в соответствии со статьей 16 действующего Закона КНР об арбитраже, а в арбитраже, связанном с иностранным элементом, сторонам разрешается проводить арбитраж *ad hoc* путем назначения квалифицированных арбитров для создания третейского суда вместо выбора арбитражного комитета.

Стоит отметить, что в проекте редакции 2021 г. существенно пересмотрена действительность арбитражного соглашения путем исключения содержания «согласования предмета арбитража» и «выбора арбитражного комитета», чтобы обеспечить действительность арбитражного соглашения в максимально возможной степени и отразить уважение к автономии воли сторон. Однако проект пересмотра 2024 г. отклонил поправку 2021 г. и сохранил положения статьи 16 действующего Закона КНР об арбитраже: «арбитражное соглашение должно быть заключено в письменной форме, в нем должно быть выражено согласие на арбитраж, согласован предмет арбитража и выбран арбитражный комитет (статьи 29 и 30 проекта пересмотра 2024 года)»²⁷. Это означает, что проект пересмотра 2024 г. не оставляет возможности для полной легализации арбитража *ad hoc*.

Недостатки в методе выбора и назначения арбитров *ad hoc*. Арбитры являются ключевым фактором, определяющим успех арбитражного разбирательства. Правильный выбор арбитров влияет на беспрепятственное проведение всей арбитражной процедуры и вынесение справедливого и качественного арбитражного решения (Du & Li, 2020: =39–59). Поскольку арбитраж – это механизм разрешения споров, порожденный частными правами, качество третейского суда, состоящего из избранных арбитров, может в свою очередь оказать негативное влияние на доверие сторон к арбитражу (Li, 2020:155). В арбитраже *ad hoc*, в связи с ослаблением роли постоянного арбитражного учреждения, арбитры играют решающую роль в контроле за ходом третейского разбирательства.

В настоящее время, большинство стран международного сообщества в вопросе квалификации и выбора арбитров полностью уважают волю сторон и даже устанавливают в законодательстве только дееспособность арбитра. Напротив, китайские

²⁷ Проект пересмотра Закона об арбитраже, опубликованный 08 ноября 2024 г. URL: <https://law.wkinfo.com.cn/legislation/detail/MTAxMDA1MjAyMDU> (дата обращения: 06.03.2025).

требования для арбитров кажутся чрезвычайно суровыми, и есть признаки их дальнейшего ужесточения²⁸, и на основании ст. 13 действующего Закона КНР об арбитраже ст. 20 проекта пересмотра 2024 г. добавила положение об условиях увольнения арбитра: если арбитры больше не имеют права занимать должность, например, те, кто был уволен с государственной службы, у кого была отозвана лицензия на занятие юридической практикой или те, кто был лишен высоких званий. Круг арбитров, доступных для выбора в арбитраже *ad hoc*, также ограничен теми, кто отвечает требованиям ст. 20 проекта пересмотра 2024 г., что приводит к сокращению числа лиц, доступных для выбора сторонами, что значительно снижает автономию воли сторон в арбитражной деятельности. Кроме этого, ст. 5 Мер по продвижению Шанхайского морского арбитража *ad hoc* по коммерческим вопросам, связанным с иностранными элементами (для пробного применения), изданных Шанхайским муниципальным бюро юстиции, также ограничивает круг арбитров, которые могут быть выбраны при арбитраже *ad hoc*, позволяя сторонам: «1) выбрать из реестра арбитров арбитража *ad hoc*, публично опубликованного Шанхайской арбитражной ассоциацией; 2) выбрать из реестра арбитров арбитражных учреждений, зарегистрированных в соответствии с законами в городе Шанхай, и деловых учреждений, созданных известными арбитражными учреждениями и учреждениями по разрешению споров за рубежом (далее – зарубежные арбитражные деловые учреждения); 3) согласиться с тем, что арбитражные учреждения, зарегистрированные в соответствии с законами в городе Шанхай, являются зарубежными арбитражными деловыми учреждениями, или обратиться за помощью к Шанхайской арбитражной ассоциации для назначения лица, отвечающего условиям, предусмотренным Законом КНР об арбитраже, в качестве арбитра в арбитражном деле *ad hoc*»²⁹. Согласно Арбитражному регламенту *ad hoc* Шанхайской арбитражной ассоциации стороны также могут выбирать лишь из реестра рекомендованных арбитров для арбитража *ad hoc*, предоставленного Ассоциацией, или из реестра арбитров компетентного арбитражного учреждения, и арбитр также должен соответствовать квалификации арбитра, предусмотренной Законом КНР об арбитраже, и Шанхайская арбитражная ассоциация может признать квалификацию арбитра для арбитража *ad hoc*, а также рассматривать возражения против квалификации арбитров, выдвинутые сторонами³⁰. Можно сказать, что в настоящее время в китайской системе арбитражного

²⁸ Статья 13 действующего Закона КНР об арбитраже предусматривает, что Арбитражный комитет назначает арбитров из числа добросовестных лиц. Арбитры должны соответствовать одному из следующих условий: 1) получившие профессиональную юридическую квалификацию в результате сдачи государственного единого квалификационного экзамена по юридической профессии и занимающиеся арбитражной деятельностью в течение восьми лет; 2) имеющие восьмилетний стаж работы в качестве адвоката; 3) проработавшие в должности судьи в течение восьми лет; 4) те, кто занимается юридическими исследованиями и преподаванием и имеет высокое звание; 5) лица, обладающие юридическими знаниями, занимающиеся экономической и торговой или иной профессиональной деятельностью и имеющие высокое звание или эквивалентный уровень профессионализма. Арбитражный комитет формирует реестр арбитров в соответствии с различными специальностями. См.: Закон КНР об арбитраже. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2017-09/12/content_2028692.htm (дата обращения: 06.03.2025).

²⁹ Меры по продвижению Шанхайского морского арбитража *ad hoc* по коммерческим вопросам, связанным с иностранными элементами (для пробного применения), изданные Шанхайским муниципальным бюро юстиции. URL: <https://www.shanghai.gov.cn/nw12344/20240624/04035dcc4f3b4cb38ad2bdbc22d0c4e5.html> (дата обращения: 06.03.2025).

³⁰ Арбитражный регламент *ad hoc* Шанхайской арбитражной ассоциации. URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_28435116 (дата обращения: 06.03.2025).

права выбор арбитров в основном зависит от арбитражного комитета, представленного в реестре арбитров, а не от воли сторон.

В долгосрочной перспективе система реестров арбитров будет препятствовать развитию коммерческого арбитража в Китае. Во-первых, в силу узкоспециализированного характера арбитража обязательное применение системы реестров арбитров не позволит сторонам выбрать не входящих в реестр арбитров, которые лучше разбираются в конкретной отрасли и обладают более выдающимися навыками. Кроме того, если стороны не будут единогласно выбирать арбитров, обеим сторонам будет сложно достичь «взаимовыгодного» результата в урегулировании спора (Chen, 2022:43–76). Во-вторых, из-за запаздывающего характера закона Закон КНР об арбитраже не учитывал открытие рынка международного арбитража, когда он только был принят. В настоящее время, когда Китай приобретает более высокую важность на международной арене, а трансграничная коммерческая деятельность становится все более распространенной, китайские предприятия остро нуждаются в арбитражах, способных разрешать международные споры, которые возникают в связи с экономической деятельностью за рубежом. Однако императивная норма о реестре арбитров исключает возможность формирования третейских судов арбитрами, не входящими в реестр, что ограничивает право сторон на самостоятельный выбор и не позволяет Китаю приглашать к участию в делах международных арбитров с отличными профессиональными навыками, что не способствует созданию китайского центра международного коммерческого арбитража (Tang, 2020:49–58).

Перспективы внедрения арбитража ad hoc в законодательство Китая

В ходе пересмотра Закона КНР об арбитраже в последние годы нетрудно обнаружить, что Китай стремится содействовать дальнейшей интернационализации арбитражной системы. Однако в процессе устранения пробелов в системе арбитража ad hoc необходимо избегать прямого применения опыта других стран и копирования текстов статей. Важно следовать тенденции развития арбитражного права, учитывать национальные особенности Китая, изучать роль арбитража ad hoc в продвижении автономии воли сторон и эффективность процедур (Shen & Lu, 2024:125–131). Исходя из этого, авторы данной статьи предлагают следующие усовершенствования законодательства:

Уточнение составных элементов арбитражного соглашения ad hoc. Действующее арбитражное соглашение является краеугольным камнем для успешного начала арбитражного процесса и гарантирует, что арбитражное решение не будет подвергнуто сомнению. Поэтому в процессе пересмотра Закона КНР об арбитраже следует уделить внимание дальнейшему уточнению критериев определения действительности арбитражного соглашения, чтобы обеспечить эффективное продвижение арбитражного разбирательства и эффективное исполнение арбитражных решений. Что касается ст. 24 проекта пересмотра 2024 г., то, по крайней мере, следует исключить элемент «выбранный арбитражный комитет», чтобы действительность арбитражного соглашения ad hoc могла быть гарантирована при отсутствии соглашения сторон об арбитражном комитете. Что касается ст. 26 проекта пересмотра 2024 г.³¹, то можно рассмотреть возможность добавления положения о

³¹ Статья 26 Проекта пересмотра Закона об арбитраже, опубликованного 8 ноября 2024 г., устанавливает, что если в арбитражном соглашении не согласован вопрос об предмете арбитража или арбитражном комитете или если соглашение неясно, стороны могут заключить дополнительное

том, что сторонам разрешается заключать дополнительное соглашение об «избранных арбитрах», т.е. изменить статью следующим образом: «если в арбитражном соглашении не согласован вопрос об предмете арбитража, избранных арбитрах или арбитражном комитете или если соглашение неясно, стороны могут заключить дополнительное соглашение; а если дополнительное соглашение не достигнуто, арбитражное соглашение является недействительным». Благодаря вышеуказанным изменениям и дополнениям сторонам может быть предоставлено право выбора между институциональным арбитражем и арбитражем *ad hoc*, благодаря чему автономия воли сторон полностью учитывается.

В настоящее время наблюдается тенденция, что китайские суды признают действительность арбитражных соглашений, в которых не согласован арбитражный комитет или название согласованного арбитражного учреждения неточно. В деле 2017 г. по иску компании China Light Industry Sanlian International Trade Co., Ltd. о подтверждении действительности арбитражного соглашения Четвертый промежуточный народный суд г. Пекина постановил следующее: согласно содержанию Нью-Йоркской конвенции, тенденциям развития международного коммерческого арбитража и соответствующим положениям судебных толкований Китая требования к действительности арбитражного соглашения должны быть смягчены, чтобы максимально увеличить действительность арбитражного соглашения, что не только способствует уважению намерения сторон выбрать арбитраж в качестве средства разрешения споров, но и способствует поощрению и поддержке развития арбитража, а также созданию благоприятной среды для международного коммерческого арбитража в условиях верховенства права³². В деле RK Global Ltd. против Shanghai Linxin Trading Co. Ltd., 2021 г. стороны лишь договорились в основном договоре о «передаче споров в арбитраж тремя арбитрам в Цюрихе, Швейцарии». Народный суд нового района Пудун в Шанхае постановил, что стороны договорились только о методе выбора арбитров, но не согласовали конкретное арбитражное учреждение и арбитражный регламент, что представляет собой арбитраж *ad hoc*, и постановил, что иск истца должен быть отклонен³³. Суд второй инстанции, Первый промежуточный народный суд Шанхая, оставил в силе первоначальное решение.

17 марта 2025 г. Шанхайский морской суд завершил рассмотрение спора по заявлению о подтверждении действительности арбитражного соглашения *ad hoc*³⁴. Это дело стало первым делом подтверждения действительности арбитражного соглашения *ad hoc*, принятого шанхайским судом с момента введения в действие Положения о содействии строительству Шанхайского международного коммерческого арбитражного центра, вступившего в силу в декабре 2023 г. В данном деле два предприятия, зарегистрированные в Китайской (Шанхайской) пилотной зоне сво-

соглашение; если дополнительное соглашение не достигнуто, арбитражное соглашение является недействительным. См.: Проект пересмотра Закона об арбитраже, опубликованный 8 ноября 2024 г. URL: <https://law.wkinfo.com.cn/legislation/detail/MTAxMDA1MjAyMDU> (дата обращения: 09.03.2025).

³² Дело Четвертого промежуточного народного суда г. Пекина (2017) № 26 京04 民特.

³³ Сборник типичных коммерческих дел с участием предприятий с иностранными инвестициями (с августа 2021 г. по июль 2022 г.) от Народного суда нового района Пудун в Шанхае. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/7mmqTo7oIyK0X5MT2KC34g> (дата обращения: 09.03.2025).

³⁴ 17 марта 2025 года Шанхайский морской суд завершил рассмотрение спора по заявлению о подтверждении действительности арбитражного соглашения *ad hoc*. URL: <https://www.jfdaily.com.cn/statics/res/html/web/newsDetail.html?id=877015> (дата обращения: 09.03.2025).

бодной торговли, оспаривали действительность арбитражного соглашения *ad hoc*, заключенного сторонами. Дело было передано в Шанхайский морской суд. Одна из сторон утверждала, что стороны определили только место арбитража, арбитражный регламент и количество арбитров, но не определили персонал, что не соответствует требованию арбитража установить «конкретных лиц» и не может рассматриваться как действительное арбитражное соглашение. В этой связи суд, прежде всего, сделал вывод на основе формулировки оговорки, что стороны четко и единогласно выразили свое желание разрешить спор посредством «арбитража *ad hoc*». Что касается определения конкретных лиц, если в соглашении «согласован метод выбора арбитров, правила или учреждение для назначения арбитров, возможность определения конкретных арбитров, то его следует рассматривать как соглашение о «конкретных лицах», и, таким образом, данное арбитражное соглашение *ad hoc* было признано действительным.

Регулирование обязанности раскрытия информации арбитров. Отсутствие конфликта интересов между арбитром и рассматриваемым им делом является самым основным требованием для обеспечения справедливости и беспристрастности арбитражного процесса, а также авторитетности и надежности арбитражного решения. Для выполнения этого требования информация, которая может повлиять на независимость и беспристрастность арбитров, должна раскрываться своевременно и точно, поэтому необходимо создать совершенную систему раскрытия информации арбитров. Что касается экстерриториальной ситуации, то арбитражное законодательство большинства стран установило систему раскрытия информации арбитров. Однако в настоящее время китайское арбитражное законодательство еще не содержит положений о раскрытии информации об арбитрах, а лишь предусматривает процедуру отвода арбитра, а положения о «раскрытии информации» чаще всего встречаются в регламентах арбитражных учреждений. Например, согласно п. 1. ст. 28 если арбитр имеет какие-либо иные отношения со стороной по делу или ее представителем, которые могут повлиять на беспристрастность решения, он должен сообщить об этом Арбитражному комитету и подать заявление об отводе по собственной инициативе, а сторона также имеет право подать заявление об отводе³⁵. В решении промежуточного народного суда г. Вэньчжоу по делу China Communications First Highway Engineering Bureau Co., Ltd., ходатайствующей об отмене арбитражного решения, суд постановил, что арбитр по данному делу не в полной мере выполнил обязанность по раскрытию информации в соответствии с Арбитражным регламентом, что в определенной степени повлияло на реализацию права сторон на отвод от арбитража, относилось к обстоятельствам, которые могут повлиять на беспристрастность арбитражного решения, и поэтому арбитражное решение было отменено на основании того, что «состав третейского суда или процедуры третейского разбирательства были нарушены установленным законом порядком³⁶. Решение точно определило обязанности арбитров по раскрытию информации в соответствии с арбитражным регламентом и обеспечило справедливость арбитражного разбирательства.

По мнению авторов, ключом к совершенствованию системы раскрытия информации об арбитрах является учет передового международного опыта. Например,

³⁵ Арбитражный регламент Арбитражного комитета Вэньчжоу. URL: <https://acwz.org.cn/#/guide/detail?index=0> (дата обращения: 09.03.2025).

³⁶ Дело промежуточного народного суда г. Вэньчжоу (2018) № 63浙03民特. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/qwhXQeu2iJGo2werq-aN5g> (дата обращения: 09.03.2025).

Верховный суд Франции в 2015 г. в деле *SA Auto Guadeloupe Investissements v Columbus Acquisitions Inc et al*³⁷ разъяснил важность независимости и беспристрастности арбитра и определил сферу раскрытия информации арбитром, включив в нее: 1) прямые отношения между арбитром, его коллегами и/или юридической фирмой, в которой он работает, и стороной или лицом/организацией, связанными со стороной; 2) информацию, которая является общедоступной и легкодоступной для сторон; и 3) любую другую информацию, которая может вызвать у сторон обоснованные сомнения в независимости или беспристрастности арбитра.

Умеренное ослабление влияния реестра арбитров. Как уже упоминалось выше, в контексте все более сложной экономической деятельности, связанной с иностранным элементом, для рассмотрения споров требуются арбитры с хорошими навыками ведения международных споров и обязанность выбирать из реестра арбитров является ограничением для сторон. В частности, продвижение процедур арбитража *ad hoc* обычно основывается на глубоком уважении к автономии воли сторон (Dai, 2023:40–54). Если реестр арбитров используется в качестве рамок для ограничения сторон в выборе арбитров *ad hoc*, это фактически ограничивает свободу воли сторон, что противоречит первоначальному замыслу системы арбитража *ad hoc* (Wu, 2022:104–112). Поэтому, по мнению авторов настоящей статьи, в системе арбитража *ad hoc* следует умеренно развязать отношения между арбитрами и арбитражными комитетами, а также ослабить влияние реестра арбитров в процессе выбора арбитров сторонами. На законодательном уровне следует изменить формулировку «реестр арбитров» на «реестр рекомендованных арбитров», чтобы реестр с семантической точки зрения и с точки зрения правовых норм играл лишь рекомендательную роль в процессе отбора арбитров *ad hoc*. Кроме того, можно сослаться на соответствующие положения арбитражных регламентов других арбитражных институтов. Например, ст. 30 Арбитражного регламента Чжухайского международного арбитражного института (ред. от 01.03.2023 г.), в которой предоставляется право сторонам выбирать в качестве арбитров лиц, не входящих в реестр арбитров Института, если стороны подают заявление, указывают свои причины и представляют подтверждающие материалы³⁸.

Ориентация на международный опыт. В настоящее время арбитраж *ad hoc* достиг значительного развития в международном сообществе и признан повсеместно. Например, п. 2 ст. 1 Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) устанавливает, что термин «арбитражные решения» включает не только арбитражные решения, вынесенные арбитрами, назначенными по каждому отдельному делу, но также и арбитражные решения, вынесенные постоянными арбитражными органами, к которым стороны обратились³⁹. В 1985 г. Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) разработала Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration), чтобы предоставить государствам-членам единые правовые рамки в отношении

³⁷ Cass Civ 1, *SA Auto Guadeloupe Investissements v Columbus Acquisitions Inc et al*, 14/26279, December, 16. 2015.

³⁸ Арбитражный регламент Чжухайского международного арбитражного института. URL: <https://zcia.pro/info/7430.html> (дата обращения: 09.03.2025).

³⁹ Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.). URL: <https://base.garant.ru/10164637/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 09.03.2025).

международного коммерческого арбитража. В частности, в статье 2 (а) Типового закона ЮНСИТРАЛ прямо указано, что «арбитраж» означает любой арбитраж, независимо от того, осуществляется ли он постоянным арбитражным учреждением или нет⁴⁰. Принятие Типовым законом концепции арбитража ad hoc способствовало дальнейшему распространению и стандартизации данного вида арбитража в глобальном масштабе. Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (UNCITRAL Arbitration Rules), разработанный Комиссией ООН по праву международной торговли, также предусматривает совокупность процессуальных норм, в отношении которых стороны могут прийти к соглашению для проведения арбитражного разбирательства, связанного с их коммерческими отношениями, и широко используется в ходе как специального арбитража, так и арбитражного разбирательства, проводимого под эгидой какого-либо учреждения⁴¹. Согласно результатам исследования «2021 International Arbitration Survey: Adapting arbitration to a changing world», опубликованного Университетом королевы Марии в Лондоне в 2021 г., доля выбора Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ сторонами в качестве регламента для арбитража ad hoc за последние пять лет достигает 76 %. Примечательно, что на втором месте по частоте выбора в этом исследовании оказались национальные арбитражные законы различных стран. Хотя исследование не конкретизирует, законы каких именно стран выбирались, другое исследование указывает, что пятью наиболее популярными среди участников арбитражными местами (местами проведения арбитража), признающими арбитраж ad hoc, являются Лондон, Сингапур, Гонконг (Китай), Париж и Женева⁴². Таким образом, юрисдикции (арбитражные места), в которых уже создана относительно зрелая система арбитража ad hoc, как правило, обладают большей конкурентоспособностью в привлечении международных коммерческих арбитражей и пользуются большим доверием и предпочтением сторон. Китай мог бы извлечь уроки из вышеупомянутых международных нормативных правовых актов для совершенствования своего национального законодательства.

Учет последних тенденций в развитии национальных арбитражных правил

Китайская международная торгово-экономическая арбитражная комиссия (CIETAC), старейшее коммерческое арбитражное учреждение Китая, укрепила свою международную конкурентоспособность посредством систематизации нормативной базы в новой редакции Арбитражного регламента CIETAC, вступившего в силу 1 января 2024 г.⁴³. Новый Арбитражный регламент CIETAC закрепил принцип

⁴⁰ Art. 2(a) of UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration provides that “arbitration means any arbitration whether or not administered by a permanent arbitral institution.” URL: https://uncitral.un.org/en/texts/arbitration/modellaw/commercial_arbitration (accessed: 09.03.2025).

⁴¹ Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ. URL: <https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/contractualtexts/arbitration> (дата обращения: 09.03.2025).

⁴² According to “2021 International Arbitration Survey: Adapting arbitration to a changing world” published by Queen Mary University of London, UAR (76%), National arbitration laws (28%), and Bespoke regimes agreed by the parties (26%) were the most-used procedural regimes in ad hoc arbitration over the past five years; London (54%), Singapore (54%), Hong Kong (50%), Paris (35%) and Geneva (13%) are the most preferred seats. See Queen Mary University of London, “2021 International Arbitration Survey: Adapting arbitration to a changing world”. URL: https://www.qmul.ac.uk/arbitration/media/arbitration/docs/LON0320037-QMUL-International-Arbitration-Survey-2021_19_WEB.pdf.

⁴³ China International Economic and Trade Arbitration Commission (CIETAC) Arbitration Rules. URL: <https://www.cietac.org/en/articles/32216> (дата обращения: 09.03.2025).

«компетенции – компетенции», оказал сторонам возможность обращаться в зарубежные суды за обеспечительными мерами и создал новые каналы для трансграничного исполнения. В сфере арбитража *ad hoc* механизм предоставления временного арбитража впервые был упомянут в Арбитражном регламенте СІЕТАС⁴⁴ и представляет собой образец для системы арбитража *ad hoc*. Данный механизм также предусмотрен в проекте пересмотра Закона об арбитраже, который пока еще не вступил в силу. Кроме того, новый Арбитражный регламент СІЕТАС в соответствии с новыми правилами продвигает широкое применение цифровизации в арбитражных процедурах, повышает автономность, гибкость, справедливость, эффективность и прозрачность арбитражного процесса. Например, при подаче арбитражных документов приоритет отдается электронным способам, таким как электронная почта, информационные системы хранения данных, при этом в случае расхождений между электронной и бумажной версией документа за основу будет считаться электронная версия⁴⁵. В будущем можно будет разработать интеллектуальные арбитражные платформы, интегрирующие функции онлайн-регистрации дел, электронного обмена доказательствами, дистанционного арбитража и т.д., что одновременно повысит эффективность арбитража *ad hoc* и укрепит защиту данных и конфиденциальности, способствуя цифровизации и интеллектуализации всего арбитражного процесса.

Заключение

Арбитражные стороны выбирают арбитраж *ad hoc* благодаря его гибкости и эффективности, и он особенно широко используется в других странах международного сообщества. В рамках усилий Китая по созданию международного арбитражного центра внедрение арбитража *ad hoc* может помочь привлечь выдающихся международных арбитров и повысить международную конкурентоспособность китайских арбитражных институтов. В то же время арбитраж *ad hoc*, являясь частью диверсифицированного механизма разрешения споров, может эффективно снизить количество судебных разбирательств и обеспечить более эффективный и удобный способ разрешения коммерческих споров. В будущем при пересмотре Закона КНР об арбитраже законодатели должны еще больше оптимизировать структуру соответствующей системы, скоординировать существующие положения об институциональном арбитраже с арбитражем *ad hoc* и сформулировать систему арбитража *ad hoc* в соответствии с национальными особенностями Китая, чтобы способствовать дальнейшему развитию арбитража.

References / Список литературы

Bantekas, I. (2015) *An Introduction to International Arbitration*. Cambridge, Cambridge University Press.

⁴⁴ Ст. 2 (7) Арбитражного регламента СІЕТАС устанавливает, что арбитражная комиссия может предоставлять административные и вспомогательные услуги для временного арбитража в соответствии с соглашением и запросом сторон, включая, но не ограничиваясь этим, предоставление консультационных и руководящих услуг по применимым арбитражным правилам, назначение арбитров / принятие решений по вопросам отвода, предоставление судебных услуг, рассмотрение проектов арбитражных решений и управление вознаграждением арбитра от имени арбитражных служб, за исключением тех случаев, когда соглашение сторон не может быть реализовано или вступает в противоречие с обязательными положениями применимого права об третейском разбирательстве.

⁴⁵ См.: Статьи 8(1), 8(2), 21(1), 21(2) Арбитражного регламента СІЕТАС.

- Born, G. (2020) *International Commercial Arbitration (3rd edition)*. The Netherlands, Kluwer Law International Publ.
- Chen, L. (2022) A Castle in the Air from Autonomy to Heteronomy: On the Illusion of Party Autonomy in the Joint Selection of Arbitrators. *Beijing Arbitration Quarterly*. (4), 43–76. (in Chinese).
陈令祚. 从“自治”归于“他治”的空中楼阁--论当事人共同选定仲裁员制度中的意思自治 // 北京仲裁. 2022. № 4. C. 43–76.
- Dai, Y. (2023) Establishing Ad Hoc Arbitration in China under the Revised Arbitration Law: Challenges and Responses to the Dual-Track System. *Commercial Arbitration & Mediation*. (6), 40–54. (in Chinese).
戴宇倩. 《仲裁法》修订下我国临时仲裁的构建: 以临时仲裁“双轨制”面临的挑战及应对为例 // 商事仲裁与调解. 2023. № 6. C. 40–54.
- Du, H. & Li, X. (2020) The Predicaments and Solutions of the Selections of Arbitrators: From the Perspective of the Legal Relationship between the Arbitrators and the Parties to Arbitration. *Wuhan University International Law Review*. (2), 39–59. (in Chinese).
杜焕芳, 李贤森. 仲裁员选任困境与解决路径--仲裁员与当事人法律关系的视角 // 武大国际法评论. 2020. № 2. C. 39–59.
- Huang, S. (2012) On the Importance of Establishing Ad Hoc Arbitration System in China. *Lanzhou Academic Journal*. (1), 201–203. (in Chinese).
黄思怡. 论在我国建立临时仲裁制度的重要性 // 兰州学刊. 2012. № 1. C. 201–203.
- Jiang, L. (2024) Major Controversial Issues in the Revision of the Arbitration Law and Theoretical Origins. *China Law Review*. (3) 165–185. (in Chinese).
姜丽丽. 《仲裁法》修订重大争议问题及其理论溯 // 中国法律评论. 2024. № 3. C. 165–185.
- Li, G. (2020) *International Commercial Arbitration*. Beijing: China University of Political Science and Law Press. (in Chinese).
李光国. 国际商事仲裁. 北京: 中国政法大学出版社2020年版.
- Liang, Yu. (2022) Research on the Current Situation and Future Development Path of China's Ad Hoc Arbitration System. *Dispute Settlement*. (4), 837–843. (in Chinese).
<https://www.doi.org/10.12677/ds.2022.84113> EDN: TVAWE
梁雨. 我国临时仲裁制度现状及未来发展路径探究 // 争议解决. 2022. № 4. C. 837–843.
<https://www.doi.org/10.12677/ds.2022.84113> EDN: TVAWE
- Liu, M. (2005) A Call for Prudent Implementation of Ad Hoc Arbitration. *Beijing Arbitration Quarterly*. (1), 8–12. (in Chinese).
刘茂亮. 临时仲裁应当缓行 // 北京仲裁. 2005. № 1. C. 8–12.
- Mao, X. (2021) Revision of Arbitration Law from the Perspective of Empirical Legal Research: Consensus and Differences. *Chinese Review of International Law*. (6), 110–126. (in Chinese).
毛晓飞. 法律实证研究视角下的仲裁法修订: 共识与差异 // 国际法研究. 2021. № 6. C. 110–126.
- Shen, W. & Lu, X. (2024) How to Make Arbitration Law More International – Investigating the Key Provisions in the Revised Arbitration Law. *Journal of Hunan University (Social Sciences)*. (3), 125–131. (in Chinese).
沈伟, 芦心玥. 《仲裁法》如何更加国际化--基于《仲裁法(修订)(征求意见稿)》主要条款的考察 // 湖南大学学报(社会科学版). 2024. № 3. C. 125–131.

- Tang, X. (2020) The Dilemmas and Solutions of the Application of Ad hoc Arbitration System in China's Free Trade Zones. *Journal of International Economic Law*. (4), 49–58. (in Chinese).
汤霞. 临时仲裁制度在我国自贸区适用的困境与纾解 // 国际经济法学刊. 2020. № 4. С. 49–58.
- Wu, A. (2022) On the Systematic Theory of Introducing the Ad Hoc Arbitration System into the Arbitration Law. *Social Scientist*. (4), 104–112. (in Chinese).
毋爱斌. 《仲裁法》引入临时仲裁制度体系论 // 社会科学家. 2022. № 4. С. 104–112.
- Zhang, T. (2020) Misinterpretation of the Nature of Commercial Arbitration in China's Legal System – Start from ad hoc arbitration. *Northern Legal Science*. (4), 98–110. (in Chinese).
张铁铁. 我国法律制度对商事仲裁性质的误解--从临时仲裁谈起 // 北方法学. 2020. № 4. С. 98–110.

Сведения об авторах:

Ду Тао – доктор юридических наук, профессор, декан Международного-правового факультета, Восточно-Китайский университет политических наук и права; Китайская Народная Республика, 201620, г. Шанхай, район Сунцзян, ул. Лунъюань, 555

ORCID: 0009-0003-7213-7954

e-mail: 18964606902@126.com

Чжао Чэньтин – аспирант, Международно-правовой факультет, Восточно-Китайский университет политических наук и права; Китайская Народная Республика, 201620, г. Шанхай, район Сунцзян, ул. Лунъюань, 555

ORCID: 0009-0003-3945-4157

e-mail: 2421090057@ecupl.edu.cn

About the authors:

Du Tao – Dr. Sci. in Laws, Full Professor, Dean of the International Law Faculty, East China University of Political Science and Law; 555 Longyuan st., Area Songjiang, Shanghai, 201620, People's Republic of China

ORCID: 0009-0003-7213-7954

e-mail: 18964606902@126.com

Zhao Chenting – Ph.D. candidate, International Law Faculty, East China University of Political Science and Law; 555 Longyuan st., Area Songjiang, Shanghai, 201620, People's Republic of China

ORCID: 0009-0003-3945-4157

e-mail: 2421090057@ecupl.edu.cn

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-733-746>

EDN: ARYCQL

Research Article / Научная статья

Virtual arbitration and mediation in Rwanda and Republic of South Africa: Challenges, opportunities, and implications for African jurisdictions and international cooperation

Ekaterina P. Rusakova^{1,2}, Tatyana A. Chernysheva¹

¹ RUDN University, Moscow, Russian Federation

² Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

✉ rusakova-ep@rudn.ru

Abstract. Digitalization has become a defining factor in the development of economies and societies in the 21st century, and African countries are no exception. Despite significant challenges – including widespread poverty, limited electricity and internet access, and low incomes – many nations have managed to enhance their investment attractiveness while safeguarding the rights and interests of citizens and businesses. This article examines the regulatory frameworks of the Kigali International Arbitration Center and the Arbitration Foundation of South Africa, focusing on procedural aspects of virtual arbitration and mediation. Particular attention is given to the challenges and opportunities for strengthening international cooperation in alternative dispute resolution in Rwanda and the Republic of South Africa. The study employs comparative analysis to assess the development of virtual arbitration and mediation, as well as causal and systemic analysis to identify the main advantages and disadvantages of integrating innovative technologies into alternative dispute resolution mechanisms. Based on dialectical methods, the article proposes directions for further improving digitalization in African countries.

Key words: virtual process, alternative dispute resolution, arbitration, mediation, Africa, Rwanda, South Africa

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: *Rusakova E.P.* – section 1, analysis, conclusion; *Chernysheva T.A.* – introduction, general part, section 2. Both authors reviewed and approved the final version of the article.

Funding. The research was supported by Russian Science Foundation Grant No. 24-28-01022, <https://rscf.ru/project/24-28-01022/>

Received: 01st June 2025

Accepted: 15th July 2025

© Rusakova E.P., Chernysheva T.A., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Rusakova, E.P., Chernysheva, T.A. (2025) Virtual arbitration and mediation in Rwanda and republic of South Africa: Challenges, opportunities, and implications for African jurisdictions and international cooperation. *RUDN Journal of Law*. 29 (3), 733–746. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-733-746>

Особенности и перспективы развития виртуального арбитража и медиации в Руанде и Южно-Африканской Республике: новый фактор развития Африканских юрисдикций и укрепления международного сотрудничества

Е.П. Русакова^{1,2} , Т.А. Чернышева¹

¹ Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

² Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Российская Федерация
 rusakova-ep@rudn.ru

Аннотация. На сегодняшний день процессы цифровизации стали определяющим фактором XXI века в развитии экономики, общества и государств. Страны африканского континента не стали исключением. Несмотря на сдерживающие факторы, одни из которых выражаются в бедности населения, недостаточности электричества, покрытия сети Интернет, низком уровне дохода, многие страны смогли найти путь не только обеспечения привлекательности своих государств для инвестиций, но также гарантировать защиту прав и законных интересов граждан и хозяйствующих субъектов. В статье рассматриваются регламенты Кигалийского международного арбитражного центра и Арбитражного фонда Южной Африки. Анализируются процессуальные аспекты проведения виртуального арбитража и процедуры медиации. Особое внимание уделяется проблемам и возможностям укрепления международного сотрудничества в сфере альтернативного разрешения споров в Руанде и Южно-Африканской Республике. В рамках исследования использовался метод сравнительного анализа, с помощью которого проводилось сопоставление уровня развития виртуального арбитража и медиации, а методы причинно-следственного и системного анализа, позволили выделить основные позитивные и негативные аспекты интегрирования инновационных технологий в механизмы альтернативного разрешения споров. На основании диалектических методов познания процесса цифровизации были сформулированы направления по совершенствованию данного процесса в странах Африки.

Ключевые слова: виртуальный процесс, альтернативное разрешение споров, арбитраж, медиация, Африка, Руанда, ЮАР

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Русакова Е.П. – раздел 1, анализ, заключение; Чернышева Т.А. – введение, общая часть, раздел 2. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Финансирование. Исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 24-28-01022, <https://rscf.ru/project/24-28-01022/>

Поступила в редакцию: 01 июня 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2025 г.

Для цитирования:

Русакова Е.П., Чернышева Т.А. Особенности и перспективы развития виртуального арбитража и медиации в Руанде и Южно-Африканской Республике: новый фактор развития Африканских юрисдикций и укрепления международного сотрудничества // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 3. С. 733–746. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-733-746>

The trajectory of digital development in Africa

The international community today is increasingly focused on digitalization across both public and private sectors. While advanced economies lead in digital development, less developed countries experience delays in adopting these processes. This uneven digital penetration affects the opportunities states provide their citizens. Importantly, digitalization is becoming a key driver of new digital partnerships and increased investment flows for cross-border projects.

African states possess significant economic potential (Ermakova et al., 2020:148). However, economic challenges such as population decline, delayed investments in electricity infrastructure, limited internet coverage, and digital literacy have hindered progress in digital rights and public service delivery.

Despite these challenges, Africa has seen notable advances in multilateral cooperation and investment in innovative business initiatives (Miashchanava, 2022:83). For example:

- MainOne, a Nigerian telecom provider, delivers network solutions across West Africa, while its subsidiary MDX-i offers hybrid cloud services with virtual servers¹.
- Kuda, a Nigerian fintech startup, is developing a digital bank with account opening, debit card, and lending services².
- In Rwanda, Zipline collaborates with the government to use drones for delivering blood and medicine to remote areas³.
- Kenya hosts WaystoCap, a platform⁴ offering cost-effective trading, financing and insurance solutions for African companies.
- The Democratic Republic of Congo is implementing blockchain technology to track the entire cobalt supply chain – from bush mines to end products like smartphones and electric vehicles.

¹ Africa. Business Communities. MainOne investment in West Africa's internet infrastructure reaches \$400 million. URL: [https://africabusinesscommunities.com/tech/tech-news/mainone-investment-in-west-africas-internet-infrastructure-reaches-\\$400-million/](https://africabusinesscommunities.com/tech/tech-news/mainone-investment-in-west-africas-internet-infrastructure-reaches-$400-million/) (date of access: 25.03.2025).

² RBC. Drones with medicines and sberknizhki "in digital": how IT is developing in Africa. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/62beb75b9a79476aa6fc78da> (date of access: 25.03.2025).

³ Red Spring. Medical problems of Rwandans will be solved with the help of drones. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/2a0fb42e> (date of access: 25.03.2025).

⁴ Incubate Africa. Kenya's Sokowatch, Asoko Insight, WaystoCap, TousFacteurs & MaxAB raise funding from Morocco-based Outlierz Ventures. URL: <https://incubateafrica.net/kenyas-sokowatch-asoko-insight-waystocap-tousfacteurs-maxab-raise-funding-from-morocco-based-outlierz-ventures/> (date of access: 25.03.2025).

Integrating digital technologies into dispute resolution mechanisms

To ensure proper legal regulation of the development and implementation of innovative technologies, including artificial intelligence, robotic complexes and autonomous digital algorithms within the judicial system, it is essential to establish a comprehensive regulatory and value framework. We propose that this framework be based on a three-tiered regulatory system:

1. International and regional regulations, which form the foundational legal framework;
2. National legislation and local regulations, which specify general provisions tailored to the specifics of the national legal field;
3. Ethical norms, professional standards and principles, which serve as unwritten rules defining the moral boundaries for the use of digital technologies in the judiciary.

The proposed triad of regulatory frameworks is designed to provide systematic legal support for the digitalization of public relations, establish a reliable methodological foundation for the development of digital jurisprudence, and create common standards for the use of modern technologies in judicial activities. Special attention should be given to developing clear legal definitions and fundamental principles that will underpin the formation of digital legal relations in society and guide the evolution of legal regulation in the digitalization of legal proceedings.

Turning to the legal sector, it is noteworthy that countries such as South Africa, Ghana, Rwanda, and Kenya have developed electronic court document management systems that simplify tracking of applications, complaints, and other documents for lawyers and litigants (Soloviev & Yastrebov, 2024:32). Additionally, South Africa, Nigeria, Egypt, Kenya (Rusakova 2020:20), and Ghana are actively developing legislation on digital evidence and its evaluation by judges (Rusakova & Falkina, 2024:55). *Pro-bono* digital service delivery is also advancing in Uganda (Rusakova & Chernysheva, 2024:618), alongside initiatives such as JSDS Case Management Version 2.0 and the Tanzania Advocates Management System (TAMS), which support training and professional development for Tanzanian advocates and lawyers (Bashilov, 2024:66). To enhance transparency in government contracting, South Africa has launched the HiveOnline project based on blockchain technology⁵.

The global SARS-CoV-2 pandemic (Rusakova & Frolova, 2022:190) acted as a significant catalyst, accelerating the adoption of digital technologies in judicial systems and human rights protection mechanisms across Africa. This led to a marked virtualization of relevant procedures and processes.

For the international community, particularly Russia and the CIS countries, African states have long been priority partners in international relations. Today, several African countries have become strategically important partners for the Russian Federation in navigating political and economic pressures from unfriendly states. This has spurred increased international projects in education, digital services⁶, geological exploration (e.g., the Luashe project for developing the Luele diamond pipe near the Katoka deposit with

⁵ Red Social Innovation. Hiveonline – a start-up that facilitates access to micro-credit for African farmers. URL: <https://red-social-innovation.com/en/solution/hiveonline-start-up-facilitates-access-microcredit-african-farmers/> (date of access: 25.03.2025).

⁶ World Bank Group. From Connectivity to Services: Digital Transformation in Africa. URL: <https://www.worldbank.org/en/results/2023/06/26/from-connectivity-to-services-digital-transformation-in-africa> (date of access: 25.03.2025).

estimated reserves of 350 million carats), offshore projects of Chevron and Lukoil in Nigeria, manganese ore mining in South Africa, and more.

Undoubtedly, the improvement of the investment climate in African countries has led to an increase in litigation among major companies, including those with state participation. It is important to note that African jurisdictions are becoming not only attractive for Russian businesses but also economically necessary⁷ (Ermakova et al., 2020:150). For example, following the imposition of unilateral restrictive measures against the Russian Federation, several Russian TV channels faced blocking of their media content. The estimated damages amounted to \$20 decillion, prompting these channels to file claims against Google, the parent company of YouTube⁸.

Since recovering such funds from Google within the Russian Federation is impossible, the jurisdiction of the Republic of South Africa was chosen, as it is not listed among the “unfriendly” states. Therefore, there is a high probability that a judgment by Russian courts could be enforced in South Africa (Begichev, 2024:425). It is also worth noting the active development of economic relations within BRICS, of which South Africa is a full member (Berman, 2022:40).

Meanwhile, Rwanda’s GDP has grown over the last twenty years from \$1.7 billion to \$13.3 billion, with an economic growth rate of 8%. Given Rwanda’s expanding international partnerships, exploring alternative dispute resolution mechanisms in a virtual format appears necessary to enable large international investors to protect their interests effectively.

Rwanda: Kigali International Arbitration Center (KIAC)

The Kigali International Arbitration Center (KIAC) has been the sole institution in Rwanda supporting the development of alternative dispute resolution mechanisms since 2012. While promoting international arbitration in the region, KIAC also offers mediation services and provides administrative and technical assistance for ad hoc arbitration upon parties’ request. Mediation at KIAC is conducted under the KIAC Mediation Rules (2015)⁹, and international arbitration is governed by the 2012 KIAC Rules¹⁰ (hereinafter referred to as the KIAC Regulations).

KIAC is recognized as one of Africa’s leading arbitration centers, partly due to the strong statutory grounds for setting aside arbitral awards under Law No. 005/2008 on Arbitration and Conciliation in Commercial Matters. These grounds have been consistently upheld by Rwandan courts in challenges to KIAC arbitral awards.

For instance, in May 2021, Rwandan Courts confirmed an arbitral award by rejecting the Rwandan Tax Authority’s challenge. The Tax Authority claimed its right to defense was violated when its request to summon witnesses was denied. However, the court ruled it lacked jurisdiction to review the award on the merits and noted the request was submitted

⁷ Ermakova, E. P., Inshakova, E., Frolova, E. E., Shakirov S. S. (2020). Supporting inclusive growth and sustainable development in Africa: Sustainability in Infrastructure Development. Vol. 1, 147–161.

⁸ Forbes. Why Russian channels are suing Google in South Africa and whether they will be able to recover undecillions. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/524230-pocemu-rossijskie-kanaly-sudatsa-s-google-v-uar-udatsa-li-im-vzyskat-undecilliony?ysclid=m8rcbhgc2653500213> (date of access: 25.03.2025).

⁹ Kigali International Arbitration Center. Arbitration rules. URL: <https://kiac.org.rw/rules-and-law/arbitration-rules/> (date of access: 25.03.2025).

¹⁰ Kigali International Arbitration Centre. Arbitration rules. URL: <https://kiac.org.rw/rules-and-law/arbitration-rules/> (date of access: 25.03.2025).

six months after the evidentiary deadline, justifying its rejection. Such support reinforces confidence in arbitration as an effective dispute resolution mechanism¹¹.

Notably, Article 28(1) of the KIAC Rules imposes an imperative obligation on both the arbitral tribunal and parties to ensure proceedings are optimized in terms of time and resources, considering the case's complexity and its socio-economic significance. This provision embodies the principle of procedural economy, a cornerstone of modern arbitration practice.

Paragraph 4 of Article 28 of the KIAC Rules mandates an in-person preliminary meeting immediately after the arbitral tribunal's formation. This measure aims to minimize procedural default risks and establish a unified process trajectory, thereby avoiding delays and strengthening procedural discipline.

In accordance with Article 23(2) of the Rules, the arbitral tribunal has discretionary power to determine the geographical location of the hearing, underscoring the flexibility of arbitration procedures. However, a legal fiction is established: regardless of the actual venue, procedural actions are deemed to have occurred at the arbitration institution's location. This is crucial for resolving conflicts in defining the *lex arbitri* and the place of adjudication, correlating with the doctrine of the "legal seat of arbitration".

Additionally, Paragraph 2 of Article 35 of the KIAC Rules outlines a two-level mechanism for establishing factual circumstances: mandatory examination of written evidence and optional oral arguments. While the arbitral tribunal must consider written submissions, oral hearings become mandatory only upon request. Nevertheless, the tribunal retains the right to initiate them *ex officio*, balancing the principle of party autonomy with the tribunal's power to manage the process.

Article 36(3) of the Rules of Procedure guarantees equal procedural opportunities for parties to participate personally or through authorized representatives, aligning with international fair trial standards and the principle of equality of arms. This provision ensures non-discrimination in access to justice and upholds procedural fairness.

Thus, the KIAC Rules currently provide exclusively for in-person participation of parties or their representatives and do not explicitly allow for virtual hearings.

Regarding the language of arbitration, Article 26 of the KIAC Rules states that, unless otherwise agreed by the parties, the arbitral tribunal determines the language(s) of the arbitration, considering all relevant circumstances, including the contract's language.

The KIAC Rules also establish imperative requirements for linguistic conformity of documents, obliging parties to provide materials in the language of the proceedings. If documents are submitted in another language, the arbitral tribunal or the Secretariat may request translations, ensuring procedural fairness and equitable access to evidence. This provision aligns with generally recognized standards of equality of arms, ensuring the language barrier does not impede effective rights protection.

Of particular interest is the institution of the emergency arbitrator, introduced by the KIAC Rules to optimize the resolution of urgent disputes. According to Article 4(2) of Annex 1, interaction with the emergency arbitrator can take place both in person (physically present at a geographically convenient location) and through remote technologies, including videoconferencing. This flexibility reflects the principle of technological neutrality and aims to minimize time costs without compromising procedural integrity.

¹¹ Hogan Lovells. Looking at 10 years of the Kigali International Arbitration Centre. URL: <https://www.hoganlovells.com/en/publications/looking-at-10-years-of-the-kigali-international-arbitration-centre> (date of access: 25.03.2025).

At the same time, Article 35 of Annex 1 establishes a strict procedural timeframe: the emergency arbitrator must develop a case schedule within 48 hours of accepting the proceedings, guided by the principles of proportionality and urgency, in line with the doctrine of effective remedies.

Conflict-of-laws issues regarding the place of arbitration are resolved through the parties' autonomy of will. If the parties agree on the arbitration location, it is recognized as the place of emergency arbitration, thus establishing legal certainty. In the absence of such an agreement, jurisdiction defaults to the arbitration institution under Article 23 (1) of the KIAC Rules, ensuring subsidiary regulation and preventing procedural gaps. Regardless of the interaction format (offline or online), the emergency arbitrator must strictly adhere to the principles of impartiality and due process, guaranteeing parties equal opportunities to present their positions, including the right to oral arguments if requested, and prohibiting unilateral (*ex parte*) communications.

Given these provisions and the fact that the KIAC Rules have not been amended since the institution began its work, virtual hearings in international arbitration are currently possible only through the involvement of an emergency arbitrator.

Turning to mediation, Part 3, Article 8 of the KIAC Mediation Rules states that the mediator shall conduct the procedure in a manner they deem appropriate, considering the case circumstances, the parties' wishes, and the need for a prompt resolution. The mediator has no authority to impose a settlement on the parties.

According to Article 8.5 of the KIAC Mediation Rules, the mediator retains the right to choose the interaction format with the parties, including holding joint (plenary) or separate (caucus) meetings with the parties and/or their representatives. This provision embodies the principle of procedural flexibility, a cornerstone of mediation doctrine, ensuring the process adapts to the unique characteristics of each conflict.

This authority enables the mediator to optimize the communication strategies, minimize escalation of disputes, and create conditions for confidential dialogue in "closed" sessions. At the same time, maintaining mediator neutrality and respecting the principle of voluntariness remain essential to prevent abuse of discretionary powers.

Thus, it appears that mediation procedures can be conducted in a virtual format.

Undoubtedly, the development of virtualization of alternative dispute resolution mechanisms across the African continent have been significantly influenced by the pandemic. For example, in 2023 (January-December), KIAC registered 22 companies. Of the total disputes, 78% were domestic, while 22% (230 cases from 24 countries) were international, involving participants from Rwanda, Kenya, China, Luxembourg, Mauritius, and other countries¹². KIAC also provided logistical support in three arbitration cases and registered two mediation cases, one of which was successfully concluded.

It is worth noting that the increased interest of international companies in arbitration has been closely linked to the availability of fully virtual proceedings (where parties may appear in person or send representatives to specially equipped rooms), despite the fact that the KIAC Rules and KIAC Mediation Rules have not yet been amended to explicitly reflect these formats¹³.

¹² Kigali International Arbitration Centre (KIAC). KIAC 2023 IN A NUTSHELL. URL: <https://kiac.org.rw/kiac-2023-in-a-nutshell/> (date of access: 25.03.2025).

¹³ There has been an increase in the number of hearings conducted virtually. In 2023, 27% of hearings were hybrid, and 12% were purely virtual. Combined, hybrid and virtual hearings accounted for 39%, of all hearings, up from 36% in 2022.

Republic of South Africa: Arbitration Foundation of South Africa (AFSA International)

The Arbitration Foundation of South Africa (AFSA) was established in June 1996 with the primary aim of resolving domestic disputes within the country. Since 2017, AFSA has also handled disputes involving foreign elements. International arbitration in South Africa is governed by the International Arbitration Act No. 15 of 2017, which incorporates the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration.

According to AFSA statistics from 2013 to 2023, the financial sector accounted for 33% of all cases before AFSA. Disputes in the energy and natural resources sector comprised 20%, industry and manufacturing 12%, and raw materials and trade 10%, making these the second most arbitrated sectors¹⁴.

AFSA regulates international commercial arbitration through the AFSA International Arbitration Rules (the AFSA Rules). Similar to KIAC, AFSA also offers mediation services governed by the AFSA Mediation Rules.

South African national courts support alternative dispute resolution by upholding principles such as the autonomy of the arbitration agreement, severability, and competence-competence.

The autonomy of the arbitration agreement was reaffirmed by the Supreme Court of Appeal of South Africa in the May 17, 2022¹⁵ (“Tee Que case”). The Court emphasized that court proceedings cannot commence if the parties have an arbitration agreement that has not been declared null and void by the Court.

In 2023, Lukoil PJSC, Russia’s largest energy company, applied to the KwaZulu-Natal High Court (Justice. S. Bezuidenhout) to resolve a dispute over the return of Lukoil Marine Lubricants DMCC goods by Natal Energy Resources and Commodities¹⁶. The Court upheld the existence of the arbitration clause despite the original distribution and sales contract lacking one. This was because the parties subsequently entered into additional agreements concerning storage and sale of goods, which included an arbitration clause specifying dispute resolution in London under English law (Kudryavtseva, 2023: 66). Consequently, the KwaZulu-Natal High Court stayed the court proceedings pending the outcome of the arbitration in England.

It is worth noting that the Supreme Court of Appeal has previously rejected the principle of severability, as seen in *Namasthethu Electrical (Pty) Ltd v City of Cape Town and Another* (201/19)¹⁷. In that case, the court held that the arbitration clause did not apply to disputes arising from a contract concluded through fraudulent misrepresentation.

South African national courts are increasingly adopting a pro-arbitration stance, consistently recognizing the legitimacy and autonomy of arbitration clauses and applying the principle of severability (Hatta Ishaini Wahyu Utomo, 2023: 2957).

¹⁴ Chambers and Partners. International Arbitration 2024. URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/international-arbitration-2024/south-africa> (date of access: 25.03.2025).

¹⁵ Tee Que Trading Services (Pty) Ltd v Oracle Corporation South Africa (Pty) Ltd and Another (No 065/2021) [2022] ZASCA 68 (May 17, 2022).

¹⁶ South African Legal Information Institute (SAFLII). Lukoil Marine Lubricants DMCC v Natal Energy Resources and Commodities (Pty) Ltd (12583/21P) [2023] ZAKZPHC 31 (March 16, 2023). – Text: electronic. URL: <https://www.saflii.org/za/cases/ZAKZPHC/2023/31.html> (date of reference: 25.03.2025).

¹⁷ White’s case. South African High Court confirms that South Africa is a pro-arbitration jurisdiction. – Text: electronic. URL: <https://www.whitecase.com/insight-alert/high-court-south-africa-affirms-south-africa-pro-arbitration-jurisdiction> (date of reference: 25.03.2025).

Regarding the digitalization of AFSA arbitration, the AFSA Rules in force until June 1, 2021 did not explicitly provide for virtual hearings. However, due to the SARS-CoV-2 pandemic and the need to ensure safety and prevent virus spread, the Rules were revised and the updated AFSA Rules came into effect on June 1, 2021¹⁸. These revisions introduced provisions for joining third parties to arbitration hearing, appointment of emergency arbitrators, early dismissal of claims or defenses, and virtual proceedings, among other updates.

It is noteworthy that even before the new Rules were adopted, virtual hearings were conducted using platforms such as Zoom and Microsoft Teams¹⁹.

Article 21(6) of the AFSA Rules grants the arbitral tribunal discretionary authority to determine the hearing format, allowing for both in-person participation and the use of remote technologies (videoconferencing, telephone, or a combination thereof). This reflects the principle of technological neutrality, enabling adaptation to case-specific circumstances such as geographical remoteness, urgency, or force majeure. The tribunal is also empowered to issue binding instructions on interpreting oral statements and recording hearings, underscoring its role in ensuring procedural certainty and minimizing misunderstandings.

Similarly, Article 15(5) of the AFSA Rules details the tribunal's authority to manage the evidentiary process. The tribunal may, upon party request or on its own initiative (with reasonable opportunity for parties to respond), assess the admissibility, relevance, and weight of evidence, including factual data and expert opinions. It also sets the timing and procedural parameters for presenting evidence, balancing party autonomy with procedural economy.

Thus, a two-tier regulatory framework emerges: flexibility in hearing formats (Article 21(6)) optimizes access to justice and reduces costs, aligning with the doctrine of procedural efficiency; while strict evidentiary control (Article 15(5)) ensures due process, prevents abuse, and guarantees equality of arms.

Article 18(1) of the AFSA Rules provides that parties may agree in writing on the place of arbitration. If the parties have not agreed on the place of arbitration, Article 18(2) allows the arbitral tribunal to decide the location, taking into account all relative circumstances.

It should be noted that Article 18(3) of the AFSA Rules grants the arbitral tribunal discretionary authority to determine the geographical location of hearings, allowing them to be held either at a place agreed upon by the parties or at another location chosen by the tribunal at its discretion. This provision reflects the principle of procedural autonomy, ensuring that the arbitration process adapts to the practical needs of the parties – such as participant accessibility and reduction of transaction costs.

At the same time, the Rules establish a legal fiction: even if the hearing takes place outside the official seat of arbitration, the proceedings are deemed to have occurred at the official seat, and all procedural acts, including the arbitral award, are legally attributed to that location.

¹⁸ AFSA. Revision of AFSA International Arbitration Rules. – Text: electronic. URL: <https://arbitration.co.za/international-arbitration/revision-old/> (date of reference: 25.03.2025).

¹⁹ Stephenson Harwood International Arbitration. AFSA's new international arbitration rules set new standards for arbitration in Africa. – Text: electronic. URL: <https://www.arbitrationhub.com/insight/new-afsa-international-arbitration-rules-set-new-standard-arbitration-africa> (date of reference: 25.03.2025).

This approach addresses two key issues:

First, it harmonizes with international standards, such as Article 20(1) of the UNCITRAL Model Law, which recognizes the right of arbitrators to choose the location of hearings without altering the legal seat of arbitration. Second, it maintains legal certainty regarding applicable law, the jurisdiction of state courts, and the enforcement of decisions, thereby avoiding conflicts that could arise from “splitting” the procedure. By fixing the seat of arbitration as the only legally significant locus, compliance with the imperatives of the *lex arbitri* is ensured, including requirements for the form and content of the award. As a result, not only hybrid arbitration but also full-cycle arbitration – with evidence, pleadings, and electronic filing of commencement documents in a virtual format – appears feasible.

With respect to the language of arbitration, Article 20 of the AFSA Rules provides that unless the parties agree otherwise, English shall be the language of the arbitration. However, it should be noted that the current AFSA Mediation Rules do not regulate the virtual form of mediation. Analyzing the above, it is clear that virtual hearings at both KIAC and AFSA offer several advantages, including:

- Cost reduction: Minimizes expenses for transportation and accommodation of parties/representatives.

- Accessibility: Enables global participation in dispute resolution from any location.

Nevertheless, there are also negative aspects in the legal regulation of alternative dispute resolution mechanisms in a virtual format. One of the main concerns is the security and confidentiality of case information transmitted via platforms such as Zoom, MS Teams, or Web Ex in AFSA proceedings (Rusakova & Chernysheva, 2024:17). To address these concerns, AFSA published the Remote Hearing Protocol (RHP), which provides parties with detailed guidance on conducting virtual hearings, particularly regarding the presentation of expert and factual testimony²⁰. Under the RHP, both witnesses and experts are expected to testify from specially equipped rooms with multiple monitors and cameras to ensure visibility. In cases where such technology is unavailable, only the witness (and interpreter, if necessary), technical assistants and party representatives may be present in the remote hearing room. The arbitral tribunal also has the authority to require a witness to provide a 360-degree video view of the premises to ensure no unauthorized third parties are preset, thereby upholding transparency and independence in the arbitration process.

Despite these measures, a systemic challenge in African arbitration remains the technological inequality among parties, stemming from unequal access to digital infrastructure. This disparity creates risks of violating the principle of procedural equality. To mitigate these risks, compensatory mechanisms such as technical briefings, the establishment of virtual hearing centers, and the development of standardized protocols are necessary to reduce dependence on the parties' individual resources. Failure to reach consensus on the virtualization of proceedings may result in challenges to arbitral awards in state courts, a problem exacerbated by regulatory gaps such as the lack of clear rules on confidentiality when using remote technologies, uncertainty regarding party consent for virtual proceedings, and insufficient safeguards to address technological inequalities.

These legal shortcomings could be addressed by incorporating the 2020 African Arbitration Academy Virtual Hearings Protocol, which sets uniform standards for online hearings into the AFSA and KIAC Rules, or by KIAC developing its own protocol that

²⁰ CDH. South Africa moves forward with AFSA's virtual hearing protocol. URL: <https://www.cliffedekkerhofmeyr.com/en/news/publications/2021/Dispute/dispute-resolution-alert-9-march-South-Africa-zooming-forward-with-the-AFSA-virtual-hearing-protocol.html> (date of access: 25.03.2025).

incorporates best practices from the 2020 Protocol, including mechanisms for participant verification, data protection, and balancing the technological capabilities of the parties (Vlasenko, 2025:149).

Thus, harmonizing procedural regulations with technological realities is imperative for African arbitration institutions. This not only minimizes annulment risks but also enhances confidence in regional arbitration systems amid global jurisdictional competition²¹.

The 2020 Virtual Hearing Protocol requires parties to agree on both the virtual hearing process and the specific platform used (Subashin, 2023:2468). Critically, Clause 2.1.5 mandates at least one backup ISP and an alternative virtual platform to address technical failures. Where parties lack necessary technology (Clause 2.1.6), institutions or centers across Africa can provide reliable virtual hearing facilities with required hardware, software and stable connectivity (Ermakova, 2019: 264; Frolova, 2023:480).

The Protocol further establishes technical standards requiring verified internet connectivity and outline minimum cybersecurity requirements in Annex I. When scheduling virtual hearings (Clause 3.1.2), tribunals must consider:

- (i) Participant time zones;
- (ii) Remote locations and tribunal co-location feasibility;
- (iii) Methods for preserving evidence integrity;
- (iv) Participant identification protocols;
- (v) Use of demonstrative tools with universal access.

These criteria collectively ensure fairness and a comprehensive assessment of the situation, enabling equitable awards.

In the context of ensuring the procedural legitimacy of virtual hearings, paragraph 2.3.1 of the 2020 Virtual Hearings Protocol establishes the imperative of concluding a Preliminary Agreement on virtual hearings between the parties prior to the commencement of proceedings. This provision aims to minimize the risk of challenges to arbitral awards in cases where mutual consent or explicit procedural rules for remote technologies are absent.

The need for such an agreement arises from the doctrinal requirement of procedural fairness, which excludes the unilateral imposition of a hearing format that could create an imbalance in the parties' capabilities. The obligation to reach prior agreement on a virtual format serves as a preventive measure against abuse of the right to challenge decisions on grounds of violation of the principle of equality of arms (Article 18 of the UNCITRAL Model Law) or non-compliance with the imperatives of *lex arbitri*.

Critically, the Protocol clarifies that the absence of direct regulation in the arbitration rules does not relieve the parties from the obligation to reach consensus on the technical and procedural aspects of virtualization, which aligns with the generally recognized standards of party autonomy in international arbitration.

However, the Virtual Hearing Protocol 2020 also empowers the arbitral tribunal to order virtual evidence hearing when necessary and appropriate, following party consultation.

Thus, implementing the provisions of the 2020 Protocol in the practice of AFSA and KIAC will not only formalize the procedure for concluding a Preliminary Agreement but also create legal certainty regarding evidence admissibility obtained during virtual hearings. This aligns with the global trend toward digitalization of the arbitration process while balancing flexibility and procedural guarantees.

²¹ Baker McKenzie. Developing an Innovative Protocol for Virtual Arbitration Hearings in Africa. URL: <https://www.globalarbitrationnews.com/2020/06/25/innovative-protocol-developed-for-virtual-arbitration-hearings-in-africa/> (date of access: 25.03.2025).

Conclusion

Given the above, it can be argued that the digital footprint has significantly influenced the virtualization of dispute resolution in Rwanda and South Africa. However, there remains a pressing need to regulate virtual hearings, testimony, provision and exchange of evidence, as well as the roles of experts and interpreters. Addressing these gaps is best achieved by applying the recommendations of the African Arbitration Academy as outlined in the 2020 Protocol on Virtual Hearings. Additionally, new platforms should be developed or existing videoconferencing systems extended to facilitate hearings involving investors and business project representatives from the Russian Federation.

The challenges of establishing virtual arbitration and mediation highlight unsolved issues and obstacles to integrating advanced technology into alternative dispute resolution mechanisms. These challenges also expose conflicts between existing legal institutions and the digitalization process. The risks associated with digital transformation must be understood as potential negative consequences for both the state and society if the digital agenda is implemented without adequate legal framework. This study underscores these threats and risks to enable their prevention, guide preventive measures, and provide an optimal development path in this area.

For many African countries, digital inequality, digital divide, lack of digital trust, underdeveloped IT infrastructure, and unstable internet access in remote areas remain significant barriers to integrating advanced technology into alternative dispute resolution mechanisms.

References / Список литературы

- Bashilov, B.I. (2024) Digitalization of Judicial Proceedings in African Countries: State and Paths of Development. *Herald of Perm University. Legal Sciences*. (4 (66)), 615–624. (in Russian) <https://www.doi.org/10.17072/1995-4190-2024-66-615-624>
- Башилов Б.И. Цифровизация судопроизводства в странах Африки: состояние и пути развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. № 4 (66). 615–624. <https://www.doi.org/10.17072/1995-4190-2024-66-615-624>
- Begichev, A.V. (2024) The relationship between notarial and judicial procedures for securing evidence in the digital age. *Legal support for Russia's sovereignty: Problems and prospects: Collection of reports of the XXIV International Scientific and Practical Conference and the XXIV International Scientific and Practical Conference of the Law Faculty of Moscow State University. Lomonosov within the framework of the XIII Moscow Legal Week. In 4 parts, Moscow, November 21–24, 2023*. Moscow, Publishing Center of O.E. Kutafin University (MSAL), pp. 424–426. EDN PKVXRE (in Russian).
- Бегичев А.В. Соотношение нотариальной и судебной процедуры обеспечения доказательств в цифровую эпоху // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы: сборник докладов XXIV Международной научно-практической конф. и XXIV Межд. науч-практической конференции Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках XIII Моск. юридической недели: в 4 частях, Москва, 21–24 ноября 2023 года. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 424–426. EDN: PKVXRE.
- Berman, A.M. (2022) Problems of recognition and enforcement of foreign arbitration awards on the territory of the Russian Federation. *Eurasian Law Journal*. (10 (173)), 39–42. (in Russian). EDN: UVCERK
- Берман А.М. Проблемы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений на территории Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173). С. 39–42. EDN: UVCERK.

- Frolova, E.E. & Kupchina, E.V. (2023) Digital tools for protecting intellectual property rights: On the example of blockchain and artificial intelligence. *Bulletin of Perm University. Legal sciences*. (61), 479–498. (in Russian). <https://www.doi.org/10.17072/1995-4190-2023-61-479-498>
Фролова Е.Е., Купчина Е.В. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 61. С. 479–498. <https://www.doi.org/10.17072/1995-4190-2023-61-479-498>.
- Ermakova, E.P. (2019) *Civil Process, Arbitration, and Mediation in the Countries of North Africa (Algeria and Egypt)*. Moscow, Infotropic Media Publ. (in Russian).
Ермакова Е.П. Гражданский процесс, арбитраж и медиация в странах Северной Африки (Алжир и Египет). М. : Инфотропик Медиа, 2019. 264 с.
- Ermakova, E. P., Inshakova, E., Frolova, E. E. & Shakirov, S. Sh. (2020) Supporting inclusive growth and sustainable development in Africa: Sustainability in Infrastructure Development. 1, 147–161 (in Russian).
Ермакова Е. П., Иншакова Е. Е., Фролова Е. Е., Шакиров С.Ш. Поддержка инклюзивного роста и устойчивого развития в Африке: устойчивость в развитии инфраструктуры. 2020. Т. 1. С. 147–161.
- Frolova, E.E., Inshakova, A.O., Ermakova, E.P. & Shakirov, S.Sh. (2020) *The Impact of Colonial Heritage and Other Factors on Evolution of Legal Regulation of Civil Justice, Arbitration, and Mediation in the West African States Included in the ECOWAS*. Supporting inclusive growth and sustainable development in Africa: Sustainability in Infrastructure Development. 1, pp. 131–146 (in Russian).
Фролова Е.Е., Иншакова А.О., Ермакова Е.П., Шакиров С.Ш. Влияние колониального наследия и других факторов на эволюцию правового регулирования гражданского правосудия, арбитража и медиации в западноафриканских государствах, входящих в ЭКО-ВАС // Поддержка инклюзивного роста и устойчивого развития в Африке: устойчивость в развитии инфраструктуры. 2020. Т. 1. С. 131–146.
- Kudryavtseva, E.V. (2023) Judicial management of the case and the adversarial model of English civil proceedings. *Legislation*. (5), 65–68. (In Russian). https://www.doi.org/10.58741/16818695_2023_5_65 EDN: INTGGM
Кудрявцева Е.В. Судебное управление делом и состязательная модель английского гражданского судопроизводства // Законодательство. 2023. № 5. С. 65–68, https://www.doi.org/10.58741/16818695_2023_5_65 EDN: INTGGM
- Hatta Isnaini Wahyu Utomo (2023). Legal certainty on the binding power of arbitration clauses in resolution of trade disputes. *Russian Law Journal*, 11 (5), 1–5.
- Miashchanava, M.V. (2022) International Cooperation in the Field of Economic and Legal Regulation of End-To-End Technologies. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 254, 79–91, https://www.doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_7 EDN: APLKFT (in Russian).
Мяцанава М.В. Международное сотрудничество в области экономического и правового регулирования сквозных технологий // Умные инновации, системы и технологии. 2022. Т. 254. С. 79–91. https://www.doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_7 EDN: APLKFT
- Rusakova, E.P. (2020) Alternative Dispute Resolution in Kenya. *Supporting inclusive growth and sustainable development in Africa: Sustainability in Infrastructure Development*. 1, 17–25 (in Russian).
Русакова Е.П. Альтернативное разрешение споров в Кении // Поддержка инклюзивного роста и устойчивого развития в Африке: устойчивое развитие инфраструктуры. 2020. Т. 1. С. 17–25.
- Rusakova, E.P. & Falkina, G.Yu. (2024) Legal Regulation of Electronic Evidence in Africa. Gaps in Russian Legislation. *Law journal*. (17 (5)), 53–60. (in Russian) <https://www.doi.org/10.33693/2072-3164-2024-17-5-053-060>

- Русакова Е.П., Фалькина Г.Ю. Правовое регулирование электронных доказательств в странах Африки // Пробелы в российском законодательстве. 2024. № 17 (5). С. 53–60. <https://www.doi.org/10.33693/2072-3164-2024-17-5-053-060>
- Rusakova, E.P. & Frolova, E.E. (2022) Procedural Standards for Civil Proceedings in China's Internet Courts. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 288, 187–192. https://www.doi.org/10.1007/978-981-16-9808-8_20
- Rusakova, E. & Chernysheva, T. (2024) The Development of Digital Notary Production as a New Opportunity for Transparency of the Digital Process and Civil Turnover in African Countries: Using the Example of Nigeria. *Russian Law Journal*. 11 (1), 8–29.
- Subhashini, S. (2023) The use of ADR in resolving disputes related to social media and online platforms. *Russian Law Journal*. 11 (3), 2462–2473. <https://doi.org/10.52783/rlj.v11i3.2139>
- Soloviev, A.A. & Yastrebov, O.A. (2024) *African models of organization and functioning of the judiciary: Algeria, Botswana, Ghana, Egypt, Kenya, Lesotho, Malawi, Morocco, Namibia, Nigeria, Swaziland (Eswatini), Tanzania, Tunisia, South Africa, Zambia, Zimbabwe*. Second edition, corrected and supplemented. Moscow, RUDN Publ. (in Russian).
Соловьев А.А., Ястребов О.А. Африканские модели организации и функционирования органов судейского сообщества: Алжир, Ботсвана, Гана, Египет, Замбия, Зимбабве, Кения, Лесото, Малави, Марокко, Намибия, Нигерия, Свазиленд (Эсватини), Танзания, Тунис, ЮАР. 2-е изд., испр. и доп. М. : РУДН, 2024. 464 с.
- Vlasenko, N.A. (2025) On the Theory of Legal Experimentology. *Legal technique*. (19), 148–151. (in Russian) EDN: LFQNHZ.
Власенко Н.А. О теории юридической экспериментологии // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 148–151. EDN: LFQNHZ.

About the authors:

Ekaterina P. Rusakova – Doctor of Legal Sciences, Full Professor of the Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6488-0754, SPIN-code: 5995-0005

e-mail: rusakova-ep@rudn.ru

Tatyana A. Chernysheva – Intern researcher at the Department of Civil Law and Process and Private International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0009-0009-4230-5965

e-mail: tatyanchernysheva7@mail.ru

Сведения об авторах:

Русакова Екатерина Петровна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0001-6488-0754, SPIN-код: 5995-0005

e-mail: rusakova-ep@rudn.ru

Чернышева Татьяна Анатольевна – стажер-исследователь кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0009-0009-4230-5965

e-mail: tatyanchernysheva7@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО INTERNATIONAL PRIVATE LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-747-768>
EDN: AVVQUZ

Научная статья / Research Article

Совместимость международных и национальных стандартов строительных контрактов: опыт внедрения и правовые перспективы

Д.С. Белкин

Славяно-Греко-Латинская Академия, Москва, Российская Федерация

 dmitryb81@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено интеграции стандартов Международной федерации инженеров-консультантов и Международной организации по стандартизации в правовые системы США, Китая, России, Индии и Европейского союза, с учетом роста трансграничных инфраструктурных проектов и требований международных финансовых институтов. Анализируются изменения нормативно-правовой базы России, включая отмену ряда обязательных требований в рамках политики «регуляторной гильотины» и последующее создание нового реестра строительных норм, что существенно повлияло на правоприменение. Особое внимание уделяется терминологическим коллизиям (например, переводу Common Data Environment) и специфике внедрения международных стандартов в различных юрисдикциях. Показано, что США и Китай демонстрируют гибкость при адаптации норм, тогда как в ЕС ключевую роль играет наднациональное регулирование. Новизна исследования заключается в выявлении препятствий и возможностей для гармонизации международных и национальных строительных норм, позволяющей снизить правовые конфликты и повысить конкурентоспособность российских компаний. В качестве выводов предложены рекомендации по четкому разграничению обязательных и рекомендательных строительных норм, обеспечению единообразия правовой терминологии и корректировке законодательства, восстанавливающей персональную ответственность технических заказчиков в РФ.

Ключевые слова: международное строительное контрактное право, адьюдикация, среда обших данных, международная федерация инженеров-консультантов, международные стандарты, взаимодействие международного и внутригосударственного права

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Белкин Д.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 27 марта 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2025 г.

Для цитирования:

Белкин Д.С. Совместимость международных и национальных стандартов строительных контрактов: опыт внедрения и правовые перспективы // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 3. С. 747–768. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-747-768>

Integration of international and National Standards in construction contracts: Implementation challenges and legal perspectives

Dmitry S. Belkin

Slavic-Greek-Latin Academy, Moscow, Russian Federation

 dmitryb81@gmail.com

Abstract. The article investigates the integration of standards from the International Federation of Consulting Engineers (FIDIC) and the International Organization for Standardization (ISO) into the legal systems of the United States, China, Russia, India, and the European Union. The topic is increasingly important due to the growing number of cross-border infrastructure projects and the rising demands of international financial institutions. The analysis highlights recent changes in the Russian regulatory framework, including the repeal of several mandatory requirements under the “regulatory guillotine” policy and the establishment of a new register of construction norms, both of which have significantly affected legal enforcement. Special attention is given to terminological discrepancies, such as the translation of the term “Common Data Environment”, and to challenges arising from implementation of international standards across different jurisdictions. The study shows that the United States and China demonstrate substantial flexibility in adapting these standards, while in the European Union, supranational regulation plays a central role. The novelty of the research lies in identifying obstacles and opportunities for harmonizing international and domestic construction standards, aiming to reduce legal conflicts and enhance the competitiveness of Russian companies. The conclusions include recommendations for clearly distinguishing mandatory from recommended construction norms, standardizing legal terminology, and amending legislation to restore the personal liability of technical clients in the Russian Federation.

Key words: international construction contract law, adjudication, common data environment, international federation of consulting engineers, international standards, interaction between international and domestic law

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Received: 27th March 2025

Accepted: 15th July 2025

For citation:

Belkin, D.S. (2025) Integration of international and National Standards in construction contracts: Implementation challenges and legal perspectives. *RUDN Journal of Law*. 29 (3), 747–768. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-747-768>

Введение

Актуальность представленного исследования определяется стремительным ростом трансграничных инфраструктурных проектов, для которых наиболее распространенным правовым инструментом выступают «договоры под ключ»

(ЕРС/Turnkey-контракты), широко применяемые в рамках стандартов Международной федерации инженеров-консультантов (МФИК) и одобренные ведущими международными финансовыми институтами Новый банк развития БРИКС (НБР), Всемирный банк и др. Именно формат «под ключ» позволяет единообразно распределять риски между подрядчиком, заказчиком и инвестором, однако отсутствие четкого законодательного определения данного типа договора в национальных правовых системах (Anosov, 2024) приводит к коллизиям при адаптации стандартных контрактных условий, разработанных Международной федерацией инженеров-консультантов (МФИК), к национальному праву (Lyapustina & Rybka, 2024). Кроме того, сравнительно-правовой анализ договоров «под ключ» выявляет необходимость согласования зарубежных контрактных стандартов с российскими нормами (Lavrenyuk, 2023), а проблема выбора применимого права становится особенно острой в условиях активного развития трансграничных проектов (Gurina, 2016). Наконец, практика международного арбитража подтверждает, что расхождение ключевых стандартов МФИК с местными требованиями провоцирует споры о расторжении контрактов и об оплате выполненных работ (Zhukov & Silchenko, 2020), а правоприменительные подходы к «внесудебным» формам обеспечения исполнителя и заказчика продолжают активно обсуждаться (Funge, 2020). Все это свидетельствует о необходимости дополнительной гармонизации норм международного и национального строительного права, а также обуславливает значимость данного исследования в контексте расширения трансграничных проектов, стимулируемых финансовыми институтами и инициативами БРИКС.

Как отмечает П.Ю. Вердье, применение международных норм в национальных правовых системах определяется рядом факторов, включая наличие соответствующей законодательной базы, наличие эффективных механизмов правоприменения и политическую волю. Во многих странах наблюдается тенденция к широкому использованию международных стандартов, таких как стандарты ИСО, которые играют ключевую роль в унификации правового регулирования (Verdier & Versteeg, 2015). Кроме того, актуальные доктринальные исследования демонстрируют, что вопросы гармонизации международных норм и их влияние на национальные правовые системы в контексте стандартов МФИК остаются предметом активного научного обсуждения, что подтверждают результаты отдельных эмпирических и теоретических исследований в области права (Mahasneh, 2024).

Вопросы соотношения международного и внутригосударственного права давно находятся в центре внимания юридической науки. Существующие публикации обильно освещают эту проблематику, подчеркивая ее важность и разнообразие подходов (Batychko, 2011). Тем не менее, актуальность темы не ослабевает, особенно в контексте международного строительного контрактного права (МСКП), требующего особого внимания к вопросам адаптации международных правовых норм в национальные правовые системы.

При описании проведенного исследования необходимо четко пояснить, что понимается под МСКП, а также каким образом оно соотносится со стандартами МФИК и ИСО. Несмотря на отсутствие единого универсального международного договора, как в случае с Конвенцией ООН по морскому праву (для морского права) или Парижской конвенцией 1883 года (для защиты прав интеллектуальной собственности), доктринальные исследования подтверждают, что МСКП может рассматриваться как формирующаяся междисциплинарная отрасль международного права (Klee, 2018; Breyer, 2024; Murodjonova & Imamova, 2023; Jenkins, 2021). Активное

использование стандартов МФИК и ИСО в строительных контрактах по всему миру, включение положений об арбитражном разбирательстве по Нью-Йоркской конвенции 1958 г. в строительные контракты и возможность использования механизмов Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС), в случаях, когда строительная деятельность может быть признана инвестицией¹ – формулируют рамки области исследования в контексте МСКП. Хотя МФИК и ИСО не являются межправительственными организациями и их стандарты не имеют статуса международных договоров, их практическое применение и широкое признание в разных государствах свидетельствуют о важности этих источников в регулировании строительных отношений на международном уровне. Так, на февраль 2025 г. в МФИК состояли 103 национальные ассоциации из 86 государств², а в ИСО 173 государства³. В результате можно дать следующее определение:

Международное строительное контрактное право (МСКП) – это комплексная система правовых норм и институтов, регулирующих заключение, исполнение и разрешение споров по трансграничным строительным контрактам. МСКП формируется на стыке международного частного и инвестиционного права, включает обязательные и диспозитивные положения международных договоров, правовые обычаи, принципы и судебно-арбитражную практику, а также стандарты и методологии, разработанные неправительственными организациями (в частности, МФИК и ИСО). Оно охватывает публично-правовые аспекты (государственное регулирование, обязательные технические регламенты, надзорные процедуры) и частноправовые элементы (автономия воли сторон, распределение рисков, использование стандартных форм контрактов и досудебных процедур), обеспечивая согласование интересов инвесторов, подрядчиков, инженеров-консультантов и органов государственной власти в процессе реализации крупных инфраструктурных проектов.

П.П. Кремнев отмечает, что в российской правовой системе существуют сложности с признанием юридической силы общепризнанных принципов и норм международного права, основанных на международных обычаях, а не на ратифицированных договорах, поскольку Конституция РФ не устанавливает их приоритет над национальными законами. Это приводит к правовым коллизиям и затрудняет имплементацию международных стандартов, поскольку их применение требует специальной трансформации в национальное законодательство, что обусловлено дуалистической природой российской правовой системы (Kremnev, 2021).

Эти проблемы особенно проявляются в сфере МСКП, где интеграция стандартов МФИК сталкивается с законодательными ограничениями и недостаточной нормативной базой для эффективного внедрения. Развитая система национальных строительных стандартов РФ требует значительных усилий по адаптации и гармонизации международных норм, что замедляет процесс их имплементации.

Цель проведенного исследования – выявление правовых и институциональных факторов, препятствующих эффективной интеграции норм МФИК и ИСО в российскую правовую систему. В центре внимания находились влияние нормативной нестабильности, терминологические коллизии и особенности распределения ответственности между субъектами строительного процесса, что

¹ Salini Costruttori S.p.A. and Italtrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco [I], ICSID Case No. ARB/00/4. Режим доступа: <https://www.italaw.com/cases/958> (accessed: 26.02.2025)

² FIDIC Members. Режим доступа: <https://fidic.org/about-fidic/federation/fidic-members/fidic-members> (accessed: 26.02.2025).

³ Members. Режим доступа: <https://www.iso.org/about/members> (дата обращения 26.02.2025).

подтверждено эмпирическими данными, выявленными при анализе реформ национального законодательства последних десятилетий.

В ходе исследования оценивался объем обязательных строительных требований в Российской Федерации и проводилось их сопоставление с международными стандартами МФИК и ИСО; выявлялись проблемы, возникшие при имплементации ключевых понятий международных строительных норм в российское законодательство; а также определялись институциональные затруднения, осложняющие внедрение принципов международного строительного контрактного права в российскую практику.

Гипотеза исследования состояла в том, что гармонизация международных строительных стандартов с национальными обязательными нормами может быть достигнута при условии стабилизации нормативной базы, четкого разграничения обязательных и рекомендательных требований, единообразного употребления правовой терминологии и постепенного перехода к персональной ответственности участников строительных правоотношений.

Объектом исследования являлись правовые отношения и нормативно-правовые акты, регулирующие процесс интеграции международных строительных стандартов в российское законодательство, с акцентом на механизмы имплементации, терминологические коллизии и распределение ответственности в трансграничных инфраструктурных проектах.

Предметом исследования выступали конкретные правовые инструменты и механизмы, а также их практические последствия для строительной отрасли Российской Федерации, рассматриваемые в контексте согласования отечественной нормативно-правовой базы с положениями МФИК и ИСО в условиях смены парадигмы обязательных требований, проблем единообразия терминологии и отсутствия закрепленной персональной ответственности технических заказчиков.

В исследовании применялись методы сравнительного и системного анализа, позволившие сопоставить зарубежный опыт (США, Китай, Индия, Европейский союз), где международные стандарты МФИК и ИСО демонстрировали гибкость при взаимодействии с национальными нормами. Анализ включал формально-юридический разбор российского законодательства в строительной сфере, а также изучение практики, позволившее выявить противоречия между принципами международного строительного контрактного права и отечественными императивными нормами.

Результаты исследования показали, что степень и эффективность имплементации норм МСКП в национальные правовые системы существенно зависят от существующих национальных стандартов и правовых традиций в области строительства. С учетом этого, ниже приведена укрупненная консолидированная сводка ключевых регуляторных особенностей и судебной практики пяти юрисдикций.

Нормативно-правовое регулирование строительных контрактов в сопоставляемых юрисдикциях строится на сочетании общих обязательственно-правовых норм и специальных отраслевых актов: (i) в России ключевыми остаются положения о строительном подряде Гражданского кодекса РФ⁴, дополняемые детализированными требованиями Градостроительного кодекса РФ⁵ при формальном приоритете

⁴ § 3. Строительный подряд. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024).

⁵ «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025).

гражданского законодательства⁶ – при этом стандарты МФИК нередко служат «надстройкой», позволяющей компенсировать неравномерное распределение рисков между госзаказчиком и подрядчиком; (ii) в Соединенных Штатах договорные отношения определяются прецедентным правом штатов при опоре на Единообразный коммерческий кодекс⁷ и федеральный регламент закупок, задающий параметры публичных контрактов⁸ и, вместе с «Красной книгой» МФИК, обеспечивающий прозрачность и сопоставимость обязанностей сторон; (iii) в Китайской Народной Республике обобщенные нормы Гражданского кодекса⁹, Закона о строительстве¹⁰ и Закона о торгах¹¹ взаимодействуют с утвержденными государством типовыми контрактами и административными регламентами, где «Жёлтая» и «Серебряная» книги МФИК используются для балансирования ответственности и внедрения независимого инженера-консультанта; (iv) индийская модель базируется на Законе о договорах 1872 г.¹², который компенсируется обязательными общими условиями Центрального управления общественных работ¹³ и модельными соглашениями ГЧП¹⁴, а нормы МФИК вводят унифицированные процедуры Dispute Adjudication Board (DAB) для быстрого досудебного урегулирования; (v) в государствах Европейского союза материальные нормы остаются национальными, однако на них накладываются директивы ЕС о публичных закупках¹⁵, обязательные технические Еврокоды; при этом отдельные крупные экономики Союза применяют собственные детализированные акты – например §§ 650a–650v Гражданского кодекса Германии (BGB)¹⁶, закрепляющие правила строительного договора, французский Закон № 78-12 от 4 января 1978 г. о десятилетней ответственности строителей¹⁷, а также немецкие условия VOB/B, регулирующие порядок тендеров и типовые контракты¹⁸, которые в проектах с нормами МФИК расширяются механизмами совместного управления

⁶ П.п. 2, статья 3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024).

⁷ Uniform Commercial Code. Режим доступа: <https://www.ali.org/project/uniform-commercial-code> (дата обращения: 26.06.2025).

⁸ Federal Acquisition Regulations System. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CFR-2023-title48-voll1/pdf/CFR-2023-title48-voll1.pdf> (дата обращения: 26.06.2025).

⁹ Civil Code of the People's Republic of China. Режим доступа: <http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/pdf/civilcodeofthepeoplesrepublicofchina.pdf> (accessed: 26.06.2025).

¹⁰ Construction Law of the People's Republic of China. Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/11/content_1383578.htm (accessed: 26.06.2025).

¹¹ Law of the People's Republic of China on Bid Invitation and Bidding. Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/englishnpc/Law/2007-12/11/content_1383557.htm (accessed: 26.06.2025).

¹² THE INDIAN CONTRACT ACT, 1872. Режим доступа: <https://cag.gov.in/uploads/media/Indian-Contract-Act-1872-20200816140128.pdf> (дата обращения: 26.06.2025).

¹³ Government of India Ministry of Housing & Urban Affairs Central Public Works Department For Excellence In Public Works. Режим доступа: https://www.cpwd.gov.in/Documents/cpwd_publication.aspx (accessed: 26.06.2025).

¹⁴ Model Concession Agreement. Режим доступа: https://www.pppinindia.gov.in/model_concession_agreement (accessed: 26.06.2025).

¹⁵ Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement and repealing Directive 2004/18/EC Text with EEA relevance. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2014/24/oj/eng> (accessed: 26.06.2025).

¹⁶ BGB. Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (accessed: 26.06.2025).

¹⁷ Loi 78-12. Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000522720> (accessed: 26.06.2025).

¹⁸ (VOB) 2016 – Teil B. Режим доступа: <https://www.bmwsb.bund.de/SharedDocs/downloads/Webs/BMWSB/DE/veroeffentlichungen/bauen/vob-teil-b.html> (accessed: 26.06.2025).

изменениями (Оговорка 13) и равного распределения форс-мажорных рисков (Оговорка 19). Директивы ЕС и Еврокоды задают общую «минимальную планку» для всех государств-членов ЕС, тогда как каждое национальное право дополняет ее собственными нормами, поддерживая прозрачность ценообразования и антикоррупционные проверки.

Судебно-арбитражная практика подтверждает единый вектор согласования международных контрактных стандартов с внутренним правом: российские арбитражные суды, разбирая спор по типовому договору МФИК в деле № А56-55092/2011¹⁹, квалифицировали условия МФИК как отраслевой торговый обычай и признали обязательность арбитражной оговорки, одновременно указав на критичность беспристрастного исполнения обязанностей инженера-консультанта; верховный суд США в деле *United States v. Spearin*²⁰, сформулировал «принцип *Spearin*»: если подрядчик строго следует требованиям проекта, риски «дефектного проекта» несет заказчик, что коррелирует с Оговоркой 4.1 «Обязанности заказчика» МФИК. В деле *Beijing Urban Construction Group Co. Ltd. v. Republic of Yemen*²¹ трибунал МЦУИС подтвердил преимущество норм китайско-йеменского инвестиционного соглашения над контрактным условием о рассмотрении споров в арбитраже МТП, продемонстрировав, что международные стандарты и инвестиционные гарантии могут преобладать над национальными процедурами арбитража в строительных контрактах. Верховный суд Индии в деле *Oil & Natural Gas Corporation Ltd. v. Saw Pipes Ltd*²² ограничил основания для отмены арбитражных решений доктриной «явной неправомерности» (англ. *patent illegality*), поставив барьер для произвольного вмешательства в решения DAB. Суд ЕС в деле C-368/10 Европейская комиссия против Королевства Нидерланды²³ подтвердил, что директива 2004/18/ЕС о координации процедур заключения публичных контрактов (включая строительные) обязывает применять открытые конкурентные процедуры и соблюдать принципы равного обращения и прозрачности; в сочетании с использованием норм МФИК это снижает коррупционные риски и облегчает доступ частных инвесторов. В совокупности перечисленные кейсы показывают, что интеграция МФИК не только нивелирует асимметрию рисков, но и внедряет стандартизированные досудебные треки урегулирования споров, снижая судебную нагрузку и ускоряя платежи. Полученные сопоставительные данные образуют методологическую основу для дальнейшего анализа практики каждой страны и региона.

Зарубежный опыт

США. В ходе исследования было выявлено, что правовая система Соединенных Штатов Америки, основанная на общем праве, обеспечивает гибкие инструменты

¹⁹ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 04.09.2012 по делу N А56-55092/2011. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=136947#rkEUDpUWQVrMuJQK1> (дата обращения: 24.02.2025).

²⁰ *United States v. Spearin*, 248 U.S. 132 (1918). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/248/132/> (accessed: 26.06.2025).

²¹ *Beijing Urban Construction Group Co. Ltd. v. Republic of Yemen*, ICSID Case No. ARB/14/30. Режим доступа: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw8968.pdf> (accessed: 26.06.2025).

²² *OIL AND NATURAL GAS CORPORATION LTD vs SAW PIPES LTD Case Summary* (2003 SC). Режим доступа: <https://lawplanet.in/oil-and-natural-gas-corporation-ltd-vs-saw-pipes-ltd-case-summary-2003-sc/> (accessed: 26.06.2025).

²³ *JUDGMENT OF 10. 5. 2012 — CASE C-368/10 COMMISSION v NETHERLANDS*. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62010CJ0368> (accessed: 26.06.2025).

для внедрения международных стандартов, включая типовые строительные контракты МФИК и нормы ИСО, поскольку судебные инстанции имеют возможность учитывать международную практику при рассмотрении споров. Широкая договорная автономия, характерная для общего права, позволяет сторонам детально согласовывать обязательства, распределять риски и корректировать типовые формы контрактов под конкретные проекты. В условиях этой автономии правоприменительные органы способствуют развитию процедур альтернативного разрешения споров (арбитраж, медиация), что особенно актуально для строительных вопросов, где обычно используется обширный комплекс технических норм.

В результате анализа образовательных характеристик кадрового состава установлено, что в США при подготовке специалистов для международной строительной контрактной практики преобладают юристы с ученой степенью Доктор юридических наук (Juris Doctor). Они проходят базовое обучение в ведущих учреждениях, таких как: Юридическая школа Гарварда (Harvard Law School), Юридическая школа Йеля (Yale Law School), Юридическая школа Стэнфорда (Stanford Law School) и Юридическая школа Нью-Йоркского университета (NYU School of Law). Дополнительно они осваивают программы по строительному праву и международному арбитражу, с особым акцентом на типовых контрактах МФИК. Практические навыки юристы приобретают на курсах в профессиональных сообществах либо институтах арбитража, таких как Международный институт по предотвращению конфликтов (International Institute for Conflict Prevention & Resolution) и Американская арбитражная ассоциация (American Arbitration Association).

Исследование показало, что образовательные подходы в США отличаются многоуровневостью и конкуренцией между разными юридическими школами. В рамках программ, посвященных строительному праву, как правило преподаются курсы Контракты в строительстве (Construction Contracts), Международный коммерческий арбитраж (International Commercial Arbitration) и Сравнительное строительное право (Comparative Construction Law). Дополнительно ВУЗы организуют практику в других странах, что позволяет студентам ознакомиться с внешними правовыми системами и проектной деятельностью в международном масштабе.

При исследовании особенностей правовой традиции выявлено, что стремление к альтернативным способам разрешения споров в США стало устойчивым трендом. Наблюдается активное включение в договоры арбитражных оговорок, позволяющих избегать долгих судебных процессов и сокращать затраты. Федеральные законы США, такие как Федеральный закон об арбитраже (Federal Arbitration Act) и судебные прецеденты Верховного суда США, подтверждают приоритет соглашений о разрешении споров вне рамок государственной судебной системы. В случае арбитража по стандартам МФИК, предполагающим участие независимого инженера-консультанта, существенных противоречий с правовой доктриной США не обнаружено: договорные условия могут включать специальные механизмы управления проектом, при условии согласия сторон.

Роль профессиональных ассоциаций оказалась весьма значимой. По итогам анализа установлено, что Американский совет инженерных компаний (American Council of Engineering Companies, ACEC)²⁴ способствует взаимодействию между юристами и инженерами, публикуя практические руководства и организуя круглые столы по вопросам применения международных стандартов МФИК. Исторические данные

²⁴ American Council of Engineering Companies (ACEC). Режим доступа: <https://www.acec.org> (accessed: 14.02.2025).

позволили отследить развитие ACEC, берущего начало в 1905 году как Ассоциация архитектурных инженеров (Association of Architectural Engineers). Организация не раз меняла название, включая Американский институт консультирующих инженеров (American Institute of Consulting Engineers, AICE) и Совет консультирующих инженеров (Consulting Engineers Council, CEC) до своего нынешнего вида. Основными вехами стали 1973 год (объединение CEC и AICE) и 2000 год – переименование в ACEC. Подтверждение международного статуса ACEC состоялось при получении ею полноправного членства в МФИК, что дало американским компаниям прямой доступ к разработке и корректировке глобальных стандартов.

Необходимо отметить особенность практики США по участию в МФИК, когда самая крупная в стране ассоциация консультантов в строительной области входит в МФИК и представляет отраслевые интересы США в рамках федерации. При оценке количественных показателей деятельности ACEC по состоянию на 30 июня 2024 года зафиксировано в совокупности 569 137 специалистов²⁵.

Китай. Проведенный анализ показал, что правовая система Китая опирается на континентальное право, но содержит существенные черты социалистического регулирования, что напрямую отражается на строительном праве. Это позволяет Китаю сохранять контроль над стратегическими отраслями, в том числе и над крупномасштабными строительными проектами. Поэтому применение международных контрактных форм, включая МФИК, часто требует прохождения административных процедур и согласований с государственными органами. В отличие от США, где частная инициатива и судебные прецеденты существенно влияют на признание тех или иных контрактных норм, в Китае приоритет принадлежит государственным интересам и административному регламенту. Однако увеличение числа трансграничных проектов в русле инициативы Один пояс, один путь (One Belt One Road) побуждает китайские власти к более активному использованию международных стандартов, позволяющих укреплять сотрудничество с иностранными инвесторами и финансовыми институтами.

В ходе исследования выявлено, что в Китае будущие эксперты по МСКП и стандартам МФИК обычно получают инженерную базу, после чего осваивают магистерские программы по праву – Магистр юриспруденции (Master of Laws, LL.M) и менеджменту – Мастер делового администрирования (Master of Business Administration, MBA). Эта особенность отличает китайскую модель от американской, где базовым является юридическое образование. Статистические данные подтверждают высокую востребованность специалистов с двойной и тройной квалификацией (технической и юридической, либо технической, юридической и экономической) – при заключении контрактов «под ключ» по так называемой «Серебряной книге» МФИК (EPC/Turnkey Projects – Silver Book)²⁶, поскольку такая квалификация помогает учитывать технические, правовые и экономические аспекты крупных инфраструктурных проектов. Ведущие университеты, например Университет Цинхуа (Tsinghua University) и Шанхайский транспортный университет (Shanghai Jiao Tong University), активно разрабатывают междисциплинарные программы, которые включают модули по МСКП, международным стандартам МФИК, ИСО и нормам

²⁵ ACEC 2023-2024 Annual Report. P.50 Режим доступа: <https://www.acec.org/wp-content/uploads/2024/11/ACEC-2023-2024-Annual-Report-Download.pdf> (accessed: 24.02.2025).

²⁶ EPC/Turnkey Contract 2nd Ed (2017 Silver Book, Reprinted 2022 with amendments). Режим доступа: <https://fidic.org/books/epcturnkey-contract-2nd-ed-2017-silver-book-reprinted-2022-amendments> (accessed: 04.03.2025).

Министерства жилищного и городского строительства Китая (Ministry of Housing and Urban-Rural Development). Такой подход гарантирует выпуск специалистов, умеющих работать в соответствии с международными и национальными нормами.

Китайская ассоциация инженерных консультантов (China National Association of Engineering Consulting, CNAEC) была основана в 1992 году и с 1996 года является полноправным членом МФИК, представляя китайские инженерно-консультационные компании. Исследование показало, что CNAEC выступает связующим звеном между государством и частным сектором, участвует в разработке отраслевых регламентов, ведет консультирование и обеспечивает саморегулирование рынка, продвигая этические нормы и добросовестную конкуренцию в соответствии с принципами МФИК. CNAEC обладает филиалами в 36 провинциях, автономных районах и крупных городах Китая, что формирует обширную сеть для взаимодействия как с госучреждениями, так и с коммерческими структурами. В качестве представителя в МФИК ассоциация проводит работу по популяризации стандартов МФИК на территории Китая и способствует обмену опытом с зарубежными партнерами. Эффективность этих усилий отражается в регулярном награждении китайских проектов на конкурсах МФИК²⁷. CNAEC также отвечает за информационную поддержку отрасли: курирует издания и статистику, анализирует тенденции рынка и публикует сведения об успехах местных компаний на международных проектах, поддерживает веб-сайт и соцсети, помогая распространять передовой опыт МФИК и продвигая МСКП.

Результаты исследования показывают, что для интеграции международных стандартов в инженерно-консультативную практику Китая создаются специальные структуры, способствующие качественной подготовке специалистов. В этом контексте выделяется региональное подразделение МФИК в Пекине (FCS)²⁸, созданное в 2010 году в рамках пилотной программы по сертификации специалистов МФИК (FCSE)²⁹. Программа сертификации получила одобрение правительства Китая и была направлена на всестороннюю подготовку специалистов в области МСКП.

Исследование показывает, что крупные инфраструктурные проекты в Китае, особенно в рамках инициативы «Один пояс, один путь», все чаще опираются на контракты МФИК, чтобы привлечь международные инвестиции и согласовать распределение рисков. Тем не менее обязательные местные нормы предусматривают государственную экспертизу, лицензирование участников и многоступенчатое согласование проектной документации, а также учет интересов провинциальных органов власти. Китайская комиссия по международному экономическому и торговому арбитражу³⁰ рассматривает споры по контрактам МФИК, но при выявлении несоответствий с императивными нормами китайского права приоритет сохраняется за национальным законодательством. Рост числа проектов с иностранным участием ускоряет адаптацию международных контрактных форм. Специалисты с двойным (инженерно-правовым) дипломом помогают согласовывать юридические и технические аспекты, однако различия в терминологии и правовых концепциях все еще

²⁷ FIDIC Project Awards 2024 winners highlight infrastructure excellence. Режим доступа: <https://fidic.org/node/44994> (accessed: 27.02.2025).

²⁸ FIDIC Consulting Services Beijing. Режим доступа: <https://china.fidic.org/> (accessed: 27.02.2025).

²⁹ FIDIC Certified Consulting Engineers programme in China. Режим доступа: <https://fidic.org/trainings/fidic-certified-consulting-engineers-china> (accessed: 27.02.2025).

³⁰ China International Economic and Trade Arbitration Commission. Режим доступа: <https://www.cietac.org/en> (accessed: 27.02.2025).

могут вызывать ошибки и противоречия. CNAEC совместно с FCS и несколькими образовательными институтами регулярно проводят семинары и курсы по корректному использованию стандартов Красной книги (Red Book), Жёлтой книги (Yellow Book)³¹, Серебряной книги (Silver Book) и других норм МФИК.

По состоянию на 2024 год в CNAEC насчитывается свыше 1400 квалифицированных консультантов FCCE, более 1000 инженерных компаний и 36 региональных ассоциаций, охватывающих всю территорию Китая.

Индия. В ходе исследования установлено, что правовая система Индии во многом опирается на английское общее право, включая обширное судебное прецедентное наследие и сквозную контрактную автономию. Однако федеративное устройство добавляет сложности при внедрении международных стандартов: в проектах могут участвовать как федеральные, так и региональные органы власти, влияющие на согласование условий контрактов. Исследование выявило высокий уровень привлекательности индийского рынка для иностранных инвесторов и финансовых институтов, что создает спрос на универсальные инструменты распределения рисков – такие как стандарты МФИК. Применение стандартов МФИК в Индии особенно востребовано в инфраструктурных проектах, финансируемых зарубежными банками или международными финансовыми институтами как НБР или Азиатский банк развития. При этом местное законодательство, регулирующее строительную деятельность, требует учета публичных интересов и может дополнять некоторые положения типовых контрактов МФИК.

В Индии преобладают юристы, имеющие степень Бакалавр Юриспруденции (LLB, Bachelor of Laws) и практику в коммерческой сфере. Возрастающая сложность проектов стимулирует развитие междисциплинарного образования: инженеры и архитекторы получают базовую юридическую подготовку, а юристы изучают технические аспекты строительства. Ведущие университеты, такие как Национальная юридическая школа Индии (National Law School of India University) и Университет права NALSAR (NALSAR University of Law), предлагают расширенные курсы по международному коммерческому праву, включая элементы строительной контрактной практики. Технологические институты, такие как Индийский технический институт в Дели (Indian Institute Of Technology Delhi, ИТ Дели), дополняют программы курсами по проектному менеджменту и правовым вопросам крупных строек. Актуальность двойных квалификаций обосновывается индийскими институтами ростом числа контрактов «под ключ» в формате МФИК (Серебряная книга).

СЕАИ³² – ключевой участник международного сообщества МФИК в Индии, образованный в 1996 году в результате консолидации нескольких профессиональных объединений. Историческое развитие инженерно-консультационной отрасли в Индии описано в Истории инженерного консалтинга в Индии³³, где отражен путь от ранней стадии (государственные департаменты после обретения независимости) до современных частных и государственных многопрофильных организаций.

³¹ Plant and Design-Build Contract 2nd Ed. (2017) Yellow Book, Reprinted 2022 with amendments). Режим доступа: <https://fidic.org/books/plant-and-design-build-contract-2nd-ed-2017-yellow-book-reprinted-2022-amendments> (accessed: 04.03.2025).

³² Consulting Engineers Association of India (CEAI). Режим доступа: <https://www.ceai.org.in/> (accessed: 27.02.2025).

³³ History of Consulting Engineering in India. Режим доступа: <https://www.ceai.org.in/history-of-indian-engineering-consultancy/> (accessed: 27.02.2025).

СЕАІ активно публикует рекомендации по применению типовых стандартов МФИК, обучает специалистов и лоббирует интересы индийских компаний на глобальном уровне. Благодаря членству в МФИК у СЕАІ есть возможность участвовать в корректировке и доработке международных стандартов, адаптируя их к локальным индийским условиям.

Становление индустрии консультационных услуг в Индии активизировалось сразу после обретения страной независимости, когда крупные государственные проекты по созданию инфраструктуры исполнялись при содействии зарубежных инженеров и финансировались иностранными инвесторами. С 1950-х годов появились собственные индийские многопрофильные компании, образовались национальные институты: Комиссия по атомной энергии (Atomic Energy Commission), Бхарат Хэви Электрикалс (Bharat Heavy Electricals), Объединение Инженеров Индии (Engineers India Ltd) и др., способные разрабатывать и реализовывать крупные объекты «под ключ». В частном секторе формировались известные инженерные фирмы: Тата Консалтинг Инжинирс (Tata Consulting Engineers), М.Н. Дастур и Ко (M N Dastur & Co), Девелопмент Консалтантс Пвт. Лтд. (Development Consultants Pvt. Ltd.) и пр. Позднее, в 1959–1960 годах, возникла Ассоциация консультирующих инженеров (Association of Consulting Engineers India, ACE-I), а в 1976 году образовалась Национальная ассоциация консультирующих инженеров (National Association of Consulting Engineers, NACE). Их усилия по продвижению стандартов консультационной практики привели в итоге к созданию СЕАІ.

Исследование выявило, что высокая загруженность индийских судов и длительность процессов способствовали росту популярности альтернативных способов разрешения споров. Стандарты МФИК содержат четкие процедуры медиации и арбитража, что подходит для проектов с иностранным участием. В Индии признаны как институциональные – Индийский арбитражный совет (The Indian Council of Arbitration), так и *ad hoc* арбитражи. Суды в большинстве случаев поддерживают договоренности о разделе рисков и оплате работ, закрепленные в нормах МФИК, если они не противоречат основополагающим нормам публичного порядка Индии.

Рост числа индийских проектов (как и китайских), отмеченных в конкурсах МФИК, подтверждает соответствие индийской строительной отрасли основополагающим документам МСКП. Исследование подтвердило высокую актуальность применения стандартов МФИК и ИСО на быстрорастущем индийском рынке инфраструктуры. Гибкая правовая система, унаследованная из английского общего права, в сочетании с арбитражной традицией создает достаточно благоприятные условия для адаптации международных стандартов. Сложности возникают при согласовании государственных и региональных норм, однако растущая поддержка со стороны СЕАІ направлена на митигацию указанных сложностей.

По состоянию на февраль 2025 г., в реестре СЕАІ зарегистрировано 835 сертифицированных специалистов³⁴.

Европейский союз. Установлено, что Европейский союз функционирует как наднациональное объединение, в рамках которого государства стремятся выработать единые правила для обеспечения свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В строительном секторе ЕС эта гармонизация прежде всего отражается в директивах по госзакупкам, техническим регламентам и охране окружающей

³⁴ Members Directory – CEAI. Режим доступа: <https://www.ceai.org.in/why-join-ceai/members-directory/> (accessed: 04.03.2025).

среды, создавая благоприятные условия для внедрения стандартов МФИК. Их ключевая роль в регулировании публичных строительных контрактов и стандартизации процессов подтверждается современными академическими исследованиями (Васоç, 2024). Анализ правовой практики свидетельствует о том, что континентальные системы (Германия, Франция, Италия, Испания) часто встраивают универсальные нормы в свои национальные кодексы, в то время как страны с менее сложной правовой базой используют МФИК практически без адаптации.

Результаты исследования подтверждают, что роль МФИК возрастает, когда инфраструктурные проекты получают финансирование из структурных фондов ЕС: единообразный подход к распределению рисков и ответственности способствует прозрачности и снижению количества споров. Специалисты, работающие с этими стандартами, как правило, обладают междисциплинарной подготовкой: инженеры нередко проходят юридические курсы, а юристы совершенствуют навыки в инженерии. Ведущие вузы (Технический университет Мюнхена, Политех Милана, Сорбонна) все чаще включают в программы правовой, технический и управленческий блоки, а международные проекты и стажировки, такие как Erasmus+³⁵, содействуют обмену опытом между странами.

Профессиональные ассоциации МФИК (VBI в Германии, CINOV и SYNTEC-Ingénierie во Франции, OICE в Италии) активно вовлечены в адаптацию стандартов к местной практике. Их сотрудничество координируется через Совет МФИК по Европе (FIDIC Europe Board, FEB), созданный на базе соглашения МФИК и Европейской федерации ассоциаций консультантов в области инженерии (EFCA). Наибольшая эффективность стандартов МФИК проявляется в ситуациях, когда проект охватывает несколько стран или требует участия нескольких инвесторов при соблюдении общеевропейских директив по госзакупкам и экологическим нормам.

Собранные статистические данные указывают, что в Европе действует более тридцати национальных ассоциаций МФИК, объединяющих свыше двухсот тысяч специалистов в области строительного контрактного права. В Германии Союз консультирующих инженеров VBI включает около 1400 фирм и свыше 52 тысяч профильных специалистов³⁶, во Франции через ассоциации CINOV и SYNTEC-Ingénierie охвачены 100 000 компаний и 1,2 млн. специалистов³⁷, а в Италии организация OICE насчитывает более 400 фирм и свыше 35 тысяч профессионалов³⁸. Если суммировать показатели по разным европейским странам, совокупное число аффилированных с МФИК специалистов может превышать несколько миллионов человек, а общее количество организаций, применяющих стандарты МФИК, составлять сотен тысяч.

Россия

Выявлено, что российское строительное право сочетает континентальную правовую традицию с советским нормативным наследием, что выражается в детализированном регулировании и отсутствии понятия «инженер-консультант»

³⁵ Erasmus+ EU programme for education, training, youth and sport. Режим доступа: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/> (accessed: 27.02.2025).

³⁶ Verband Beratender Ingenieure – VBI. Режим доступа: <https://www.vbi.de/> (accessed: 04.03.2025).

³⁷ Télécharger la plaquette de la Fédération Cinov. Режим доступа: https://www.cinov.fr/sites/default/files/2025-02/plaquette_FEDERATION_CINOV_fev2025.pdf (accessed: 04.03.2025).

³⁸ 2024 OICE International Report. Режим доступа: <https://www.oice.it/579268/2024-oice-international-report> (accessed: 04.03.2025).

в законодательстве. Установлено, что при коллизиях с обязательными нормами РФ условия МФИК адаптируются, что искажает распределение рисков.

Анализ арбитражной практики показал, что суды не оценивают правовую природу риск-менеджмента по МФИК, назначая судебно-строительную экспертизу без учета сертификации экспертов по стандартам МФИК³⁹. Приоритет российских норм над международными положениями создает неопределенность для иностранных подрядчиков.

Образовательные программы в РФ не предусматривают отдельного направления по международному строительному контрактному праву. В отдельных магистерских программах по юриспруденции, например в НИУ ВШЭ, изучаются стандарты МФИК в рамках специализированных курсов⁴⁰.

Исследование деятельности Национальной Ассоциации инженеров-консультантов в строительстве (НАИКС), учрежденной 10 декабря 2014 г. и являющейся членом МФИК от России, демонстрирует скромность ее текущей деятельности в сравнении с ее аналогами в США и Китае. Кроме того, необходимо принимать во внимание, что в последние годы НАИКС отстранена от институтов управления МФИК⁴¹.

Кроме НАИКС, в России действуют крупные негосударственные профессиональные объединения – НОСТРОЙ (Национальное объединение строителей) и НОПРИЗ (Национальное объединение изыскателей и проектировщиков), обладающие полномочиями в сфере институционального регулирования доступа к профессиональной деятельности. Их деятельность характеризуется обязательностью участия для субъектов отрасли, что сопровождается системой установленных финансовых обязательств, включая членские взносы и платные процедуры аттестации. В отличие от НАИКС, в котором механизмы подтверждения квалификации реализуются на безвозмездной основе, в НОСТРОЙ и НОПРИЗ процедуры сертификации сопряжены с фиксированными компенсационными выплатами, что формирует особую модель квазипубличного регулирования отрасли. При этом данные объединения никогда не входили и не входят в МФИК.

С учетом исторической динамики государственного управления в строительной сфере России (до 1 января 2010 г. отрасль регулировалась государством⁴²), а также международного опыта системного администрирования отрасли (включая примеры США⁴³ и Китая⁴⁴), представляется вероятным институциональный сдвиг в сторону централизации механизмов аттестации и контроля за профессиональной компетентностью специалистов. Ожидаемая трансформация может включать перераспределение регулирующих функций в пользу государственных органов, что, в свою очередь, может привести к замене существующих корпоративных платежей на публично-

³⁹ Электронное правосудие. Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 27.02.2025).

⁴⁰ Международное строительное право. Режим доступа: <https://www.hse.ru/edu/courses/646489253?ysclid=m7u4y57qz9488850314f> (дата обращения: 04.03.2025).

⁴¹ Newsletter № 11 – 19 April 2022. Режим доступа: https://www.efcanet.org/sites/default/files/2022-04/EFCA%20Newsletter_19_April%202022_1.pdf#:~:text=15%2F03%2F2022%20%E2%80%93%20FIDIC%20notification%20to,at%20the%2011%20March%202022 (accessed: 27.02.2025).

⁴² Федеральный закон от 22.07.2008 № 148-ФЗ (ред. от 27.07.2010) «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁴³ NSPE – History of Professional Engineering Licensure. Режим доступа: <https://www.nspe.org/resources/licensure> (accessed: 03.03.2025).

⁴⁴ Ministry of Housing and Urban-Rural Development of the PRC. Режим доступа: <http://cpta.mohrss.gov.cn/cpta/583.html/> (accessed: 03.03.2025).

правовые инструменты финансового обеспечения регуляторной деятельности. Такой подход соответствует концепции социального государства, в рамках которой ключевые регуляторные и финансовые механизмы, влияющие на баланс общественных интересов, должны оставаться в ведении государства, а не передаваться частным структурам (Klishas, 2018). Как отмечается в правовой доктрине, позитивные обязанности государства включают обеспечение социальной справедливости и перераспределение ресурсов, что предполагает государственный контроль за ключевыми сферами экономики, включая регулирование профессиональной деятельности и финансовых потоков, связанных с ней.

В перспективе не исключается консолидация НАИКС, НОСТРОЙ и НОПРИЗ в единую государственную систему профессионального регулирования с последующим развитием международного сотрудничества в рамках МФИК.

По состоянию на февраль 2025 г. в реестре НАИКС зарегистрировано 399 сертифицированных специалистов⁴⁵.

Опыт последних десятилетий России

В Российской Федерации неоднократно предпринимались попытки оптимизации национальной нормативно-правовой базы в строительной сфере. Например, политика «регуляторной гильотины», проводимая Правительством РФ под председательством М.В. Мишустина, в рамках которой обязательные требования в строительстве были сокращены с десяти тысяч до четырех тысяч (ПП РФ № 985 от 4 июля 2020 года)⁴⁶.

ПП РФ № 815 от 28 мая 2021 г.⁴⁷ установило обязательными к применению лишь 4 ГОСТа и 65 СП. Этот шаг стал началом пересмотра обязательности большинства нормативных документов, традиционно регулирующих строительство. Суды, в свою очередь, перестали рассматривать нарушения ГОСТов и СНИПов, не включенных в обязательный перечень, как нарушение договорных обязательств, если эти документы не были напрямую указаны в договоре. Например, арбитражные суды в своих решениях, таких как дело № А40-184532/21-28-1670⁴⁸, подчеркивали, что ссылки на устаревшие нормы без их включения в договор не имеют правовой силы.

ПП РФ № 914 от 20 мая 2022 г.⁴⁹ еще больше сократило число обязательных к применению стандартов, оставив только 1 ГОСТ и 5 СП. Это подчеркивало стремление законодателя передать контроль за выбором применяемых норм самим участникам строительного процесса. После принятия этого постановления на несколько лет обязательными для применения являлись лишь те стандарты, которые стороны явно включили в договор. Это решение переложило ответственность за определение перечня применимых норм на участников строительных проектов и радикально трансформировало правовую среду строительной отрасли, сделав ее более договорной.

⁴⁵Реестр инженеров-консультантов. Режим доступа: <https://naces.ru/reestr/> (дата обращения: 04.03.2025).

⁴⁶Число обязательных требований в сфере строительства сократится с 10 тысяч до 7 тысяч. Режим доступа: <http://government.ru/docs/39999/> (дата обращения: 03.03.2025).

⁴⁷Постановление Правительства РФ № 815 от 28 мая 2021 г. (ред. от 20.05.2022) «Об утверждении перечня национальных стандартов и сводов правил...». Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/134485/> (дата обращения: 27.02.2025).

⁴⁸Решение арбитражного суда по делу № А40-184532/21-28-1670. Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 27.02.2025).

⁴⁹Постановление Правительства РФ № 914 от 20 мая 2022 г. «О внесении изменений в Постановление № 815». Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/141098/> (дата обращения: 27.02.2025).

Однако ПП РФ № 417 от 31 августа 2023 года установило, что обязательные требования в строительной отрасли могут содержаться исключительно в Реестре требований в области инженерных изысканий, проектирования, строительства и сноса, ведение которого передано Министерству строительства Российской Федерации, которое в свою очередь вернуло обязательность применения большинству строительных норм в рамках исполнения строительных договоров, независимо от желания сторон и включения требований в договор об их обязательном применении. В результате наблюдается явление, которое можно охарактеризовать как «эффект регуляторного маятника: Министерство строительства РФ сформировало реестр обязательных требований в области инженерных изысканий, проектирования, строительства и сноса, – по состоянию на март 2025 г. содержащий 609 нормативных документов и 104 179 обязательных требований⁵⁰. В данном контексте показательно замечание А.Н. Савенкова, хотя и сделанное применительно к уголовному праву: «Происходящие в настоящее время процессы законодательного регулирования сферы уголовно-правовых отношений в подавляющем большинстве носят ситуационный, хаотичный характер. Зачастую предложения о внесении изменений в законодательство иницируются на фоне каких-либо резонансных событий, без учета практики применения уже существующего нормативно-правового регулирования. Нормотворческая деятельность осуществляется без должной научной проработки, в результате чего уголовное законодательство становится казуистичным, пробельным, что негативно сказывается на противодействии преступности» (Savenkov, 2017). Несмотря на то что речь идет об уголовном законодательстве, логика чрезмерного и хаотичного нормотворчества вполне может быть экстраполирована и на строительную сферу, что создаёт системные проблемы в правоприменении и углубляет риски коррупционных злоупотреблений.

Теперь, когда почти все строительные нормы в России снова стали носить обязательный характер, сложности с интеграцией международных норм, таких как стандарты МФИК и ИСО, становятся еще более выраженными и требуют гармонизации со всеми обязательными документами из вышеупомянутого реестра. Эти факторы оказывают влияние на участие России в международных инфраструктурных проектах, в том числе финансируемых через НБР. На февраль 2025 г. Россия, несмотря на свой статус учредителя НБР, реализовала с участием банка всего два проекта (как и ЮАР), в отличие от Китая, Индии и Бразилии⁵¹.

В условиях столь интенсивных изменений необходима более глубокая правовая гармонизация, чтобы снизить риски правовых коллизий и учесть специфику перевода важных международных норм в национальное законодательство, которые не затрагивают национальный суверенитет, а напротив упрощают выход российских компаний на зарубежные рынки, способствуют привлечению инвестиций из дружественных стран и упрощают взаимодействие с такими международными финансовыми институтами, как НБР. Из-за колоссального роста нормативно-правовых документов в области строительства появляются проблемы, связанные с терминологическими расхождениями в области правовой регламентации. Так, термин «Среда общих данных – СОД» (Common Data Environment, CDE), впервые зафиксированный

⁵⁰ Реестр требований в области инженерных изысканий, проектирования, строительства и сноса. Режим доступа: <https://стройкомплект.рф/rntd> (дата обращения: 03.03.2025).

⁵¹ All Projects. Режим доступа: <https://www.ndb.int/projects/all-projects/> (accessed: 27.02.2025)

в стандарте BS 1192:2007⁵², нашел отражение в международных и российских стандартах. На его основе были разработаны отечественные стандарты, например СП 301.1325800.2017 и международные стандарты ISO 19650-1:2018 и ISO 19650-2:2018, далее имплементированные уже в российские стандарты ГОСТ Р 58439.1–2019 и ГОСТ Р 58439.2–2019. Однако позже некоторые из стандартов, имплементировавших термин СОД (ГОСТ Р 58439.1–2019 и ГОСТ Р 58439.2–2019), были отменены Приказом Росстандарта от 05.02.2020 № 30-ст, тогда как другие стандарты, использующие термин СОД, например СП 301.1325800.2017, остались. В 2023 году в ГОСТ Р 57363-2023 перевод термина CDE опять же обозначен как «Единое информационное пространство», что только усилило коллизии в терминологии. На февраль 2025 года, внесенный в реестр обязательных норм СП 480.1325800.2020, одновременно используются термины «Среда общих данных» (п. 3.4) и «Единое информационное пространство». Подобное искажение и дублирование ключевых понятий в строительной отрасли усложняет нормативно-правовую базу и порождает правовые коллизии, что требует тщательного анализа и совершенствования процесса имплементации международных строительных норм в национальное законодательство. Китайская практика демонстрирует, что аккуратный перевод международных терминов и понятий, а также проведение специализированных исследований по методам перевода универсальных стандартов МФИК на китайский язык способствуют устранению подобных проблем (Min, 2024).

Международная федерация инженеров-консультантов

МФИК была основана в 1913 г. Первый разработанный стандарт МФИК представлял собой типовый строительный договор, называвшийся «Условия контракта на выполнение строительно-монтажных работ гражданского строительства». Он был выпущен в 1957 г. и переиздан в 2017 г. Позднее он получил вначале неофициальное название «Красная книга МФИК»⁵³, которое в последние десятилетия стало *de facto* международным стандартом и общепринятым термином. Позже появился типовый строительный договор «под ключ», который получил название «Серебряная книга МФИК» и многие другие. Впоследствии данные стандарты стали международным эталоном для распределения рисков и регламентации отношений между участниками строительства. Главные цели МФИК включают представление интересов строительного сектора на глобальном уровне, повышение репутации инженеров, развитие качественных и этических бизнес-практик, а также содействие устойчивому развитию. С учетом этого стандартные формы договоров, разработанные МФИК, получили одобрение со стороны Нового банка развития БРИКС, Всемирного банка, ЕБРР, Исламского банка развития и других крупных финансовых организаций, став *de-facto* стандартом в крупных инфраструктурных проектах во многих странах. На март 2025 года все страны-основатели БРИКС (Бразилия, Индия, Китай, ЮАР), а также дружественные России государства (Таиланд, Индонезия, Вьетнам, Египет и др.) имеют свои национальные отделения МФИК⁵⁴.

⁵² BS_1192-1_A2_2016.pdf Режим доступа: https://bim.kz/images/BIMNEWS/BS_1192-1_A2_2016.pdf (accessed: 03.03.2025).

⁵³ Условия контракта на строительство, издание второе (Красная книга, 2-е издание 2017). Режим доступа: <https://naces.ru/product/usloviya-kontrakta-na-stroitelstvo/> (дата обращения: 04.03.2025).

⁵⁴ FIDIC Member associations. Режим доступа: https://fidic.org/membership/membership_associations (accessed: 14.02.2025).

Ключевой особенностью МСКП выступает институт независимого консультанта, осуществляющего широкий спектр функций. Такой консультант действует в качестве независимого арбитра при возникновении споров между заказчиком и подрядчиком, согласовывает выплаты, осуществляет контроль за качеством выполненных работ, а также принимает участие в урегулировании конфликтных ситуаций.

В современной России внедрение норм МСКП началось в апреле 2011 г. в ходе совещания под руководством Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д.Н. Козака. В рамках данного совещания национальным объединениям изыскателей, проектировщиков и строителей было поручено до 1 сентября 2011 г. разработать на основе типовых договоров МФИК и направить в саморегулируемые организации типовые формы договоров на выполнение проектных, изыскательских и строительно-монтажных работ⁵⁵.

28 ноября 2011 г. в редакции № 36 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) впервые появился юридический термин «Технический заказчик» (п. 22): «технический заказчик – физическое лицо, действующее на профессиональной основе, или юридическое лицо...». В эти годы активно велись научные дискуссии и издавались научные труды, посвященные вопросам имплементации норм МФИК в российское законодательство (Varavenko, 2020; Braig & Mutai, 2016). Однако 1 июля 2017 года, с введением в действие редакции № 87 ГрК РФ, законодательно было закреплено, что Техническим заказчиком может выступать исключительно юридическое лицо.

При этом согласно положениям Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024, с изм. от 21.01.2025, вступ. в силу с 05.02.2025), «Индивидуальными предпринимателями признаются физические лица, зарегистрированные в установленном порядке и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица...». Следовательно, индивидуальные предприниматели не являются отдельными юридическими лицами и не могут выполнять функции Технического заказчика. В результате дальнейшая реализация международных стандартов МФИК, особенно в части привлечения независимого консультанта и внедрения механизма адьюдикации в строительных контрактах, оказалась затруднена.

Законодательная база Российской Федерации, в частности Типовые условия контрактов, утвержденные ПП РФ от 29.06.2023 №1066 «О типовых условиях контрактов на выполнение работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объекта капитального строительства», фактически исключает возможность привлечения независимого инженера-консультанта. Это лишает стороны права на применение процедуры адьюдикации посредством создания специальной Комиссии по разрешению споров (Dispute Adjudication Board, DAB) для досудебного разрешения споров; в таких условиях контроль за исполнением обязательств сосредоточен в руках заказчика. Кроме того, механизм внесения изменений в контракт существенно ограничен нормами законодательства о закупках, а споры разрешаются путем переговоров либо в судебном порядке. Между тем в типовых контрактах МФИК ключевую роль отводят нейтральному консультанту, который осуществляет функции арбитра при разрешении споров и оперативно управляет изменениями в договоре.

Существует множество точек зрения относительно важности персональной ответственности в строительстве, призванной исключить риски «размывания»

⁵⁵ СРО РОДОС. Режим доступа: <https://rodosnpp.ru/media/F.pdf> (дата обращения: 04.03.2025).

ответственности и не допустить практику, при которой после завершения строительных проектов технические компании могут банкротиться, оставляя нерешенными вопросы качества проведенных работ. С другой стороны, высказывается мнение о приоритете участия исключительно юридических лиц в строительных проектах, поскольку к таким субъектам возможно предъявлять более масштабные требования, взимать регулярные взносы в рамках саморегулирования, обязывать их выплачивать заработную плату в соответствии с требованиями МРОТ и производить обязательные налоговые отчисления.

На сегодняшний день принципы МСКП в Российской Федерации практически не применяются: невозможно привлечь независимого инженера-консультанта в качестве Технического заказчика, а процедуры досудебного урегулирования споров, в частности адьюдикация с обязательностью вынесенного решения специализированной комиссии (DAB), не имеют правового закрепления и практически не используются в отечественной практике. При этом механизм DAB не тождественен арбитражу (arbitration): комиссия по адьюдикации имеет преимущественно оперативно-превентивную функцию, рассматривает спор до суда или арбитража и принимает решения, обязательность которых для сторон не приравнивается к судебному (арбитражному) акту. Примеры успешной имплементации стандартных форм контрактов МФИК в Китае и Индии показывают, что эффективная адаптация международных норм возможна при наличии четких механизмов правоприменения и высокой квалификации участников строительного процесса.

Одновременно сравнительно-правовое исследование Сулимова Н.Ю. демонстрирует, то академическое сообщество продолжает изучать опыт МФИК применительно к отечественной практике (Sulimov, 2024).

По мнению юристов, специализирующихся в строительных проектах (например, Дмитрия Некрестянова из «Качкин и Партнеры»), при использовании МФИК в России необходим ряд существенных поправок, касающихся: (1) процедуры разрешения споров; (2) порядка учета изменений в объеме и цене работ; (3) роли и статуса инженера в контракте. Императивные нормы российского права в сфере строительства могут расходиться с концепциями, заложенными в МФИК. Помимо этого российские стороны должны учитывать, что выбор применимого права в договорах на базе МФИК (если это право РФ) может привести к конфликту норм⁵⁶.

При рассмотрении инструментов и механизмов эффективного взаимодействия России с международными организациями следует упомянуть исследование В.Н. Жадана (Zhadan, 2016), где автор указывает, что для эффективного правового сотрудничества недостаточно лишь формальной имплементации норм: необходима и политическая поддержка на государственном уровне. Подобный фактор имеет решающее значение для согласования норм МФИК с российским правом, поскольку политическая поддержка способна значительно ускорить процесс интеграции, особенно с учетом того, что адаптация типовых договоров МФИК к российскому праву требует учета экономико-правовых механизмов, детально проанализированных в исследовании В.Е. Варавенко и М.В. Ниязовой (Varavenko & Niyazova, 2022).

⁵⁶ Некрестянов Д. Комментарий к применению контрактов FIDIC в российской юрисдикции // *International Construction Contract Law* / Под ред. Lukas Klee. – Wiley Blackwell, 2014. Режим доступа: <https://www.kachkin.com/dmitry-nekrestyanov-has-performed-as-an-expert-for-the-publication-international-construction-contract-law/> (дата обращения: 14.02.2025).

Заключение

1. Влияние нормативной нестабильности на имплементацию международных стандартов. Сокращение обязательных строительных норм в РФ с 10 000 до 4 000 в 2020–2023 гг. и их последующее увеличение до 100 000 к марту 2025 года создает правовую неопределенность и затрудняет внедрение стандартов МФИК и ИСО. Для устранения коллизий требуется четкое разграничение обязательных и рекомендательных норм.

2. Единообразие правовой терминологии в процессе гармонизации законодательства. Разночтения в переводе международных правовых понятий ведут к правоприменительным расхождениям. Термин «Среда общих данных» (Common Data Environment, CDE) должен быть нормативно закреплён в качестве единственного корректного перевода в национальном законодательстве вместо «Единой информационной среды», не соответствующей международным стандартам.

3. Коррекция законодательного регулирования ответственности в строительной сфере. С 2017 года в РФ наблюдается отход от персональной ответственности технических заказчиков к модели, при которой ее несут исключительно юридические лица. Это противоречит международной практике и подрывает правовые гарантии качества строительства. Для восстановления баланса требуется внесение изменений в п. 22 Градостроительного кодекса РФ, закрепляющих возможность выполнения функций технического заказчика физическим лицом.

References / Список литературы

- Anosov, Y.A. (2024) Normative regulation of requirements for provisions of the international construction contract. *Scientific Journal "Juridical Science"*. (1), 80–83. (in Russian).
Аносов Я.А. Нормативное регулирование требований к положениям договора международного строительного подряда // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 80–83. EDN: FCZXID
- Bacoş, A. (2024) *The Importance and Regulation of Public Works Contracts in The European Union: A Study on FIDIC Standards*. The Challenges of Multicultural Representation: Literature, Discours And Dialogue, pp.135–157.
- Batycho, V.T. (2011) *Private International Law: Lecture Notes*. Taganrog: TTI Yufu Publ. (in Russian).
Батычко В.Т. Международное частное право. Конспект лекций. Таганрог : ТТИ ЮфУ, 2011. 380 с.
- Braig, B. & Mutay, I.M. (2016) Res publica and res mercatoria in the proformas of FIDIC and the Civil Code of the Russian Federation. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. (1), 111–144. (in Russian).
Брайг Б., Мутай И.М. Res publica и res mercatoria в проформах ФИДИК и ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 1. С. 111–144. EDN: VLFNPJ
- Breyer, W. (ed.) (2024) *International construction law: An overview*. London, Informa Law from Routledge Publ. <https://doi.org/10.4324/9781315671376>
- Funge, T. (2020) "Out-of-Pocket" Security, Out of Control? *International Construction Law Review*. 4.
- Gurina, V.A. (2016) On the choice of applicable law for international construction contracts. *Theory and Practice of Modern Legal Science*. 3, 80–83. (in Russian).
Гурина В.А. К вопросу о выборе права применения для договоров международного строительного подряда // Теория и практика современной юридической науки. 2016. Т. 3. С. 80–83. EDN: VYRBDX

- Jenkins, J. (2021) *International Construction Arbitration Law*. Third edition. USA, Wolters Kluwer Publ.
- Klishas, A.A. (2018) The welfare state: On framing the problem. *Law and Management. XXI Century*. (1(46)), 32–42. (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2018-1-46-32-42> EDN: XTXHYL
Клишас А.А. Социальное государство: к постановке проблемы // *Право и управление*. XXI век. 2018. №1 (46). С. 32–42.
- Klee, L. (2018). *International Construction Contract Law*. Prague, John Wiley & Sons Publ.
- Kremnev, P.P. (2021) The universally recognized principles and norms of *jus cogens* and *erga omnes* obligations: The legal nature and hierarchy in the Russian legal system. *Bulletin of Saint Petersburg University. Law*. (12(3)), 783–802. (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.318> EDN: LRQQZF
Кремнев П.П. Общеизвестные принципы и нормы *jus cogens* и обязательства *erga omnes*: юридическая природа и иерархия в российской правовой системе // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2021. № 12 (3). С. 783–802. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.318> EDN: LRQQZF
- Lavrenyak, I.V. (2023) EPC/M contracts and construction contracts: A comparative legal analysis of international and Russian legislation. *Education and Law*. (3), 75–79. (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-3-75-79> EDN: QGVBYR
Лавреняк И.В. ЕРС/М контракты и договоры строительного подряда: сравнительно правовой анализ международного и российского законодательства // *Образование и право*. 2023. № 3. С. 75–79. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-3-75-79> EDN: QGVBYR
- Lyapustina, N.A. & Rybka, O.S. (2024) Prospects for applying provisions on compensation for property losses, as enshrined in the FIDIC Silver Book, in the field of construction contracts in Russia. *Legal Studies*. (6), 1–14. (in Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2024.6.70982> EDN: KVG VKK
Ляпустина Н.А., Рыбка О.С. Перспективы применения положений о возмещении имущественных потерь, закрепленных в FIDIC Silver Book, в сфере строительного подряда в России // *Юридические исследования*. 2024. № 6. С. 1–14. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2024.6.70982> EDN: KVG VKK
- Mahasneh, N. (2024). Joint and several liability at the interface of national and international law and the FIDIC conditions of contract. *Uniform Law Review*. 29 (3), 412–428. <https://doi.org/10.1093/ulr/unae039> EDN: NQELKD
- Min, X. (2024). Translation methods of passive voice in English-Chinese translation of international engineering contracts—Taking “FIDIC” (Conditions of Contract for Construction) as an example. *Modern Linguistics*. 12 (5), 2713–2718. <https://doi.org/10.12677/ml.2024.125384>.
- Murodzhonova, M.M. & Imamova, D.I. (2023) The concept of an international construction contract. *Bulletin of Legal Sciences*. 7 (2), 61–69. (in Russian). <http://doi.org/10.51788/tsul.rols.2023.7.2./VJGM1988> EDN: VLEJJY
Муроджоновна М.М., Имамова Д.И. Понятие международного договора строительного контракта // *Вестник юридических наук*. 2023. Т. 7. № 2. С. 61–69. <http://doi.org/10.51788/tsul.rols.2023.7.2./VJGM1988> EDN: VLEJJY
- Savenkov, A.N. (2017) Issues of state criminal policy. Gaps in Russian legislation. *Legal Journal*. (1), 163–171. (in Russian).
Савенков А.Н. Вопросы уголовной политики государства. Пробелы в российском законодательстве // *Юридический журнал*. 2017. № 1. С. 163–171.
- Sulimov, N.Yu. (2024) Comparison of approaches to dispute resolution in construction projects between clients and contractors in Russia and Belarus using FIDIC. *Law and Power, Moscow*. (1), 112–117. (in Russian).
Сулимов Н.Ю. Сравнение подходов к урегулированию споров в строительных проектах между заказчиками и подрядчиками в России и Беларуси с использованием FIDIC // *Закон и Власть*, Москва. 2024. № 1. С.112–117.

- Varavenko, V.E. (2012) Prospects of applying standard contracts of the International Federation of Consulting Engineers (FIDIC) in public procurement practice in Russia. *International Public and Private Law*. (1), 10–13. (in Russian).
Варавенко В.Е. Перспективы применения в России типовых договоров Международной федерации инженеров-консультантов (FIDIC) в практике публичных закупок // Международное публичное и частное право. 2012. № 1. С. 10–13.
- Varavenko, V.E. & Niyazova, M.V. (2022) Economic and legal analysis of instruments for adapting standard FIDIC contracts to Russian law. *Territory of New Opportunities. Bulletin of Vladivostok State University*. 14 (4), 35–50. (in Russian). <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2022-4/035-050> EDN: YJXKOV
Варавенко В.Е., Ниязова М.В. Экономико-правовой анализ инструментов адаптации типовых договоров FIDIC к российскому праву // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2022. Т. 14, № 4. С. 35–50. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2022-4/035-050> EDN: YJXKOV
- Verdier, P. H., & Versteeg, M. (2015). International law in national legal systems: An empirical investigation. *American Journal of International Law*. 109 (3), 514–533.
- Zhadan, V.N. (2016) On the interaction and cooperation of Russia with international organizations. *Current Problems of Humanities and Natural Sciences*. (3–3), 33–37. (in Russian).
Жадан В.Н. К вопросу о взаимодействии и сотрудничестве России с международными организациями // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3–3. С. 33–37.
- Zhukov, M. & Silchenko, V. (2020) FIDIC Silver Book contract: A case from the practice of international arbitration [Electronic resource]. *Lex Torre*. Available at: <https://journal.arbitration.ru/analytics/ispolnenie-i-rastorzhenie-dogovora-podryada-po-serebryanoy-knige-fidic-zakazchikom-ozhidaniya-i-real/?ysclid=m7lsgc79jz450165104> (accessed: 26.02.2025) (in Russian).
Жуков М., Сильченко В. Договор подряда по Серебряной книге FIDIC. Случай из практики международного арбитража [Электронный ресурс] // Lex Torre. 2020. URL: <https://journal.arbitration.ru/analytics/ispolnenie-i-rastorzhenie-dogovora-podryada-po-serebryanoy-knige-fidic-zakazchikom-ozhidaniya-i-real/?ysclid=m7lsgc79jz450165104> (дата обращения: 26.02.2025).

Сведения об авторе:

Белкин Дмитрий Семёнович – старший преподаватель кафедры международного права, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Славяно-Греко-Латинская Академия» (АНО ВО «СГЛА»); 105005, Российская Федерация, г. Москва, ул. Радио, д. 20.

ORCID: 0009-0003-1532-1958, SPIN-код: 4747-6594

e-mail: dmitryb81@gmail.com

About the author:

Dmitry S. Belkin – Senior Lecturer, Department of International Law, Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education “Slavic-Greek-Latin Academy” (SGLA); 20 Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation

ORCID: 0009-0003-1532-1958, SPIN-code: 4747-6594

e-mail: dmitryb81@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-769-786>

EDN: AYRWWC

Научная статья / Research Article

Международно-правовые и национально-правовые аспекты регулирования стандартизации в государственных закупках

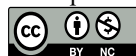
В.Р. Байрашев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва,
Российская Федерация

 aromird@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы формирования подходов к правовому регулированию стандартизации в государственных закупках на международном и национальном уровнях. Основной проблемой применения правил о стандартах в закупочной деятельности является соотношение требований, установленных в правовых актах разных уровней, а также вопросы юридической силы отдельных источников. В этой связи автором прослеживаются ключевые тенденции по имплементации на национальном уровне международных обязательств в сфере стандартизации, имеющих место, в том числе в документах Всемирной торговой организации (ВТО), Европейского союза (ЕС), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), анализируются проблемы взаимодействия межгосударственных и национальных систем стандартизации. В частности, подчеркивается, что в Российской Федерации порядок проведения государственных закупок предполагает обязательное использование национальных стандартов, несмотря на добровольный характер документов по стандартизации, закрепленный в Договоре о ЕАЭС и законодательстве о стандартизации. В исследовании выявлено, что на международно-правовом уровне преимущество отдается международным и межгосударственным стандартам, что направлено на снижение торговых барьеров. Национальный уровень регулирования демонстрирует наличие разнонаправленных тенденций, наиболее заметной из которых является активная защита внутреннего рынка с помощью инструментов стандартизации. Рассмотрены правовые средства преодоления технических барьеров в сфере стандартизации, включая запрет новых ограничений, взаимное признание стандартов и результатов оценки соответствия техническим регламентам, согласование новых вводимых стандартов. Наряду с государственными стандартами исследованы возможности для применения частных (негосударственных) стандартов в государственных закупках, включая увеличение возможностей для приобретения инновационной продукции. Предмет исследования – правовое регулирование стандартизации в государственных закупках на международном и национальном уровне. Цель исследования – выявление закономерностей, а также изучение возможных направлений для совершенствования указанного правового регулирования. В работе применены различные методы исследования, включая формально-логический, сравнительно-правовой методы, метод анализа и синтеза, метод толкования права.

© Байрашев В.Р., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: национальный стандарт, международный стандарт, ВТО, ЕАЭС, МЕРКОСУР, USMCA, техническая спецификация, стандарт организации

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 11 августа 2024 г.

Принята к печати: 15 июля 2025 г.

Для цитирования:

Байрашев В.Р. Международно-правовые и национально-правовые аспекты регулирования стандартизации в государственных закупках // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 3. С. 769–786. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-769-786>

International and national legal aspects of standardization in public procurement

Vitaly R. Bayrashev

National Research University Higher School of Economics, *Moscow, Russian Federation*

 aromird@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the development of approaches to the legal regulation of standardization in public procurement at both international and national levels. A primary challenge in applying standards in procurement lies in reconciling the requirements established by legal acts of varying authority, as well as addressing questions related to legal force of individual sources. In this context, the author examines key trends in the national implementation of international obligations in the field of standardization, including those arising from the documents of the World Trade Organization (WTO), the European Union (EU), and the Eurasian Economic Union (EAEU). The article analyzes in the interaction between interstate and national standardization systems. Particular emphasis is placed on the Russian Federation, where public procurement procedures mandate the use of national standards, despite the voluntary nature of standardization documents enshrined in the EAEU Treaty and standardization legislation. The study also revealed that at the international legal level, priority is given to international and interstate standards to reduce trade barriers. Conversely, national regulation exhibits multidirectional trends, notably the active protection of the domestic market through standardization tools. The article explores legal mechanisms for overcoming technical barriers in standardization, including the prohibition of newly imposed restrictions, mutual recognition of standards and conformity assessment results relative to technical regulations, and coordination of new standards being introduced. Along with state standards, the possibilities of applying private (non-state) standards in public procurement are considered, partially to expand opportunities for purchasing innovative products. The subject of the study is the legal regulation of standardization in public procurement across international and national frameworks. The purpose is to identify patterns and propose ways to improve this legal regulation. The research employs various methods, including formal logical and comparative legal methods, as well as analysis, synthesis, and legal interpretation.

Key words: national standard, international standard, WTO, EEU, MERCOSUR, USMCA, technical specification, company standard

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 11th August 2024

Accepted: 15th July 2025

For citation:

Bayrashev, V.R. (2025) International and national legal aspects of standardization in public procurement. *RUDN Journal of Law*. 29 (3), 769–786. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-769-786>

Введение

В обществе, где каждый привык пользоваться результатами передовых технологий, сложно представить себе жизнь без определенных стандартов, нацеленных на унификацию выпускаемой продукции на основе единообразия предъявляемых к ней требований, в том числе по качеству и безопасности. Данная унификация продукции, называемая также стандартизацией, позволяет добиться значимых экономических эффектов: например, только в автомобильной промышленности столетие назад стандартизация обеспечивала ежегодную экономию затрат автопроизводителей на уровне 750 млн дол. США (Agnew, 1924: 269). К другим важным результатам стандартизации исследователи относят адаптацию и поддержку инноваций (Gottinger, Ladu & Blind, 2023: 190), сохранение и улучшение окружающей среды (Rainville, 2017: 1030), сокращение сроков выполнения работ (Hinds, 1933: 113–123).

Сами стандарты представляют собой утвержденные признанными органами документы, содержащие характеристики товаров или услуг либо соответствующих процессов и методов производства, которое предназначены для всеобщего, многократного применения и соответствие которым не является обязательным (ст. VI Соглашения о государственных закупках ВТО¹). Альтернативные нормативные определения стандартов представлены в Протоколе о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза², а также в ст. 2 Федерального закона о стандартизации³.

Понимая важность работ по стандартизации, каждое государство создало собственные органы по стандартизации и отраслевое законодательство в сфере стандартизации. Россия, где в рамках Федерального закона о стандартизации Росстандарт проводит государственную политику в области стандартизации, не стала исключением.

Заинтересованность различных стран в стандартизации связана еще и с тем, что зачастую государство – крупнейший покупатель продукции на отечественном рынке. Например, в России совокупный объем заключенных контрактов по правилам Федерального закона о контрактной системе⁴ составил почти 11 трлн руб. только за 2024 г.⁵ В этой связи необходимость использования документов по стандартизации в российских государственных закупках закреплена на уровне Федерального закона о контрактной системе.

Проблемы правового регулирования стандартизации и технического регулирования являются предметом исследования ряда авторов, рассматривавших в своих

¹ Agreement on Government Procurement (Annex 4 of Agreement establishing The World Trade Organization, Marrakesh, dated 15.04.1994).

² Приложение № 9 к Договору о ЕАЭС (подписан в г. Астане 29.05.2014).

³ Федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ (ред. от 30.12.2020) "О стандартизации в Российской Федерации" // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3953.

⁴ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. 04.08.2023) "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

⁵ По данным Единой информационной системы в сфере закупок www.zakupki.gov.ru

работах соотношение законодательства о стандартизации и техническом регулировании, исследовавших правовую природу стандартов, вопросы неоднозначности терминологического аппарата, который используется в законодательстве о стандартизации и законодательстве о техническом регулировании (Andreeva, 2018; Panova, 2019).

Особенностью законодательства в сфере закупок является значительный объем международно-правового регулирования: многие государства имеют ряд международных обязательств по применению документов по стандартизации в закупочной деятельности, которые должны быть имплементированы в национальное законодательство. В этой связи актуальным является рассмотрение требований международных актов в части применения документов по стандартизации в закупках в сочетании с национальным законодательством отдельных государств.

Международно-правовые аспекты стандартизации в государственных закупках

Проблемы применения документов по стандартизации являются значимым вопросом Соглашения по техническим барьерам в торговле ВТО⁶, Договора о ЕАЭС и иных международных договоров. Преодоление имеющихся технических барьеров, которые обусловлены различиями в технических регламентах и стандартах, а также «местных» правилах, является неотъемлемым условием решения задачи по расширению доступа участников международных соглашений на мировой рынок.

Наряду с преодолением технических барьеров в сфере стандартизации международные договоры универсального и регионального характера нацелены на урегулирование порядка применения документов по стандартизации непосредственно в государственных закупках.

Правовые средства преодоления технических барьеров в сфере стандартизации

ВТО рассматривает технические барьеры в ходе применения документов по стандартизации в рамках Кодекса добросовестной практики применительно к разработке, утверждению и применению стандартов, включенного в текст Соглашения по техническим барьерам в торговле ВТО⁷.

Указанный кодекс обязывает органы по стандартизации не допускать разработки, утверждения и применения стандартов так, чтобы создавались избыточные препятствия в международной торговле. Такие же требования статья 2 Соглашения по техническим барьерам в торговле ВТО устанавливает к техническим регламентам.

Другими словами, ВТО признает, что документы по стандартизации и технические регламенты, которые не отвечают требованиям Соглашения по техническим барьерам в торговле ВТО, могут являться скрытым ограничением импорта иностранной продукции. Как справедливо отмечается в литературе (Panova, 2019: 59–66), в отношении стандартов уместно говорить о «концепции технического барьера», что означает использование стандартов в целях обеспечения безопасности продукции с одновременным запретом на применение стандартов для противодействия легальной торговой практике.

⁶ Agreement on Technical Barriers to Trade (Annex 1 of Agreement establishing The World Trade Organization, Marrakesh, dated 15.04.1994).

⁷ Annex 3 of the Agreement on Technical Barriers to Trade.

Вместе с тем появившуюся у органов по стандартизации обязанность не допускать избыточные препятствия в международной торговле можно считать средством предотвращения (превенции) новых ограничений и, соответственно, значимым правовым инструментом для преодоления технических барьеров.

Иные международные договоры с участием России также называют отличия в стандартах одним из видов технических барьеров в межстрановой торговле. К таким международным договорам следует отнести Соглашение о порядке и условиях устранения технических барьеров во взаимной торговле с третьими странами⁸, и Соглашение государств – членов Таможенного союза об устранении технических барьеров во взаимной торговле с государствами – участниками Содружества Независимых Государств, не являющимися государствами – членами Таможенного союза⁹.

Эти соглашения предполагают нейтрализацию технических барьеров в сфере стандартизации посредством взаимного признания имеющихся результатов оценки соответствия. Это означает, что органы по стандартизации различных государств должны сопоставлять между собой обязательные требования¹⁰ на идентичную продукцию, и в случае достаточного соответствия этих требований друг другу признавать возможность продажи иностранных товаров на территории своей страны без последующего прохождения процедур обязательной сертификации и/или государственной регистрации по национальным правилам.

Безусловно, взаимное признание существующих результатов оценки соответствия позволяет значительно сократить издержки выхода производителей товаров на зарубежные рынки и потому также является значимым правовым средством преодоления технических барьеров в сфере стандартизации. Пример такого взаимного признания представлен в Консультативном заключении Суда ЕАЭС от 30.05.2023 № Р-1/23, где рассматривался вопрос маркировки молочной продукции и взаимного признания средств ее идентификации.

Еще одним правовым средством, направленным на противодействие возникновению технических барьеров, является механизм согласования вводимых стандартов. Фактически все международные стандарты были приняты именно по результатам согласования стандарта различными государствами, что позволяет минимизировать технические барьеры за счет внедрения единых универсальных технических требований к продукции.

Полноценное и своевременное применение перечисленных правовых средств для преодоления технических барьеров в сфере стандартизации представляется чрезвычайно важным. В противном случае высокие транзакционные издержки, связанные с заключением сделок, существенно ограничат объемы международной торговли (Mokhov, 1999: 356). И даже внутри одной страны поставщики товаров нередко сталкиваются с последствиями недостаточной гармонизации стандартов: например, во франкоговорящей части Швейцарии длительное время применялся стандарт цветного телевидения SECAM, а в немецкоговорящей части – стандарт

⁸ Соглашение о порядке и условиях устранения технических барьеров во взаимной торговле с третьими странами (заключено в г. Москве 22.11.2021) // Бюллетень международных договоров. 2023. № 7.

⁹ Соглашение государств – членов Таможенного союза об устранении технических барьеров во взаимной торговле с государствами – участниками Содружества Независимых Государств, не являющимися государствами – членами Таможенного союза (заключено в г. Москве 17.12.2012) // Бюллетень международных договоров. 2015. № 8.

¹⁰ К обязательным требованиям относятся технические регламенты и в отдельных случаях национальные стандарты.

PAL, что создавало дополнительные неоправданные издержки для производителей и поставщиков телевизионного оборудования (Ruzhevicius, 2010: 8).

Также следует подчеркнуть, что попытки использовать документы по стандартизации в целях воспрепятствования импорту неоднократно имели место на практике, во многом ввиду простоты использования данного подхода. В частности, примерно 70 лет назад Израиль активно использовал стандарты в протекционистских целях, в то время как Соглашение о ВТО предписывает их использование для обеспечения качества поставляемой продукции. И вплоть до 90-х гг. XX в. в Израиле наблюдалось противостояние ассоциаций промышленников, поддерживавших использование стандартов для ограничения импорта, и Министерства финансов, выступавшего за отмену подобного способа применения стандартов (Fedorchenko, 2012:56).

И с учетом того, что технические барьеры в сфере стандартизации в отдельно взятом государстве могут носить как нормативный, так и ненормативный характер¹¹, представляется принципиально важным эффективное функционирование международных правовых институтов, позволяющих участникам международной торговли оспорить действие технических барьеров. Отдельные примеры оспаривания действия технических барьеров в сфере стандартизации рассмотрены в последующих разделах статьи.

Соотношение международных и национальных стандартов в государственных закупках

Одним из направлений, где различные барьеры в торговле наиболее заметны, являются государственные закупки. Ряд государств предпочитает не открывать сферу государственных закупок для иностранных поставщиков либо вводит ограничения на поставку иностранных товаров, например, путем принятия актов импортозамещения.

Вместе с тем существует ряд международных договоров (ВТО, ЕАЭС и др.), предусматривающих возможности участия в государственных закупках для иностранных поставщиков, что также обуславливает необходимость в правовых средствах преодоления технических барьеров в сфере стандартизации.

В рамках ВТО ст. VI Соглашения о государственных закупках ВТО определяет, что применяемые заказчиками описания закупаемой продукции должны базироваться на международных стандартах, а при их отсутствии – на национальных стандартах, а также технических регламентах.

Соответственно, Соглашением о государственных закупках ВТО воспроизведен один из вариантов превенции технических барьеров в торговле, так как международные стандарты получили преимущество перед национальными стандартами в государственных закупках. Кроме того, наличие у международных стандартов подобного преимущества, очевидно, стимулирует участников Соглашения о государственных закупках ВТО гармонизировать национальные стандарты в соответствии с утвержденными международными стандартами, что также ведет к ликвидации барьеров в торговле между участниками соглашения.

Тем не менее, на практике присоединение государства к Соглашению о государственных закупках ВТО не гарантирует повышение доступности государственных закупок для иностранных поставщиков (Shingal, 2011: 527–549).

¹¹ Технические барьеры ненормативного характера связаны с требованиями отдельных групп потребителей, профессиональных ассоциаций, рекомендациями органов власти в адрес потребителей.

Необходимо отметить, что данный подход к превенции технических барьеров в торговле преобладает и в других международных договорах, регламентирующих государственные закупки.

Например, п. 3 ст. 52 Договора о ЕАЭС предоставлено право добровольного применения международных и межгосударственных стандартов, а в случае их отсутствия – государственных стандартов.

Это регулирование повлекло за собой формирование на пространстве ЕАЭС собственной системы стандартизации, определенной в ГОСТ 1.0-2015 и применяемой и на территории ЕАЭС, и на территории отдельных государств СНГ, находящихся за пределами ЕАЭС. Соответственно, российские национальные основополагающие стандарты, например, ГОСТ Р 1.12-2020, должны определяться на основе межгосударственной системой стандартизации ГОСТ 1.0-2015, имеющей приоритет по отношению к национальной системе.

Кроме того, в ЕАЭС проводится систематическая работа по формированию перечней программ и стандартов по разработке ГОСТ к техническим регламентам ЕАЭС¹². Стоит отметить, что соглашения ЕАЭС в существенной степени заместили национальное техническое регулирование, а также стандартизацию (Ershova, 2013: 33-45). Это обстоятельство может рассматриваться и как преимущество (расширение масштабов стандартизации), и как недостаток (ограничение возможностей национального регулирования), но положительное влияние межгосударственной стандартизации все же преобладает с учетом участия в разработке системы межгосударственной стандартизации всех государств-членов ЕАЭС.

Напротив, п. 10 Протокола между государствами – участниками Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. о правилах и процедурах регулирования государственных закупок¹³ не дает каких-либо преимуществ международным или межгосударственным стандартам по отношению к государственным стандартам. В то же время отмеченный факт не стоит считать ошибкой, поскольку данный международный договор применяется в неразрывной связи с п. 3 ст. 52 Договора о ЕАЭС¹⁴.

Такой же подход к преимущественному использованию международных или межгосударственных стандартов в государственных закупках по отношению к национальным (государственным) стандартам прослеживается и в п. 3 ст. 10 Протокола о государственных закупках МЕРКОСУР¹⁵, применяемого отдельными государствами Южной Америки. Наряду с традиционным для международных договоров национальным режимом наибольшего благоприятствования, предоставляемым для отдельных групп товаров (Kamalyan, 2018: 171), предложенный подход к применению стандартов нацелен на снижение барьеров участия в государственных закупках стран-участниц МЕРКОСУР.

¹² Стандартизация – базовый элемент повышения конкурентоспособности продукции ЕАЭС, Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/standartizatsiya-bazovyy-element-povysheniya-konkurentosposobnosti-produktsii-eaes/> (дата обращения: 20.01.2024).

¹³ Протокол между государствами – участниками Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 года о правилах и процедурах регулирования государственных закупок (подписан в г. Бишкеке 07.06.2016) // Бюллетень международных договоров. 2017. № 10. С. 3–13.

¹⁴ В ст. 10 Протокола между государствами – участниками Договора о зоне свободной торговли указано, что данный Протокол применяется в части, не противоречащей Договору о ЕАЭС.

¹⁵ Protocolo de contrataciones publicas del MERCOSUR (MERCOSUR/CMC/DEC. № 37/17, Brasilia, dated 20.12.2017).

В целях снижения барьеров ведения торговой деятельности в МЕРКОСУР, как в ЕАЭС, существуют и собственные единые органы, реализующие политику стандартизации на наднациональном уровне (Mercosur Association for Standardization), и единые технические регламенты (напр., Технический регламент МЕРКОСУР GMC № 46/06 О положениях в отношении упаковки, покрытий, посуды, крышек и металлического оборудования, контактирующего с пищевыми продуктами).

Другим таким примером на уровне Европейского союза (далее – ЕС) является подп. «b» п. 3 ст. 42 Директивы № 2014/24/ЕС¹⁶, предусматривающей преимущественное использование европейских и международных стандартов в государственных закупках. В правовой доктрине ЕС такой порядок применения стандартов считается удачным примером политики гармонизации законодательства, целью которого является создание общего товарного рынка (Craig, 2002: 24).

Европейские стандарты тоже имеют отдельное обозначение EN, применяются на территории всех стран ЕС в качестве основных национальных стандартов. Что показательно, отечественные заказчики при подготовке закупок нередко не знают о правовом статусе тех или иных стандартов, и могут по ошибке применять иностранные стандарты (например EN) вместо национальных (ГОСТ Р)¹⁷, руководствуясь технической документацией на закупаемую иностранную продукцию.

В этой связи важно отметить, что европейский подход к применению стандартов дополнительно предусматривал разработку и утверждение подробных алгоритмов применения стандартов как для случая наличия европейских стандартов, так и для случая их отсутствия¹⁸. Представляется целесообразным заимствовать практику разработки таких алгоритмов и на территории ЕАЭС для обеспечения корректного применения стандартов государственными заказчиками.

Понимая преимущества наднационального регулирования стандартизации, некоторые государства заимствовали рассмотренную модель и в двухсторонних международных договорах¹⁹.

К немногочисленным примерам международных договоров, где у международных и межгосударственных стандартов отсутствует преимущество перед национальными стандартами при описании объекта государственных закупок можно отнести Соглашение между США, Мексикой и Канадой (USMCA)²⁰. В частности, par. 2 art. 13.11 USMCA предписывает использовать в описании объекта закупки международные либо национальные стандарты, не отдавая приоритет одному из видов стандартов. В то же время, учитывая, что из трех членов USMCA только Мексика не присоединилась к Соглашению о государственных закупках ВТО, можно прийти к выводу об отсутствии существенных правовых барьеров между участниками USMCA при использовании стандартов в государственных закупках.

В числе значимых для государственных закупок международных документов, не относящихся к международным договорам, следует упомянуть Типовой закон

¹⁶ Directive No. 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council on public procurement and repealing Directive 2004/18/EC (Strasbourg, dated 26.02.2014).

¹⁷ См., напр., Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.01.2024 по делу № А56-107014/2023, решение Московского УФАС России от 01.11.2022 по делу № 077/06/106-16232/2022, решение Ростовского УФАС России от 11.03.2021 по делу № 061/06/64-448/2021.

¹⁸ art. 5.1-5.4 Guide to the community rules on public procurement of services (DIRECTIVE 92/50/EEC, в настоящее время утратило силу).

¹⁹ art. 11.10 Singapore–Sri Lanka Free Trade Agreement 2018 (dated 23.01.2018), art. 16.9 Australia–UK Free Trade Agreement (dated 17.12.2021).

²⁰ United States–Mexico–Canada Agreement (dated 30.11.2018).

ЮНСИТРАЛ о публичных закупках²¹. Данный международный документ ограничивается указанием на необходимость использования стандартных показателей и требований в отношении характеристик закупаемой продукции без указания на статус применяемых стандартов. В данном случае отсутствие указания на статус стандартов может быть обусловлено тем, что далеко не все государства отдают предпочтение международным стандартам в государственных закупках.

Таким образом, через стимулирование преимущественного применения в государственных закупках международных и межгосударственных стандартов международные договоры способствуют сокращению технических барьеров в международной торговле и расширению интеграции государств в единое правовое поле. В то же время практика применения стандартов отдельными государствами показывает, что добиться снижения технических барьеров таким способом удастся далеко не всегда, поэтому рассмотрим правовое регулирование данного вопроса на национальном уровне.

Национально-правовые аспекты стандартизации в государственных закупках

Кроме международных договоров правила государственных закупок, включая порядок применения документов по стандартизации в государственных закупках, определяются национальным законодательством каждого государства. И именно от национального законодательства будет зависеть то, в какой мере государственными заказчиками будут учитываться нормы международных договоров в закупочной деятельности.

Подходы различных государств к применению стандартов в государственных закупках

В вопросе применения документов по стандартизации в государственных закупках среди различных государств наметились две ярко выраженные тенденции. Первая группа государств пошла по наиболее очевидному пути, предписанному нормами ратифицированных международных договоров, и имплементировала существующие международные обязательства по предоставлению преимуществ международным и межгосударственным стандартам в национальное законодательство.

К первой группе государств можно отнести:

1. Швейцарию²²;
2. Новую Зеландию²³;
3. Сингапур²⁴;
4. Австралию²⁵;
5. Исландию²⁶;

²¹ "Типовой закон ЮНСИТРАЛ о публичных закупках" (принят в г. Вене 01.07.2011 на 44-ой сессии ЮНСИТРАЛ).

²² par. 2 art. 30 Federal Act on Public Procurement (PPA) (dated 21.06.2019).

²³ par. 2 art. 27 Government Procurement Rules, 4th Edition (in force 01.10.2019).

²⁴ Government procurement act 1997 (in force 19.05.2002), с поправками, вступившими в силу с 31.12.2021. Данный закон в преамбуле фактически вводит в действие Соглашение о государственных закупках ВТО, включая нормы о порядке применения международных стандартов.

²⁵ art. 10.10 Commonwealth Procurement Rules (dated 01.07.2022).

²⁶ art. 49 Act on Public Procurement No. 84/2007.

6. страны Европейского союза (например, Польша²⁷ и Швеция²⁸).

Указанные государства придерживаются требований Соглашения о государственных закупках ВТО, отдавая в государственных закупках предпочтение международным стандартам и допуская применение национальных стандартов лишь в случае отсутствия международных стандартов.

Не менее многочисленной является и вторая группа государств, не отдающая приоритет международным и межгосударственным стандартам при описании объектов государственных закупок. В качестве примеров таких государств следует выделить:

1. Саудовскую Аравию;
2. Индию;
3. Турцию;
4. Армению;
5. Российскую Федерацию.

Рассмотрим эти случаи более подробно, поскольку подходы к применению документов по стандартизации и международные обязательства по регулированию государственных закупок в отмеченных странах заметно отличаются.

Итак, законодательство Саудовской Аравии²⁹ предписывает использовать национальные стандарты, а в случае отсутствия таковых – международные стандарты. Следует отметить, что Саудовская Аравия не является участником Соглашения о государственных закупках ВТО и потому вправе оставлять приоритет за национальными стандартами в государственных закупках при условии соблюдения Соглашения по техническим барьерам в торговле ВТО. Данный аргумент применим и к другим государствам, не являющимся участниками Соглашения о государственных закупках ВТО и потому имеющими возможность применять стандарты как дополнительный инструмент защиты внутреннего рынка.

Разумеется, приоритизация национальных стандартов не является единственным инструментом защиты внутреннего рынка. Например, в государственных закупках Индии³⁰ применяются как специальные знаки соответствия национальным стандартам, наносимые на поставляемую в рамках государственных контрактов продукцию, так и административные ограничения на продажу отдельных видов иностранных товаров³¹.

При этом, как отмечается некоторыми авторами (Jatkar et al., 2014: 58), Индия не просто не является стороной Соглашения о государственных закупках ВТО, но и ранее решительно отвергла для себя участие в данном соглашении. Кроме того, существующие региональные торговые соглашения Индии с другими государствами, например, Соглашение о зоне свободной торговли с Японией, не предусматривают допуск иностранных поставщиков на индийский рынок государственных закупок и ограничиваются в основном сотрудничеством в вопросах предоставления информации о проводимых закупках.

Во многом такая политика обусловлена тем, что от глобальной стандартизации выигрывают в первую очередь международные корпорации, а менее конкурентоспособная отечественная промышленность в таком случае окажется под серьезной

²⁷ art. 101 Public Procurement Law (dated 11.09.2019).

²⁸ chap. 9 sec. 4 The Public Procurement Act (2016:1145).

²⁹ par. 1 art. 22 Government tenders and procurement law (Royal Decree № M/128, dated 16.07.2019)

³⁰ par. 3 art. 144 General financial rules 2017 (dated 11.02.2017).

³¹ par. 4 art. 2.2.2, par. 2 art. 15 Manual for Procurement of Goods, 2017.

экономической угрозой. Россия в этом смысле не отличается от Индии, ограничивая участие иностранных поставщиков в государственных закупках как через акты импортозамещения, так и через внедрение цифровой маркировки отдельных групп товаров³².

Важно подчеркнуть, что часть государств второй группы, не отдающих преимущества международным стандартам, в действительности имеют обязательства международно-правового характера, предусматривающие преимущества международных стандартов в государственных закупках.

В частности, Армения является участником Соглашения о государственных закупках ВТО, но допускает использование на равных как международных стандартов, так и действующих в Республике Армения нормативно-технических документов, стандартов³³.

Турция³⁴, напротив, не присоединилась к Соглашению о государственных закупках ВТО, однако имеет ряд обязательств перед ЕС в части корректировки собственного законодательства о государственных закупках в рамках принятия в члены ЕС. По этой причине отдельные исследователи отмечают необходимость приведения турецкого законодательства в соответствие с Директивой № 2014/24/ЕС, требующей отдавать предпочтение европейским стандартам (Alyanak, 2007: 217).

Российское законодательство³⁵ предписывает использовать национальные стандарты при описании объекта закупки. При этом существующий порядок применения стандартов, утвержденный Приказом Росстандарта от 21.06.2021 № 1061, допускает использование международных и межгосударственных стандартов лишь в случае отсутствия соответствующих национальных стандартов. Представляется, что существующий в Российской Федерации порядок применения международных и межгосударственных стандартов противоречит ранее рассмотренным нормам п. 3 ст. 52 Договора о ЕАЭС и потому нуждается в корректировке с учетом требований Договора о ЕАЭС.

Несоблюдение отдельными государствами порядка применения документов по стандартизации в сфере закупок может стать предметом международных судебных разбирательств. Наиболее известным таким разбирательством является дело Ирландии против ЕС, отраженное в решении Суда ЕС от 22.09.1998 по делу № 45/87³⁶. В рассматриваемом деле оспаривалась правомерность требования о поставке асбестоцементных труб, сертифицированных по ирландскому национальному стандарту, с одновременным запретом на поставку труб, соответствующих иным стандартам и всем предъявляемым заказчиком требованиям к безопасности.

Рассмотрев это дело, Суд пришел к выводу, что действия ирландского заказчика неправомерно ограничили возможность участия в закупке для испанских поставщиков труб. По мнению суда, отсутствие возможности поставки труб иного производителя в данном случае не соответствовало нормам ст. 30 Договора о функционировании Европейского союза (далее – Договор о функционировании ЕС), поскольку ирландская сторона не обеспечила возможность проверки эквива-

³² Такая цифровая маркировка введена Распоряжением Правительства РФ от 28.04.2018 № 792-р.

³³ ч. 3 ст. 13 Закона Республики Армения от 16.12.2016 № ЗР-21-Н «О закупках».

³⁴ art. 12 Public Procurement law № 4735 (dated 05.01.2002).

³⁵ п. 2 ч. 1 ст. 33 Федерального закона о контрактной системе.

³⁶ Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61987CJ0045> (дата обращения 20.02.2024).

лентной продукции установленным требованиям к качеству и безопасности, безальтернативно потребовав использование ирландских материалов при исполнении договора. Суд также дал оценку возражениям технического характера, предоставленным ирландской стороной, но не нашел их достаточно убедительными.

В то же время подобные международные судебные разбирательства нельзя считать частым явлением. Это связано и со сравнительно редким прямым участием в государственных закупках иностранных компаний³⁷, и с наличием ограничений международно-правового регулирования, на что обращается внимание в судебных актах. В частности, в решении Суда ЕС от 16.04.2015 по делу № C-278/14³⁸ указывается на то, что европейское регулирование не распространяется на процедуры государственных закупок ниже определенной стоимости, и потому в таких процедурах государственных закупок применению подлежат только основополагающие нормы и общие принципы Договора о функционировании ЕС.

Таким образом, отсутствие у государства международных обязательств в сфере государственных закупок, с одной стороны, сохраняет дополнительные свободы в вопросе применения законодательства о стандартизации при описании объектов государственных закупок, но, с другой стороны, ограничивает возможности отечественных поставщиков в участии в закупках за рубежом ввиду наличия различных подходов к применению стандартов. Вместе с тем не стоит забывать и о том, что расширение сотрудничества различных государств в сфере стандартизации позволяет сократить издержки на производство продукции и для отечественных поставщиков, делая их продукцию более конкурентоспособной на мировом рынке.

Немаловажным препятствием на пути применения стандартов в государственных закупках является наличие в законодательстве отдельных государств требований об использовании иных документов, «конкурирующих» со стандартами (Bayrashev, 2024: 26). В частности, российские заказчики одновременно с национальными стандартами обязаны учитывать требования каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, акты нормирования, требования к отдельным видам товаров, установленных Правительством РФ³⁹, что далеко не всегда удается на практике. Решение данной проблемы для российских государственных закупок видится во введении иерархии требований к описанию объекта закупки, например, по аналогии с США⁴⁰.

Правовое значение стандартов в российских государственных закупках

Рассмотрев подходы к применению стандартов различными государствами, обратим внимание на вопрос обязательности стандартов для государственных заказчиков. Напомним, что п. 3 ст. 52 Договора о ЕАЭС указывает на добровольность применения стандартов на территории ЕАЭС. Аналогичные требования содержатся в ч. 1 ст. 26 Федерального закона о стандартизации.

³⁷ Так по данным Обзора «Государственные (муниципальные) закупки государств – членов Евразийского экономического союза» за 2019 г., государственные заказчики Киргизии заключили всего 181 государственный контракт с поставщиками из других стран ЕАЭС, что не превышает 0,035% от общего числа заключенных государственных контрактов. Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/108/statobzor-2019.pdf> (дата обращения 20.02.2024).

³⁸ Режим доступа: https://curia.europa.eu/juris/document/document_print.jsf?pageIndex=0&docid=163709&doclang=EN&text=&cid=3697452 (дата обращения 20.02.2024).

³⁹ ч. 5 ст. 19, ч. 6 ст. 23, ч. 5 ст. 33 Федерального закона о контрактной системе.

⁴⁰ art. 11.101 Federal Acquisition Regulation.

Тем не менее, требование п. 2 ч. 1 ст. 33 Федерального закона о контрактной системе об указании в описании объекта закупки конкретных стандартов фактически означает обязательность применения стандартов в государственных закупках (Andreeva, 2018: 35-42). Представляется, что сложившаяся ситуация противоречит существу законодательства о стандартизации, и Федеральный закон о контрактной системе нуждается в корректировке для устранения данного противоречия.

Такая двойственность стандартов в системе правового регулирования проявляется не только в государственных закупках. В частности, в Консультативном заключении Суда ЕАЭС от 11.07.2023 отмечается, что соответствие продукции требованиям ТР ЕАЭС 043/2017⁴¹ обеспечивается выполнением требований стандартов, применяемых на добровольной основе. То есть исполнение стандарта, носящего добровольный характер, может служить подтверждением соответствия продукции требованиям обязательного технического регламента.

Более того, добровольный или обязательный характер стандартов в отдельных случаях становится предметом самостоятельных судебных разбирательств. Например, в решении Верховного суда РФ от 04.02.2020 № АКПИ19-873 рассматривалось дело о признании недействующим п. 1 приказа Росстандарта от 18.09.2012 г. № 335-ст, которым для добровольного применения утвержден ГОСТ 54991-2012 «Безопасность аттракционов. Общие требования к безопасности». По мнению административного истца, указание в оспариваемом приказе на добровольный характер применения стандарта вводил ее в заблуждение: приговором Череповецкого городского суда г. Вологды она была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ, в том числе в связи с несоблюдением требований ГОСТ 54991-2012.

С этой точки зрения государственные закупки также могут быть рассмотрены в уголовно-правовой плоскости ввиду наличия специальных уголовных составов. В частности, к уголовной ответственности может быть привлечено лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг (ст. 200.4 УК РФ), или давшее заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок (ст. 200.6 УК РФ). И подобное привлечение указанных лиц к уголовной ответственности вполне может быть обусловлено тем, что изначально добровольный национальный стандарт становится обязательным для сторон контракта в момент включения ссылки на такой стандарт в текст государственного контракта⁴². Отметим также, что подобная проблема на территории ЕАЭС встречается и в государственных закупках Республики Казахстан⁴³, и в чуть меньшей степени в законодательстве Киргизии⁴⁴.

Представляется, что в условиях действия экономических санкций и параллельного импорта, когда на рынке обращается большой объем продукции, произведенной в соответствии с требованиями иностранных стандартов, целесообразно ослабить требования законодательства о закупках, допустив поставку продукции, соответствующей национальным или аналогичным иностранным стандартам.

⁴¹ Технический регламент Евразийского экономического союза «О требованиях к средствам обеспечения пожарной безопасности и пожаротушения» (принят Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23.06.2017 г. № 40).

⁴² См., например, приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 27.02.2023 по делу № 1-11/2023.

⁴³ п. 2 ч. 2 ст. 21 Закона Республики Казахстан от 04.12.2015 года № 434-V «О государственных закупках».

⁴⁴ 13 ч. 2 ст. 12 Закона Кыргызской Республики от 14.04.2022 года № 27 «О государственных закупках».

Разумеется, при условии соответствия товара установленным заказчиком требований к качеству и безопасности.

Реализация этой идеи потребует корректировки Приказа Росстандарта от 21.06.2021 № 1061 для приравнивания национальных и иностранных стандартов, что в целом соответствует тенденции упрощения законодательства последних лет (например, в рамках «регуляторной гильотины»⁴⁵ или актов Правительства РФ по автоматическому продлению сроков действия разрешительных документов⁴⁶) и добавит необходимой гибкости российским государственным закупкам. Альтернативой уравниванию национальных и иностранных стандартов может быть упрощение процедуры признания иностранных стандартов на территории Российской Федерации, исходя из того, что большинство иностранных стандартов, особенно европейские и американские, предъявляют к продукции не менее высокие требования к качеству и безопасности, чем российские национальные стандарты.

Применение частных (негосударственных) стандартов: опыт отдельных государств

Применяемые государственными заказчиками международные, межгосударственные и государственные (национальные) стандарты формируют основу описания объекта государственных закупок. Но важно отметить, что законодательство о стандартизации ряда государств не ограничивается только этими видами документов о стандартизации.

Например, ст. 14 Федерального закона о стандартизации предусматривает, что документами по стандартизации являются не только документы национальной системы стандартизации, включающие в себя национальные стандарты, но и такие документы, как стандарты организаций, в том числе технические условия, своды правил, технические спецификации (отчеты). Применение стандартов организаций, в том числе технических условий, являющихся примерами частных (негосударственных) стандартов, в российских государственных закупках долгое время носило крайне ограниченный характер. Дело в том, что и стандарт организации, и технические условия утверждаются не уполномоченным органом власти (Росстандартом), а самими разработчиками этих документов, поэтому в большинстве случаев применение таких документов при описании объекта государственных закупок нередко рассматривается как необоснованное ограничение конкуренции.

Однако в 2021 г. ситуация изменилась, и поправки в Федеральный закон о стандартизации сделали возможным применение в государственных закупках стандартов организации и технических условий, включенных в федеральный информационный фонд стандартов, наряду с национальными стандартами, так как согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона о стандартизации и те, и другие документы теперь относятся к документам национальной системы стандартизации. Некоторые авторы положительно оценивают принятые изменения, потому что, по их мнению, повышение статуса стандартов организаций и технических условий до уровня национальных

⁴⁵ Ст. 15 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»

⁴⁶ Постановление Правительства РФ от 12.03.2022 № 353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации», Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 440 «О продлении действия разрешений и иных особенностях в отношении разрешительной деятельности в 2020–2022 годах».

стандартов в условиях импортозамещения является механизмом внедрения передового опыта отечественных предприятий (Grigoriev & Makoveev, 2022: 5).

Российская Федерация не является единственным государством, допускающим при определенных условиях применение стандартов организации и технических условий в государственных закупках. В частности, ч. 3 ст. 13 Закона Республики Армения от 16.12.2016 № ЗР-21-Н «О закупках» также допускает использование в описании объектов государственных закупок временных технических условий, если соответствующие международные, национальные стандарты или действующие в Республике Армения нормативно-технические документы отсутствуют. Подобные возможности применения стандартов организации в государственных закупках можно было ранее встретить в законодательстве Республики Беларусь и Киргизии (Ikryanikov & Barykin, 2019: 51).

Разумеется, за пределами ЕАЭС также существуют свои аналоги стандартов организаций/технических условий, утверждаемых не уполномоченными государственными органами в сфере стандартизации, а юридическими лицами, в первую очередь различными профессиональными ассоциациями. Несмотря на то, что разрабатываемые частные (негосударственные) стандарты не носят общеобязательный характер, а потому не попадают в сферу регулирования Соглашения по техническим барьерам в торговле ВТО, на практике такие частные стандарты нередко становятся барьерами для иностранных поставщиков. Поэтому в отношении наиболее значимых частных международных стандартов существуют рекомендации ВТО о необходимости обеспечивать открытость процедур разработки и принятия частных международных стандартов (Drobyshev, 2015:37–43).

Особенно актуальным на международном уровне долгое время являлся вопрос разработки частных международных стандартов для сферы информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Существовавшая традиционная система стандартизации ввиду сложной и длительной процедуры утверждения стандартов для сферы ИКТ не подходила в связи с быстрым обновлением технологий, а применение частных международных стандартов, разрабатываемых профессиональными ассоциациями в сфере ИКТ, в государственных закупках не допускалось ввиду того, что такие стандарты не относятся ни к международным, ни к национальным стандартам.

Решение проблемы потребовало включение в Регламент № 1025/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О европейской стандартизации...»⁴⁷ нового термина «техническая спецификация»⁴⁸, легализовавшего применение в государственных закупках некоторых международных частных стандартов в сфере ИКТ. Как отмечают некоторые авторы, применение технических спецификаций в сфере ИКТ не противоречит требованиям Соглашения по техническим барьерам в торговле ВТО (Rotondo, 2013: 77-80). Упоминание о возможности применения стандартов в сфере ИКТ содержится и в законодательстве США⁴⁹.

⁴⁷ Regulation (EU) N 1025/2012 of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on European standardisation, amending Council Directives 89/686/EEC and 93/15/EEC and Directives 94/9/EC, 94/25/EC, 95/16/EC, 97/23/EC, 98/34/EC, 2004/22/EC, 2007/23/EC, 2009/23/EC and 2009/105/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Decision 87/95/EEC and Decision No 1673/2006/EC of the European Parliament and of the Council.

⁴⁸ Спустя почти 10 лет термин техническая спецификация (отчет) появился и в ст. 2 Федерального закона о стандартизации, предполагающей использовать такие технические спецификации (отчеты) в отношении инновационных товаров (работ, услуг).

⁴⁹ art. 11.002 Federal Acquisition Regulation.

Конечно, наличие возможности применения в государственных закупках документов по стандартизации, которые не являются международными или национальными стандартами, добавляет определенную гибкость в правовом регулировании. Тем не менее, применение таких документов должно быть взвешенным, в противном случае неконтролируемое применение частных (негосударственных) стандартов существенно снизит положительные эффекты стандартизации в государственных закупках.

Заключение

Подводя итог, подчеркнем, что международные соглашения безусловно стимулируют гармонизацию законодательства в сферах стандартизации и государственных закупок, сокращая технические барьеры в торговле между различными государствами за счет введения единого подхода к применению стандартов в государственных закупках.

Преодолению технических барьеров также способствует активное применение таких правовых средств, как запрет на введение новых торговых ограничений, взаимное признание стандартов и результатов оценки соответствия техническим регламентам, согласование новых вводимых стандартов.

Приоритетное применение международных и межгосударственных стандартов в государственных закупках, предусмотренное международными договорами, расширяет доступ поставщиков к зарубежным государственным закупкам, упрощая ведение деятельности международными корпорациями.

Однако значительная доля государств не участвует в таких международных соглашениях в целях защиты внутреннего рынка государственных закупок, а в некоторых случаях страны-участницы таких соглашений не соблюдают в полном объеме принятые на себя международные обязательства, что не позволяет реализовать существенную часть потенциала стандартизации в мировой экономике. Инструментами защиты внутреннего рынка государственных закупок у таких государств выступают как приоритетное применение национальных стандартов, так и иные требования, например, введение специальной маркировки, или прямые законодательные ограничения на участие иностранных поставщиков в государственных закупках.

Существенной проблемой в российском регулировании видится двойственный характер национальных стандартов: с одной стороны, законодательство о стандартизации относит стандарты к документам добровольного применения, с другой стороны, законодательство о закупках предусматривает обязательное применение национальных стандартов. В условиях дефицита товаров, вызванного экономическими санкциями, представляется целесообразным снизить требования к обязательному применению национальных стандартов, допуская применение иностранных стандартов в случае, когда такие стандарты отвечают требованиям государственных заказчиков к качеству и безопасности продукции.

Одновременно с этим быстро меняющиеся экономические условия сформировали спрос на увеличение гибкости законодательства о стандартизации, включая повышение роли стандартов организаций и технических спецификаций, разработанных негосударственными организациями. И хотя такие документы по стандартизации имеют большой потенциал для применения, представляется, что применение частных (негосударственных) стандартов в государственных закупках должно носить ограниченный характер с учетом реальной востребованности таких стандартов участниками рынка.

References / Список литературы

- Agnew, P.G. (1924) Results of Standardization of Supplies. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Competency and Economy in Public Expenditures. 113, 269 – 271.
- Alyanak, S. (2007) The public procurement system of Turkey in comparison to European community procurement legislation. *Public Contract Law Journal*. 36 (2), 203–227.
- Andreeva, L.V. (2018) Standardization in the system of legal regulation of trade activity. *Actual problems of Russian law*. (2), 35–42. (In Russian). <https://www.doi.org/10.17803/1994-1471.2018.87.2.035-042> EDN: YQTWJN
Андреева Л.В. Стандартизация в системе правового регулирования торговой деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 35–42. <https://www.doi.org/10.17803/1994-1471.2018.87.2.035-042> EDN: YQTWJN
- Bayrashev, V.R. (2024) Outstanding problems of using standardization documents on procurement. *Standards and quality*. (5 (1043)), 25–29. (In Russian). <https://www.doi.org/10.35400/0038-9692-2024-5-228-23> EDN: QKSKYN
Байрашев В.Р. Нерешенные проблемы применения документов по стандартизации в сфере закупок // Стандарты и качество. 2024. № 5 (1043). С. 25–29. <https://www.doi.org/10.35400/0038-9692-2024-5-228-23> EDN: QKSKYN
- Craig, P.P. (2002) The Evolution of the Single Market. *The Law of the Single European Market: Unpacking the Premises*. 1–29.
- Drobyshev, A.P. (2015) Private standards in WTO agreements: General characteristics and assessment of impact on commodity markets. *WTO Law*. (2), 37–43. (In Russian).
Дробышев А.П. Частные стандарты в соглашениях ВТО: общая характеристика и оценка воздействия на товарные рынки // Право ВТО. 2015. № 2. С. 37–43.
- Ershova, I.V. (2013) Standardization as an element of the legal mechanism of technical regulation in the conditions of economic integration. *Entrepreneurial law*. (1), 33–45. (In Russian)
Ершова И.В. Стандартизация как элемент правового механизма технического регулирования в условиях экономической интеграции // Предпринимательское право. 2013. № 1. С. 33–45.
- Fedorchenko, A.V. (2012) Stimulating competition in the Israeli domestic market through public procurement, standards and technological audit. *Modern competition*. (2 (32)), 49–59. (In Russian).
Федорченко А.В. Стимулирование конкуренции на внутреннем рынке Израиля через государственные закупки, стандарты и технологический аудит // Современная конкуренция. 2012. № 2 (32). С. 49–59.
- Gottinger, A., Ladu, L. & Blind, K. (2023) Standardisation in the context of science and regulation: An analysis of the Bioeconomy. *Environmental Science and Policy*. 147, 188–200.
- Grigoriev, A.V. & Makoveev, E.N. (2022) The role of organization standards and technical conditions in information support of standardization. Part 1. Standards of organizations and technical conditions as a basis for import substitution. *Information and economic aspects of standardization and technical regulation*. (4), 4–9. (In Russian). EDN: WVNNCV
Григорьев А.В., Маковеев Е.Н. Роль стандартов организации и технических условий в информационном обеспечении стандартизации. Часть 1. Стандарты организаций и технические условия как основа импортозамещения // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2022. № 4. С. 4–9. EDN: WVNNCV
- Hinds, J. (1933) The influence of standartization on construction specifications. *American Water Works Association Journal*. 25 (1), 113–123.
- Ikryannikov, V.O. & Barykin, A.N. (2019) Description of objects of state and municipal procurement: Comparative analysis of the requirements of Russian, foreign and international legislation. *Logistics today*. (1), 46–58. (In Russian).

- Икрянников В.О., Барыкин А.Н. Описание объектов государственных и муниципальных закупок: сравнительный анализ требований российского, зарубежного и международного законодательства // *Логистика сегодня*. 2019. № 1. С. 46–58.
- Jatkar, A., Sen, B., Simi, T.B. & Johnson, V. (2014) *Public procurement need for a national policy in India*. Jaipur, CUTS International Publ.
- Kamalyan, A.M. (2018) Legal regulation of public procurement in MERCOSUR. *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL)*. (5), 169–174. (In Russian). <https://www.doi.org/10.17803/2311-5998.2018.45.5.169-174> EDN: OUMQYN
- Камалян А.М. Правовое регулирование государственных закупок в МЕРКОСУР // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2018. № 5. С. 169–174. <https://www.doi.org/10.17803/2311-5998.2018.45.5.169-174> EDN: OUMQYN
- Mokhov, A.I. (1999) Empirical analysis of Russian technical barriers to trade. *HSE Economic journal*. (3), 353–379. (In Russian).
- Мохов А.И. Эмпирический анализ российских технических барьеров в торговле // *Экономический журнал ВШЭ*. 1999. № 3. С. 353–379.
- Panova, A.S. (2019) The legal nature of the national standard as a means of ensuring the quality and safety of goods. *Entrepreneurial law*. (4), 59–66. (In Russian).
- Панова А.С. Юридическая природа национального стандарта как средства, обеспечивающего качество и безопасность товаров // *Предпринимательское право*. 2019. № 4. С. 59–66.
- Rainville, A. (2017) Standards in green public procurement – A framework to enhance innovation. *Journal of Cleaner Production*. 167, 1029–1037.
- Rotondo, E. (2013) The application of the proposed European Standardisation Regulation in practice. *Computer Law & Security Review*. (29), 77–80.
- Ruzhevicius, Y. (2010) Technical barriers to international trade in the context of standardization and quality. *Standardization: Practice, Methodology, Theory*. (11), 8–11. (In Russian).
- Ружевичюс Ю. Технические барьеры в международной торговле в контексте стандартизации и качества // *Стандартизация: практика, методика, теория*. 2010. № 11. С. 8–11.
- Shingal, A. (2011) Services procurement under the WTO's Agreement on Government Procurement; whither market access? *World Trade Review*. (10), 527–549.

Сведения об авторе:

Байрашев Виталий Радикович – аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20
ORCID: 0009-0002-6424-4170, SPIN-код: 6242-7413
e-mail: aromird@yandex.ru

About the author:

Vitaly R. Bayrashev – Postgraduate Student, National Research University Higher School of Economics; Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya Street, 20
ORCID: 0009-0002-6424-4170, SPIN-code: 6242-7413
e-mail: aromird@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-787-796>

EDN: BDAXCI

Информационная статья / Information Article

Профессору Николаю Александровичу Власенко – 70 лет. Поздравляем с юбилеем!

В.М. Сырых✉

Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация

✉2707xyz@mail.ru

Поступила в редакцию: 01 июля 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2025 г.

Для цитирования:

Сырых В.М. Профессору Николаю Александровичу Власенко – 70 лет. Поздравляем с юбилеем! // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 3. С. 787–796. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-787-796>

Professor Nikolai A. Vlasenko turns 70: Congratulations on the Jubilee!

Vladimir M. Syrykh✉

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

✉2707xyz@mail.ru

Received: 01st July 2025

Accepted: 15th July 2025

© Сырых В.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation:

Syrykh V.M. (2025) Professor Nikolai A. Vlasenko turns 70: Congratulations on the Jubilee! *RUDN Journal of Law*. 29 (3), 787–796. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-787-796>

Детство и юность

Николая Александровича я знаю с аспирантских лет; мы познакомились в Свердловске (ныне Екатеринбург) на презентации моей книги «Метод правовой науки (основные элементы, структура)». М., 1980. Это было весной 1981 г. Кафедра теории государства и права, возглавляемая тогда знаменитым профессором С.С. Алексеевым, согласилась провести данное мероприятие; состоялось расширенное заседание во главе с ее заведующим. По его итогам аспиранту Власенко поручили подготовить для центрального журнала научный обзор мероприятия. С этого момента и началась наша дружба, которая длится вот уже более 40 лет. Наша дружба стала еще более плотной после того, как я перешел работать в Академию правосудия (2002), где Власенко трудился проректором по научной работе. Мы много общались, летали в командировки, участвовали в различных научных и учебных мероприятиях. Его рассказы о себе, своем детстве, молодости я и положу в основу своих высказываний об этом человеке, преподавателе и ученом.

Н.А. Власенко родился 24 октября 1955 г. в городе Иркутске. Семья жила на окраине города (предмestье Марата, до революции – Знаменское) в частном доме, который построили его отец с матерью в послевоенные годы (недалеко от Знаменского мужского монастыря (1704 г.). Знаменскому монастырю повезло, он никогда не закрывался. Теперь напротив него многотонный величавый памятник адмиралу Колчаку, это рядом с местом, где он был расстрелян. Власенко рассказывал, что, со слов его родственников, к сибирскому правителю иркутяне относились с уважением, считали его справедливым. Одна из его заслуг – создание государственного университета, в том числе юридического факультета. На территории монастыря небольшой погост, там покоятся декабристы, там и могила писателя Распутина, хотя по преданию писатель просил его упокоить рядом с дочерью, которую очень любил. Она была музыкантом-органистом и погибла в авиакатастрофе в Иркутском аэропорту. Недалеко от Знаменского монастыря река Ангара, в нее впадает небольшая горная речка Ушаковка. С этого места видно впадение реки Иркут в Ангару. Власенко нередко рассказывал, что они знали «точное» место, где был расстрелян Колчак, ибо это было рядом с прорубью, где проживающее рядом население испокон века зимой брало воду. Ходила байка о том, что Колчак предложил расстреливающим его красноармейцам свой золотой портсигар, но они его не взяли и пнули в прорубь. С тех пор его искали, в основном купающиеся в холодной воде пацаны. Николай его тоже искал, но так и не нашел.

Со слов Николая Александровича, жили они в достатке. Отец день и ночь работал, как сейчас говорят – «гонял фуры» по всей Иркутской области. Мать растила детей, кроме Николая в их семье были еще младшие – сестра Лена и брат Олег. Беда пришла в их семью в 1969 г., когда у матери обнаружили онкологическое заболевание, и вскоре она умерла. На руках отца и тринадцатилетнего Николая остались маленькие дети, а если учесть, что работа отца была связана с отъездами, то старшему сыну приходилось все обязанности по дому выполнять самому: на колонку за водой ходить, печи топить, что-то варить, а еще и школа, уроки и др. Николай

Александрович не любит вспоминать этот жизненный период. Помощь оказывала бабушка, баба Поля, мать отца, но потом сломала руку, перелом сросся неправильно, пришлось руку ломать снова. Она, измотанная тяжким трудом в колхозе, много болела, ее муж с войны не вернулся. Вскоре ушла из жизни. Как говорит Николай Александрович, школа, ее руководство не помогали, районные власти предлагали раздать младших детей в детдома или родственникам, но отец не согласился. По рассказам юбиляра, его как-то хотели отчислить из школы за то, что он летом в июне, будучи девятиклассником, не поехал на военные сборы. Однако бросить сестру и брата он не мог. По словам Николая Александровича, школу он не любил, она забирала много времени – уроки, огромные домашние задания, бесконечные мероприятия по субботам и воскресеньям. Словом, как я понимаю, в школе Н.А. Власенко себя в полной мере не нашел. Николай Александрович где-то воспитывал себя, с его слов, сам. Однако Власенко очень хорошо отзывался о классном руководителе Викторе Михайловиче Захаревице, учителе литературы в старших классах Анашка Нине Семёновне и др. Любил читать, перечитал все, что было в районной библиотеке для его возраста. Брал книги у соседей и родственников. В восьмом классе записался в юридическую секцию при Иркутском Дворце пионеров, которую посещал три года. До сих пор вспоминает, какие интересные специалисты выступали перед старшими школьниками. В этой секции ему дали направление для работы общественным помощником следователя городской прокуратуры. Власенко до сих пор с уважением и почитанием говорит о ст. следователе городской прокуратуры Серебrenиковой Эльвире Петровне. Власенко Н.А. получил направление и характеристику от городской прокуратуры для поступления на юридический факультет университета.

Студенчество и аспирантура

В 1973 г. Николай Александрович поступил на юридический факультет университета, который закончил в 1978 г. Студенческие годы юбиляр вспоминает с охотой, особенно последние годы. Тогда преподавателей, с его слов, было немного, что соответствовало количеству студентов – курс был человек 80–100. Каждый преподаватель был фигурой: были и фронтовики, например, Власенко вспоминает профессора по уголовному праву Виттенберга Г.Б., работавшего в годы репрессий в прокуратуре, который с болью говорил об этом времени, особенно периоде, когда к уголовной ответственности стали привлекать с 12 лет. Дети сидели в клетке, по рассказам бывшего прокурора, и было видно, они просто не понимали того, что происходит вокруг, грызли ногти и отвлеченно смотрели в сторону. Об одном из преподавателей и наставнике Н.А. Власенко опубликовал личные воспоминания и о его достижениях в юридической науке. Речь идет о профессоре, фронтовике В.И. Нижечке (см.: Власенко Н.А. Социальные и правовые регуляторы. Концептуальные разработки В.И. Нижечка. Вестник РУДН. Юридические науки. 2024. № 2). В очной аспирантуре, по словам Власенко, он учился с интересом, где-то с азартом. Очень тепло и со знанием научных достижений автор написал о своем научном руководителе профессоре А.Ф. Черданцеве (см.: Власенко Н.А. Лидер в теории права: памяти Александра Фёдоровича Черданцева. Вестник РУДН. Юридические науки. 2021. № 4. С. 918–929) (см. также: Сырых В.М. Черданцев А.Ф. – ведущий исследователь проблем применения логики в правовой науке и практике. Вестник РУДН. Юридические науки. 2022. № 1. С. 26–39).

О заведующем кафедрой, где учился в аспирантуре Власенко, профессоре С.С. Алексееве написаны самые теплые слова (см.: Власенко Н.А. Ценность права в трудах С.С. Алексеева и современные оценки права. Екатеринбург. EUROPEAN AND ASIAN LAW REVIEW. 2024. № 3. С. 18–27).

Свои воспоминания о «золотом веке» кафедры теории государства и права, возглавляемой профессором С.С. Алексеевым, Н.А. Власенко посвящает не только лидерам кафедры, но и талантливым выпускникам (Власенко Н.А. Воспоминания о В.К. Бабаеве (человеке, ученом, организаторе) // Научное наследие Бабаева В.К.: весомый вклад в развитие логико-гносиологических и технико-юридических проблем юридической науки: сб. / под ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2020) и др.

Этапы жизненного пути

В 1982 г. закончил очную аспирантуру Свердловского юридического института и досрочно защитил кандидатскую диссертацию. Вернулся для работы на юридический факультет Иркутского государственного университета. В 1985 г. его пригласили в Тюменский государственный университет для создания там юридического факультета.

В 1985–1992 гг. – заведующий кафедрой юридического факультета Тюменского государственного университета.

В 1992–2001 гг. – директор Института регионального законодательства администрации Иркутской области.

В 2001–2008 гг. – проректор по научной работе Российской академии правосудия, заместитель заведующего кафедрой теории права, государства и судебной власти.

С августа 2008 по 2015 г. – заведующий отделом теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

В 2015 г. Власенко Н.А., став пенсионером, перешел трудиться в качестве профессора кафедры теории права и государства юридического института РУДН, где и трудится по настоящее время.

Член экспертного совета ВАК по праву (2006–2015), эксперт Научного совета по правотворчеству при Председателе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (2012–2015). Президиум ВАК вручил Н.А. Власенко Почетную грамоту за большие заслуги в работе по аттестации научных и научно-педагогических кадров (2022).

Научные интересы

Сфера научных интересов: проблемы общей теории государства и права, философии права, методологии права, конституционное право. В начале 80-х гг. прошлого столетия им впервые предпринята попытка комплексного исследования коллизий и коллизионных норм как необходимого компонента системы права. Совершенствование коллизионного механизма обосновано как закономерность развития системы права. Продолжением исследования логико-структурных дефектов юридических норм стало изучение текста закона, способов его выражения, точности и адекватности формы права воле нормоустановителя. Большое внимание уделено роли законодательной техники и технологии, их значению и приемам, функциям правовых дефиниций и др. Ряд работ посвящен лингво-логической основе права,

исследованию языка права, текстуальным основам юридических документов, их языковой и логической составляющих. Среди философско-правовых интересов ученого – проблемы неопределенности и определенности права и правового регулирования. В 2006 г. в журнале «Российское правосудие» (№ 7) вышла, пожалуй, первая публикация, посвященная данной проблеме («Неопределенность в праве: понятие и пути исследования»). По словам Власенко, статья какое-то время «пролежала» в издательском портфеле. Руководители журнала полагали, что материал вреден для судебного корпуса. Однако проблема очень скоро увлекла научную общественность, имеются ввиду научные конференции, коллективные монографии, кандидатские и докторские диссертации и др. Одну из своих монографий проф. Власенко посвятил соотношению и связи разумности и определенности праворегулирования. Очень тонкий и очень спорный вопрос (см.: Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2015). В этом же году вышла его книга «Проблемы правовой неопределенности» (М., 2015).

По мнению Н.А. Власенко, теоретик права не должен замыкаться и, что называется, кормиться исследованием лишь одной теоретической проблемы. Очень полезно «для мозгов» менять направления исследования. Последний цикл работ проф. Н.А. Власенко посвящен кризисной, неэффективной государственности. Это справедливо, ибо проблема государственности современным правоведением исследуется слабо. Речь о промахах государства, неэффективной политике, провалах реформ и др.

Принимал активное участие в подготовке номенклатуры и паспорта научных специальностей по юриспруденции, возглавлял соответствующую рабочую группу экспертного совета ВАК РФ (см.: Н.А. Власенко, И.М. Мацкевич «Модернизация специальностей в юриспруденции» (М., 2012); И.М. Мацкевич, Н.А. Власенко «Паспорт специальностей научных работников по юриспруденции» (М., 2016); И.М. Мацкевич, Н.А. Власенко «Номенклатура и Паспорт научных специальностей по юриспруденции» (М., 2019). Участвовал в разработке и ныне действующих номенклатуре и паспорте научных специальностей по праву (2022).

Публикации

Научная деятельность Н.А. Власенко отразилась в следующих основных научных изданиях.

Диссертации:

- Коллизионные нормы в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, юрид. ин-т, 1982;
- Проблемы точности выражения формы права (лингво-логический анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997.

Монографии:

- Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984;
- Коллизионные нормы в советском праве (репринтное издание). М., 2018.;
- Судебные правовые позиции (Основы теории). М., 2009 (в соавторстве);
- Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2015;
- Язык права. Иркутск, 1997;
- Язык права (репринтное издание). М., 2018;
- Современное российское государство: очерки. М., 2022;
- Методологические основания исследования правовых ценностей. М., 2023.

Основные статьи:

- Личность и социалистическое правовое государство: принципы взаимоотношений // Советское государство и право. 1990. № 12. С. 11–18.
- Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение, 1991, № 3. С. 21–28.
- Жаргонизмы в законодательстве. Российская юстиция. 2000. № 12. С. 49–50.
- Конкретизация в праве: понятие и пути исследования // Материалы международного симпозиума. Н. Новгород, 2008.
- Роль А.А. Ушакова в формировании отечественной правовой лингвистики // Государство и право. 2009. № 5. С. 86–92.
- Судебные правовые дефиниции: природа, функции, основания деления и виды // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 58–67.
- Разумность и право: связь явлений и пути исследования // Журнал российского права. 2011. № 11. С. 45–57.
- Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 60–75.
- Результативность правопонимания в современной юридической науке // Журнал российского права. 2015. № 4. С. 5–18.
- Индивидуализация как закономерность развития современного российского законодательства // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 11–17.
- Коллизионное право России: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 5–18.
- Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 11–19 (в соавторстве).
- Методологические проблемы современной теории права // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 5–19.
- Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 3. С. 479–505.
- Лидер в теории права: памяти Александра Федоровича Черданцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. № 4. С. 917–929.
- Отклоняющееся государство: методология исследования и основы теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27, № 2. С. 257–272.
- Социальные и правовые регуляторы. Концептуальные разработки В.И. Нижечека // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28, № 2. С. 390–406.
- О кризисе современной правовой науки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. Н. Новгород, 2024. № 2. С. 268–274.

Учебная деятельность

Преподавательская деятельность Николая Александровича насчитывает более 40 лет и является практически непрерывной, несмотря на то, что его основная работа не всегда была связана с преподаванием: находил время на совмещение.

Преподавал в высших учебных заведениях Иркутска, Екатеринбурга, Тюмени, Москвы.

Учебники и учебно-методические издания:

- Теория государства и права: учебник. М., 2009; М., 2011; М., 2014; М., 2019;
- Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М., 2015;
- Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. Н.А. Власенко. —

Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020.

Активное участие автор принял в подготовке следующих учебников:

- Теория государства и права / под ред. В.М. Сырых. М., 2008;
- Проблемы теории государства и права / под ред. В.М. Сырых. М., 2008;
- Теория государства и права / под ред. А.А. Клишаса. М., 2019;
- Теория государства и права / под ред. Е.Е. Тонкова, М.В. Мархгейм. М., 2021;
- Теория государства и права / под ред. В.В. Гриба, В.Ю. Панченко. М., 2021.

Ряд публикаций Н.А. Власенко нужно считать научно-практическими, где научные выводы адресуются работающим специалистам в сфере нормотворчества, депутатскому корпусу, студентам и магистрантам юридических вузов и факультетов:

– Устав Иркутской области: научно-практический комментарий / под ред. Н.А. Власенко и Г.В. Истомина. Иркутск, 1995;

– Основы законодательной технологии: практическое руководство. Иркутск, 1995;

– Законодательная технология: Теория. Опыт. Правила: учебное пособие. Иркутск, 2001;

– Правовые основы противодействия коррупции: учебное пособие / отв. ред. Н.А. Власенко. М., 2013.

Работая заведующим отделом в ИЖиСП при Правительстве РФ, Н.А. Власенко выступил с инициативой в подготовке серии научно-практических изданий в сфере юридической техники. В каждом издании по ключевым проблемам юридической техники и юридических технологий опубликованы подготовленные им опубликованы разделы и параграфы:

– Юридическая техника: учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. М., 2009;

– Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н.А. Власенко. М., 2010;

– Нормотворческая юридическая техника / отв. ред. Н.А. Власенко. М., 2011;

– Юридическая техника: учебное пособие / авт. колл. Н.А. Власенко и др. М., 2016.

Издательство «КноРус» в 2017 г. вручило Н.А. Власенко диплом «Признанный лидер. Диплом за учебное пособие «Юридическая техника», победившее в номинации „Признанный лидер“».

Профессор Н.А. Власенко принимал активное участие в подготовке проекта федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект)». В этом документе предлагается упорядочить систему источников российского права, прописать технологию подготовки федеральных и региональных законопроектов и др. Многие идеи автора нашли свое развитие в постоянно переиздающемся научном произведении ИЖиСП при Правительстве РФ

«Научные концепции развития российского законодательства» под ред. С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриевой. М., 2015; и др.

Общее количество научных работ Николая Александровича (исключая методические и публицистические) – около 250.

В своей практической деятельности Н.А. Власенко немало внимания уделил научной журнальной периодике. Стоял у истоков создания журнала «Российское правосудие» (2002), являлся зам. гл. редактора «Журнал российского права» (2008–2015). В настоящее время Н.А. Власенко – заместитель гл. редактора журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» – ведет важнейшую работу по формированию научного контента. Интересен опыт журнала в выпуске тематических номеров, т.е. один номер в год обязательно посвящен отдельной теме. Один из наиболее удачных выпусков увидел свет в 2022 г., № 4. Он посвящен памятникам советского права (Договор о создании Союза ССР; 100-летию Верховного Суда РФ, ГК РСФСР, УК РСФСР и т.д.).

В настоящее время является членом редакционного совета современных юридических журналов («Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России»; участвует в деятельности других периодических изданий по юридическим наукам).

Профессор Н.А. Власенко является председателем двух диссертационных советов – ПДС.0900.097 (Приказ РУДН от 28.05.2025) по научной специальности 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки»), а также ПДС.0900.006 (Приказ РУДН от 24.03.2025 № 140) по научной специальности 5.4.1 «Уголовно-правовые науки».

Работа с научной молодежью

Немало внимания профессор Власенко уделяет научной молодежи, о чем свидетельствуют данные защищенных под его руководством докторских и кандидатских диссертаций (их число 28):

- Михеева И.В. Правотворческая деятельность министерств Российской империи в XIX – начале XX в.: дис. ... д-ра юрид. наук, 12.00.01. Владимир, 2011;
- Колесник И.В. Теоретическая модель правоприменительной технологии: дис. ... д-ра юрид. наук, 12.00.01. Нижний Новгород, 2014;
- Ковалёва Н.В. Техничко-юридическое регулирование промышленного производства Российской империи XIX – начала XX веков: дис. ... д-ра юрид. наук, 12.00.01. М., 2015;
- Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук, 12.00.01. Белгород, 2017;
- Кожокар И.П. Техничко-юридические дефекты в российском праве: дис. ... д-ра юрид. наук, 12.00.01. ИПАН. М., 2020;
- Цуканова Е.Ю. Фактические общности в современном российском праве (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук, 12.00.01. Белгород, 2021.
- Казгериева Э.В. Логические ошибки в судебном правоприменении: дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.01. М., 2006;
- Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.01. М., 2008;

- Гринёва А.В. Понятие и виды судебных правовых позиций (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук, 00.01. М., 2008;
- Вишневский В.Г. Особенности судебной реформы в Восточной Сибири (1864-1896 г.г.): дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.01. М., 2008;
- Ермакова К.П. Пределы судебного усмотрения: дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.02. М., 2010;
- Залоило М.В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.01. М., 2011;
- Чернышова Т.В. Примирение в праве: понятие и виды: дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.01. М., 2012;
- Маслов Н.А. Воинская обязанность в России (1699-1918 г.г.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.01. М., 2015;
- Шульга И.В. Понятие и виды правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.01. М., 2016;
- Саркисян Л.Р. Юридические фикции: логико-доктринальный анализ: дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.01. М., 2018;
- Алимова Д.Р. Юридическая форма политического режима (на примере Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.01. М., 2022;
- Андрусенко С.П. Правовая защита жертв преступлений в России и зарубежных странах: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук, 5.1.4. М., 2024;
- Умедов К.М. Технология оперативного законотворчества (на примере Республики Таджикистан): дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.01. Душанбе, 2025;
- Никитина В.С. Неприкосновенность как категория теории права: дис. ... канд. юрид. наук, 5.1.1. М., 2025; и др.

Н.А. Власенко принимал активное участие в подготовке энциклопедических словарей биографий:

- Видные ученые-юристы России (Вторая половина XX века): энцикл. словарь биографий: по состоянию на 1 авг. 2004 г. / Рос. акад. правосудия; под ред. В.М. Сырых. – Москва: Рос. акад. правосудия, 2006.
- Правовая наука и юридическая идеология России: в 4 т. / отв. ред. В.М. Сырых. М., 2008–2015.

В год 60-летия автора издательство «Норма» выпустило в свет книгу: Власенко Н.А. «Избранное» М., 2015.

Поощрения

В 2000 г. Н.А. Власенко присвоено звание Заслуженного юриста РФ. Среди поощрений ученого – Почётная Грамота губернатора Иркутской области за добросовестную работу и высокий профессионализм (1997), благодарственное письмо Тюменской областной думы за значительный научно-методический вклад в развитие законодательства региона (2004), Почётная Грамота Верховного Суда Российской Федерации за многолетнюю добросовестную научно-педагогическую работу и большой вклад в подготовку кадров для судебной системы (2005), благодарность руководителя аппарата Государственной Думы Российской Федерации (2010), благодарность Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ за плодотворную работу (2015).

Н.А. Власенко имеет две Благодарности Президента Российской Федерации за заслуги в укреплении законности, подготовке высококвалифицированных специалистов (2003 № 297-рн.), за многолетнюю добросовестную работу и активную общественную деятельность (2010 № 871-рн). В 2023 г. Н.А. Власенко присуждена премия Правительства Российской Федерации 2023 г. в области образования за учебник «Теория государства и права» (распоряжение Правительства РФ от 15 сентября 2023 г. № 2484-р, № 0127).

В 2025 г. Общероссийская общественная организация Российское профессорское собрание вручило Н.А. Власенко Диплом Гран-при лауреата общенациональной премии «Учебник года» в номинации «Юридические науки» за руководство и подготовку учебника «Проблемы теории государства и права».

О Н.А. Власенко, его научной, преподавательской, экспертной деятельности можно прочитать в предисловии к книге «Избранное». (М., 2015); в указанных выше энциклопедических словарях биографий (М., 2006; М., 2015), интернет-изданиях и др.

В свободное время Н.А. Власенко увлекается огородничеством, особенно любит работать в теплице и выращивать помидоры, огурцы, перцы. Много лет коллекционирует самовары, буддистские статуэтки, вышивки.

Сведения об авторе:

Сырых Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства, права и судебной власти, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева; 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

SPIN-код: 2073-4106

e-mail: 2707xyz@mail.ru

About the author:

Vladimir M. Syrykh – Doctor of Legal Sciences, Full Professor of the Department of Theory of State, Law, and Judicial Power, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev; 117418, Moscow, Novocheremushkinskaya Street, 69

SPIN-code: 2073-4106

e-mail: 2707xyz@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-797-804>

EDN: BDMXOO

Информационная статья / Information Article

Обзор XXI Международного конгресса «Блищенковские чтения»

А.Х. Абашидзе^{ID}✉, И.А. Черных^{ID}

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

✉ abashidze-akh@rudn.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 15 июня 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2025 г.

Для цитирования:

Абашидзе А.Х., Черных И.А. Обзор XXI Международного конгресса «Блищенковские чтения» // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 3. С. 797–804. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-797-804>

Review of the 21st International Congress “Blischenko Readings”

Aslan Kh. Abashidze^{ID}✉, Irina A. Chernykh^{ID}

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ abashidze-akh@rudn.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Received: 15th June 2025

Accepted: 15th July 2025

For citation:

Abashidze A.Kh., Chernykh I.A. (2025) Review of the 21st International Congress “Blischenko Readings”. *RUDN Journal of Law*. 29 (3), 797–804. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-797-804>

© Абашидзе А.Х., Черных И.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

12 апреля 2025 г. в РУДН состоялся ежегодный Международный конгресс «Блищенковские чтения». Тема Конгресса была сформулирована как «Международное право – средство обеспечения мира и доверия», что определило направления работы пленарного заседания и круглых столов.

На пленарном заседании Конгресса особое внимание было уделено приоритетной для РУДН правозащитной тематике, как одного из ключевых научных направлений школы международного права РУДН, и юбилейным датам 2025 г., значимым как с национальной, так и международно-правовой точек зрения.

В своих приветственных выступлениях ректор РУДН, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического института РУДН, д-р юрид. наук, профессор *Олег Александрович Ястребов* и директор юридического института и заведующий кафедрой международного права РУДН, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор *Аслан Хусейнович Абашидзе* отметили такие знаменательные и вместе с тем глобальные события, как 80-летие со дня завершения Второй мировой войны, Великой отечественной войны и создания ООН.

На пленарном заседании Конгресса в качестве почетных гостей выступили с приветственным словом Президент Российской ассоциации международного права (РАМП), заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор *Анатолий Яковлевич Капустин*; глава Представительства Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев в Российской Федерации *Арман Арутюнян*, декан международно-правового факультета МГИМО МИД России, канд. юрид. наук, доцент *Никита Юрьевич Молчаков* и декан факультета права и директор Научно-исследовательского института экологического права Уханьского университета, национальный заслуженный профессор права, д-р юрид. наук, профессор, член и заместитель председателя Комитета по соблюдению Нагойского протокола по ABS, член Комитета по конфликтам интересов Межправительственной платформы по биоразнообразию и экосистемным услугам *Цинь Тянь Бао* (КНР).

Ключевые пленарные доклады были представлены известными специалистами и практиками в правозащитной сфере. О правах человека в международном сотрудничестве выступил директор Департамента многостороннего сотрудничества по правам человека (ДМПЧ) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Уполномоченный МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права, канд. юрид. наук *Григорий Евгеньевич Лукьянцев*. В своем выступлении он обратил внимание участников Конгресса на важность правильного толкования и применения норм международного права, приведя в пример практику Международного Суда ООН и договорных органов ООН, Европейского суда по правам человека, Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Г.Е. Лукьянцев ответил на вопрос о том, «могут ли права человека служить объединяющим фактором в международном сотрудничестве». В качестве положительного ответа он сослался на ежегодно (с 2005 г.) выносимую Российской Федерацией на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию

по борьбе с героизацией нацизма, которая ориентирована на сотрудничество и диалог и пользуется широкой поддержкой коллег России из дружественных стран.

Доклад (на английском языке) о влиянии основных договоров ООН по правам человека на законодательство и практику государств-участников (на примере 20 государств, включая Россию) был представлен профессором международного права прав человека Центра по правам человека юридического факультета Университета Претории (ЮАР), члена Консультативного комитета Совета ООН по правам человека *Вильеомом Франсом*. В своем выступлении он отметил растущий скептицизм в отношении прав человека, продолжающуюся реформу системы договорных органов ООН и отсутствие координации и интеграции между договорными органами по правам человека как основные вызовы, стоящие перед ними.

После пленарного заседания и кофе-брейка работа Конгресса продолжилась в рамках 12 круглых столов, которыми руководили 25 модераторов – представителей из РУДН и других вузов России и стран СНГ.

- Круглый стол «**История международного права и современность**» (*модератор: доцент Б.И. Нефёдов (ВШЭ)*) был проведен впервые в рамках Конгресса. В своих выступлениях участники круглого стола затронули такие темы, как возможность активизации научных исследований в сфере философии международного права; роль участников международных отношений, которые не являются субъектами международного права, но чья деятельность оказывает значительное влияние на урегулирование международных межгосударственных отношений (в их широком понимании); реституция культурных ценностей, вывезенных с территории СССР во время Великой Отечественной войны; кодификация норм международного права и правотворчество в международном праве; понятие и правовая природа международного обычая в свете выводов Комиссии международного права ООН. Особый интерес участников вызвал доклад, посвященный конфликту в международной зоне Танжер (1912–1956) как исторический пример правового разрешения международных территориальных споров.

- Круглый стол «**Взаимодействие международного публичного и международного частного права**» (*модератор: доцент А.Е. Тарасова (программа «Дети в семье» Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка)*) также проводился впервые в рамках Блищенковских чтений. Выделение данного направления дискуссии в рамках международного конгресса связано с развитием научной специальности 5.1.5. «Международно-правовые науки», включающей вопросы взаимодействия международного публичного и международного частного права; международные публично-правовые основы регулирования частноправовых отношений; международное сотрудничество и роль международных организаций в регулировании отношений, осложненных иностранным элементом. В повестку выступлений и дискуссии вошли темы межотраслевого характера, связанные практически со всеми существующими отраслями, подотраслями, институтами международного публичного права. Как отметила доцент А.Е. Тарасова: «Участники круглого стола обозначили много областей преломления и эффективного взаимодействия, а не соперничества, отраслей и институтов международного публичного и международного частного права, необходимость использования площадок БРИКС, ЕАЭС, форматов двустороннего сотрудничества государств для развития регулирования взаимосвязанных отношений как в области экономики, так и науки, инноваций, социальной политики, прав человека, укрепления института семьи и традиционных духовно-нравственных ценностей».

- Круглый стол **«Принцип суверенного равенства государств – основа равноправного и инклюзивного политического диалога»** под председательством заслуженного юриста Российской Федерации И.Б. Борисова (РОИИП) и доцента Е.К. Матевосовой (МГУ) вошел в число проводимых на постоянной основе направлений Конгресса. В этом году различные аспекты государственного суверенитета в условиях современных международных реалий были затронуты в рамках таких подтем как международно-правовое содержание принципа суверенного равенства государств, государственный суверенитет в международных отношениях, электро-ральный, технологический и цифровой суверенитет и др. Например, обсуждались вопросы биологического суверенитета, исторической памяти и защиты исторической правды. Особо была подчеркнута роль международного сотрудничества в рассматриваемых направлениях реализации суверенитета. Почетными гостями на круглом столе стали член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, д-р юрид. наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Б.С. Эбзеев и Первый заместитель Председателя Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, сенатор В.А. Чижов. По итогам круглого стола была принята резолюция, в которой подтверждено, что принцип суверенного равенства государств остается фундаментальным основанием для строительства равноправного и инклюзивного международного порядка.

- На круглом столе **«Международное право как основа поддержания международного мира и безопасности»** (модераторы: доцент И.И. Синякин (МГИМО), М.В. Ильяшевич (РУДН)) дискуссии состоялись по следующим аспектам: роль международного права в качестве регулятора международных отношений в целом и право международных договоров в частности; проблема осуществления международной уголовной юстиции, включая деятельность международных судебных органов; проблематика разоружения, в первую очередь применительно к оружию массового уничтожения, включая оценку современных форматов обеспечения контроля за соблюдением соответствующих международно-правовых обязательств; вопросы обеспечения безопасности и устойчивой деятельности в космическом пространстве и иные.

- Широкий круг актуальных вопросов, связанных с реализацией Целей устойчивого развития был обсужден на круглом столе **«Цели устойчивого развития: прогресс и регресс»** (модераторы: М.А. Ермолина (СПбГУ), доцент А.А. Карцхия (Губкинский университет), М. Попович (РУДН)). Тематика выступлений включила комплексный спектр вопросов, касающихся устойчивого развития – от правовых и экологических до социально-экономических и технологических. Участники, являющиеся экспертами в области права, международной политики, экологии, образования и экономики, обсудили проблемы гендерного равенства, климатической устойчивости, управления водными ресурсами, роли технологий и цифровизации. Особое внимание было акцентировано на реализации ЦУР в условиях международных кризисов и миграционных процессов. Также были затронуты этические и правовые проблемы, такие как регулирование суррогатного материнства, защита культурных особенностей и развитие ESG-стандартов. В круглом столе приняли участие в онлайн формате ученые из Индии.

- Среди обсуждаемых вопросов на круглом столе **«Право международных организаций»** (модераторы: доцент А.Е. Кутейников (СПбГУ), доцент

И.Н. Тимофеев (РСМП)) особо следует отметить следующие: каково место международных организаций в новом мировом порядке, какие правовые механизмы необходимы для эффективного функционирования международных организаций; какие проблемы возникают при реализации стандартов международных организаций, а также как международные организации влияют на прогрессивное развитие международного права? Ряд докладов были посвящены деятельности ООН, ИКАО, ЮНЕСКО, ВТО, ШОС, а также таким интеграционным объединениям, как БРИКС и ЕАЭС. Выступление аспиранта Саратовской государственной юридической академии Д.А. Савушкина на тему «Влияние региональных международных организаций на формирование региональных международных обычаев» по итогам было отмечено премией Ольги Зайцевой за вклад молодого ученого в изучение международных организаций.

- **Круглый стол, посвященный вопросам международной защиты прав человека** (модераторы: *доцент Е.С. Алисиевич (Президентская академия)* и *А.А. Белосова (РУДН)*) собрал наибольшее количество участников. Среди актуальных вопросов, поднятых выступающими, стоит отметить особенности механизмов защиты прав человека в области труда, права юридических лиц и их ответственности за нарушение прав человека, роль ООН в области поощрения и защиты прав человека, этические аспекты редактирования генома человека и его регулирования в международном праве, развитие систем защиты прав человека, сформированных и функционирующих на региональном уровне, право народов на развитие, защита социально-экономических и экологических прав, проблемы реализации прав человека в условиях вооруженных конфликтов и др.

- **«Актуальные вопросы международного гуманитарного и уголовного права»** (модераторы: *профессор Р.В. Нигматуллин (УУГУТ)*, *доцент Е.В. Мартыненко (РУДН)*, *доцент Ю.В. Пузырева (МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя)*). На круглом столе были рассмотрены такие темы, как правовое регулирование киберопераций, защита персонала гуманитарных организаций, проблемы универсальной юрисдикции и ответственности за преступления против человечности, регулирование деятельности частных военных компаний и борьба с терроризмом. В дискуссии были затронуты аспекты, связанные с деятельностью Международного уголовного суда и Международного Комитета Красного Креста.

- **Круглый стол «75 лет учреждения УВКБ ООН (1950) и 35 лет Конвенции ООН о защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990): успехи и перспективы»** (модераторы: *В.В. Масловский (Представительство УВКБ ООН в Российской Федерации)*, *доцент Е.В. Киселева (РУДН)*) традиционно собрал экспертов и всех заинтересованных в тематике международно-правового регулирования миграции и смежных аспектов. В повестке этого года были гендерные аспекты торговли людьми, применения новых технологий в поддержке мигрантов, вопросы административного принуждения, интеграции мигрантов и взаимодействия УВКБ ООН с местными властями. Также обсуждались проблемы реализации прав мигрантов на национальном уровне и в условиях климатических изменений.

- **«Современные проблемы правового регулирования международных экономических отношений: глобальный, региональный и национальный уровни»** (модераторы: *И.А. Шулятьев (ИЗиСП)*, *Н.Ф. Кислицына (РосНОУ)*, *А.А. Дементьев (РУДН)*). В рамках круглого стола были подняты вопросы, которые

касались не только сложившейся на международной арене ситуации с односторонними неправомерными действиями государств, но также фундаментальные основы функционирования международного экономического правопорядка. Отдельно стоит отметить разгоревшуюся дискуссию по вопросу правосубъектности физических и юридических лиц, особенно в контексте региональных интеграционных объединений. Был предложен новый термин «локальной правосубъектности» физических лиц внутри интеграционных объединений. Как напомнил А.А. Дементьев: «профессор И.П. Блищенко в своих трудах отражал идею о закреплении субъектов первого и второго порядка». Также на круглом столе были рассмотрены международно-правовые аспекты расширения полномочий ЕАЭС и установления уникального статуса интеграционных объединений по сравнению с международными межправительственными организациями, проблемы цифрового неравенства, применения решений международных судебных органов и защиты прав национальных меньшинств в современных международных обстоятельствах. В дискуссии было отмечено 60-летие со дня принятия Вашингтонской конвенции о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами (1965 г.), учредившей Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС).

• Практика проведения круглых столов на английском языке стала для Блищенковских чтений традиционной, что позволяет привлечь к дискуссии большее количество ведущих экспертов и специалистов в той или иной отрасли международного права. Именно поэтому круглый стол «**Климат и международное право**» (модераторы: доцент А.М. Солнцев (РУДН), профессор Д.С. Боклан (ВШЭ), доцент М.А. Лихачев (УрГЮУ)) состоялся на английском языке. Ключевым докладчиком круглого стола выступил директор Научно-исследовательского института экологического права, декан юридического факультета Уханьского университета, профессор права Цинь Тяньбао (Китай) с темой «Синергия между международным климатическим правом и международным правом в области биоразнообразия». Также на круглом столе были рассмотрены аспекты реализации климатической повестки на международном уровне, особое внимание было уделено анализу решений международных судебных и квазисудебных органов по климатическим делам. В контексте работы круглого стола следует отметить такие значимые для 2025 г. события, как: Международный год сохранения ледников¹, десятилетие действий по криосферным наукам (2025–2034)² и десятилетие ООН по борьбе с песчаными и пыльными бурями (2025–2034)³.

• Работа круглого стола, посвященная вопросам **международного морского права** (модераторы: профессор Д.К. Бекяшев (МГИМО) и доцент С.М. Копылов (РУДН)) проходила в атмосфере конструктивного профессионального взаимодействия, объединившего представителей академического сообщества, практикующих специалистов и молодых исследователей. В ходе заседания были представлены доклады, посвященные, в частности: правовому осмыслению 60-летия Конвенции по облегчению международного морского судоходства; международно-правовым аспектам деятельности региональных рыболовных организаций; внедрению ESG-принципов в морскую отрасль; современным вызовам международного морского права, включая проблемы устойчивого судоходства, делимитации морских

¹ Прим.: на основании Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 2022 года 77/158.

² Прим.: на основании Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 13 августа 2024 года №78/321

³ Прим.: на основании Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 10 августа 2024 года №78/31.

пространств, обеспечения безопасности и защиты морской окружающей среды; юридическим аспектам использования автономных судов, прокладывания подводных трубопроводов и кабелей; регулированию морского судоходства в условиях действия односторонних ограничительных мер и новых форм международных рисков; международно-правовым механизмам охраны морского биоразнообразия и вопросам ядерной энергетики в морском пространстве. Работа секции подтвердила необходимость дальнейшего научного осмысления процессов, происходящих в международной морской сфере, и подчеркнула важность развития международно-правового сотрудничества в целях обеспечения устойчивого и безопасного использования Мирового океана.

- Проблематика международного космического права будет рассматриваться в РУДН 22 ноября 2025 г. на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием по космическому праву «Жуковские космические чтения».

Отдельного внимания заслуживает активное участие студентов и аспирантов российских и зарубежных вузов в Конгрессе. Доклады молодых участников отличались высоким уровнем теоретической проработки и актуальностью затронутых тем. По итогам проведения круглых столов были определены **26 победителей за лучший доклад**⁴, из которых 16 студентов и 10 аспирантов, из следующих вузов: Академия труда и социальных отношений, Всероссийская академия внешней торговли при Минэкономразвития России, Дипломатическая академия МИД России, МГИМО МИД России, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, НИУ «Высшая школа экономики», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, РУДН им. Патриса Лумумбы, Санкт-Петербургский государственный университет, Саратовская государственная юридическая академия.

Всего в Конгрессе приняли очное участие **359 человек**, представляющие 28 государств: Абхазию, Афганистан, Белоруссию, Боснию и Герцеговину, Бразилию, Вьетнам, Гану, Индию, Индонезию, Иран, Италию, Йемен, Казахстан, Китай, Колумбию, Кыргызстан, Нигерию, Перу, Россию, Сербию, Сирию, Таджикистан, Танзанию, Туркменистан, Узбекистан, Францию, Эфиопию, Южно-Африканскую Республику. С докладами выступили 287 человек. Среди участников Конгресса присутствовало 106 остепененных, из которых 43 с ученым званием доцента/профессора.

Соорганизаторами и партнерами Конгресса в 2025 г. выступили МГИМО МИД России, Дипломатическая академия МИД России, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Казанский федеральный (Приволжский) университет, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Уфимский университет науки и технологий, кафедра международного права Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, кафедра международного и интеграционного права юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Академия государственного управления при президенте Республики

⁴ Прим.: Памятные сувениры за лучшие доклады были предоставлены партнером Конгресса – Управлением верховного комиссара ООН по делам беженцев в Российской Федерации.

Таджикистан, Российская ассоциация содействия ООН, Информационный центр ООН в Москве, Российская Ассоциация международного права, а также Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев в Российской Федерации, Российский общественный институт избирательного права (РОИИП) и инициатива «ООН-80. Строим наше будущее вместе». Официальный ежегодный спонсор Конгресса – Вода Vorgol.

Следующий Международный конгресс «Блищенковские чтения» состоится в апреле 2026 г.

Сведения об авторах:

Абашидзе Аслан Хусейнович – заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права, директор, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID: 0000-0003-0012-8795, SPIN-код: 8944-1427
e-mail: abashidze-akh@rudn.ru

Черных Ирина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
ORCID: 0000-0002-5369-1736, SPIN-код: 2381-0326
e-mail: chernykh-ia@rudn.ru

About the authors:

Aslan Kh. Abashidze – Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Professor, Doctor of Legal Sciences, Director, Head of the Department of International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0012-8795, SPIN-code: 8944-1427
e-mail: abashidze-akh@rudn.ru

Irina A. Chernykh – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of International Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-5369-1736, SPIN-код: 2381-0326
e-mail: chernykh-ia@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-805-811>

EDN: BDZSFP

Информационная статья / Information Article

Право на пути к устойчивому развитию: обзор Международной научной конференции студентов и молодых ученых, 19 апреля 2025 г.

В.С. Никитина^{id}, В.З. Мгеладзе✉

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

✉ mgeladze_vz@pfur.ru

Аннотация. 19 апреля 2025 г. прошла ежегодная Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Право на пути к устойчивому развитию», которая посвящена исследованию роли права в обеспечении устойчивого развития. Конференция проводится юридическим институтом РУДН совместно с Сочинским институтом (филиалом). В рамках конференции была реализована масштабная научная программа, включающая проведение пленарного заседания, работы на секциях. Участники смогли обсудить основные проблемы, затрудняющие реализацию устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, сравнительное правоведение, медицинское право, фейк-новости, кибермошенничество, зеленая политика, цифровая эпоха

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2025 г.

Для цитирования:

Никитина В.С., Мгеладзе В.З. Право на пути к устойчивому развитию: обзор Международной научной конференции студентов и молодых ученых, 19 апреля 2025 г. // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 3. С. 805–811. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-805-811>

© Никитина В.С., Мгеладзе В.З., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The right to Sustainable development: Review for the International Scientific Conference of Students and Young Scientists, April 19, 2025

Valentina S. Nikitina^{ID}, Valeriia Z. Mgeladze✉

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ mgeladze_vz@pfur.ru

Abstract. On April 19th, 2025, the annual international scientific conference for students and young scholars on the theme of “Law and Sustainable Development” was held. Organized by the Law Institute of the Peoples’ Friendship University of Russia in collaboration with its Sochi branch, the event aimed to explore the significance of legal frameworks in promoting sustainable growth and development. The conference featured a comprehensive scientific program, including a plenary session and multi workshops. The participants had the opportunity to discuss the key obstacles hindering the achievement of sustainable development goals.

Key words: sustainable development, comparative law, medical law, fake news, cyberbullying, green politics, digital age

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Received: 23th May 2025

Accepted: 15th July 2025

For citation:

Nikitina, V.S., Mgeladze, V.Z. (2025) The right to Sustainable development: Review of the International Scientific Conference for Students and Young Scientists, April 19, 2025. *RUDN Journal of Law*. 29 (3), 805–811. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-805-811>

19 апреля 2025 г. состоялась Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Право на пути к устойчивому развитию», ежегодно организуемая на базе РУДН совместно с Сочинским институтом (филиалом) РУДН. Данная конференция зарекомендовала себя как авторитетная научная площадка, целью которой является развитие научного потенциала у молодого поколения, вовлеченного в исследование правовых механизмов устойчивого развития и обмена знаниями в научном сообществе. В современном мире Цели устойчивого развития (далее – ЦУР) являются одним из ключевых ориентиров для деятельности государств, поскольку данные цели охватывают наиболее важные сферы общественной жизнедеятельности современного общества¹. Мировоззренческое направление конференции основывается на ключевой идее: «ЦУР – это задачи не только для государств, но и вектор для переосмысления права и его трансформации в условиях современных глобальных вызовов». В этом контексте участие студентов и молодых ученых в обсуждении актуальных правовых механизмов реализации ЦУР является ключевым фактором формирования правовой культуры и устойчивого развития на глобальном и национальном уровнях.

¹ Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция A/RES/70/1 от 25 сентября 2015 года // Официальные документы ООН. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 07.05.2025).

Работа конференции началась с пленарного заседания, которое является концептуальной основой для последующих обсуждений в секциях. С приветственным словом на открытии выступил директор юридического института и заведующий кафедрой международного права РУДН, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор *А.Х. Абашидзе*. В своем выступлении он отметил актуальность конференции, поскольку в настоящее время ЦУР – это не просто декларативный документ, а универсальная международная площадка для развития новых актуальных правовых стратегий. *А.Х. Абашидзе* подчеркнул, что в современных условиях юридическая наука и практика должны внедрять новые механизмы, направленные на гармонизацию внутреннего законодательства государств с учетом выработанных международных стандартов ЦУР. Главное преимущество и уникальность конференции – вовлечение студентов и молодых ученых в научное сообщество и создание среды для научной коммуникации между поколениями. И.о. декана юридического факультета Сочинского института (филиала) РУДН *Е.В. Легостаева*, и профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) РУДН, доктор юридических наук, профессор, автор Telegram-канала «Pro.nauku» *Н.В. Павличенко* также выступили с приветственным словом с помощью сервиса для видеоконференций «Яндекс Телемост». В своей речи они отметили особую роль конференции в адаптации студентов в научную среду, что является важным элементом в образовательном процессе.

В качестве докладчиков на пленарном заседании были представлены следующие спикеры: *В.Ю. Панченко* – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, адвокат; *Е.В. Семибратов* – заместитель директора Института стратегических исследований и прогнозов РУДН, кандидат исторических наук, амбассадор Российского общества «Знание», участник федеральных экспертных площадок; *И.Ю. Гриценко* – адвокат коллегии адвокатов «Правовая политика», эксперт в области медицинского права, автор Telegram-канала «Правовая медицина», спикер профильных конференций; *Н.А. Власенко* – профессор кафедры теории права и государства юридического института РУДН, доктор юридических наук, заместитель главного редактора научного журнала «Вестник РУДН. Серия: Юридические науки».

В.Ю. Панченко выступил с докладом на тему «Правовое регулирование и здравый смысл», в котором обосновал необходимость возвращения к понятию «здравый смысл» как к категории, лежащей в основе эффективного правового регулирования. *Е.В. Семибратов* выступил с одной из актуальных тем в рамках современной информационной среды. В своем докладе «Мотивы регулирования информационной среды. Противодействие фейкам» он охарактеризовал цифровое пространство и выделить риски, связанные с его использованием. В докладе *И.Ю. Гриценко* на тему «Современные тенденции привлечения клиник к ответственности» были представлены практические кейсы, которые продемонстрировали необходимость защиты медицинских сотрудников, врачей от необоснованных претензий. Особое внимание участников привлекло выступление профессора кафедры теории права и государства юридического института РУДН, доктора юридических наук *Н.А. Власенко*.

Выступив со своим докладом «Учение Аристотеля об отклоняющемся государстве и современность», он погрузил участников в философское мировоззрение Древней Греции и продемонстрировал античную теорию через призму современного общества. Кроме того, *Н.А. Власенко* презентовал научный журнал «Вестник РУДН. Серия: Юридические науки», который является важным академическим ресурсом, предоставляющим возможность молодым ученым опубликовывать результаты их научной деятельности.

После завершения пленарного заседания и кофе-брейка участники конференции продолжили свою работу по секциям. В этом году у участников была возможность выбрать интересующее их направление из 9 секций (работа секции 9 осуществлялась в Сочинском институте (филиале)).

Секция 1 «Сравнительное правоведение и ЦУР: от теории к практике» стала значимой площадкой для обсуждения ключевых вопросов правовой теории, были рассмотрены темы, значимые как для национальной, так и международной повестки. В частности, были рассмотрены вопросы: концепции государства как нейтральной силы, сравнение мусульманского и светского правосознания, существование правового нигилизма в условиях современного общества. Экспертами секции выступили *В.Ю. Панченко*, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права юридического института РУДН, кандидат юридических наук *Е.Н. Трикоз* и заместитель директора юридического института РУДН по научной работе, доцент кафедры теории права и государства юридического института РУДН, кандидат юридических наук *Р.М. Аллалыев*.

В секции 2 «Здоровье для всех: правовые подходы к достижению глобальных целей в области здравоохранения к 2030 году» были представлены доклады, затрагивающие актуальные вопросы в области медицинского права, начиная от трансформации деятельности международных организаций в сфере здравоохранения и заканчивая вопросами биоэтики. Участникам удалось представить результаты своих исследований и обсудить возможность внедрения новых механизмов на практике. В анализе применимости новых механизмов на практике помогла разобраться эксперт адвокат коллегии адвокатов «Правовая политика», эксперт в области медицинского права, автор Telegram-канала «Правовая медицина», спикер профильных конференций *И.Ю. Гриценко*, которая ежедневно участвует в решении кейсов. Здоровье нации является одним из ключевых показателей для устойчивого инновационного развития государства и общественной ценностью, одной из основ национальной безопасности. В рамках секции, участникам удалось выявить, что в России активно предпринимаются различные меры, направленные на охрану и защиту здоровья граждан, в том числе наблюдаются изменения в законодательстве, связанные с защитой прав медицинских сотрудников.

«Медиа и право: исследование новых горизонтов свободы слова и ответственности» так была обозначена секция 3. Экспертами выступили: *О.Ю. Ганина* доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы имени *Ю.М. Лужкова*, доцент кафедры муниципального права юридического института РУДН, кандидат исторических наук, доцент и *А.А. Кулагина* генеральный директор юридической фирмы «Clarity Consulting», юрист в сфере инфобизнеса, автор Telegram-канала «AKULA.YIRIST». В процессе обсуждения

участникам удалось соотнести свободу выражения мнения и задачей по противодействию дезинформации в условиях цифровизации общества. Участники отметили, что поиск баланса между этим ценностями остается важной задачей как на национальном уровне, так и в рамках международного сообщества.

Секция 4 «Искусственный интеллект в содействии достижению ЦУР». В этой секции было поднято много актуальных вопросов, поскольку искусственный интеллект (далее – ИИ) все также остается обсуждаемой темой. Участникам удалось сравнить использование ИИ в судебном процессе в России и Китае, выявить преимущества и недостатки рассмотренных систем. Например, особенное внимание привлекла «Система 206», которая внедрена в судебный процесс Китая для упрощения ведения документооборота судебных дел. «Система 206» на основе доступа к базе данных собирает абсолютно все документы по конкретному случаю в единую папку, тем самым упрощая процесс изучения материалов дела. В качестве экспертов были приглашены заместитель директора по научной работе Института государства и права Тюменского государственного университета, зав. Кафедрой уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент *Л.В. Иванова*, эксперт патентной практики по национальным фазам РФ ЦИС «Сколково», ассистент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института РУДН *А.В. Покровская* и заместитель генерального директора ООО «Автономика», эксперт в области производства роботов *А.Ю. Синякина*.

Одна из самых крупных секций была секция 5 «Уголовно-правовые инструменты обеспечения устойчивого развития: глобальные вызовы и национальные решения». Экспертами секции были: профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, юридических наук, доцент *Е.С. Стешич*, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института РУДН доктор юридических наук, профессор *Л.Р. Клебанов*, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института РУДН доктор юридических наук, профессор *А.А. Чистяков*, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института РУДН, доктор юридических наук, доцент *О.А. Кузнецова*, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института РУДН, кандидат юридических наук, доцент *А.С. Холоимова* и заместитель директора Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), кандидат юридических наук *Г.С. Девяткин*. В этой секции особенное внимание было уделено цифровой преступности, представляющей серьезную угрозу для граждан, бизнеса, государств и международного сообщества в целом. Обсуждение велось в рамках национального законодательства государств, так и в рамках международного права. Участниками было выявлено, что кибермошенничество по-прежнему остается одной из наиболее быстрорастущих форм преступности, и на данный момент в России актуальной проблемой является неопределенность правовой квалификации таких действий.

Секция 6 «Публичное экономическое право для экономики устойчивого развития» была объединена с секцией 8 «Финансовая безопасность в рамках устойчивого развития» для наиболее плодотворного рассмотрения исследований. В этой секции участникам удалось рассмотреть угрозы для экономико-финансовой стабильности в

условиях киберрисков, санкционного давления и нестабильности на международных рынках. Экспертами выступили: советник при ректорате, директор Центра устойчивого развития РУДН, старший преподаватель кафедры административного и финансового права юридического института РУДН *М.Е. Жукова*, ведущий консультант Департамента кадровой политики Минобрнауки России, аспирант кафедры административного и финансового права юридического института РУДН *О.А. Люкина* и доцент кафедры административного и финансового права РУДН, кандидат юридических наук *З.В. Макаrchук*.

Секция 7 «Цели устойчивого развития (ЦУР) и международное право», которая полностью прошла на английском языке. Эта секция рассмотрела «зеленую политику» в различных ее аспектах. Было выявлено, что зеленая политика представляет важный вектор для развития современного общества, формирующий основы для защиты окружающей среды. В качестве экспертов были: заместитель зав. кафедрой международного права РУДН, член Европейского форума экологического права, член Всемирной комиссии по экологическому праву Международного Союза охраны природы, член тематической рабочей группы № 13 «Борьба с изменением климата» по подготовке добровольного национального отчета (ДНО) по Целям устойчивого развития (ЦУР) 2019, кандидат юридических наук, доцент, автор Telegram-канала «Green Sun» *А.М. Солнцев*, ассистент кафедры международного права юридического института РУДН *П.Е. Барышков* и ассистент кафедры международного права юридического института РУДН *Д.С. Сергеева*.

Секция 9 «Эволюция юридической науки в XXI веке». Экспертами были: заведующий кафедрой уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) РУДН, кандидат юридических наук *Е.Г. Арефинкина*, доцент кафедры теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) РУДН, кандидат юридических наук *А.К. Оганесян*, доцент кафедры гражданского права и процесса Сочинского института (филиала) РУДН, кандидат юридических наук *Р.А. Гурский*, профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) РУДН, доктор профессор, юридических автор наук, Telegram-канала «Pro.nauku» *Н.В. Павличенко*, и.о. декана юридического факультета Сочинского института (филиала) РУДН *Е.В. Легостаева* и доцент кафедры теории и истории государства и права Сочинского института (филиала) РУДН, кандидат исторических наук, доцент *В.В. Соловьева*. Участникам удалось рассмотреть трансформацию научного знания о праве, как с точки зрения теоретического аспекта, так и с практического подхода.

По итогам проведения секций были определены победители за лучший доклад в рамках каждой секции. Следует сказать, что по итогам конференции планируется опубликование сборника материалов с индексированием в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Право на пути к устойчивому развитию» – это ежегодное мероприятие, которое постепенно становится традицией, где студенты и молодые ученые могут презентовать свои результаты исследований, предложить свои идеи и обменяться опытом с ведущими экспертами. Это универсальная площадка для коммуникации и сплочения молодежи в единое научное сообщество, объединяющая в себе ежегодно более 200 участников из России и зарубежных государств.

Сведения об авторах:

Никитина Валентина Сергеевна – ассистент кафедры теории права и государства, младший научный сотрудник, юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-1782-2305, SPIN-код: 9277-8441

e-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Мгеладзе Валерия Зазовна – магистрант кафедры теории права и государства, лаборант-исследователь, юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

e-mail: mgeladze_vz@pfur.ru

About the authors:

Valentina S. Nikitina – Assistant, Department of Theory of Law and State, Junior Researcher, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1782-2305, SPIN-code: 9277-8441

e-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Valeriia Z. Mgeladze – Master's student, Department of Theory of Law and State, Research Assistant, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

e-mail: mgeladze_vz@pfur.ru